

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XV

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ЭТНИЧЕСКИЕ
ТЕРРИТОРИИ
И
ЭТНИЧЕСКИЕ
ГРАНИЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1951

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

С. А. ТОКАРЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа эта посвящена проблеме этнических территорий и этнических границ. Казалось бы совершенно очевидным, что для изучения любого народа, племени, этнической группы необходимо прежде всего установить, на какой территории они живут, и определить точные границы их обитания.

Однако такое «совершенно очевидное» положение наталкивается на значительные трудности при практическом разрешении: дело в том, что методология этногеографических исследований пока еще мало разработана; определение национального состава населения производится несколькими значительно отличающимися один от другого способами; самое понятие «этническая граница» представляет собою настолько условную линию, что нанести ее на карту в районах со смешанным национальным составом бывает даже невозможно. Все эти затруднения, коренящиеся в несовершенстве самих методов, сказываются на картосоставительской работе отрицательным образом, ибо при нанесении на этнографические карты границ расселения народов (или мелких этнических групп) допускается некоторый «субъективизм».

Отсутствие общепризнанных методов определения этнических территорий и «субъективизм» при нанесении на карты этнических границ создали такое положение, при котором только в редких случаях этнографическая карта признается документом, имеющим убедительную силу при спорах по этнотерриториальным вопросам. Между тем имеется возможность коренным образом изменить дело и добиться того, чтобы этнографическая карта отражала действительно существующую картину расселения народов. Для этого нужно заняться разработкой научной методологии определения национального состава и создать отвечающие основам этой методологии способы этнического картографирования. Настоящая работа является одним из начальных звеньев такого методологического исследования.

Моя работа распадается на две части: в первой части исследуются общие методы определения национального состава и раскрываются такие понятия, как «этническая территория» и «этническая граница»; в этой же части работы приводятся данные о методах этнического картографирования; во второй части делается попытка применить общие методы этногеографического исследования к этнической истории народов, населявших в течение многих веков определенную территорию, и показать, в результате каких именно исторических процессов создались те или иные этнические территории, образовались постепенно изменявшиеся этнические рубежи.

Объектом такого этноисторического исследования взята территория юго-восточной Прибалтики, последовательное изменение этнического состава населения которой прослеживается мною с древнейших времен вплоть до наших дней.

Большую помощь в моей работе над второй частью исследования оказали мне вице-президент Академии Наук Литовской ССР Ю. П. Жюгда и профессор П. И. Пакарклис своими консультациями по проблемам литуанистики, а профессор Х. А. Моора — по археологии Прибалтики. Приношу им глубокую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Народы, населяющие земной шар, живут в громадном своем большинстве компактными группами, занимающими в течение длительного времени те или другие территории. На этих территориях сменяют друг друга поколения, связанные нитями исторической преемственности, т. е. передающие от поколения к поколению хозяйственный опыт, обычаи, верования, все то, что создает так называемую этническую специфику отдельных человеческих групп.

Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается, конечно, на его экономике, обычаях, психическом складе, сказывается на материальной и духовной культуре. Антропогеографы придавали, как известно, этому влиянию исключительное значение, считали его основной и единственной причиной создания тех или иных общественных форм — и в этом была их ошибка, ибо они игнорировали социальные факторы. А между тем эти факторы настолько велики, что не только определяют формы человеческого общества, но и оказывают влияние на окружающий человека ландшафт. Территория, занятая людьми, меняет свой внешний вид, подвергаясь культурному воздействию населения. Леса вырубаются, болота осушаются, через непроходимые места прокладываются дороги, возводятся дамбы, гати, создаются искусственные броды, наводятся мосты. Возводимые людьми жилые постройки, промышленные и дорожные сооружения, культурные насаждения, проводимая ими оросительная сеть, применяемые способы обработки земли и прочее меняют внешний облик местности, причем весьма часто эти созданные человеком новые отличительные признаки становятся более заметными, чем прежние естественные.

В новом облике окультуренных человеком территорий в значительной степени отражаются этнические особенности человеческих групп — можно сказать, что территориям придается этнический колорит¹.

¹ Среди советских географов в последнее время наметилось течение, согласно которому взгляд на территорию как объект деятельности человека может оказать большое влияние на дальнейшее развитие учения об этнических территориях. Мы имеем в виду статью Ю. Г. Саушкина «Культурный ландшафт» (1946).

Автор называет культурным ландшафтом «всякий природный ландшафт, в котором взаимные связи элементов природной среды изменены человеческой деятельностью». Окружающий человека ландшафт всегда в той или иной мере носит следы его деятельности. «Разумеется, — пишет Ю. Саушкин, — каждый из исторически возникших культурных ландшафтов не является человеческим произведением, независимым от характера естественной природной среды. В каждом из естественных природных ландшафтов люди выбирают для хозяйственного использования и изменяют те элементы природы и те связи между ними, которые имеются в этих ландшафтах. Но

Этнические территории складываются веками, и за это время население настолько свыкается с занимаемой им территорией, что начинает считать ее «родной». Отсюда, из передающейся от поколения к поколению памяти о том, что «родная земля» истари связана с судьбами данного народа, возникает убеждение об *исторических правах*. Обычно об этих правах люди вспоминают тогда, когда возникает территориальный спор.

Как же определить, какие народы живут или жили раньше на этой территории и где проходят их этнические границы? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно предварительно договориться о том, какое понятие вкладывается в слова «этнический», «этнос».

Этническими называют множество явлений, которые в основном сводятся к специфике, отличающей быт одного народа от быта другого. В группу таких специфических признаков входят отличия в языке, материальной культуре, обычаях, верованиях и пр. Совокупность таких специфических отличий в быту народов, отличий, обусловленных предшествующей исторической жизнью этих народов и воздействием на них географической среды, называется «этнотом».

Культурное развитие каждого народа в определенный исторический период зависит от тех производительных сил и производственных отношений (т. е. способа производства в целом), которые составляют существо той или иной общественно-экономической формации. В связи с этим можно говорить о культуре первобытной, рабовладельческой («восточной» и античной), феодальной, буржуазной (капиталистической), социалистической. Определение это во всех указанных случаях будет касаться содержания культуры.

Форма культуры зависит от исторического пути отдельных народов — от собственного их внутреннего социального развития, от внешних влияний и воздействий, которым они подвергаются со стороны окружающей природы и соседних человеческих обществ, словом, от всего того, что создает специфику, отличающую один народ от другого. «Советские люди, — говорил И. В. Сталин на приеме финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 г., — считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹. Такая специфика

характер изменения человеком отдельных его элементов, данных природой (рельефа, климата, растительности, почв и т. д.), и связей между ними зависит от уровня развития производительных сил общества, а также от общественных отношений между людьми в процессе производства» (стр. 100). «Таким образом, — продолжает он, — современный нам культурный ландшафт является сложным историческим образованием, в котором при внимательном изучении можно различить следы прошлых эпох» (стр. 101). Эти следы проявляются в изменении растительности, химического состава верхних слоев почвы, влажности ее, водного режима рек и пр. Влияние человеческой деятельности на окружающую природу мало изучено, и Ю. Саушкин поэтому ставит перед исследователями ряд вопросов, которые нуждаются в изучении и разработке. Вопросы эти следующие: «1. Какова деятельность людей, изменяющая естественный — природный — ландшафт и превращающая его в культурный ландшафт? 2. Только ли изменяют люди доисторический природный ландшафт, нарушая его взаимосвязи, или создают новые ландшафты? 3. Обратим ли культурный ландшафт, и может ли он, при условии прекращения человеческой деятельности, вернуться к своему прежнему — доисторическому — состоянию» (стр. 97).

Постановка географом таких вопросов показывает, насколько назрело комплексное изучение заселенных человеком территорий, на которых этнограф исследует жизнь и быт определенного народа или этнической группы, а географ выясняет влияние природы на деятельность людей и влияние деятельности человека на природу, на изменение географической среды.

¹ «Правда», от 13 апреля 1948 г.

свойственна всем нациям, народностям и более ранним этническим общностям. Эта специфика отражается на форме культуры.

Подлинным творцом культуры, носителем культурных традиций (понимая культуру в широком смысле слова) во все периоды истории выступают народные массы. Они являются создателями материальной культуры, социального строя и духовной культуры. Каждому явлению культуры и каждой вещи народные массы придают такие формы, которые отражают народное понимание целесообразности и красоты. В этих формах проявляются этнические традиции, складывающиеся веками. И это одинаково касается как орудий труда и предметов обихода, так и произведений искусства. Язык, обычаи, верования, создаваемые народными массами, также несут на себе печать «этноса» — народности, национальности. Это явление давно уже обратило на себя внимание этнографов, но они не всегда правильно его объясняли, пытаясь национальными отличиями объяснить не только форму, но и содержание культуры. Таким образом, форма культуры хранит этнические, народные, национальные черты.

Все формы культуры динамичны, и им присуще развитие (или упадок). Поэтому и «этнос» нельзя понимать как нечто окончательно сложившееся: многие явления, бывшие специфическими для одного народа в определенную эпоху и потому этнически связанные с ним, могут или совершенно исчезнуть, или потерять свой этнический характер, сделаться интернациональными. В виде примера можно указать на употребление табака, чая, кофе, пива, применение различных приспособлений для принятия пищи (ложек, вилок и пр.) и т. д., которые получили распространение почти во всем мире. И, наоборот, некоторые явления, имеющие широкое распространение среди многих народов, настолько входят в быт какого-либо одного народа и начинают занимать в нем такое большое место, что делаются его этническими особенностями. Из этого можно сделать вывод, что потеря какой-либо человеческой группой тех или других особенностей вовсе не указывает еще на денационализацию или ассимиляцию этой группы, поскольку у нее сохраняются другие этнические различия.

Этнографическая изученность большинства народов в настоящее время позволяет по отдельным этническим особенностям установить, к какой группе, к какому народу принадлежит тот или другой человеческий коллектив. Но так как народы живут не изолированно, а в теснейшем соседстве, оказывая в большей или меньшей степени воздействие друг на друга, то они заимствуют чужие обычаи, частично воспринимают чужую культуру, а иногда полностью подпадают под чуждое влияние, ассимилируются.

В настоящее время редко можно найти чистые в этническом отношении формы — большей частью во всех этих формах есть какая-то доля внешних влияний и заимствований. Однако в этом постепенном перемешивании этнических особенностей и даже в процессе ассимиляции существует определенная градация, за пределами которой одна национальность уже переходит в другую. Большое количество переходных форм заполняет пограничные районы этнических территорий. Смешанные этнические признаки бывает иногда настолько велика, что становится трудно определить, к какому из пограничных народов ближе стоит определенная группа. В таком положении, например, находятся в настоящее время некоторые группы населения в Восточной Словакии, которые одними учеными относятся к словакам, а другими — к украинцам; отдельные группы «ляхов» и «гуралов» в пограничных польско-чехословацких районах и т. д.

Было бы, конечно, идеальным, если бы можно было дать какой-то твердый список этнических признаков, что-то вроде этнического рецепта, по которому можно установить, куда отнести любую смешанную группу. К сожалению, такого рецепта дать нельзя, потому что одни и те же

признаки могут иметь различное значение и оказывать различное влияние у разных народов, в зависимости от исторической обстановки. Казалось бы, какое значение может иметь для определения этнической принадлежности психологический фактор, а между тем в некоторых случаях он имеет решающее значение, ибо лежит в основе так называемого *национального самосознания*. Можно указать на такой пример. Значительная часть цыган, живущих в Молдавии, полностью ассимилировалась, восприняв молдаванский язык и молдаванскую культуру. Ни по внешности, ни по образу жизни они в настоящее время не отличаются от окружающего молдавского населения, да и антропологически утратили свой цыганский облик вследствие перекрестных браков с молдаванами. Но эти люди признают себя цыганами. В таком же положении находятся потомки арабов в Средней Азии, этнически слившиеся с окружающим узбекским населением, но продолжающие считать себя арабами. Правда, наблюдается и другое положение с подобным «национальным самосознанием»: накануне второй мировой войны немало литовцев и поляков, живших в Германии, объявляли себя немцами, ибо в условиях нацистского режима это избавляло их от национальной дискриминации. Следует ли этнографу придавать особое значение такому «национальному самосознанию», которому противоречат чисто объективные данные? Думаю, что нет. Когда же национальное самосознание приводит на путь обособленности целые народы, казалось бы не имеющие для этого объективных причин, следует внимательнее приглядеться к жизни и быту этих народов.

Хорваты, отличающиеся от сербов религией, но имеющие один и тот же язык, считают себя самостоятельным, отличным от сербов народом. Возможно, что в какой-то степени современное хорватское национальное самосознание отражает довольно распространенное среди народа представление об «иллирийском» происхождении хорватов, что является результатом длительной националистической пропаганды буржуазных сепаратистов, находящих поддержку в клерикальных кругах, а может быть, и инспирируемых Ватиканом. Несомненно, однако, и то, что письменность на латинской основе (в то время как сербская письменность имеет основу, общую с русской) и католицизм, глубоко проникший в быт, создали такую обстановку, при которой религиозные отличия хорватов от сербов приобрели характер отличий этнических.

Если нельзя дать какого-либо рецепта для определения этнической принадлежности людей, то все же можно выделить более значительные, определяющие признаки и указать признаки второстепенные. Одним из главных признаков этнической принадлежности является *язык народа*.

«Язык,— говорит И. В. Сталин,— относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества»¹. Несмотря на изменение содержания культуры на различных этапах развития общества, «...язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»². В силу этих особенностей языка его наиболее часто выбирают в качестве определителя национальной принадлежности отдельных групп населения. Однако и этот определитель, несмотря на все свои положительные качества, не так точен, как это кажется с первого взгляда, ибо пользование в той или иной мере «чужим», т. е. не родным, языком — явление весьма частое на стыке двух этнических террито-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1951, стр. 22.

² Там же, стр. 21—22.

рий. Поэтому язык, в качестве этнического определителя, должен использоваться в связи с другими признаками, взятыми из области материальной культуры и быта.

Формы жилища, планировка жилых и подсобных помещений, внутреннее убранство домов, хозяйственная утварь, одежда, кулинария устойчиво сохраняют этнический колорит. Все это дает возможность, в случае необходимости, привлекать сведения об указанных сторонах материальной культуры в качестве дополнительных определителей этнической принадлежности и в спорных случаях использовать в виде своеобразной этнографической лакмусовой бумажки. Может случиться, что указанные стороны материальной культуры будут единственным надежным источником, могущим пролить свет на этническое происхождение и национальный состав населения целых районов.

Значительно труднее использовать для той же цели этнические отличия в области социального строя. Общественное развитие устраняет из этой области этнический колорит, превращая своеобразные формы брака, обозначения систем родства и т. п. в рудименты, годные лишь для выявления этнических процессов в прошлом, а не в настоящем.

Так же неустойчиво и потому малодоказательно для установления этнических различий большинство явлений духовной культуры. Обычаи, связанные с рождением и смертью, брачные обряды, характер празднеств, поверья, сказки, песни — все это довольно долго сохраняет этнические особенности народа, но, во-первых, наличие отдельных обычаев и поверий не может все-таки быть прямым доказательством того, что данный человеческий коллектив принадлежит к той или иной этнической группе, и, во-вторых, очень трудно определить границы распространения отдельных обычаев, поверий и песен, не проводя специальных обследований и исследований в этом направлении, так как этнографы накопили большой описательный и аналитический материал о самих этих явлениях, но не уделяли особого внимания выяснению точных границ распространения.

Следует указать также на еще один этнический определитель, использование которого имеет особенно большое значение в отношении тех народов, у которых сохранились родоплеменные отношения или их пережитки: этот определитель — этническое происхождение. Выяснение преданий о происхождении, родословных, сведений о генетической связи родов и о строении племен помогают этнографу разобраться в таких запутанных положениях, когда отдельные, происходящие от одного и того же народа группы населения говорят на разных языках или когда, несмотря на наличие одного общего языка, отдельные локальные группы народа имеют совершенно различные формы материальной культуры и различные обычаи.

В последующих главах этой работы (см. главы «Этнические определители в переписях населения стран зарубежной Европы» и «Этнические определители в переписях и массовых обследованиях населения СССР») к вопросу об этнических определителях еще придется вернуться и разобрать их более подробно.

Очень много для выявления этнического характера территории, т. е. этнического состава населения этой территории, дает *топонимика* района, изучение названий географических и населенных пунктов. Существуют капитальные работы по топонимике отдельных районов, основанные на изучении памятников письменности. Следует уделить особенное внимание такому богатейшему источнику, как современная крупномасштабная карта, на которой имеются названия всех населенных пунктов. Не менее ценным материалом для топонимических исследований, имеющих своей целью определение национального состава современного населения, являются списки населенных пунктов, прилагаемые к переписям (цензам).

В этих списках нередко помещаются названия не только официальные, но и те, которые сохраняются в быту и привычны для местного населения.

Не меньшее значение имеет использование археологических источников, комплексное же использование археологических данных с данными топонимики может дать исключительные результаты в отношении этногеографического освещения района.

Взятые в таком комплексе данные различных дисциплин (истории, археологии, этнографии, лингвистики) могут дополнить друг друга и создать целостную и объективную картину. Для полноты этнической характеристики исследуемого района эти источники дают иногда больше, чем сплошная перепись. При современном же состоянии официального этнического учета в большинстве стран мира далеко не всегда удастся опереться при определении этнической территории на данные статистики.

При выяснении этнического, т. е. народного, национального состава населения на определенной территории необходим специализированный подход в отношении населения сельского и населения городского. Объясняется это тем, что процесс формирования сельского и городского населения проходит по-разному, и в этнической характеристике территории город и деревня играют различную роль. При выяснении национального состава населения сельские местности должны учитываться отдельно от городских; это особенно важно в тех случаях, когда общая численность городского населения в районе или области превышает численность населения сельского. В таких случаях национальный состав городского населения определял бы этническую характеристику всего района, а это было бы неправильно. В сельских местностях и в мелких городках феодальных и капиталистических стран население, будучи связано с земельными участками, крайне неохотно меняет место жительства. Это объясняется тем, что оно старается всеми силами удержать за собой земельную собственность. Даже в тех случаях, когда район является центром постоянной эмиграции, земельные участки все же сравнительно редко переходят в руки пришлых людей, а остаются в собственности родственников прежних владельцев. Вследствие этого национальный состав населения сельских районов менее подвержен резким изменениям. Иное положение имеется в крупных промышленных центрах, в портах и административных центрах феодальных и капиталистических стран и их колоний. Значительная часть населения крупных городов непрерывно обновляется, вследствие чего меняется и их национальный состав. Кроме того, в административных центрах городского типа значительная часть населения состоит из чиновников и военных (вместе с семьями), а в областях, ставших объектом захвата и колонизации, среди городского населения всегда много пришлого колонизаторского, отличного по национальности от окружающего сельского населения, элемента. Устанавливая этнический характер той или другой территории, нельзя забывать о таких городах, которые в этническом отношении сплошь и рядом оказываются чужеродным телом в инациональной области.

Вопрос об этнических (или этнографических) территориях и исторических правах на них имеет очень большую давность; но после первой мировой войны он особенно обострился, когда малые европейские народы, входившие в состав крупнейших империалистических государств континента, стали настойчиво требовать права на самоопределение.

По окончании первой мировой войны перед державами-победительницами встал во всей остроте вопрос об установлении новых политических границ в Европе. Под давлением демократического общественного мнения

версальские политики обязались при установлении новых границ придерживаться принципов, которые обеспечили бы самоопределение народов. Это нашло свое выражение в обращении Вудро Вильсона от 11 февраля 1918 г. Пункт третий этого обращения гласил: «Каждое территориальное решение должно быть в интересах того населения, которого оно касается», а в пункте четвертом было указано, что «всем вполне определившимся национальным элементам должно быть предоставлено полное удовлетворение без внесения новых или сохранения старых элементов раздора и антагонизма» (Никольсон, 1946, стр. 51).

Малые европейские нации поняли эту декларацию как скорое и радикальное разрешение национальной проблемы и заготовили множество записок, меморандумов и карт с обоснованием своих претензий и пожеланий. В некоторых из указанных меморандумов и карт территориальные притязания доказывались ссылкой на исторические права; к этому виду относились польские претензии того времени. В других меморандумах основной аргументацией были ссылки на национальный состав современного населения; такими меморандумами являлись, например, сербский и, частично, литовский. Секретариат Лиги наций также заготовил свои проекты: известно, например, о ряде записок и изданной в Лозанне в 1918 г. под редакцией Габри (Gabrys, 1908) этнографической карте Европы необычно большого масштаба (1 : 500 000). Карта эта должна была суммировать статистические и этнографические данные о численности и расселении отдельных народов и этнографических групп на территории Европы и тем самым дать возможность руководящим политикам стран-победительниц учесть национальный момент при определении новых государственных границ. Материалы эти, как утверждает Г. Никольсон (1945, стр. 52—53), почти не были использованы. Тем не менее большая подготовительная работа национальных делегаций имела свой отклик и нашла отражение как в политической, так и в научной литературе, а частично может быть еще использована и теперь как материал при решении этнотерриториальных вопросов Европы после второй мировой войны. Версальские политики решали территориальные вопросы в зависимости от экономических, политических и стратегических интересов своей собственной страны¹, для широкой же публики давались мотивировки, в которых подчеркивались большей частью (как наиболее выигрышные) этнографические обоснования, как, например, в решении по Мемельскому вопросу². В результате такого непринципиального подхода к разрешению территориальных вопросов в составе Германии осталось много территорий, заселенных в основном не немецким населением, Италия наложила руку на ряд славянских земель, а Польша превратилась в государство, на большей части территории которого жило не польское, а украинское, белорусское и литовское население.

Парижская конференция 1919 г. не разрешила этнотерриториальной проблемы и не внесла никакой здоровой стабильности в национальные взаимоотношения европейских народов. Вся беспринципность версальских решений выявилась позже, когда, пользуясь неурегулированностью национальной проблемы, фашисты стали натравливать один народ на другой.

Как показывает версальский опыт международного установления новых государственных границ в Европе, руководящие политики стран Антанты склонны были принимать за этническую территорию того или другого

¹ См. воспоминания того же Г. Никольсона.

² По Версальскому мирному договору Мемельская область была признана литовской как населенная «литовцами по языку и происхождению» (см. постановление версальского Верховного совета от 16 июня 1919 г. — «Réponse des Puissances Alliées aux remarques de la délégation allemande sur les conditions de la paix», стр. 16. «Question de Memel. 2 vol. Documents diplomatiques». Kaunas, 1923).

народа то пространство, на котором этот народ составлял большинство населения (мажоритарный метод). В таком направлении были разработаны специальные этнографические карты, фигурировавшие в качестве «материалов» при решении территориальных вопросов. Правда, эти «материалы» оказались неиспользованными, но это не меняет методологической стороны вопроса. В основу карт были положены официальные статистические данные переписей народонаселения и, как корректив в особых случаях, лингвистические данные. Между тем этническая статистика была неполноценна, тенденциозна, преуменьшала, как правило, численность населения тех этнических групп, которые не принадлежали к господствующей или командующей национальности. Кроме того, эта статистика заключала в себе и еще одно порочное в условиях международной и внутренней политики многих стран начало: переписи учитывали только наличное население. Они не могли поэтому дать ответ на вопросы: не существовало ли в годы, предшествующие переписи, массовой эмиграции национальных меньшинств под давлением экономических мероприятий государства или вследствие национальных преследований; не было ли в данной области особых мероприятий по принудительной денационализации населения? Пренебрежение этими сведениями могло привести (и приводило) к тому, что вместо выявления действительного этнического характера территории карты эти (основанные на официальной этнической статистике) «научно» оформляли права агрессора на захваченную им территорию. Таким образом, методологические установки подготовленных для Парижской конференции 1919 г. этнографических карт были порочны в своей основе.

Изменилось ли что-либо в области составления международных карт за истекшее с тех пор время — за тридцать с лишним лет? Нет, не изменилось и не могло измениться. Мажоритарные установки буржуазных этностатистиков и картографов не были случайностью, не были следствием непонимания существа дела. Составители карт прекрасно отдавали себе отчет в том, что, нанося на свои карты *только национальное большинство*, они отказывают *национальному меньшинству* в его правах. А так как при этом под видом национального «большинства» (вследствие тенденциозной официальной статистики капиталистических стран) сплошь и рядом выступали такие национальные группы, которые в действительности — при правильно проведенном районировании — оказались бы сами на ряде территорий национальным меньшинством, то этнографические карты эти были сознательным искажением картины географического расселения национальностей. Примером подобного искажения действительности были представленные в 1945—1946 гг. Совету министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции этнографические карты Юлийской Краины, составленные итальянскими этностатистиками. Конечно, недобросовестное использование этностатистического материала, допущенное составителями этих карт, объяснялось не тем, что они пользовались мажоритарным методом, но этот метод помог им придать фальшивке «научнообразную» форму.

Мажоритарный метод в этностатистике и этнической картографии очень распространен; им пользовались раньше и составители некоторых этнографических карт в СССР. Всем составителям таких карт надо понять научную необоснованность и политическую вредность мажоритарного метода в этнической картографии, метода, игнорирующего национальные меньшинства, осознать необходимость и техническую возможность отображать национальный состав населения иными, методологически более совершенными способами, соответствующими основным принципам советской национальной политики: *равенству и суверенности народов, свободному развитию национальных меньшинств и этнографических групп*¹.

¹ См. «Декларацию прав народов России», п. 1 и 4.

I

ЭТНИЧЕСКИЕ РУБЕЖИ

(МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

1. К ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА ОБ ЭТНИЧЕСКИХ РУБЕЖАХ

В привычном и наиболее общем определении *этническая граница* есть рубеж между двумя национальными территориями, причем такой рубеж называют иногда и *этнографической* границей. Можно отделить понятие этнической границы от границы этнографической, называя этнической границу между народами, а этнографической — границу между отдельными локальными группами или внутренними подразделениями одного и того же народа.

На определенных исторических этапах прежние этнические границы могут превратиться в границы этнографические: так, например, сложившиеся при родоплеменном строе этнические границы некоторых племен превращаются в границы этнографические после того, как успели сложиться народности. Однако обратный процесс — превращение этнографических границ в границы этнические — бывает только в исключительных случаях. О таком случае упоминает Л. Нидерле (см. дальше) при характеристике чешско-словацкой этнической границы.

В последующем изложении мы будем говорить главным образом об этнической границе в более узком понимании этого термина.

Один из виднейших ученых-славистов прошлого столетия П. Шафарик (1843, стр. II, III) употреблял вместо термина «этническая граница» термин «демаркационные линии», которые, по его определению, представляли рубеж компактного расселения народов. В основе демаркационных линий П. Шафарика лежали главным образом сведения о распространении языков, наречий и говоров, хотя сам Шафарик хотел показать не языковые границы, а границы «славянских жилищ», т. е. границы расселения славянских народов¹. Данные о расселении народов, которыми располагал чешский географ, были почерпнуты им от его корреспондентов; характер источников определил схематичность и грубую приближенность линий этнической демаркации славянских народов у П. Шафарика.

Развитие демографической статистики в европейских странах, происшедшее после выхода в свет основных работ П. Шафарика, дало возможность привлечь к выявлению этнических рубежей более точные данные и

¹ «Я устремил все свои усилия преимущественно на то, чтобы представить нечто целое, т. е. правильный, легко обозначимый образ положения и разветвления всего славянского племени, — писал П. Шафарик (1843, стр. II), — а потому, главная задача — подробное определение жилищ; напротив, грамматическое означение речей и наречий и взгляд на словесность приданы только как второстепенные добавления, для соощения большей ясности целому».

подвести под это дело солидную базу сплошного учета населения по национальностям.

В этнографии и этногеографии термин «этническая граница» (или этнографическая — *народописна* у чехов и словаков) получил распространение только в конце XIX в. Виднейший славянский этнограф, археолог и лингвист Любор Нидерле под этим термином понимал границу области, населенной компактно тем или другим народом. Л. Нидерле различал два типа этнических границ. Говоря об этнографической карте Мука и нанесенной на эту карту этнической границе лужицких сербов, Л. Нидерле (1909, стр. 66) заметил: «Это было внешнее очертание пространства, внутри которого большая часть людей говорила по-сербски: чисто сербская область была меньше». Таким образом Л. Нидерле отличал границу распространения данной этнолингвистической группы от более узкой границы, являвшейся рубежом территории, заселенной сплошь однородным в национальном отношении населением. В основе этого разделения лежали, очевидно, соображения о численности и удельном весе определенного народа в пределах какой-либо территории. Кроме того, Л. Нидерле различал основные и второстепенные этнические рубежи. «Этнографическая граница, отделяющая словаков от остальных чехов, — писал он (1909, стр. 76), — идет через Моравию, но область словацкая, насколько она находится в пределах Моравии, до такой степени тесно связана всем характером быта своего с чешскою и настолько еще постоянно с ней сближается, что эта граница теряет всякое значение по сравнению с политической моравско-венгерской границей. Тут, в Карпатских горах, создалась межа, которая разделяет уже глубоко, и может быть, если не произойдут неожиданные перемены, она раз навсегда разобьет исконное единство и создаст две единицы: народ чешский и народ словацкий». Л. Нидерле оказался прав: этот рубеж создал новые и более сильные различия в быту словаков и чехов, чем прежняя этнографическая граница в Моравии, и в настоящее время в Чехословацком государстве остатки политической границы (венгеро-австрийской) выполняют роль внутренней этнической демаркационной линии, разделяющей этнические территории чехов и словаков.

Л. Нидерле определял этнические рубежи главным образом по языку населения, но при этом он учитывал и другие признаки. «Было бы, конечно, ошибочно думать, — писал он, — что на деле существует только различие в языке, в особенностях диалектологических. Различие проявляется также в домашнем быте народа, в его характере, в признаках физических и в его исторических преданиях. Но язык все-таки представляет самое важное основание для разделения, он бросается сильнее всего в глаза, он сближает и разъединяет массы» (Л. Нидерле, 1909, стр. 26).

Не многие этнографы и этногеографы до и после Нидерле так глубоко вникали в характер и происхождение этнических рубежей между народами. Некоторые из этногеографов не придавали значения терминологии и не соблюдали точности в определении линий границ, как Кепшен (1852), Риттих (1885), Киперт (Н. Kieppert, 1876), Галкин (1876). Другие уклонялись от решения вопроса, ссылаясь на трудности (Францев, 1909). Третьи, увлекшись статистическими подсчетами, пытались подменить ими живую действительность и превращали национальные отношения в простую арифметику. Для Флоринского (1907, стр. 2, 26, 136 и др.) этнический рубеж получал значение лишь в том случае, если он ограничивал территорию, на которой не менее 50% населения принадлежало к определенной национальности; Г. Курнатовский (1915, стр. 33, 40, 42, 43, 45) повышал этот процент даже до 75, делая, однако, значительную скидку для поляков. Этого арифметического мажоритарного способа определения этнических границ

придерживались многие этностатистики и этногеографы. В основу своих расчетов они клали данные официальной этнической статистики; если же статистические данные отсутствовали или не заслуживали доверия, этнические границы определялись ими при помощи лингвистики и, реже, этнографии.

Мажоритарный принцип в тех случаях, когда он основан на проверенных статистических данных, подкупает своею кажущейся точностью и «справедливостью»; его охотно поэтому применяют там, где нужно кого-либо убедить в беспристрастности суждения — например, при этнотерриториальных международных спорах. Оставляя на время в стороне вопрос, насколько «помогает» этот метод этнотерриториальному размежеванию, отметим его полную ненадежность для выяснения географического размещения национальностей. Никакая линия равновесия между численностью населения разных национальных групп на соседних территориях не обеспечивает возможности установить действительные границы расселения не только мелких этнографических групп, но и целых народов. Этот метод игнорирует те части территории, на которых отдельная национальность не имеет численного перевеса над остальными национальными группами; он делает невозможной расшифровку так называемых смешанных территорий, т. е. территорий многонациональных.

В своем определении этнической границы Л. Нидерле указывал на «компактность» расселения национальной группы, как на один из основных признаков района, подлежащего этнической демаркации. Указание Нидерле совершенно правильно: без оговорки о компактности населения объект демаркации становится настолько расплывчатым, что уловить его границы почти невозможно. Но что считать компактным расселением? Зависит ли это от численности национальной группы или от ее удельного веса, или это показатель плотности? Прямого ответа на эти вопросы у Нидерле нет; можно лишь по косвенным высказываниям чешского ученого понять, что компактное расселение он противопоставляет рассеянному, т. е. такой форме расселения, когда среди сплошного этнического массива живут вкрапленные точками или пятнами единичные представители чужой национальности.

Если компактность расселения необходимо признать неперемennым условием при установлении линий этнической демаркации, то совершенно неправильно требование, чтобы при определении этнических границ в расчет принималось лишь национальное большинство населения. Сторонники мажоритарного метода настаивают на таком условии, но оно не имеет прямого отношения к вопросу об этнических рубежах. *Понятие абсолютного или относительного большинства меняется в зависимости от того, в каких границах производится подсчет:* национальная группа может составлять меньшинство в каждом из нескольких соседних районов, но живет она компактно и по своей численности может быть выделена в самостоятельный район, в котором получит совершенно иной удельный вес. Не надо забывать, что границы административных районов иногда нарочито проведены так, чтобы разделить на части какую-либо компактную национальную группу и превратить ее тем самым в национальное меньшинство нескольких районов. Этот прием численного измельчения национальностей может быть проиллюстрирован множеством примеров из административной практики европейских государств.

Мажоритарный метод не является методом определения этнических рубежей. Этнический рубеж должен выявить крайнюю линию компактного расселения данной народности или этнографической группы, и потому не абсолютная численность, а иные признаки должны быть приняты за основу.

В отличие от границ политических и административных этнические рубежи одного народа могут взаимно пересекаться с этническими рубежами другого народа. В свое время уже П. Шафарик заметил, что этнические границы только в редких случаях проходят сплошной спрямленной линией. Чешский этнограф дал, например, такую конфигурацию этнической границы великоруссов, что она причудливо описывает зигзаги и петли и, замыкаясь своими концами, оставляет внутри отграниченной территории большие внутренние пространства, заселенные неславянскими народами. Линия внутренней демаркации при этом создает большие или меньшие национальные островки, разрывается вклинениями ионациональных территорий, теряется в полосе этнически смешанных районов.

Современные этнические границы европейских народов изобилуют подобной конфигурацией демаркационных линий. В виде примера можно указать на прерывистую, со множеством вклинений и островков, линию этнической демаркации между немцами и литовцами в Восточной Пруссии накануне второй мировой войны, или на словацко-магьярскую этническую границу того же периода, с ее многочисленными пятнами смешанных районов и национальными островками, заселенными то словацким, то магьярским населением. Можно отметить также своеобразные полосы переходных зон, разделяющих крупные этнические массивы. В таких переходных зонах, как, например, в зоне фриульской (в восточной части ломбардско-венецианской равнины), образуются этнические группы смешанного происхождения. К типу подобных переходных зон принадлежит, вероятно, и Эльзас. Следовательно, конфигурация этнических рубежей очень своеобразна и имеет мало аналогий с границами государствами.

Для установления политических границ определяют сначала общее направление пограничных рубежей, а потом наносят на карту и описывают имеющиеся на месте естественные или искусственные опознавательные знаки, фиксирующие на территории линию демаркации. Хребты гор, опушки лесов, края болот, берега и русла рек, берега озер, морей, проливов, холмы, курганы, рвы, межи, изгороди, скалы и камни, пограничные столбы — вот что фигурирует в детальном описании пограничной линии государства.

Административные границы внутренних областей иногда не имеют подобных описаний и пограничных опознавательных знаков. В таких случаях линии этих границ определяются статутами и постановлениями, перечисляющими населенные пункты с указанием их принадлежности к тому или другому округу.

Этническую же границу нельзя определить ни тем, ни другим способом. Если бы этническая граница являлась рубежом территории, заселенной однородным в национальном отношении населением, — это было бы идеальным типом этнической границы. Гораздо чаще приходится определять границы расселения нескольких национальностей, живущих совместно на одной и той же территории. В таких случаях вопрос будет заключаться совсем не в том, какой опознавательный знак на территории считать условным рубежом, а в том, *как определить действительный национальный состав населения данной местности и его географическое размещение.*

Лучшим способом для выявления этнических рубежей можно считать этностатистическое обследование определенного района или области. Результаты сплошных этностатистических обследований для определения этнических границ имеют большое практическое значение.

Во-первых, они могут быть использованы при административном районировании. При правильном районировании территории должны учитываться не только экономические, но и национальные факторы. Группиров-

ка населения с учетом национальной общности содействует росту народной культуры и тем самым облегчает политическое и экономическое развитие. В Союзе ССР на эту сторону районирования обращается особое внимание. Но для национального районирования необходимо знать национальный состав населения во всех населенных пунктах; более того, необходимо точно определить, какая именно земельная площадь и какие наземные сооружения используются той или другой национальной группой. Карта национального состава населения, предназначенная для целей районирования, должна быть поэтому крупномасштабной, топографической.

Во-вторых, этностатистическое обследование национально смешанных районов может оказать большую помощь школьному строительству. В больших населенных пунктах, иногда раскинувшихся на несколько километров и имеющих не всегда однородное в национальном отношении население, весьма важно выяснить не только количественный состав отдельных национальных групп, но и их точное географическое размещение.

Для этого необходим учет национального состава жителей по улицам и даже по отдельным домам. Такая потребность может возникнуть во всех тех населенных пунктах, где имеется смешанный в национальном отношении состав населения. Знание этнической топографии населения обеспечит при постройке новых школьных зданий и других культурно-просветительных учреждений наибольшую территориальную близость их к той группе населения, которую они призваны обслуживать.

Сказанное выше относится к внутригосударственным потребностям; но не меньшее значение имеет этностатистическое обследование населения при подготовке международных соглашений о перемещении и обмене населением, а также при международных спорах о национальном составе пограничных территорий.

2. ГРАНИЦЫ ЭТНИЧЕСКИЕ И ГРАНИЦЫ ЕСТЕСТВЕННЫЕ

Во второй половине XIX столетия пользовалась успехом теория, выводившая этнические рубежи из орографии и географии. Это было отражением идей «естественности» наций, прирожденности национальных особенностей народов, зависимости их психического склада от естественных условий мест обитания. Последователи Элизе Реклю, Демолена и, позже, Ратцеля пытались привести научные обоснования для доказательства теснейшей связи этнических рубежей с рельефом и природными условиями местности, но шаткость этих теорий заключалась в том, что они не соответствовали действительному положению вещей.

П. Шафарик не находил непосредственной связи между линиями этнической демаркации и естественными рубежами — горами, реками и пр. На этих же позициях стояли и другие исследователи славянства — Риттих, Л. Нидерле, Флоринский, Закржевский. Этностатистик (и теоретический обоснователь применения языкового принципа в качестве этнического определителя в европейских переписях) Р. Бэк считал теорию естественных рубежей беспочвенной и отрицал возможность принимать какие-либо естественные рубежи за подлинную границу любой национальности, ибо этнические рубежи подвижны, изменяются во времени, да и сама национальность не является неизменной и статичной: «Если бы кто-либо захотел подразделить народы в зависимости от того, населяют ли они горы или долины, континентальные или приморские местности, и их нравы и обычаи определил бы как континентальные или приморские, горные или долинные, или подразделил бы их сообразно климату, то ему не удалось бы сделать это, ибо крайне трудно найти народ, который занимал бы пространство в пределах таких точно очерченных естественных границ» (R. Voesskh, 1866, стр. 267).

Конечно, говорит Бэк, границы этнические и границы естественные имеют несколько схожий характер, потому что и возникают они по схожим причинам при первоначальном расселении народов. Но когда потом этим народам приходится размещаться на уже обжитых землях (а у современных народов нам приходится встречаться лишь с таким вторичным размещением), то естественные границы выступают в таком запутанном виде, что об их отождествлении с этническими рубежами можно говорить лишь в прописном смысле. Итальянские официальные статистики, по словам Р. Бэка, декларировали (во второй половине XIX в.), что политическая граница итальянского королевства являлась естественной границей итальянской нации. «Но среди самих итальянцев, — замечает Бэк, — найдется,

вероятно, очень мало людей, которые решились бы причислить тирольца, пасущего свой стада на склонах альпийских ледников, или славянина с Истрийского плоскогорья к итальянцам» (R. Voeseckh, 1866, стр. 267).

Нельзя не согласиться с Бэком, что отождествлять естественные рубежи с этническими границами никак нельзя, ибо это означило бы отрицать развитие форм этнической общности. История формирования современных народностей, а тем более наций, опровергает теоретические построения сторонников естественных границ. Образование народностей не имело никакой связи с естественными, т. е. географическими рубежами, а определялось социальными причинами, поэтому и территориальные границы расселения народностей не могли возникать в зависимости от естественных рубежей; еще меньше естественные рубежи могли влиять на национальные границы. В отдельных случаях естественные рубежи могли, конечно, *совпадать* с границами этническими, но между теми и другими не было непосредственной связи. И если во второй половине XIX в. нашлись ученые, разоблачившие неправильность утверждений географической и антропогеографической школы, то ныне есть еще больше возможностей опровергнуть теорию естественных рубежей, поскольку наукой накоплен громадный исторический, археологический и лингвистический материал, свидетельствующий о том, что современные народы сложились из многочисленных и разнородных племенных групп, остатков более древних народов и более архаичных этнических формирований.

Попытки доказывать теорию тождества этнических границ с естественными рубежами не прекращаются до настоящего дня. В особенности активны последователи антропогеографической школы и именно той ее ветви, которая ведет свое начало от сербского географа И. Цвиича (J. Cvijic, 1908). По мнению Цвиича, естественные условия юго-западной части современной Югославии определили характер поселений, тип жилища, одежды, выработали идеальный во всех отношениях «динарский» тип людей, создали и развили здесь специфическую форму социальной организации. «Здесь, — пишет Цвиич, — были сохранены и выработаны принципы высокой морали и глубоких национальных традиций. Это специфическая форма балканской патриархальности, а также патриархальности наиболее совершенной и развивающейся. Она является этнической характеристикой Динарского хребта» (J. Cvijic, 1908, стр. 29—30). Для Цвиича как антропогеографа определяющим моментом антропологии сербов (речь идет именно о них, ибо Цвиич, сербский гегемонист, т. е. шовинист, стремился своей теорией доказать, что сербы являются идеальным физическим, социальным и психическим типом наиболее совершенного народа), их материальной и духовной культуры была природа, и естественная специфика местности определяла для него характер развития сербского народа.

Современная передовая наука не может согласиться с такой характеристикой влияния природы на человека, ибо теория Цвиича возвращает науку назад, к началу прошлого столетия. Основоположники марксизма-ленинизма доказали, что влияние географической среды на человека не может считаться определяющим фактором развития общества и основой изменений форм этнической общности. «Не является ли географическая среда той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход от одного строя к другому?» — спрашивает товарищ Сталин и дает ответ:

«Исторический материализм отвечает на этот вопрос отрицательно.

Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения

и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»¹.

И. Цвиич, с его националистической узостью научного кругозора, был плохо знаком с историей и этнографией других стран; этим объясняется его утверждение, будто бы такая социальная организация, как задруга, специфична только для сербо-хорватов. Русская исследовательница А. Ефименко доказала (за четверть столетия до появления книги Цвиича), что задруга это не специфическая «динарская патриархальная организация», как утверждал Цвиич, а широко распространенная форма домашней общины, существовавшей у многих народов на определенном этапе развития родовой организации. После работ Ф. Энгельса, М. Ковалевского, А. Ефименко и других (а Цвиич выступал *после* опубликования этих работ) о родовом строе, большой семье и пр., просто странно читать у сербского антропогеографа наивные рассуждения о том, что якобы формы, аналогичные «динарской патриархальной организации», «неизвестны нигде». Подобная же неосведомленность существовала у Цвиича и в отношении других вопросов, затрагивавших область социальных отношений, в частности, историю форм этнической общности. Цвиич являлся сторонником теории единства естественных и этнических границ не потому, что обладал материалом, доказывавшим это единство, а потому, что был последователем (притом последователем в идеологическом отношении национально ограниченным) географической и антропогеографической школы, родившей эту теорию.

Прежде чем перейти к современным защитникам теории естественных границ, необходимо привести краткие данные о том, в каком соотношении находятся естественные рубежи и этнические границы в настоящее время.

В Европе одной из наиболее отчетливых форм естественных рубежей, влияющих на формирование этнических границ, являются берега морей. Вряд ли можно оспаривать, что во многих случаях эти естественные рубежи совпадают с рубежами этническими. Но у морских берегов есть одна особенность: они являются границами односторонними, потому что, когда народ дошел до моря и сделал его берег своим этническим рубежом, заморский народ-сосед имеет своим этническим рубежом не этот, а противоположный берег моря. Что же касается береговой линии в целом, то на большей части европейской территории она поделена между многими народностями и нациями, и даже береговая линия островов (больших) редко имеет однородную этническую границу по всей своей длине; среди больших полуостровов только Аппенинский полуостров обладает такой этнически однородной линией. Несколько иное положение сложилось к настоящему времени в отношении европейских рек. Как правило, ни по одной из больших полноводных рек Европы не проходит какая-либо этническая граница. Исключением является отрезок Дуная на болгаро-румынской государственной границе, где русло реки является одновременно политическим и этническим рубежом. На других больших европейских реках: Неве, Западной Двине, Немане, Висле, Эльбе, Рейне, Сене, По, Дунае, Днестре, Днепре, Доне, Волге, Урале, Северной Двине, Печоре, — берега и русла рек вплоть до второй мировой войны не совпадали с этническими рубежами народов. Когда закончилось выселение немцев с правого берега Одера и Нисы и западные территории Польши оказались заполнены польским населением, русла этих рек стали не только политическими, но и этническими рубежами. Во всех остальных случаях этнические границы разрезают течения рек на части, кое-где близко подходя к водоразделам, но с ними все же не совпадая.

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., Госполитиздат, 1945, стр. 113.

Не являются этническими рубежами в настоящее время и высочайшие горные хребты Европы — Пиренеи, Альпы, Карпаты, Кавказские горы — хотя в прежнее время они были ими¹. Просачиваясь сквозь ущелья по руслам горных рек и преодолевая перевалы, народы-соседи давно уже уничтожили значение горных хребтов, как непроходимых рубежей между народами. Но в некоторых местах еще сохранились (в виде более узких этнографических границ) рубежи, разделяющие жителей гор от жителей долин.

Леса и болота в настоящее время также нельзя считать естественными рубежами, совпадающими с этническими границами, однако нельзя утверждать, что так было всегда. Д. Н. Егоров (1951, стр. 470) в своей работе по колонизации Мекленбурга в XIII в. указывает на то, что «непреодолимой преградой для распространения людей были не столько болота и топи, сколько леса». Ссылаясь на Градмана, он пишет, что современный житель не может представить себе «реальную картину европейских первобытных лесов, в которых немыслимо не только полеводство, хотя бы примитивное, но и скотоводство и даже достаточно изобильная охота» (Д. Н. Егоров, 1915, стр. 470). «Реки, „божьи дороги“, как их с благодарностью называли в средние века, всегда соединяли людей, — говорит Егоров, — леса, наоборот, разъединяли. Самой надежной границей была широкая полоса дебрей, „марка“, „граница-кайма“...» Такие «демаркационные» леса тянулись не только между отдельными народами, но и разделяли племена. Анонимный баварский географ IX в. дает весьма подробную *Descriptio civitatum et regionem ad septentrionalem plagam Danubii*, но уяснить все это перечисление, уразуметь всю колоссальную разъединенность тогдашних племен (земель, *terrae*) можно лишь на основании топографической номенклатуры лесных прежде пространств» (Д. Н. Егоров, 1915, стр. 472—473).

Как правило, современные этнические границы европейских народов не совпадают с естественными рубежами, а немногочисленные отклонения (Одер — Ниса, Судетские горы, часть течения Дуная и пр.) не имеют определяющего характера, ибо только в отдельных и весьма редких случаях стремление государства укрепить свои границы путем доведения их до стратегически важных естественных рубежей, а также подтянуть к этим рубежам границы этнических массивов основных национальностей, осуществилось в полной мере. Таким образом, единства естественных рубежей и этнических границ пока не существует, и подменять одно из этих понятий другим (к чему, собственно, и сводится вся аргументация защитников этой теории) никак нельзя.

При выработке мирного договора с Италией после второй мировой войны представители США и Англии заняли позицию, всячески затруднявшую самоопределение славянского населения, находившегося ранее под гнетом итальянцев и австрийцев. Целая область, заселенная словенами и хорватами, — Истрия (Юлийская Крайна) и районы, лежащие к северу от нее, оказались «спорными» этническими областями, хотя в действительности подавляющее большинство населения этих областей было славянским. Под разными лицемерными предложениями англо-американцы затягивали разрешение вопроса о славянском Приморье и Истрии, а их «эксперты» наносили на карты проекты фантастических «этнических» границ, имевших своей целью не столько самоопределение народов, сколько охрану интересов американских или английских концессий (существовавших в то время и будущих) и приобретение стратегических пунктов, которые могли бы пригодиться англо-американским империалистам.

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. Госполитиздат, 1948, стр. 167.

В связи с постановкой вопроса о судьбе Юлийской Крайны в Югославии было издано несколько книг в защиту национальных прав словенцев и хорватов, но методологическая сторона этих изданий оказалась порочной, потому что страдала всеми теми грехами, которые присущи антропогеографической школе Цвиича, т. е. географизмом, подменой социальной истории антропогеографической схемой развития и т. д. Так, наряду с совершенно бесспорными этностатистическими данными одним из «важнейших» обоснований национальных прав словенского населения Юлийской Крайны на занимаемые ими области были объявлены такие факторы, как карстовый характер местности, орография ее и связанные будто бы с характером местности «исконные» промыслы населения. Югославские последователи Цвиича попытались возродить теорию единства естественных и этнических границ как такое научное положение, которое якобы свидетельствует в пользу передачи спорной области словенцам.

Иосип Роглич, ученик Цвиича, утверждал, будто этническая граница фриулов прослеживается на самой территории: фриулы живут на равнине, а словенцы на холмах и горах. «Интересно констатировать, — писал он, — в какой степени конфигурация географическая всегда определяла сосуществование этих двух этнических групп. В то время как население равнины переселяется только в исключительных случаях, да и то лишь на время, в горные местности, экономически более бедные, обратное явление встречается часто. Не только при прибытии в страну, но и постоянно в течение веков словены — экономически более бедные, но биологически более сильные (!—П. К.) — покидают свои горы для того, чтобы водвориться на плодородных равнинах. Помимо многочисленных памятников и исторических документов, об этом свидетельствуют названия населенных пунктов, дающие возможность с достоверностью заключить о происхождении их обитателей. Однако наша цель, — оговаривается И. Роглич, — вовсе не заключается в том, чтобы привести свое изложение к тому, что условно называют «историческими правами», а к тому, что словенский горский элемент смешивается мало-помалу с элементом равнинным фриульским подобно ручью, пропадающему в тихом озере» («La Marche Julienne», 1945, стр. 292).

Таково было географическо-орографическое обоснование словено-фриульской этнической границы югославским географом. В этом обосновании существуют, однако, несоответствия, обнаруживаемые при рассмотрении составленной им карты. Итальянцы и словенцы, как это видно на карте, не соприкасаются своими этническими границами, за исключением небольшого участка вблизи Монтфальконе. Словенский этнический массив отделен от итальянского этнического массива довольно широкой полосой территории, заселенной фриулами. Но в этой полосе существует несколько зон: зона сплошного фриульского населения (в центре территории), зона смешанного итальянско-фриульского населения (на западе территории) и зона смешанного словено-фриульского населения (на востоке территории), которая располагается в предгорьях и горах. Если считать, что предгорья «естественно» связаны со словенцами, то присутствие в них значительного по численности *фриульского* населения противоречит теории Роглича. Если предгорья связывать не с горами, а с равниной, то расселение на них словенцев тоже не очень вяжется с теорией югославских географов. Примитивность теории последователей Цвиича выявляется еще более, если вспомнить, что этнический состав фриульской народности очень сложен и что, кроме древнекельтского элемента, подвергшегося впоследствии романизации, в составе этой народности имеются и словенские компоненты.

Вместо того чтобы исторически подойти к вопросу, вскрыть социальный характер этнических процессов, происходивших на словено-фриульской

этнической границе, ученики Цвиича занялись рассуждениями о «биологически» более сильном словенском элементе, т. е. перешли к *расистской* аргументации, и в географо-расистских доказательствах потопили ценнейший материал по истории заселения края и формирования на этой территории народа.

Теория единства этнических и естественных границ должна быть окончательно отброшена, как противоречащая действительности. Попытки возродить ее и применить на практике, как показал опыт югославских последователей антропогеографов, приводят только к дискредитации науки.

3. ВЛИЯНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СТЕПЕНЬЮ БЛИЗОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР СОПРИКАСАЮЩИХСЯ РАЙОНОВ

А. Закржевский, изучавший в начале XX в. вопрос о польской этнической границе, столкнулся при попытках определить линии этой границы с большими трудностями, вызванными тем обстоятельством, что в некоторых областях России, Германии и Австро-Венгрии польское население жило вперемешку с белорусами, украинцами, литовцами и немцами.

Определяя этническую границу между поляками и литовцами в Сувалкской губ., А. Закржевский обратил внимание на то, что линия этой границы проходит совершенно отчетливо и резко, в то время как линию этнической границы между поляками и украинцами в Холмщине провести почти невозможно. «Резкое различие языков польского и литовского, — писал А. Закржевский (1916, стр. 34), — сильно препятствовало тому смешению национальностей, которое мы видели на всем протяжении Холмщины. Действительно, при различии языков люди одной национальности, попадая в чужую среду, поставлены в необходимость изучить, а понемного и присвоить себе и язык и национальность, почему и этнографическая граница выступает тут (Сувалкская губ.) резко и определенно».

Совершенно иное, по словам Закржевского, положение создалось в Холмщине, где, «как везде на рубеже двух близких по языку славянских народностей, проведение точной этнографической границы невозможно. Ее пришлось бы вести не уездами и не гминами, даже и не деревнями, но разве отдельными хатами, да и то, как не раз замечает в своих исследованиях этого края проф. В. А. Францев, попадают семьи, в которых старики говорят одним языком, молодежь другим» (А. Закржевский, 1916, стр. 26).

В. А. Францев, на которого ссылается Закржевский, указывает, что действительно «в полосах теснейшего соприкосновения двух славянских народностей и языков возникает множество спорных пунктов о принадлежности населения к той или другой племенной группе», но, не проводя демаркационной линии, он, однако, намечает все-таки этнический рубеж. «Мы не определяем на нашей карте, — пишет, он, — этнографической границы русского населения точными пунктами, через которые она проходит: для этого у нас не было всех необходимых данных, указаний относительно числа говорящих по-русски в каждом отдельном селении. Вот почему мы ограничиваемся лишь общими указаниями на число домов или семейств, говорящих по-русски, и на основании этих показаний местных жителей

стараясь сделать по возможности точную характеристику каждой гмины в отдельности в отношении того или другого преобладающего родного языка населения» (А. В. Францев, 1909, стр. XIII). Этнический рубеж между поляками и украинцами в Холмщине, по Францеву, не имеет характера резко очерченной границы, а представляет собою территорию, заполненную смешанным населением. И в этом основное отличие польско-украинского этнического рубежа в Холмщине от польско-литовского этнического рубежа в Сувальской губ.

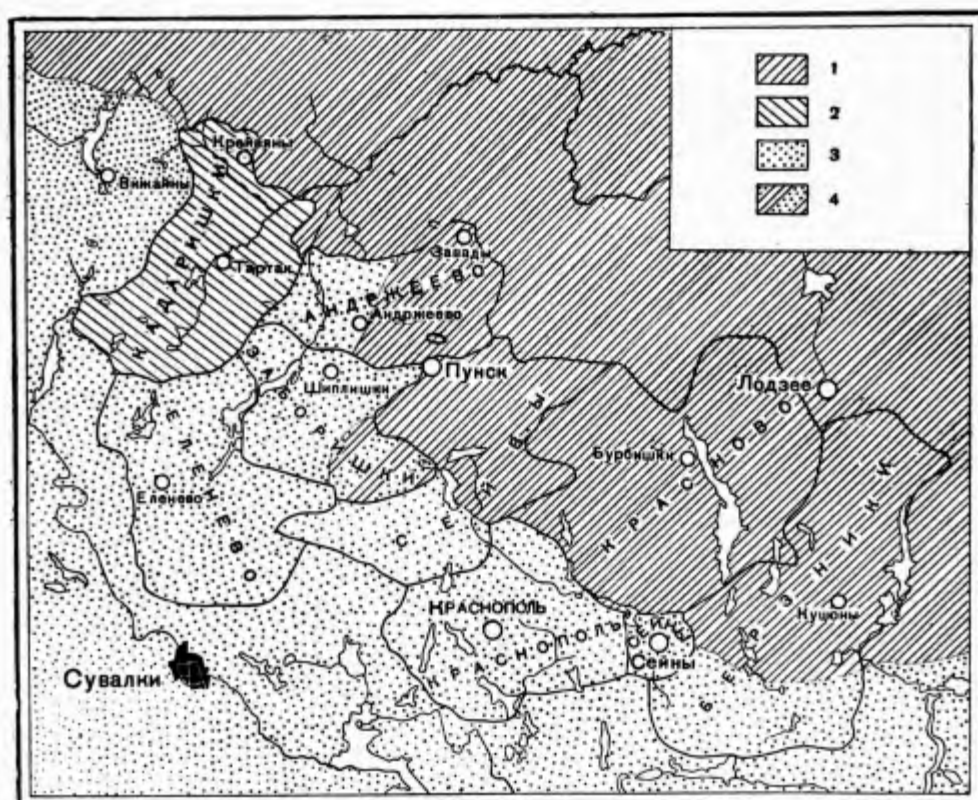

Рис. 1. Польско-литовская этническая граница в Сувальском крае в начале XX в. (по Вольтеру).

Территории, заселенные: 1 — литовцами; 2 — литовцами, говорящими по-польски; 3 — поляками; 4 — смешанным населением.

Как будто выводы Францева подтверждают теорию Закржевского. Постараемся проверить эту теорию на более широком материале.

Статистические сведения, которыми пользовался А. Закржевский, базируются на первой всероссийской переписи народонаселения в 1897 г., с последующим пересчетом данных, путем теоретических выкладок о возможном росте населения к 1913 г. Эти пересчеты произведены Варшавским статистическим комитетом. Можно было бы воспользоваться этим материалом и подвергнуть его сверке и анализу, но у нас нет никаких поводов делать это, так как добросовестность А. Закржевского не вызывает сомнений. Гораздо важнее привлечь такой материал, которым Закржевский не воспользовался, но который мог бы пополнить и уточнить его выводы. Такой материал существует — это «Списки населенных мест Сувальской губ.,

как материал для историко-этнографической географии края», составленные Э. Вольтером (1901). «Списки», обработанные этим исследователем, представляют собою ответы на анкету, распространенную Вольтером в 1888—1889 гг. среди низшей администрации всех гмин, входивших в состав уездов Сувалкской губ.

Анкета содержала следующие вопросы:

1. Официальное название населенного пункта.
2. Название его самим населением.
3. При каком водоеме или речке находится населенный пункт, какие заслуживающие внимания сооружения, кладбища и отличительные места имеются вблизи населенного пункта?
4. Общая численность населения каждого населенного пункта.
5. Племенной состав (национальное происхождение).
6. Язык, употребляемый в быту («домашний язык»).
7. Умеют ли жители писать и читать и на каком языке?
8. Религиозная принадлежность.
9. Являются ли жители старожилами или переселенцами?

Ответы на эту анкету заполнялись гминными войтами (или писарями) и касались каждого отдельного селения, хутора, фольварка, имения.

Заполнение анкеты, конечно, не стояло на уровне современных требований, предъявляемых этнической статистике; но не нужно забывать, что эта анкета предшествовала первой всероссийской переписи и что необходимого опыта ни у составителя, ни у заполнявших анкету войтов еще не было. Можно, конечно, скептически улыбаться, когда гминный войт или писарь в графе 7 («Умеют ли жители читать и писать и на каком языке») указывал такое количество грамотных, которое соответствовало общему количеству всего населения, в том числе и грудных детей. Но несмотря на эти грубые ошибки, обнаружив которые не составляло трудности, анкета дала достаточно правильное представление об этническом составе населения Сувалкской губ.: последовавшая всероссийская перепись подтвердила данные анкеты, а в некоторых случаях анкета оказалась гораздо полнее переписи.

Анализируя материал анкеты о национальном составе гмин, заселенных литовцами и пограничных с гминами польскими, можно прийти к выводу, что характеристика А. Закржевского в общем подтверждается этим материалом.

Этническая граница между литовцами и поляками (рис. 1) проходит, по данным анкеты, четкой линией через селения (с запада на восток) Еглинец—Подвойпоне—Войпоне—Войцюлишки—Крейвяны (в гмине Анджево); далее через гмину Сейвы по линии Шлинокеме—Рейштокеме—Жвике-ле; затем по южной границе гмины Красново; через гмину Бержниги по линии селений Штабинки—Жегары—Куцюны—Кажары и сливается далее с литовским этническим массивом на востоке. По одну сторону этой демаркационной линии живут поляки (литовцев, как компактного населения, здесь нет), по другую сторону, за исключением села Завады со смешанным польско-литовским населением, — литовцы. Исключение составляет примыкающая к северо-западному отрезку этой линии территория гмины Кадаришки. В этой гмине население литовского происхождения (поляков там не было), но из 6421 жителя только 338 человек говорило по-литовски — жители двух пограничных селений Григалишки и Крейвяны. Остальное население гмины, по данным анкеты, говорило по-польски (Э. Вольтер, 1901, стр. 10—13). Запись в анкете «говорят по-польски» можно, правда, толковать так, что в своем домашнем быту эти люди говорят исключительно по-польски, но можно понять и иначе — умеют говорить и по-польски. При том и другом толковании можно признать, что в этой гмине, вклини-

вающейся своей территорией в польский этнический массив, польское влияние было очень сильным и происходила постепенная денационализация литовского населения. Через тридцать лет (в 1921 г.) население, вероятно, окончательно ассимилировалось, так как, за исключением пограничного с Литвой сел. Крейвяны (сел. Григалишки отошло после 1919 г. к Литве), все жители гмины объявили себя поляками.

А. Закржевский оказался прав, утверждая, что линия этнической демаркации в этом районе отчетлива и резко делит два этнических массива. Следует, однако, внести поправки и дополнения к тем обоснованиям, которые сделал польский этностатистик. Для Закржевского основной и единственной причиной денационализации населения являлось влияние чуждой национальной среды. При таком понимании этого процесса утеря национальных признаков частью населения будет представляться как явление неизбежное и закономерное, «нормальное», одинаково захватывающее всех представителей национального меньшинства. Нетрудно видеть, что такое толкование является апологией колонизации.

Собранный Э. Вольтером материал вносит существенные поправки в обоснование теории Закржевского.

В гмине Заборишки в 1888—1889 гг. в трех селениях проживало 150 литовцев (тремя группами по 30, 60 и 60 человек) среди общего населения гмины, состоящего из поляков (3923 человек). Тем не менее эти три небольшие литовские группы продолжали говорить по-литовски, а не по-польски.

В гмине Андриеево наряду с 1939 литовцами (расселенными в северо-восточной части гмины) жило 1594 поляка (в западной и юго-западной частях гмины), но все литовцы говорили только по-литовски (Э. Вольтер, 1901, стр. 26—29).

То же было в гмине Сейвы, где проживало компактно 3456 литовцев и 3451 поляк. Все литовцы, за исключением 10 литовцев-лютеран, говоривших по-немецки, говорили на родном языке; но среди поляков 73 человека говорили по-литовски (Э. Вольтер, 1901, стр. 32—35).

В гмине Бержники, где проживало 4118 литовцев и 3107 поляков, среди литовцев 81 человек говорил по-польски, а среди поляков 23 человека говорили по-литовски. Кто же из литовцев этой гмины говорил по-польски? Прежде всего 41 литовец (из 516) дер. Кудюны, стоявшей у большой дороги; затем, по 2—3 человека в других больших деревнях (Э. Вольтер, 1901, стр. 48—51). Это были, вероятно, представители более обеспеченных, возможно кулацких, слоев деревни. Что такое соображение имеет серьезное основание, показывают ответы на анкету в гмине Метеле. В этой гмине, несмотря на совершенно незначительный процент поляков (литовцев было 3765, поляков лишь 188, и они проживали не компактно, а рассеянно — единицами и небольшими группами по 5—6 человек), все же часть литовского населения, проживающего в фольварках и имениях, говорила по-польски, а не по-литовски (Э. Вольтер, 1901, стр. 50—53).

Пожалуй, еще более яркие данные о национальном составе гмины Копциово. В этой гмине проживало 4867 литовцев, поляков не было совсем. И, тем не менее, из жителей-литовцев 192 человека говорило не на родном языке, а по-польски (Э. Вольтер, 1901, стр. 58—63). В административном центре гмины, дер. Копциово, расположенной на большом проезжем шляхе, находилось 154 из этих ополяченных литовцев. Остальные литовцы, пользовавшиеся в своем домашнем быту польским языком, проживали в фольварках и усадьбах по 4—6 человек на отдельный населенный пункт, составляя там меньшинство среди остального литовского населения. Совершенно очевидно, что эти ополяченные литовцы были владельцами фольварков, т. е. литовской шляхтой. Прямым подтверждением такого предположения можно считать замечание войта на полях анкеты: большинство-де женщин

гмины читать и писать не умеет, за исключением некоторого числа помещиц, умеющих читать и писать по-польски.

Отсюда можно сделать вывод, что не только окружающая чуждая национальная среда (т. е. влияние окружающего национального большинства) выступает первопричиной денационализации и ассимиляции, но и социальные отношения. Когда литовец делался владельцем мельницы, лавки, фольварка, имения, он превращался в «пана» — поэтому он начинал стыдиться своей «простой» национальности и выдавал себя за поляка. И, наоборот, представители господствующей национальности, принужденные выполнять черную, плохо оплачиваемую работу, постепенно сливаются с местным населением, воспринимают его язык и обычаи. Так, например, в гмине Краснополь, где среди 4640 поляков жило в одной из прибрежных деревень (Романовце «казенное» на оз. Пляско) 76 литовцев-рыбаков, сохранивших в быту родной язык и обычаи, в другой соседней польской деревне (Романовце «частное», на том же озере) жители-поляки, занимавшиеся рыбной ловлей, говорили по-литовски (Э. Вольтер, 1901, стр. 68—69). То же наблюдалось в пос. Дубы в гмине Бержники. В этом поселке, расположенном на оз. Ильгель, восточный берег которого был заселен литовцами, 21 поляк (из 207 жителей-поляков) говорил по-литовски, очевидно, потому, что этим людям приходилось рыбачить совместно с соседями-литовцами (Э. Вольтер, 1901, стр. 48—49). Это необычайно яркие примеры воздействия социальных отношений на этнос. А. Закржевский не замечает таких влияний, но между тем сам в своей книге (1916) приводит аналогичный пример такого же воздействия. Польская мелкая шляхта, поселившаяся в южных губерниях России, к началу XX в. потеряла, по словам Закржевского, прежнее вероисповедание, язык и национальные традиции: «домашним языком в большинстве случаев у них язык малорусский», — пишет он. В чем же причина этого? «В этом краю, — объясняет польский этностатистик, — мелкая шляхта поселялась уже на занятых крупными владельцами землях на правах арендного чиншевого владения, а так как крестьянская реформа 1861 г. совершенно не коснулась этого класса землевладельцев, то они попали в весьма тяжелые условия; с возрастанием доходности земли многие из них были устранены с земель, которыми владели в течение многих столетий, и очутились в положении безземельных батраков» (А. Закржевский, 1916, стр. 111). Утратив привилегированное «панское» положение, они слились с окружающим крестьянским населением, стали украинцами.

Нельзя также замалчивать, как это сделал А. Закржевский, громадное влияние на денационализацию литовского населения таких факторов, как активное воздействие католической церкви, польской школы, как устаревание литовского языка из употребления в суде и государственных учреждениях. Все это усиливало польский элемент, тормозило развитие литовской национальной культуры и тем самым отодвигало постепенно линию этнической границы в глубь литовской этнической территории.

Таким образом, *влияние окружающей национальной среды на характер этнической границы не абсолютно, а относительно.*

Польско-украинская этническая граница в Холмщине, которую Закржевский противопоставляет по типу польско-литовской этнической границе в Сувалкской губ., также требует анализа.

Материалы по этнографии Холмской Руси и сведения о расселении национальностей на территории этого края дают очень сложную картину (Материалы..., 1908; В. Францев, 1901). Более древнее, чем польское, украинское население (правильнее — восточнославянское) Холмской Руси к началу XX в. оказалось в значительной степени денационализированным. Польская колонизация этой земли, проводившаяся в течение несколь-

них столетий, совместное воздействие католической церкви (а позже и церкви униатской) и польской школы — все это произвело большие перемены в национальном облике местного населения и привело к ополячиванию целых районов (гмин). Правда, и само польское население, колонизовавшее край, живя среди украинцев, подвергалось некоторой украинизации; это сказалось на смешении в быту польских и украинских обычаев. Тем не менее влияние польского элемента по вполне понятным причинам было более значительным.

Рис. 2. Расселение украинцев и поляков в Холмщине в начале XX в. (по Францеву).

Территории, заселенные: 1 — украинцами; 2 — смешанным населением с преобладанием украинского; 3 — 50% украинцев и 50% поляков; 4 — смешанным населением с преобладанием польского.

«Смешанные браки, — писал А. Закржевский (1916, стр. 26), — покупка земельных участков, выход за заработками — все это ведет к смешению языков, и в сущности население знает и употребляет в обыденной жизни, по мере надобности, безразлично тот или другой из них». Н. А. Янчук рассказывает о том, как девушка, начав песню по-украински, закончила ее, сама того не заметив, по-польски. Францев, кроме того, отмечал, что наряду со смешением языков в Холмской Руси наблюдалось недостаточное отчетливое разделение населения по религиям и что этот признак (религиозная принадлежность) перестает быть критерием при определении национального состава населения. Как правило, все поляки — католики;

но в Холмщине не так уже редко можно было встретить поляков-православных. Имелась ли в данном случае одна из форм неполной полонизации православного (украинского) населения, или действительно эти православные были поляками по происхождению, — сказать трудно. Еще чаще наблюдалось обратное явление: население, говорившее по-украински и причислявшее себя к русским, придерживалось католицизма. Среди униатов же сплошь и рядом находились как те, кто считал себя поляками, так и те, кто причислял себя к украинцам.

«Разграничение соседних народностей на основании этнографических особенностей, в числе которых язык играет главную роль, — писал Закржевский (1916, стр. 26), — является несомненно наиболее справедливым и соответствующим реальным потребностям населения решением спорных национальных вопросов. Но, во-первых, как мы только что видели, это не всегда возможно, а, кроме того, в этом деле появляются иногда посторонние факторы иного характера, с которыми нельзя не считаться, как, например, сознательное стремление и тяготение населения в направлении другой, хотя бы и этнически разной национальной группы». Если в Сувальской губ. наблюдалось среди кулацких слоев литовской деревни определенное тяготение к польскому языку и польской культуре, то и среди обеспеченных и кулацких элементов крестьянского населения Холмщины находились украинцы, выдававшие себя за поляков, чтобы обособиться от простого народа.

Францев зафиксировал на карте полученные из разных источников сведения о языке и вероисповедании населения Холмщины. Составленная по картам Францева схема (рис. 2) показывает, что украинско-польский этнический рубеж в начале XX в. никак не может быть изображен в виде непрерывной линии, разграничивающей два сплошных этнических массива. Поиски такой линии заранее обречены на неуспех, ибо украинско-польская этническая граница в Холмщине представляла довольно широкую полосу, заполненную в тех или других численных пропорциях смешанным украинско-польским населением. В этом заключалась специфика такой границы.

Двух примеров, на которые ссылается Закржевский, конечно, недостаточно для общих выводов о типах границ. Необходим более разнообразный и более полный материал.

Работая над составлением этнографической карты зарубежной Европы, научный коллектив Сектора этнической картографии и статистики Института этнографии Академии Наук СССР детально ознакомился со спецификой различных этнических границ в Европе. Это обстоятельство дает возможность пополнить выводы Закржевского.

Сопоставление европейских этнических границ выявляет, что два типа этнических границ, выделяемых Закржевским, действительно реально существуют и резко отличаются один от другого. Но не все этнические границы европейских народов можно уложить в эти два типа. Взять хотя бы к примеру украинско-молдаванскую границу в северной Бессарабии (б. Хотинский у.) в начале XX в. Эта этническая граница отличалась от польско-литовской границы в Сувальском крае и от украинско-польской границы в Холмщине. Украинско-молдаванская этническая граница в северной Бессарабии интересна и потому, что она стала в настоящее время политической границей между Украинской ССР и Молдавской ССР на этом участке.

Академик Л. С. Берг дал в свое время описание этнографии и географического размещения населения Бессарабии (Л. С. Берг, 1918; 1923). В северной части этого края проживали украинцы, которые составляли древнейшее население Бессарабии. Территория б. Хотинского у., где жили

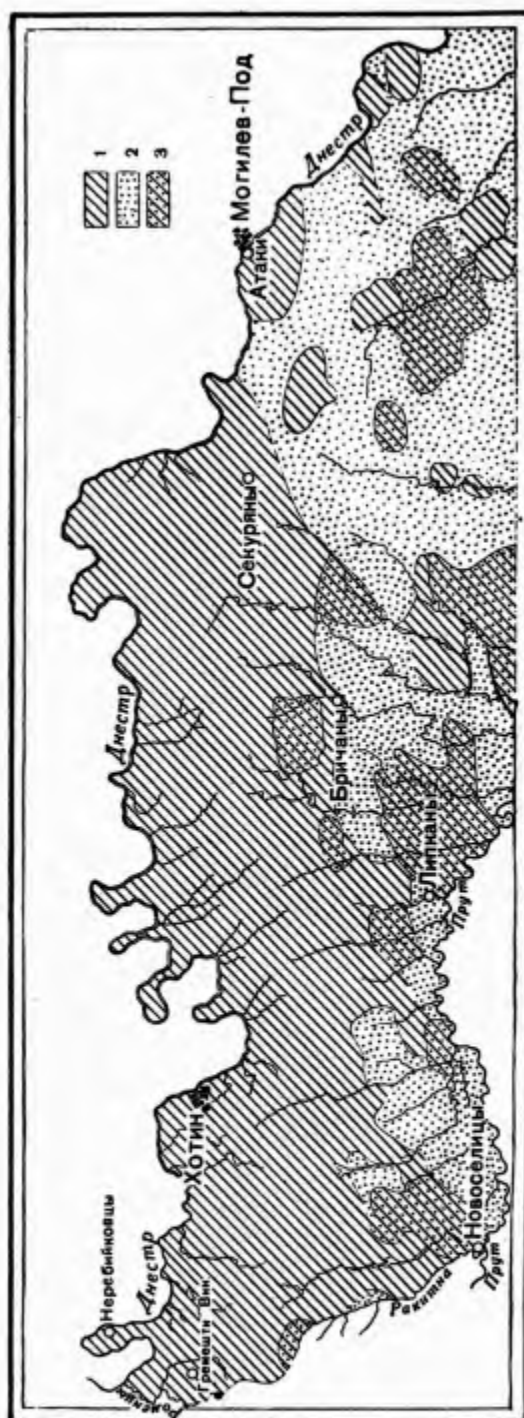

Рис. 3. Украинско-молдавская этническая граница в бывшем Хотинском уезде в начале XX в. (по Бутовичу).
Территории, заселенные: 1 — украинцами; 2 — молдаванами; 3 — смешанным украинско-молдаванским населением.

украинцы-старожилы, примыкала на севере к этническому массиву украинцев Подолии, с юга же она вплотную подходила к территориям, заселенным сплошь молдаванами.

Этнографические данные свидетельствуют о значительной близости молдаванской и славянской культур. По мнению Л. С. Берга, «язык молдаван, как и румын вообще, есть славянизированный язык романского (латинского) корня. В народном языке около половины слов славянского происхождения; образованные румыны стараются заменить славянские слова латинскими, и в литературном языке славянизмов всего около 30%» (Л. С. Берг, 1918, стр. 87). «Слова, относящиеся к земледелию, домоводству, военному делу и к вопросам управления, в народном языке почти сплошь славянского корня, равно как и отвлеченные понятия» (1918, стр. 88). Близость молдаван к славянам по языку дополняется близостью некоторых молдаванских и общеславянских обычаев. Однако из этой близости молдаванской (и румынской вообще) культуры к общеславянской никак нельзя сделать вывод, что молдаванская и украинская культура одина. Хотя оба народа в течение многих веков живут бок о бок, язык их и обычаи отличны.

У хотинских украинцев были отличны от молдаван способы постройки жилищ, их убранство, национальная одежда, некоторые виды пищи, обычаи. Наряду с этим различием наблюдались черты сходства в способах приготовления пищи, в зимней одежде, в обрядах свадебных и похоронных. В пограничных селениях, где жили смешанно украинцы и молдаване, почти все украинцы говорили по-молдавански (кроме своего родного языка), а молдаване — по-украински. Проникновение в оба языка слов, заимствованных из языка народа-соседа, приняло такие широкие и стойкие формы, что можно было утверждать о существовании своеобразного говора, отличавшего пограничные села. Основываясь на высказываниях П. А. Нестеровского (1910) и А. Кочубинского (1903), Л. С. Берг пришел к выводу, что в начале XX в. в Бессарабии происходило постепенное о молдаванивание украинского населения (1918, стр. 121—122; 1923, стр. 16), но материалы, приводимые В. П. Бутовичем (1916, стр. 10—11), не подтверждают этого заключения в отношении украинцев Хотинского у. Наряду с о молдаваниванием некоторых украинских сел, Бутович отмечает украинизацию других, молдаванских сел. Этот процесс охватывает узкую полосу пограничных селений, да и то не по всей длине пограничной линии, и не нарушает общей картины стойкого сохранения как украинским, так и молдаванским населением своего языка и национальной культуры. Подобное устойчивое сосуществование двух национальных культур объяснялось, вероятно, тем, что и молдаване и украинцы принадлежали в царской России к одинаково угнетенным нациям.

Составленная на основании материалов В. Н. Бутовича схема географического размещения украинцев и молдаван в северной части Бессарабии в начале XX в. (рис. 3) показывает своеобразие украинско-молдаванского этнического рубежа. На этом рубеже нет такой четкой линии этнической границы, как на польско-литовском рубеже в Сувалском крае, но нет и того смещения национальностей, которое характерно было для польско-украинского рубежа в Холмщине. Можно поэтому выделить третий — промежуточный — тип этнической границы, специфический для тех районов, где соприкасаются своими этническими территориями народы, близкие по культуре и политически равноправные (т. е. или одинаково угнетаемые, или принадлежащие оба к командующим нациям), но не близкие по языку.

4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А. Риттих (1885, стр. 5) мимоходом отметил, что конфигурация границ зависит от «крепости и устойчивости того или другого народа». Это замечание затрагивает очень важный вопрос — о влиянии агрессии государств-соседей на формы как политических, так и этнических границ. Современные политические границы в результате экспансии народов-завоевателей далеко отошли от прежних этнических рубежей, хотя у господствующих классов в эпоху капитализма всегда существовало стремление подтягивать этнические границы народа-поработителя к пограничным рубежам своего государства. Практическим выражением этого стремления было поселение вдоль линии государственной границы колоний крестьян командующей национальности. Массовая колонизация крестьян требовала наличия свободной рабочей силы во внутренних областях государства. В середине века колонизация в Европе сводилась лишь к захвату феодалами-завоевателями земельных угодий в пограничных районах и к принуждению местного населения выполнять феодальные повинности на этих землях (см. Д. Егоров, 1915₁, стр. 470—471 сл.; 1915₂, стр. 540—542). О денационализации местного населения должны были заботиться главным образом священники; но до тех пор, пока к этому делу не была привлечена школа, процесс национальной трансформации покоренных народов проходил крайне медленно. В течение 400 лет, например, линия этнической границы литовцев в Восточной Пруссии (вплоть до начала XVIII в.) мало изменилась.

Существенно большие результаты получались тогда, когда в пограничные районы переселялись крупные группы крестьян из внутренних областей страны. После чумы 1709—1710 гг. в Восточную Пруссию в течение 25 лет было переселено около 30 000 немецких крестьян. Они расселялись на участках, потерявших своих владельцев во время чумы (см. М. Beheim-Schwarzbach, 1879). Будучи посажены компактными группами в разных местах страны, немецкие колонисты (среди которых находилось большое число зальцбургских крестьян-протестантов, бежавших из своей страны от религиозных преследований) значительно облегчили германизацию местного населения. Вселение колонистов создало глубокие вклинения немецкого этнического элемента в литовский этнический массив и тем самым изменило линию этнической границы. Тем не менее, даже в этой, подвергшейся массовой (по масштабам того времени) колонизации стране нельзя было вплоть до конца XVIII в. наблюдать процесс быстрой и сплошной денационализации туземного литовского населения. Для феодалов не играла особой роли национальность зависимых крестьян. Более того,

поскольку крестьяне-литовцы беспрекословно выполняли феодальные повинности, а немецкие колонисты (в особенности свободолюбивые зальцбургцы) противились этому или вовсе отказывались от зависимого труда¹, помещики предпочитали иметь дело с крестьянами-литовцами. Над ними помещикам было легче поддерживать свое классовое господство и сохранять нерушимой сословную пропасть, которая подчеркивалась отличием в языке (немецкий язык «господ» и литовский язык «народов»). Большая часть зальцбургских колонистов вскоре покинула предоставленные им наделы и выехала из Пруссии, а вместе с ними исчезли и те элементы, воздействие которых ускорило германизацию.

Подобные же отношения между национальностями установились и на окраинах Польского государства, где польские помещики не очень горевали, что полонизация белорусской или украинской деревни проходит медленным темпом: «ясновельможные паны» гордились тем, что говорят на другом языке, чем «хлопы», и что вера у них другая.

В начале XIX в. в отношении господствующих классов к национальной проблеме произошел крутой перелом. Формировались европейские государства нового типа — национальные государства буржуазии, и для господствующих классов этих государств было уже далеко не безразлично, существует ли между народами, населявшими их территории, национальная общность. Это был период образования европейских буржуазных наций. «Нация, — писал И. В. Сталин, — является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»².

В многонациональном Австро-Венгерском государстве, которое поглотило несколько славянских народов, не успевших сформироваться в самостоятельные нации одновременно с немцами и венграми (опоздавших, как говорит товарищ Сталин³), общая численность славянского населения настолько превышала численность командующих наций (немцев и венгров), что не могло быть и речи о возможности в короткий срок денационализировать всю славянскую массу. Поэтому, не прекращая колонизации славянских земель, господствующие классы командующих наций предпринимали одновременно и другие шаги. Появился план проникновения немецкого и мадьярского элемента в семью и быт славян при помощи школьного обучения и административных мероприятий. Этот план не мог быстро изменить этнические границы славянских народов, но он должен был, в случае успеха, привести к постепенной ликвидации славянских этнических массивов. План не смог быть завершен вследствие распада Австро-Венгерской монархии, но результаты венгерской национальной политики можно видеть, например, на карте Б. Варсика (B. Varsik, 1940), отображающей состояние мадьярско-словацкой этнической границы незадолго до второй мировой войны.

В Восточной Пруссии одновременное воздействие церкви, школы и административных мероприятий (национальная дискриминация поляков и литовцев, льготы немцам-колонистам, переселяющимся в Пруссию, запрещение употреблять польский и литовский языки в суде и других присутственных местах и пр.) привело в середине XIX в. к денационализации больших групп польского и литовского населения и превращению произведенных ранее немецких вклинений и вкраплений — в сплошные немецкие территории. Так создалась та прерывистая линия литовской этнической

¹ См. подробнее на стр. 198.

² И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 303.

³ См. там же, стр. 304.

границы в Малой Литве (Восточная Пруссия) со множеством литовских островов среди онемеченного населения, которая характерна для расселения национальностей на этой территории в начале XX в. (V. Vileišis, 1935, карта).

Путем вклинений в этнический массив лужицких сербов проходила немецкая колонизация в Лужицкой земле. Немецкие клинья разрезали лужицкую этническую территорию на две неравные части, а вслед за тем этнические границы лужичан стали, вследствие германизации коренного населения, отодвигаться внутрь Верхней и Нижней Лужицкой областей.

Насколько схожи методы проникновения агрессоров в инациональные территории, показывают данные о польской колонизации восточных земель.

Раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII в. прекратил поглощение Польским государством литовских, белорусских и украинских земель. До момента раздела Польша еще не успела войти в ту стадию социального развития, которая характеризуется образованием буржуазной нации, и потому массовая колонизация литовских, белорусских и украинских крестьян не была поставлена в порядок дня: в экономически и политически отсталом польском феодальном государстве сохранение сословнонациональных перегородок считалось более важной задачей, чем национальная консолидация. Но после раздела в отдельных, политических разобщенных частях Польши наблюдался рост национального самосознания, развитие «национальной идеи»; в результате этого усилились полонизаторские тенденции в отношении инационального населения. В Австрии (в Восточной Галиции), в России (в 10 губерниях бывшего Царства Польского и в смежных губерниях Западного и Юго-западного краев) польские элементы пытались играть ведущую роль в национальных взаимоотношениях населения. А. Закржевский (1916, стр. 111), свидетельство которого особенно важно в таком вопросе, так как его нельзя обвинить в недоброжелательстве по отношению к полякам, отмечает корни влияния националистически настроенных поляков на положение в указанных областях: «Вообще значение польского элемента в этом крае основывается не на его численности, но скорее на факторах социально-экономического порядка. В руках поляков находится до сих пор значительная часть крупной поземельной собственности: в Юго-западном крае, по данным, относящимся к 1909 году, во владении польских помещиков находилось 2 306 000 десятин, т. е. 16,4% общей землевладельческой площади; в северо-западных губерниях процент даже несколько больше. В этих поместьях многочислен класс арендаторов, приказчиков и служащих, большинство которых поляки». «Затем, представителем польского народного элемента, если не считать крестьян западной части Гродненской губ., принадлежащей к польской этнографической территории, является в этом крае преимущественно так называемая мелкая шляхта (мелкопоместные землевладельцы), которая с момента соединения Литвы с Польшей не переставала колонизовать этот край, начиная с ближайшего к польской Мазовии Подлясья и распространявшись затем на территорию нынешних Гродненской, Минской, Виленской и Ковенской губ., а в меньших размерах и в Юго-западном крае. Где они селились массой, там и до сих пор сохранили язык, вероисповедание и национальные традиции предков; в южных же губерниях теперь в большинстве случаев они и то и другое потеряли под влиянием окружающей малорусской среды и украинского языка».

Польские магнаты не играли большой роли в колонизации туземного населения: гораздо большее значение имела польская шляхта. Через нее прощивали в белорусскую, украинскую и литовскую деревню польский язык и польские обычаи, распространяясь на первых порах среди

деревенской буржуазии. Эксплуататорские группы населения среди угнетенных национальностей, как уже указывалось выше, легко и охотно поддавались денационализации. Так создавались среди литовских, белорусских и украинских этнических массивов небольшие островки ассимилировавшихся людей, добровольно отрехшихся от своего народа, чтобы стать ближе к классово-родственным им слоям господствующей национальности.

Значительно изменилось положение после того, как Польша в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России получила возможность объединить свои земли и создать национальное государство. Международная обстановка того периода позволила панской Польше включить в свой состав большие территории, заселенные непольскими народами. Чтобы удержать эти территории за собой и не допустить в них развития национально-освободительного движения, государство Пилсудского решило ополчать окраины, т. е. сделать то, что ход исторических событий помешал Польше выполнить в XIX в. В течение двух десятилетий католическая церковь, польская школа и польская администрация были заняты этой задачей. В пограничной полосе были поселены бывшие солдаты, «осадники», получившие большие земельные наделы; они выполняли не только колонизаторские, но и охранные функции. Подобными мерами польскому правительству удалось изменить прежние линии этнической демаркации — так объясняется то продвижение польской этнической границы на восток, которое произошло между первой и второй мировыми войнами.

Приведенные выше примеры, которые можно было бы умножить, показывают, насколько конфигурация этнических рубежей зависит от хода исторического развития и складывающихся в этом процессе национальных взаимоотношений.

Итак, современные этнические рубежи являются результатом сложных процессов. Линии их неустойчивы, находятся в состоянии изменения и поэтому должны устанавливаться лишь на определенную дату. При таких условиях может показаться утопией попытка классифицировать эти рубежи, свести их к нескольким немногочисленным типам.

Если бы классификация сводилась только к подразделению этнических границ по их формам, то следовало бы заранее предсказать неудачу подобной попытки. Этническая немецко-литовская граница в Восточной Пруссии, например, своими очертаниями в начале XX в. настолько резко отличалась от этнической польско-литовской границы в Сувалском крае в тот же период, что по внешней форме их никак нельзя было бы отнести к одной группе. Между тем этнические процессы, происходившие на этих границах, были схожи, как схожи между собою старший и младший братья. Заключались эти процессы в том, что литовцы, поставленные в худшие социальные условия (экономические и политические) и национально угнетенные, не имели возможности развивать свою национальную культуру, подвергались германизации и полонизации. Более пассивные элементы литовцев денационализировались, воспринимали чужой язык, чужие обычаи. Более стойкие и активные сопротивлялись денационализации, но внешнее воздействие было настолько сильным, что область литовской культуры с каждым десятилетием географически суживалась. Чужой язык вторгался в семью и быт, создавая на первых порах двуязычие как переходную ступень к полной утере родного языка. Молодежь с каждой новой сменой поколений все ближе придвигалась к черте, за которой постепенная денационализация превращается в полную ассимиляцию.

В Восточной Пруссии этот процесс зашел очень далеко и в первых десятилетиях XX в. обнаружилась совершенно явственно опасность того, что дальнейшая германизация коренного населения неизбежно приведет к пол-

ной денационализации небольшого числа литовцев, проживавших южнее Немана (Южно-Мемельская обл. в Восточной Пруссии накануне второй мировой войны). В Сувальском крае этот процесс несколько задержался: разрушительное действие полонизации было ослаблено на время тем, что поляки-землевладельцы и поляки-администраторы сами не принадлежали к командующей (русской) нации. На этой стадии этническая граница сохраняла четкость линий демаркации, и рубежи двух этнических массивов (литовского и польского) выступали совершенно отчетливо. Но эта стадия, характерная для начала XX в., сменилась совершенно иной конфигурацией той же границы после 1931 г., когда польский этнический элемент (если верить польским официальным статистическим данным) совершенно дезорганизовал остатки литовского этнического массива. Следовательно, различная конфигурация литовско-немецкой этнической границы в Восточной Пруссии в начале XX в. и литовско-польской этнической границы в Сувальском крае в тот же период объяснялась тем, что процесс денационализации коренного населения (в данном случае литовского) находился на разных стадиях своего развития.

5. ЭТНИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(Национальное самосознание и национальная принадлежность.
Родной язык. Язык в быту)

Учет этнического состава населения в ряде европейских стран существовал издавна, но он сводился к суммарному, составлявшемуся административными органами, подсчету хозяйств, главы которых относились к той или другой национальности (в основу клалось национальное происхождение). Только во второй половине XIX в. начинается более подробный, основанный на сплошных переписях учет национального состава населения.

Первой из стран Европы, применившей метод сплошного учета национального состава своего населения, была Бельгия. В 1846 г. она провела перепись населения, в которой фигурировал вопрос об употребляемом языке («главный, наиболее употребляемый язык»). Из формулировки вопроса видно, что в основу этнического учета был положен разговорный язык опрашиваемого. Во второй переписи (1856 г.) учитывался уже не один («главный, наиболее употребляемый»), а все языки, которыми мог владеть опрашиваемый. Таких языков предполагалось три: французский, фламандский и немецкий. Эта система этнического учета сохранилась в Бельгии и до сих пор.

Вслед за Бельгией сплошные переписи с учетом этнического состава населения начала проводить (с 1850 г.) Швейцария. В швейцарских переписях учитывались «наиболее употребительный и наиболее знакомый», т. е. разговорный, язык и вероисповедание опрашиваемого. В переписи 1850 г. учет проводился по общинам (в целом), в 1860 и 1870 гг. — по семьям: разговорный язык главы семьи признавался наиболее употребительным языком всех ее членов. Только с 1880 г. был поставлен индивидуальный этнический учет граждан республики.

В Германии вплоть до 1858 г. учет этнического состава населения велся несистематически и не носил сплошного характера. В 1856—1861 гг. в Пруссии была проведена первая сплошная перепись населения, в которой был поставлен вопрос о национальности. Основой этнического учета был признан родной язык («материнский язык»). Директор прусского статистического бюро того времени, Энгель (Engel, 1861, стр. 13) так аргументировал принятый для переписи метод: «Он (материнский язык) до известной степени равнозначен национальности... Если поставить вопрос так: на каком языке главным образом говорят в семье, — можно быть уверенным, что ответ даст нам сразу и национальность».

Учет этнического состава населения в Греции начался с 1856 г. и в Австро-Венгрии с 1857 г. Этот учет производился по признаку религиозной принадлежности. Греция потом перешла на учет по родному языку (инструкции не уточняют этого понятия) и религии, а Австро-Венгрия в основу этнического учета положила с 1880 г. «язык, употребляемый в быту».

В Италии учет национального состава населения начался с 1861 г., но лишь в тех общинах, где предполагалось наличие неитальянского населения. Учет производился по семьям, причем определялся «бытовой язык» только главы семьи. Этот способ учета сохранился вплоть до 1921 г. В 1921 г. была произведена сплошная перепись населения, в которой вопрос об обиходном языке («язык в быту») был включен в индивидуальную карточку опрашиваемых. Следующие переписи 1931 и 1936 гг. не содержат вопроса о языке, так как по фашистскому закону все итальянские подданные должны были считать себя «итальянцами».

В Болгарии в первой переписи 1880 г. имелся вопрос о языке опрашиваемого; кроме того, в этой переписи (как и в последующей переписи 1886 г.) учитывались место рождения и вероисповедание. Определение, что такое «родной» язык, дано было только в инструкции к переписи 1905 г., где было сказано, что это язык, «на котором опрашиваемый говорит с детства в домашнем быту». Это, пожалуй, одно из наиболее точных определений родного языка во всех западноевропейских переписях.

В Сербии переписи, включающие вопрос о национальности, проводились с 1884 г. В Югославии в переписях 1921 и 1931 гг. учитывались родной язык и религия.

В Польше в переписи 1919—1921 гг. был поставлен вопрос о национальной принадлежности и религии; в переписи 1931 г. учитывались язык и религия. По инструкции к переписи 1931 г. в индивидуальную карточку опрашиваемого нужно «вписывать тот язык, который данное лицо считает наиболее близким себе. Обычно это будет язык, на котором данное лицо думает и который употребляет в семье», т. е. язык разговорный, бытовой.

В Австрии в переписях 1923 и 1934 гг. в основу этнического учета был положен язык, на котором опрашиваемый думает и разговаривает в своей семье, т. е. язык бытовой, разговорный.

В Венгрии в переписях 1920 и 1930 гг. учитывались родной язык, национальность и вероисповедание, но понятие «родной язык» не уточнено.

В Голландии переписи ведутся с 1829 г. В последних переписях учитывается только религия.

В Румынии переписи начались с 1859 г. Вначале учитывалась только религиозная принадлежность опрашиваемых. В переписи 1940 г. в основу этнического учета положены национальная принадлежность (национальное происхождение), родной язык и религия.

В Норвегии и Швеции вплоть до 1930 г. учитывался национальный состав населения по признаку происхождения. В последних переписях сведения о национальном составе населения отсутствуют.

В Финляндии учет этнического состава населения ведется с 1858 г. В последних переписях учитываются разговорный язык и религия.

В Эйре учитываются разговорный язык и религия населения.

В Англии с 1891 г. учитывается на территории Уэльса и в соседнем графстве Монмутшир знание населением валлийского языка — как основного или как второго языка (вместе с английским). В Шотландии ведется этнический учет населения по признаку разговорного языка.

В Чехословакии в переписях 1921 и 1930 гг. учитывались родной язык (точного определения дано не было) и религия.

Совершенно отсутствует этнический учет населения в следующих европейских странах: Франции, Дании, Испании и Португалии.

В этностатистике зарубежных стран Европы употреблялось несколько приемов определения национального состава, которые условно можно разбить на два вида: 1) методы прямого опроса, называемые часто методами «субъективными», и 2) методы косвенного установления национальности по ряду этнических признаков; эти методы называются также «объективными».

При субъективных методах ответы опрашиваемых зависят от общественных представлений этих людей, их общественной психологии, и потому субъективные методы считаются также психологическими. В противовес им определение народности по «объективным» признакам, т. е. по признакам происхождения, языка, материальной культуры, быта, верований и пр., считается реалистическим способом выявления национальности или народности, ибо она определяется по реально существующим этническим особенностям.

Применение так называемых объективных методов требует от изучающего больших знаний и предполагает глубокое этнографическое изучение объекта; оно доступно поэтому в полной мере только ученым-специалистам. Кроме того, оно требует для обследования значительного времени. При массовых обследованиях и опросах, какими являются народные переписи, применение такого метода невозможно. И хотя в некоторых инструкциях переписчикам ставятся задачи, разрешимые только при помощи объективного метода, на практике применение его сводится к опросу населения о родном языке, этническом происхождении и религии. В таком виде этот «объективный» метод мало отличается от метода «субъективного».

В основе субъективного метода лежит убеждение, что опрашиваемый сам может ответить на поставленный ему вопрос о его национальности, если вопрос будет ясно и просто сформулирован. Казалось бы, что наиболее простой и радикальной формулой этого вопроса была бы следующая: «К какой национальности вы себя причисляете?» Практика проведения народных переписей и опросов показывает, однако, что прямая постановка вопроса о национальности не всегда дает правильные результаты, ибо в ряде случаев опрашиваемый или затрудняется дать прямой ответ, или его ответ расходится с мнением окружающих и стоит в явном противоречии с данными об этническом происхождении. Так как причины такого несоответствия результатов с предполагаемыми «правильными» ответами имеют какую-то закономерность и связаны не только с личной «психологией» людей, а с их общественным бытием, совершенно необходимо эту закономерность вскрыть.

Прежде всего совершенно очевидно, что для правильного ответа на вопрос о национальности необходимы следующие основные условия, которые устанавливаются логически: 1) отчетливое представление опрашиваемого о характере его этнической общности с другими людьми, т. е. наличие развитого национального самосознания, и 2) возможность открыто и свободно высказывать свое убеждение об этом.

Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека. Оно развивается из более примитивных форм сознания этнической общности.

В первобытно-общинном строе сознание этнической общности проявлялось в формах, исторически связанных с родом и племенем. Общность родовая фиксировалась в сознании членов рода, как единство происхождения от далеких предков, и поддерживалась традициями, экзогамными и другими запретами, обычаем кровной мести. Отражением в сознании людей родовой общности являлись дожившие у некоторых народов вплоть до наших дней родословные и предания о происхождении отдельных родов.

Более развитой формой этнического сознания людей в первобытно-общинном строе, формой, имевшей свое внутреннее развитие и сохранявшейся в рабовладельческом и отчасти даже в раннефеодальном обществе, — было сознание принадлежности людей к определенному племени.

Ф. Энгельс отмечает как специфическую особенность племенной организации наличие у племени собственной территории, самоназвания и племенного диалекта¹. Племенная организация была стойкой основой для развития у членов племени родоплеменного этнического самосознания, отражавшего действительно существовавшую общность всех членов племени. Подобное самосознание имелось не только у индейских племен, описанных Л. Морганом, — оно существовало и у других народов в период родового строя. Цезарь (в «Записках о Галльской войне») и Тацит (в «Германии») рассказывают, как родоплеменная общность сказывалась у галлов и германцев при соприкосновении их с иноплеменниками: каждое племя считало всех своих членов настолько тесно связанными друг с другом родственными узами, что давало (и брало) заложников, отвечавших своей свободой и даже собственной жизнью за добросовестное выполнение остальными членами племени принятых ими на себя обязательств. Этот обычай мог развиваться лишь потому, что племенная общность считалась неизбежной основой всего общественного устройства этих народов.

У североамериканских индейцев племенная общность, как правило, не превратилась в более сложные и развитые формы этнической общности. «Дальше объединения в племя подавляющее большинство американских индейцев не пошло, — указывает Ф. Энгельс. — ...Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с её устранением распадались»². Однако и среди индейских племен имелись отдельные длительно существовавшие союзы — вроде федерации ирокезов, которые занимали большие территории. Ко времени вторжения европейцев на американский континент индейцы не знали ни скотоводства, ни пашенного земледелия, и их общественный строй оставался примитивным. Дальнейшее развитие социальной организации у индейцев было задержано европейской колонизацией, а потом и вовсе прекратилось, когда местное коренное население, оттесненное в неудобные районы, бедные дичью, стало вымирать и прямо физически истребляться. Вследствие этого собранный Л. Морганом этнографический материал об ирокезах, несмотря на все свое громадное научное значение, не дает оснований для суждения о более сложных и более поздних, чем родоплеменная, формах этнической общности.

Исторические источники, касающиеся современных европейских народов и народов древнего мира, также крайне скудно освещают тот период, когда место родовых учреждений у этих народов начинают занимать учреждения территориальные. Если к бедности исторического материала прибавить и методологическую неразработанность самой проблемы ранних форм этнической общности, то станет понятной причина отставания научных исследований в этой области. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин указал путь не только для преодоления кризиса в языкознании, но и для дальнейшего развития других наук. Пользуясь этими руководящими указаниями, советские ученые предприняли новые большие исследования во всех областях знания, в том числе и в области истории и этнографии. Следует ожидать поэтому, что в ближайшем будущем появятся труды, в которых будет раскрыта проблема ранних форм этнической общности.

¹ См. Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 103—104.

² Там же, стр. 106.

История древних и современных европейских народов, отраженная в памятниках письменности, застаёт их уже на той ступени, когда родоплеменные связи находятся в упадке и их место занимают связи территориальные. Многие племена, связанные в прошлом общностью происхождения, впоследствии расселились на больших территориях и делились друг от друга огромными пространствами, но, тем не менее, в течение многих веков между этими племенами сохранялась этнолингвистическая близость. Исторический процесс, как показывают памятники письменности, по-разному протекал у различных племен: одни из них выросли в большие народы, поглотив другие племена; другие раздробились и смешались с иноплеменниками; третьи пережили и процесс дробления, и процесс восстановления и роста. Языки племен при этом претерпевали значительные изменения в отношении словарного состава, системы ударений, форм приставок, окончаний и т. п., но языковое родство, заключающееся в наличии в прошлом у этих племен единого словарного фонда и первоначального грамматического строя, продолжало стойко сохраняться, образуя те формы языковой близости, которые известны под именем групп или семей языков. Эта лингвистическая группировка народов дожила до наших дней.

Этнолингвистическая близость, более широкая, чем племенная общность, несомненно, имела свое отражение и в сознании людей, создавая те, не совсем отчетливые представления о «своих» и «чужих» людях и племенах, которые, например, обнаружил Юлий Цезарь (1948, стр. 15) у галлов. В одном месте «Записок о Галльской войне» он рассказывает о том, что эдуи, бывшие союзниками римлян, задержали поставки хлеба римскому войску под влиянием агитации, утверждавшей: «раз уж эдуи не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам». Речь идет, вероятно, именно об этнолингвистической близости эдуев другим галльским племенам, а не о политических соображениях, ибо в вопросах войны и мира эдуи поступали иначе: известно о том, что эдуи заключили военный союз с римлянами против секванов, которые были кельтами, подобно самим эдуам. Секваны же и арверны, борясь с другими кельтскими племенами, привлекли на свою сторону свевов, т. е. германцев (Юлий Цезарь, 1948, стр. 23).

Родовые языки, как указывает И. В. Сталин, развиваются в языки племенные, языки племенные — в языки народностей¹. Этнические общности развиваются таким же образом и вслед за племенем следует новая форма этнической общности — *народность*. С существованием такой формы общности, пришедшей на смену родоплеменной общности, знакомят нас исторические источники, относящиеся к многим народам — как европейским, так и внеевропейским; но как произошел переход от одной формы общности к другой — пока еще никем точно не установлено.

«В поэмах Гомера,— отмечает Ф. Энгельс,— мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединёнными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена все же ещё вполне сохраняют свою самостоятельность. Они жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и начатками ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней естественно выросшей демократии. Отдельные народности вели непрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным учреждением»².

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 118—119.

Иногда этнические границы греческих народностей не выходили за пределы полисов, но существовали и более крупные народности, занимавшие целые области — например, ахейцы (у Гомера).

При военных столкновениях с народами и племенами чуждой культуры и возникавшей при этом угрозе чужеземного ига греческие полисы объединялись, создавая мощные этнотерриториальные союзы. Так случилось во время греко-персидских войн. Именно в это время появляется у Геродота общее название для всех греков — «эллины». Отсюда можно заключить, что под влиянием острой опасности сделаться данниками или рабами персов появилось у греков сознание более широкой этнической общности. Это не значит, однако, что сама эта общность отсутствовала ранее, до войны с персами; этнолингвистическая близость всех греков, вне зависимости от племенных делений, сказывалась хотя бы в том факте, что имелись общегреческие религиозные культы и общие места сборищ. Не случайно, вероятно, в «Илиаде» отсутствуют упоминания о каких-либо переводчиках, хотя в осаде Илиона (Трои) принимали участие многие племена греков, имевшие свои диалектальные отличия: эти отличия в большинстве случаев допускали свободное взаимопонимание населения почти всей страны.

Между племенами, как специфической формой этнической общности в первобытно-общинной формации, и народностями рабовладельческой формации имеется принципиальное различие: первая форма общности основана на принципе родства, общности происхождения, вторая — на принципе территориальном, общности расселения. Народности рабовладельческой эпохи — это этнотерриториальное образование; но это еще не народности в современном понимании. Народности рабовладельческой эпохи включали в свой состав только *свободных* людей, и потому большая часть населения — *рабы* — стояла вне этой формы этнотерриториальной общности. Обычно народности рабовладельческой общественно-экономической формации не имели особых этнонимов, самоназваний; члены такой общности называли себя или жителями того города, где они обитали, или, когда дело касалось происхождения, обозначали себя по своей прежней племенной общности. В Афинах, например, только после реформы Солона прежние родовые деления потеряли свое значение и заменились территориальными.

Феодалная эпоха принесла с собой нечто новое в отношении форм этнической общности — создание *народностей* иного типа, чем те, которые существовали во время рабовладельческого строя.

Если взять за основу изучения феодального развития стран Западной Европы, то в них после распада Римской империи отмечалось быстрое разрушение родоплеменных связей, в особенности среди германцев. Так как германские племена отняли у местного населения бывших римских провинций и самой метрополии две трети земельных обработанных участков и поделили их между собой, расселившись среди побежденных, то родовые деления у германцев должны были стереться, ибо «...чем больше постепенно сливались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, ещё достаточно часто заметны следы её происхождения из отношений родства членов общины»¹.

На примере Франкского государства Ф. Энгельс показывает, каким образом распадался родовой строй завоевателей. «Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового устройства; совет старейшин, если он не исчез давно, не мог бы

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 171.

собирались и был вскоре заменён постоянными приближёнными короля; старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также становилось всё более и более собранием лишь низших военных начальников и новой нарождающейся знати¹. Государство той эпохи распадалось на множество феодальных владений, формально объединенных в большие или меньшие королевства, княжества, герцогства, но в этих владениях потеряли уже прежнее значение родоплеменные связи. Были разрушены также классово замкнутые этнотерриториальные объединения рабовладельческой эпохи, аналогичные «*populus romanus*». Сформировались новые народности, в состав которых входили близкие по культуре и языку территориальные группы населения, без учета их классовой принадлежности. В этом было принципиальное отличие структуры народностей феодальной эпохи от прежних народностей эпохи рабовладения.

Образование народностей в современном смысле слова проходило в средние века в обстановке противоречивой, как противоречив был в своей основе весь феодальный строй. Хотя экономический стержень его заключался в господстве натурального хозяйства, в бóрах этого общества находились ячейки, развивавшиеся в центры менового и денежного хозяйства: это были города — средоточие ремесленного и позже промышленного производства, торговли, денежного обращения. В непрерывной борьбе натуральных и товарно-денежных тенденций феодальной экономики зарождались новые капиталистические общественные отношения. Но натуральное хозяйство — это экономическая и политическая изолированность областей, слабое развитие транспорта и средств связи, узость сознания, преобладание областнических («земляческих») представлений о человеческой общности². В противоположность этому товарно-денежное хозяйство — непрерывное расширение районов производства и обмена, объединительные тенденции в политике, постепенный рост новых форм сознания, представлений об общенародных интересах. Эти противоречивые тенденции феодализма, соответствовавшие натурально-хозяйственному и капиталистическому укладам, существовавшим в его недрах (из которых первый уклад все в большей мере олицетворял прошлое, а второй представлял приближающееся будущее нового общественного строя), наблюдались одновременно. Поэтому наряду с широким распространением областнических форм сознания народной связи, бывших своеобразной смесью этнических представлений о «едином» происхождении с представлениями локально-географическими, — постепенно развивается более широкое понятие народности как устойчивой общности людей, говорящих на одном языке, близких по культуре и быту.

Во многих случаях новое понятие (народность) покрывалось еще более широким представлением о религиозной общности, и сознание принадлежности к определенной религиозной группе зачастую мешало развитию отчетливого национального самосознания. Религии средневековья считали только своих последователей *правосверными* («католики», «ортодоксы», «мусульмане») — это обозначало отрицание для всякой другой религии права на существование и имело следствием принудительное изменение не только верований «обращаемых», но в ряде случаев и их общественного и семейного быта.

«Католики» — и «еретики», «православные» — и «язычники», «мусульмане» — и «неверные», — вот по какому принципу делилось современни-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 173.

² В русской истории можно найти немало примеров таких же представлений у жителей обособленных в прошлом областей: «мы рязанцы», «мы ярославцы», «земляки» — люди, происходящие из одной и той же области, «земли».

ками население многих стран. Альбигойцы, гугеноты, богомилы — или шииты, суфии и т. д. представляли собой, конечно, не этнические объединения, но членов каждой из этих сект связывали, кроме общего мировоззрения, многочисленные общие интересы — экономические и политические. Особенности мировоззрения отражались и на быте, придавая ему известное своеобразие.

Появление *национальной* общности связано с новой общественно-экономической формацией — капиталистической. «Конечно,— пишет И. В. Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм»,— элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»¹.

Чем отличается национальная общность от других, более ранних форм общности? Товарищ Сталин так определил ее происхождение и отличие: «Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»².

Но не всякая устойчивая историческая общность людей есть нация. Для национальной общности необходим еще ряд других признаков: «...нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»³.

Нация не создается путем простой трансформации существовавших ранее этнических общностей — родоплеменной, народной (народности). Нация не только новое, но и качественно отличное этническое формирование.

Процесс рождения буржуазной нации сопровождается в то же время процессом оформления национального самосознания. Чем крепче становится единство нации, тем отчетливее формы этого самосознания; но для буржуазных наций вследствие классовой неоднородности их структуры и развивающихся внутри наций классовых противоречий подлинное единство является недостижимым идеалом.

В ходе развития буржуазного общества складывается новая социальная прослойка — национальная интеллигенция, которая становится идеологом общества и выразителем национальных устремлений народа в эпоху становления буржуазных наций. Эта интеллигенция оказывает большое влияние на развитие национального самосознания народных масс.

Ни один из последующих этапов развития этнической (национальной) общности не ликвидирует сразу и полностью тех понятий, которые сложились в более ранние эпохи. Это вызывается, во-первых, известным

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

² Там же, т. 2, стр. 292—293.

³ Там же, т. 11, стр. 333.

отставанием оформления идеологии масс по сравнению с общим ходом общественного развития, и поэтому наряду с передовыми формами идеологии сосуществуют и формы отсталые — как пережитки в сознании людей. Во-вторых, это связано с неравномерностью общественного развития отдельных стран и народов. В результате такой неравномерности могут параллельно существовать народы с высокоразвитым общественным строем и развитым национальным самосознанием, с одной стороны, и народы с отсталым общественным строем и примитивными формами этнического сознания, с другой стороны. В-третьих, сказывается диалектичность общественного развития и, в связи с этим, приспособление старых форм этнического сознания к новым для данного общества. В силу всех этих обстоятельств в современном капиталистическом обществе сохраняются у отдельных групп населения наряду с пониманием принадлежности к определенной народности или нации родоплеменные и земляческие представления об этнической общности.

Существование пережиточных форм этнического самосознания имеет гораздо большее распространение, чем принято думать, и оно оказывает отрицательное влияние на результаты народных переписей, ставящих перед собой задачу учета этнической (национальной) принадлежности населения.

Во многих странах зарубежной Европы накануне второй мировой войны существовали большие группы населения, не имевшие отчетливого национального самосознания, подменявшие его локально-географическими или земляческими представлениями. Так, например, в Польше во время переписи 1921 г. та часть крестьянского населения воеводства Восточного (Восточного воеводства), которая была по этническому происхождению белорусами, а по религии — католиками, на вопрос о национальной принадлежности часто отвечала: «тузейские» (местные), а на вопрос о родном языке — «говорим по-просту». В обработанных сводных данных по гминам и воеводству этих ответов, конечно, уже нет: если переписчик заносил подобный ответ на личную карточку, то в последующих стадиях обработки переписи «тузейские» люди, бывшие католиками по религии, зачислялись в графу «поляки». Было бы ошибочно объяснять в данном случае неточные ответы белорусов-католиков только моральным давлением окружающего польского населения (что, конечно, также имело место: следует помнить, что поляки — помещики и шляхтичи, не признавали белорусов особой народностью и что белорусские крестьяне были для них просто «люди», а белорусский язык — «простым» языком). Причина заключалась в том, что многие белорусы-крестьяне подразделяли сами себя на людей «с польской верой» и людей «с русской верой». Национальное самосознание затмевалось и подменялось у них сознанием религиозной общности. А так как в условиях шовинистической национальной политики пилсудчиков белорусская интеллигенция не имела возможности развиваться, ибо белорусский язык был полностью устранен из официальной и общественной жизни, из школы, суда и церкви, — то национальная идеология тех сотен тысяч белорусских крестьян-католиков, которые заблудились в дебрях таких отвлеченных для них понятий, как «национальная принадлежность» и «государственная принадлежность», не могла быть отчетливой.

Основной причиной этого был национальный и классовый гнет (что в данном случае почти в точности совпадало) поляков как господствующей нации и польских помещиков как господствующего класса, гнет, мешавший развиваться национальному самосознанию белорусского крестьянского населения в Польше той эпохи.

В 1938 г. чехословацкий этнограф Ян Гусек предпринял обследование восточных районов Словакии с целью выявить национальный состав мест-

ного населения. Он пользовался различными методами: задавал прямые вопросы о национальной принадлежности, о родном языке, изучал особенности материальной культуры, обычаев, пытался даже использовать археологию и антропологию для своих целей¹. В обследовании Гусека выяснилось, между прочим, что значительные группы населения (иногда население больших районов) не могут дать прямого ответа на вопрос о своей национальности. Крестьяне говорили, что они не знают, как себя считать — словаками или украинцами («руснаками»). «Язык у нас словенский (т. е. словацкий), — говорили они, — а вера русская» (греко-унгватская). Такая неотчетливость национального самосознания объясняется, вероятно, тем, что в этих районах происходила постепенная этническая ассимиляция словаками местного населения украинского происхождения. Ассимиляция облегчалась близостью языков (словацкого и украинского) и обычаев, но она еще в то время не завершилась — и это отразилось на неясности форм этнического сознания.

В 1945 г. Югославский Адриатический институт провел перепись населения в Юлийской Крайне с целью выявить национальный состав населения. В районе юго-западнее Триеста около 7000 человек, живших компактно, отказались ответить на вопрос о национальной принадлежности, заявив, что им самим она неясна. Они свободно и одинаково хорошо владели двумя языками — итальянским и хорватским или итальянским и словенским. По религии они были католиками, а данные о своем этническом происхождении считали «несущественными» для определения национальности. Часть двуязычных итало-хорватов (или итало-словенцев) признала себя потом хорватами или словенцами, но на это повлияли политические причины, а вовсе не внутреннее убеждение.

Можно было бы увеличить число таких примеров, взятых из различных районов Европы, когда те или иные группы населения не могут ответить правильно или отказываются отвечать на вопрос о своей национальной принадлежности. В наиболее промышленной капиталистической стране Европы — в Англии большие группы населения не в состоянии ответить на вопрос, являются ли они англичанами или шотландцами. Это указывает на то, что для опрашиваемых неясна их национальная принадлежность.

Трудности возникают, как мы видели, для целых групп населения; еще чаще становятся они на пути отдельных лиц. «Нет сомнения, — писал И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и национальный вопрос», — что на первых стадиях капитализма нации сплавиваются. Но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства; при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык»². Наряду с этим наблюдается распространение смешанных (в национальном отношении) браков, разрывающих прежние этнические связи, причем новое поколение не обязательно продолжает этнические традиции своих родителей. Сплошь и рядом бывает, — особенно, если муж и жена принадлежат к различным национальным меньшинствам, — что дети выбирают себе национальность иную, чем национальность родителей. Еще чаще бывает, что новое поколение находится в большом затруднении, как определить свою национальность.

¹ Работа эта, однако, не увенчалась успехом, потому что у обследователя не было четких методологических установок.

² И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 327—328.

Во всех случаях незаконченного процесса этнической ассимиляции сознание этнической общности не может быть достаточно отчетливым. В таком положении находятся многие национальные меньшинства в капиталистических странах, даже в условиях компактного расселения; в условиях же рассеянного расселения, вызываемого ходом капиталистического развития, сознание этнической общности с народом, с которым человека связывает лишь происхождение, подвергается все большим испытаниям и в конце концов сходит на-нет.

Национальное угнетение, как правило, задерживает развитие национального самосознания у угнетенного народа и препятствует формированию национальной интеллигенции. В далеко идущие планы национального закабаления народов, вынашивавшиеся господствующими классами капиталистических стран в начале империалистического развития, входила задача затруднить (если не было возможности совсем прекратить) образование национальной интеллигенции у угнетенных народов. Достигалось это разными средствами, среди которых школа играла самую видную роль. Так как основная масса национально угнетенных народов в Европе состояла из крестьян, то всячески затруднялось получение крестьянскими детьми образования, а дети кулаков, мельников, сельских торговцев и прочей сельской буржуазии обучались в таких учебных заведениях, где им прививались национальные воззрения господствующих наций и где их готовили к профессиям, могущим оказать пользу делу национального угнетения, т. е. делали из них попов, чиновников, переводчиков. Из среды получивших образование детей сельской буржуазии создавались кадры национальных ренегатов, которые не только сами ассимилировались с господствующей нацией, но и служили проводниками ассимиляции в этнической среде того народа, откуда они происходили. Правда, отдельные образованные лица из этой социальной среды оставались среди своего народа, но таких случаев было немного.

Несмотря на всевозможные препятствия, процесс формирования наций у народов угнетенных всё же происходил и создавалась национальная буржуазная интеллигенция. После этого процесс развития национального самосознания у угнетенных народов идет необычайно интенсивно; чем резче при этом классовые противоречия, чем полнее слияние классового угнетения с национальным, тем более четко проявляется у национально угнетенных людей сознание этнической общности, которая в таком случае является и общностью классовой. Достаточно вспомнить процесс развития национального самосознания, например, у латышей в конце XIX — начале XX в., процесс, который ускорился и облегчился тем, что латышскому крестьянству как классу и национально угнетенному народу противостоял класс немцев-помещиков.

Национальный гнет всегда имеет своим следствием препятствия свободному выявлению национального самосознания у тех групп населения, которые не принадлежат к командующей национальности. Препятствия такого рода можно разделить на три группы: 1) препятствия политические, 2) препятствия моральные и 3) препятствия экономические.

Политические препятствия свободному проявлению и высказыванию национальных убеждений существовали и существуют во всех капиталистических государствах, хотя в разной мере. Большой или меньший «демократизм» (буржуазный демократизм) государственного строя сказывается и на национальных отношениях: «Нет в стране демократизации — нет и гарантии «полной свободы культурного развития» национальностей», — говорит товарищ Сталин¹. И в этом отношении в Швейцарии

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 338.

(где формально четыре народности — французы, немцы, итальянцы и ретоманцы — пользуются одинаковыми правами в национальном отношении) накануне второй мировой войны имелось больше возможностей для свободного проявления национального самосознания отдельных групп населения, чем было, например, в фашистской Италии. Тем не менее даже в самых «демократических» буржуазных странах нет настоящего равноправия национальностей. «Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, — указывает товарищ Сталин, — есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства»¹, и конституции этих стран «...молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций или рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций»². В такой стране, как США, неполноправность наций и рас проявляется наиболее оголенно, но то же положение присуще в более или менее завуалированном виде любой стране буржуазной «демократии».

Основным показателем неравноправия национальностей в буржуазных странах является вопрос о государственном языке, т. е. официальном языке государственных учреждений, суда, армии. В громадном большинстве капиталистических стран официальным государственным языком признается только язык господствующей нации; только в некоторых странах в судопроизводстве и в муниципальных учреждениях допускается употребление двух языков (Бельгия, Эйре, Швейцария). В Германии, Италии, Испании, Греции, Венгрии, Польше в период, предшествовавший второй мировой войне, наряду с обязательным употреблением официального языка существовало запрещение пользоваться языками национальных меньшинств в государственной, административной и общественной жизни.

Язык школьного преподавания в такой же мере, как и государственный язык, стал объектом дискриминации «неполноправных» национальностей. В США, Англии, Франции, Италии и во всех других капиталистических странах, кроме Швейцарии, Бельгии и Голландии, преподавание в средней школе (а в США, Англии, Франции и Италии также и в низшей школе) происходит исключительно на языках господствующих наций.

В поход против языка национальных меньшинств включилась также церковь, хотя протестантская церковь по необходимости все же допускала богослужение и конфирмацию на родном (не государственном) языке для тех, кто плохо владел или совершенно не владел государственным языком. Так как с течением времени школа все в большей мере расширяла круг лиц, владевших государственным языком, языки национальных меньшинств постепенно исчезали из богослужения.

Национальная дискриминация этим не ограничивается. Хотя ни в одной капиталистической стране не существует прямого (и открытого) запрещения принимать на государственную службу лиц, не принадлежащих к господствующей национальности, в действительности в ряде стран применялись и применяются те или другие ограничения в этой области и представители господствующей национальности получают предпочтение перед представителями угнетенных национальностей. Подобная же шовинистическая политика проводится также в отношении служащих муниципальных учреждений, а иногда даже и в частных капиталистических предприятиях предпочитают нанимать на службу лиц господствующей национальности. Под давлением национальной дискриминации менее стойкие элементы угнетенных национальностей отступают от своего народа,

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 524.

² Там же, стр. 516.

отказываясь от его языка, обычаев, традиций, и объявляют себя представителями господствующей национальности. Такое явление весьма распространено среди средней буржуазии, а также и среди интеллигенции, служащих и даже некоторых категорий высокооплачиваемых рабочих.

Моральное воздействие, мешающее в капиталистических странах свободному проявлению национального самосознания, осуществляется в различных формах. Прежде всего оно сказывается во влиянии окружающей социальной среды — соседей по дому, сослуживцев, знакомых. Далее, это воздействия классовые и сословные. В основе морального воздействия такого рода лежит политика классового угнетения, и оно непосредственно служит целям этой политики, хотя многие непосредственные участники и не отдают себе в этом отчета.

Представление об этнической оправданности деления людей на полноправных и неполноправных, «полюценных» и «неполюценных», «благородных» и «простых» есть идеологический стержень общественных воззрений всех эксплуататорских классов. Угнетатель, эксплуататор относится пренебрежительно к тем, кого он угнетает, и по самой природе социальной эксплуатации активный представитель класса эксплуататоров никогда не может быть гуманистом. Свое пренебрежительное отношение к людям, которые стоят ниже его на социальной лестнице и подвергаются его эксплуатации, он переносит на этнические группы. Отсюда пренебрежительное отношение к угнетаемым национальностям, эксплуатируемым народам. Прибалтийский немец-помещик презирал латышей и эстонцев, потому что они были крестьянами и работали на него, а для оправдания своего поведения изобрел глупую и клеветническую теорию о «неполюценности» эксплуатируемых людей в культурном и моральном отношениях. Точно так же поступает и помещик-рабовладелец из южных штатов США, с той только разницей, что к клевете о неполюценности эксплуатируемых в культурном и моральном отношениях он прибавил еще наглую выдумку о физической и интеллектуальной неполюценности их как представителей «низшей расы». Империалистическое угнетение колониальных народов, при котором сотни миллионов людей превращаются в бесправных рабов, расширяет пределы распространения расизма, с его гнусной идеологией человеконенавистничества и презрения к угнетаемым, на целые континенты. Поскольку в борьбу за передел мира и за мировое господство вовлечены все капиталистические страны и между ними идет непрерывная скрытая и открытая грызня, почва для шовинизма и идеологии национальной исключительности, а также для расизма с его «теорией» высших и низших рас имеется во всех капиталистических странах.

На этой почве расцветает бытовой расизм, пренебрежение к людям из угнетаемых народностей. Чтобы избавиться от морального воздействия бытового расизма, менее стойкие элементы угнетаемых национальностей, в особенности те, которые уже успели оторваться от простого народа — лавочники, кулаки, мелкобуржуазные интеллигенты и пр. — начинают скрывать свою подлинную национальную принадлежность, а то и совсем отказываются от этнической связи со своим народом.

Существуют и другие причины национального ренегатства. Процесс классового расслоения в капиталистическом обществе не считается с этническими связями и затрагивает, хотя и не всегда в одинаковой мере, наряду с народами господствующими и народы национально угнетенные. Из национально угнетенных масс выделяются свои эксплуататоры, своя сельская или городская буржуазия. Вначале это были единичные выходцы из крестьянской или ремесленной среды, отдельные представители новых капиталистических классов. Поднимаясь над своим народом, приобретая экономическую власть над окружающими крестьянами, они хотели

пользоваться всеми правами и почетом, предоставляемыми эксплуататорам принадлежностью к господствующей нации. Этническая связь (по происхождению) с «простым народом» принижала их в глазах других эксплуататоров — братьев по классу — и мешала им в моральном отношении чувствовать себя «господами», «панами», стоящими *над* простым народом. Так создавались предпосылки для национального ренегатства, для этнической ассимиляции значительных слоев сельской буржуазии — выходцев из национально угнетенной этнической среды. Но положение изменилось, когда дальнейшее экономическое развитие ряда стран привело к пополнению промышленной буржуазии выходцами из национально угнетенных народов и когда численно этот слой новой буржуазии стал достаточно велик и непрестанно пополнялся и рос. Отказ от своей национальности в этих условиях мог привести лишь к потере связи с народной средой, утрате потребителя. Было гораздо целесообразнее опереться на этнически близкие элементы, использовать этнические связи и представления народных масс для личного обогащения. «Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму», — так формулировал товарищ Сталин сущность национальных воззрений молодой буржуазии¹.

В этот период молодая буржуазия угнетенных народов всячески подчеркивает свои национальные чувства.

Когда разгорается национальное движение угнетенных наций и буржуазия апеллирует к «родным низам» (Сталин), чтобы вызвать сочувствие народных масс, условия борьбы закрепляют круг тех «национальных» представлений, которые связаны с отчетливым национальным самосознанием. Но активное участие в национальном движении требует от участвующих известных жертв, лишений, потому что борьба вызывает репрессии господствующих классов командующей нации (затруднения в свободном передвижении, лишение избирательных прав, стеснение пользования родным языком, запрещение национальной печати и пр.) и всяческие препятствия в отношении торговой и промышленной деятельности. Пассивные социальные слои угнетенной нации в таких случаях идут на компромисс и капитуляцию и не отстаивают свои национальные права. Поэтому всегда имеется большое число людей, предпочитающих не выявлять свою этническую принадлежность, уклониться от определения своей национальности, или желающим причислить себя к господствующей нации.

Экономические препятствия свободному выявлению национального самосознания не менее распространены.

Трудно было, например, рижскому домовладельцу-латышу в начале XX в. объявить себя латышом, если он знал, что получить ссуду под свое недвижимое имущество в Рижском городском банке может только немец. Такие же трудности возникали перед литовцем-торговцем и перед поляком-помещиком в Германии, перед славянином-ремесленником в Северной Италии, перед учителем-славянином в Венгрии и т. д. Эти прямые и очевидные трудности не были единственными. Бывали случаи, когда другие, косвенные — но тоже экономического порядка — причины оказывали в широких масштабах влияние на свободное выявление национального самосознания больших групп населения.

Современные капиталистические государства Западной Европы являются одновременно национальными государствами буржуазии господствующей нации. В составе этих государств вплоть до настоящего времени

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305.

наряду с нациями господствующими есть и нации или народности национально угнетенные, неполноправные. Накануне второй мировой войны и ранее — со второй половины XIX в. — внутри этих стран шла ожесточенная национальная борьба, которую вели «опоздавшие» (по выражению товарища Сталина) нации за право своего самоопределения. В результате Версальского мира политическая карта Европы была перекроена. Появились новые государства, образовавшиеся на развалинах Австро-Венгерской монархии или выделившиеся из состава Германии и России. К таким новым политическим формированиям относилась, например, Польша. Польское государство было щедро наделено Антантой в 1919—1920 гг. украинскими и белорусскими землями, но, когда дело дошло до выделения польских земель из состава Германии, союзники сделались необычайно осторожными и не пожелали устанавливать западных границ Польши в требуемых ею размерах. При этом делалась ссылка на то, что союзникам неизвестен действительный этнический состав спорных земель. Под нажимом версальских политиков Польша и Германия согласились на проведение в спорных областях (в Силезии) плебисцита, который должен был решить вопрос о государственных границах.

По предварительным сведениям, имевшимся в распоряжении польских политиков, большинство населения Силезии состояло из лиц польского происхождения. Об этом свидетельствовали данные о национальном составе землевладельцев и о наиболее распространенных фамилиях среди городского и индустриального населения, статистические данные о языке богослужения и т. д. Правда, значительное число лиц, носивших славянские фамилии, говорило в семейном быту по-немецки, но в польских правительственных кругах было распространено твердое убеждение, что перед лицом возрождающейся Польши померкнут германофильские тенденции неустойчивых славянских элементов силезского населения и «польское национальное чувство», польское национальное самосознание одержат верх над ассимиляционными настроениями.

В политическом отношении районы плебисцита обладали в то время сравнительно нормальными условиями для свободного волеизъявления населения. Разгром Германии в первой мировой войне привел к ослаблению немецких реакционных сил, и конституция Веймарской республики первых послевоенных лет давала возможность проведения более или менее широких выборов и референдумов в той мере, в какой их допускал капиталистический строй. Специальные наблюдательные органы, в которые входили представители версальского Верховного совета, следили за тем, чтобы во время подготовки плебисцита и в ходе его немецкая администрация не оказывала давления на население, принимавшее участие в голосовании. Словом, были созданы специальные политические условия, содействовавшие проведению плебисцита.

Польское правительство развило большую энергию в пропагандистской кампании перед плебисцитом, оно проводило ее с шумом и треском националистической фразеологии, взывало к историческим традициям, апеллировало к патриотическим чувствам, рисовало заманчивые картины создания «Великой Польши». Немецкая пропаганда проводилась в ином плане: по отношению к немцам она ограничивалась призывами быть тверже и не поддаваться запугиваниям, ибо — утверждала немецкая печать — «Силезия есть и будет частью Германии»; по отношению к национально неопределившимся элементам и силезским полякам немецкая пропаганда держалась иной линии поведения: она обращалась не к «чувствам» населения, а к его «разуму», к его экономическим интересам. В аграрной Польше, писала, например, немецкая социал-демократическая печать, промышленные предприятия Силезии захиреют, потому, что лишатся рынка сбыта,

а польское правительство не предпримет никаких мер для того, чтобы разместить оказавшихся безработными рабочих-силезцев. Неизбежное свертывание силезской промышленности приведет к разорению и городского населения Силезии, потому что сократится торговля, и даже крестьяне почувствуют последствия этих событий в результате уменьшения городского потребления сельскохозяйственных продуктов. Одновременно с печатной кампанией был пущен провокационный слух, будто бы в случае присоединения Силезии к Польше немецкие фабриканты переведут большую часть своих предприятий в Германию. Психологическое воздействие немецкой пропагандистской кампании на польских рабочих, служащих и крестьян Верхней и Нижней Силезии оказалось тем значительнее, что в их среде существовало большое беспокойство за свое экономическое будущее в пределах панской Польши. Не мог также не сказаться и известный консерватизм, боязнь перемен: к настоящему-де, как оно ни неудовлетворительно, мы привыкли, а что там в Польше будет, мы не знаем.

Польская печать писала также, будто в дни голосования в Верхнюю Силезию было переброшено из внутренних областей Германии много немцев, являвшихся уроженцами Силезии, но позже выселившихся оттуда, и что это якобы оказало громадное влияние на голосование. Правильнее, однако, заключить, что не эта причина, а колебания польского трудового и вообще городского населения Силезии решили судьбу промышленных районов во время плебисцита: большинство населения высказалось за оставление в пределах Германии. Национальное самосознание оказалось более слабым, чем экономические интересы, как они понимались самим населением.

При подготовке плебисцита в Силезии решено было поставить на голосование населения только вопрос о государственной принадлежности: можно было голосовать за Польшу или за Германию. Устроители плебисцита предполагали (или делали вид, что предполагают), что поляки будут голосовать за Польшу, немцы — за Германию. В действительности этого не случилось: за Германию голосовали все немцы и значительная часть поляков. Позже недовольные исходом плебисцита польские националистические публицисты объясняли неудачу тем, что формула плебисцита была-де составлена неправильно: следовало поставить на голосование вопрос «кем вы являетесь — поляком или немцем?» и в зависимости от ответов на этот вопрос отнести территорию с преобладающим польским населением к Польше, с преобладающим немецким населением — к Германии. Сомнительно, однако, думать, что результаты в таком случае были бы иными: голосование при плебисците было тайное; поляк, не желавший очутиться в пределах польского государства, несомненно написал бы, что он не поляк, так как предвидел бы результаты своего голосования.

Второй плебисцит, проведенный несколько позже (в 1920 г.) на датско-германской границе в районе Северного Шлезвига, также был призван выявить национальное самосознание населения. Речь шла о размежевании спорной территории между двумя государствами — Данией и Германией. Населены были спорные районы тремя национальностями: датчанами, немцами и фризями. Вследствие этого, даже при желании, нельзя было ставить вопрос о национальной принадлежности как основной вопрос плебисцита. Формула плебисцита гласила: «к какому государству вы хотите принадлежать: к Дании или к Германии?» Итоги плебисцита, проводившегося в сравнительно демократических условиях и без той злостной агитации, которая имелаась во время плебисцита в Силезии, показали, что национальная принадлежность населения не соответствует его государственным устремлениям. В районах преобладания мелкого землевладения большинство голосов во время плебисцита было подано за Данию; в районах, где жили

рыбаки или существовало крупное землевладение, значительное число голосов было подано за Германию. В поисках причины такого явления было обнаружено, что фризское рыбацкое население, например, голосовало за Германию потому, что туда влекли его экономические интересы: в Германии оно находило сбыт для своей рыбы, в Дании же фризские рыбаки встретили бы ожесточенную конкуренцию датского рыболовства. Аграрии-датчане голосовали, вероятно, также за Германию (это устанавливается подсчетом голосов по южным районам), не желая терять германского рынка для своей продукции; но одновременно некоторое число немецких крестьян (крупных крестьян, гроссбауэров) северных и средних районов голосовало за Данию, так как надеялось извлечь выгоды из датской экспортной политики, поощряющей производство масла и бэкона для заграницы. Экономические интересы населения в этом случае — как и во время плебисцита в Силезии — послужили помехой правильному выявлению национального самосознания.

Отсюда можно сделать вывод, что в капиталистическом обществе свободное выявление национального самосознания сопряжено с такими трудностями для представителей «неполноправных» народностей и этнических групп, что пользоваться *национальным самосознанием* как основным *этническим определителем* при народных переписях и массовых опросах было бы крайне опрометчиво. Поэтому употребляющийся в европейских переписях второй этнический определитель — *родной язык*, при всех его недостатках, все же является наименьшим злом.

Некоторые ученые, занимающиеся определением национального состава населения, склонны считать, что в отличие от национального самосознания, являющегося этническим определителем субъективного характера, родной язык может считаться этническим определителем объективного характера, ибо — по их мнению — исследователь всегда может проверить объективную правильность ответов опрашиваемого путем анализа его разговорного языка. Теоретически это верно: язык поддается объективному научному анализу, но практически переписчик лишен возможности осуществить такой анализ, потому что только в редких случаях обладает необходимой для этого лингвистической подготовкой. Сомнительно, чтобы и в будущем все переписчики при народных переписях были учеными-лингвистами. При отсутствии же лингвистической проверки ответы опрашиваемого о его родном языке превращаются в чисто субъективные утверждения.

В отличие от употреблявшегося в течение многих предыдущих столетий способа устанавливать национальный состав населения по его этническому происхождению (позже — по национальному самосознанию), применение понятия «*родной язык*» как одного из видов этнических определителей ведет свое начало только со второй половины XIX столетия. Научное обоснование этого способа устанавливать национальный состав населения было разработано наиболее полно немецким этноистатистиком Р. Бэком. Его работа «Статистическое употребление народного языка в качестве определителя национальности», опубликованная в 1866 г., и его доклад на эту же тему на Международном статистическом съезде в Петербурге в 1872 г. представляли собой теоретическое обоснование применения нового метода в этноистатистике.

Р. Бэк утверждал, что национальность прежде всего обнаруживается в языке народа, именно в народном языке, а не в языке официальном, государственном. «Любовь к языку своего народа, к языку семьи или, как называет его наша статистика, к материнскому («родному») языку, — явление не только немецкое, но общечеловеческое», — писал Р. Бэк (R. Voeckh, 1866, стр. 261). «Выше всего любовь к материнскому языку под-

нимается там, где господство чуждой национальности угрожает подавить родной язык: в этом, — утверждал Р. Бэк, — проявляется инстинктивно-пассивное сопротивление национального духа; но даже там, где две нации живут совместно и где государственный строй и бытовая обстановка одинаково их обеих поощряют, обнаруживается более теплая приверженность к своему родному языку: прусский литовец, поляк из Нижней Силезии забывают изученный ими в школе немецкий язык, родной же язык остается при них дома и является носителем их мыслей» (R. Voeshk, 1866, стр. 261). Как видно из приводимых цитат, основные положения Р. Бэка не были отражением узкого национализма или немецкого шовинизма, а объективно правильно оценивали значение национального языка как одной из важнейших форм национальной культуры.

Р. Бэк утверждал, что материнский язык является лучшим этническим определителем национального состава населения, поскольку он теснейшим образом связан с этническим бытом и национальным самосознанием населения. Все другие определители, по Бэку, были несовершенными, потому что ни этническое происхождение, ни государственная принадлежность, ни материальная бытовая обстановка, ни обычаи, ни религия, ни антропологические признаки не давали надежной основы для выяснения национального состава населения в современных условиях.

Борясь с прежними методами определения национального состава, Р. Бэк подверг их основательной критике. Однако значение своего метода он несколько переоценил, ибо не учел той обстановки, в которой этот метод будет применяться: через несколько десятилетий понятие «материнский язык» было путем разных толкований настолько сближено с понятием «языка, наиболее употребительного в быту», что был открыт широкий путь для всевозможных фальсификаций в этностатистике.

Предложенный Р. Бэком метод встретил резкие возражения со стороны австрийских статистиков, заявлявших, что он неприменим к многонациональным государствам, в которых значительные группы населения не пользуются «материнским языком» в своем быту. Так, например, в Австрии многие чехи говорят якобы в своих семьях по-немецки, но ни по происхождению, ни по бытовым особенностям к немцам причислены быть не могут, да и сами себя таковыми не считают.

Р. Бэк весьма скептически отнесся к этим утверждениям австрийцев. Он был сторонником мнения, что язык был и остается для статистики единственно правильным критерием определения национальности людей и что австрийцы получили бы удовлетворительные результаты, если бы построили этнический учет на основе материнского языка (R. Voeshk, 1866, стр. 302).

Метод, предложенный Р. Бэком, не универсален и не всегда достаточен для выявления подлинного национального состава населения, потому что могут существовать значительные расхождения между «материнским языком» (язык детства) и национальным самосознанием людей. Очевидно, без одновременного применения двух, взаимно проверяющих и дополняющих друг друга этнических определителей в этностатистике обойтись нельзя. К тому же практическое применение метода «материнского языка» в этностатистике значительно расходилось с декларированными Р. Бэком принципами.

Перепись, которую готовил и разрабатывал Р. Бэк (пруская перепись 1861 года), в отношении учета национального состава населения не была сплошной. Переписчик устанавливал родной («материнский») язык только главы семьи, всех же остальных членов семьи относил к той национальности, к которой, по его мнению, принадлежал этот глава семьи. В семьях ремесленников, где наряду с родными членами семьи проживали

под одной крышей подмастерья и ученики, национальность их определялась по национальности хозяина. Таким же путем устанавливалась и национальность домашней прислуги, батраков и сельскохозяйственных рабочих. Позже (с 1890 г.) германская статистика изменила метод опроса и улучшила учет, введя в этнотатистику заполнение личных карточек на каждого человека отдельно, но к тому времени инструкции переписи настолько упростили понятие материнского языка, что на практике стерлась грань между ним и языком бытовым.

Германская инструкция по переписи 1890 г. не давала точных указаний переписчикам, что именно следует считать родным языком. «Мы намеренно воздержались от разъяснения понятия материнский язык, — было написано в ней, — чтобы предоставить населению большую свободу в определении национальности» (A. Fircks, 1893, стр. 190). В инструкции по всегерманской переписи 1900 г. пришлось, однако, дать более подробные указания. «У каждого человека имеется родной язык, — сказано было там, — на котором он наиболее свободно говорит и на котором он думает». В таком понимании «материнский язык» мало отличался от разговорного. В 1905 г. в инструкции по переписи к указанной формулировке было добавлено одно слово, которое уточнило понятие «материнский язык» и сделало его действительно более близким к родному языку. Формула гласила: «Как правило, у каждого человека бывает всего один родной язык, на котором он с юности говорит более свободно и на котором он думает». В перепись был введен еще дополнительный вопрос: «Если ваш родной язык не немецкий, то владеете ли вы немецким языком в совершенстве?». Это была уже система учета двух языков. Положительный ответ на этот вопрос давал возможность отнести опрашиваемого к категории «двуязычных» и расширял число лиц, относимых к говорящим по-немецки. В следующей переписи (1910 г.) формулировка вопроса была несколько «сужена» (опущены слова «в совершенстве») и при желании давала возможность как переписчику, так и статистику, обрабатывавшему перепись, включать всех умеющих говорить по-немецки в число немцев.

Последующие германские переписи все больше «уточняли» формулу, которая в 1925 г. уже имела такой вид: «Обычно у каждого человека бывает только один родной язык, на котором он думает и которым он охотнее пользуется в своей семье и в домашнем быту, так как говорит на нем наиболее свободно». Перепись 1933 г. содержала ту же формулировку. В таком виде понятие «материнский язык» постепенно слилось с понятием языка в быту, т. е. к наиболее употребительному разговорному языку.

Несмотря на категоричность утверждения, будто по материнскому языку можно совершенно точно установить национальность опрашиваемого, сам Р. Бэк в своей практической деятельности избегал употреблять термины «языковой» и «национальный» как тождественные или родственные друг другу понятия в этнотатистике. Составленная им на основании переписи 1861 г. карта населения Пруссии называется не картой национального состава, а «языковой картой Прусского государства».

Любой способ опроса может дать объективно соответствующие действительности результаты лишь при отсутствии морального принуждения опрашиваемых. Такое условие не всегда соблюдалось. Этническая статистика почти с самого своего возникновения сделалась предметом внутри- и внешнеполитических махинаций командующих наций. Применявшийся до 1880 г. в большинстве стран Западной Европы (а в Италии — вплоть до 1921 г.) метод посемейного учета приводил в этнической статистике к преуменьшению данных о численном составе тех национальных групп, которые находились в экономически зависимом положении. В результате

такого способа учета получалось неправильное, искаженное представление о численности отдельных национальностей. Наиболее добросовестные статистики не могли не замечать этих результатов. Так, например, руководитель прусского статистического бюро Фиркс (A. Fircks, 1893, стр. 190) писал, что «цифры, полученные при переписи 1861 г. для каждого из языков, кроме немецкого, преуменьшены по сравнению с действительным числом лиц, говоривших в то время на соответствующем языке; немцы же, благодаря вышеописанному способу сбора сведений, представляются многочисленнее, чем они были на самом деле».

Переход к индивидуальному опросу и составлению личных карточек, включающих вопрос о языке, несколько улучшил дело, но не надолго. Вслед за этим стала совершенно явственно выступать тенденция официальных лиц и учреждений, ведавших демографической статистикой, дать такую формулировку понятия «родной», или «бытовой», язык, чтобы облегчить для переписчиков и лиц, обрабатывавших собранные данные, возможность причислить к господствующей нации тех людей, которые в той или иной мере владели государственным языком. Это делалось разными путями. С одной стороны, запутывалось понятие «родного» языка, а с другой стороны, переписчикам рекомендовалось всячески добиваться от опрашиваемого сведений о его умении говорить на языке командующей нации, чтобы потом иметь возможность сделать из этого соответствующие выводы о его национальной принадлежности. Какие грубые операции при этом производились, показывают, например, обнаружившиеся при выработке мирного договора с Италией после второй мировой войны дефекты австро-венгерской этнической статистики (перепись 1910 г.). Эта перепись преувеличила численность немецкого и итальянского населения за счет преуменьшения населения славянского. В основе австро-венгерской национальной политики лежало угнетение славянских народов. В тех областях, где немецкое население было немногочисленно или совершенно отсутствовало, австрийцы использовали в качестве проводников своей национальной политики эксплуататорские классы поляков (в Галиции) и итальянцев (в Юлийской Крайне). Итальянские помещики, промышленники и торговцы, в руках которых находилась вся местная администрация в словено-хорватских районах, подбирали кадры переписчиков и их инструктировали. В основе этнического учета переписи 1910 г. лежал признак «бытового» языка; после соответствующего инструктажа переписчики стали причислять к немцам всех тех, кто умел говорить по-немецки. Если опрашиваемый не знал немецкого языка, ему задавался вопрос, умеет ли он говорить по-итальянски, и в случае утвердительного ответа он превращался в «итальянца». И лишь при полном незнании немецкого и итальянского языков славянин мог быть зарегистрирован как славянин. Во введении к «Статистическим данным об этнической структуре Юлийской Крайны» (*Données statistiques...*, 1946, стр. V—VI) приведено несколько разительных примеров фальсификации переписных данных в 1910 г. В общине Валле (округ Кормело) переписчики обнаружили 296 итальянцев и только 6 хорватов, между тем как при предыдущей переписи (1900 г.) в этой же общине было 257 хорватов и 3 итальянца. В местности Нова Вас (Вилла Нова) возле Пореча (Паренцо) было зарегистрировано переписчиками 902 итальянца и 24 хорвата, в то время как только в одной из хорватских школ этого района обучалось 180 хорватских детей. В деревне Маттерада, где переписчиками было обнаружено лишь 119 хорватов, в начальной школе обучались исключительно хорватские дети, а в деревне Нерезине, где перепись 1910 г. установила итальянское большинство, нельзя было открыть итальянскую школу из-за отсутствия детей, знающих итальянский язык.

В некоторых переписях вопрос о национальности так формулировался в переписном бланке, что неизбежно должен был привести к неправильным ответам. Например, в бланк польской переписи 1921 г. был включен вопрос о «национальной принадлежности» населения (а не о его национальности). Переписчики, получившие, вероятно, инструктаж, постарались истолковать этот вопрос как равнозначный вопросу о подданстве. Что же получилось в результате? Адольф Крысинский, польский этноистик, вовсе не склонный отстаивать права национальных меньшинств, принужден был, однако, оценивая итоги переписи, сделать следующее замечание: «В 1921 г. в некоторых местах на территории восточных земель многочисленная группа населения, в то время совершенно чуждая польской национальности, путая национальность с гражданством, ошибочно указала на свою принадлежность к польской национальности» (А. Krysiński, 1932, стр. 7). Итоги этой польской переписи можно признать фантастическими — так исказили они действительно существовавшее положение вещей; но это не помешало позже реакционным польским политикам обосновывать свои территориальные притязания на востоке именно этими фантастическими цифрами.

Это вопиющие, бросающиеся в глаза факты. Но существуют менее заметные, однако все же серьезные искажения численности национального состава населения и в других странах Европы.

После прихода фашистов к власти в Италии и в особенности после захвата гитлеровцами государственного аппарата в Германии этнический учет населения в странах фашизма совершенно нельзя было принимать во внимание в научных исследованиях.

Можно отметить, кроме того, что не только в открыто фашистских странах, но и во многих европейских и внеевропейских странах так называемой «буржуазной демократии» (в Англии, США, Канаде) наблюдается ясно выраженная тенденция или вовсе отказаться от выявления национального состава населения, или преуменьшить численность той части населения, которая не принадлежит к командующей нации.

6. ЭТНИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ В ПЕРЕПИСЯХ И МАССОВЫХ ОБСЛЕДОВАНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Свободное выявление национального самосознания возможно только в стране, где отсутствует классовое и национальное угнетение. Таков Союз Советских Социалистических Республик, таковыми постепенно становятся страны народной демократии — в той мере, в какой они ликвидируют капиталистические отношения и создают базу для развития социализма.

В пределах Советского Союза существует множество разных национальных образований, начиная с мелких этнических групп и кончая нациями, насчитывающими в своем составе десятки миллионов человек. Социальные условия, существующие в Союзе ССР, способствуют консолидации национальностей. Социалистическая перестройка экономики народов, входящих в Союз ССР, бурный рост индустриального развития страны, укрепление советского строя создали условия для расцвета культуры, формирования новой интеллигенции из народа, появления мощных отрядов передовиков промышленности, сельского хозяйства, науки, техники, искусства, выдвижения на арену политической жизни крупных государственных деятелей, организаторов, администраторов. Этот процесс захватил все социалистические нации и народности Советского Союза.

Различные экономические уклады, существовавшие в недавнем прошлом, привели к тому, что советские народы в первые годы советской власти оказались на разных этапах общественного развития. Теперь эти уклады ликвидированы, но в человеческом сознании, к области которого относится и сознание этнической общности, сохранились пережитки более ранних стадий национального самосознания. У народов Крайнего Севера, у горцев труднодоступных горных долин Алтая, Памира, Дагестана существовали до недавнего прошлого представления о родоплеменных и локально-территориальных этнических связях. Укрепление социалистической экономики, постепенное устранение изолированности от других территорий и народов, развитие средств транспорта и связи, рост культуры и знаний об окружающем — все это сближает соседние этнические группы и вызывает тягу к объединению. На этом фоне происходит формирование новых народностей из родоплеменных и локально-территориальных этнических групп. Как указывает, например, Л. П. Потапов (1947, стр. 103), тюркоязычные народы Хакассии — качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы — в настоящее время сливаются в единую

хакасскую народность. О процессе такой же консолидации говорит Е. М. Шиллинг по отношению к локально-территориальным группам Дагестана. По его словам, три десятка дагестанских «народов» могут быть сведены (постепенно процесс такого объединения происходит) к шести родственным группам, из которых образуются народности. Эти народности следующие: даргинская, аварская, лакская, лезгинская, табасаранская, кумыкская. К даргинской группе относятся собственно даргинцы, затем кубачинцы и кайтаки; всех их объединяет близость диалектов и сходство этнической культуры. В аварскую народность входят аварцы, андии, ботлихцы, годоберинцы, каратаи, ахвахцы, багулалы, чамалалы, тиндии, дидои, хваршины, капучины и хунзалы; у них также создалась общность языка (близость диалектов) и этнической культуры. Лаки составляют особую народность. К такой же особой народности относятся кумыки. В лезгинскую народность входят собственно лезгины, агулы, арчинцы, рутулы, цахуры, хиналуги, джеки, хапутцы, крызы, будухи, удины. Табасараны составляют близкую к лезгинам, но пока обособленную народность.

Не все из указанных шести групп сформировались окончательно в народности, но все стоят на пути к этому. Значение такого объединения будет, конечно, очень велико для дальнейшего культурного развития всех этих народов: возрастет численность и компактность связанного этническими узами населения, а следовательно, увеличится база для развития культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Наряду с формированием новых народностей в Союзе ССР происходит консолидация социалистических наций. Примеров такой консолидации очень много. Можно указать на консолидацию латышской нации: с основным ядром этой нации — латышским народом — сближается по языку и быту латгальская народность. В далеком прошлом оба народа имели одинаковое этническое происхождение: латгальцы были одним из основных летто-литовских племен, но исторические судьбы латышей (народа, образовавшегося от слияния летто-литовских племен — земгалов, селов, куров и отчасти летголов — с западнофинским племенем ливов) сложились иначе, чем судьбы латгальцев — восточной группы племени летгола. Исторические условия и влияния по-разному сказались на языке, быте, религии обоих народов и этнически разобщили их. Теперь, в советских условиях, происходит процесс сближения латышского языка с латгальским диалектом, сближение латышской культуры с культурой латгальской. Так как оба народа находятся в составе одной республики — Латвийской ССР, политическое единство несомненно ускорит процесс национальной консолидации.

Происходит также консолидация таджикской социалистической нации путем присоединения к основному ядру этой нации, к таджикскому народу, небольших горских народов Памира: ваханцев, ишкашимцев, язгулемцев и шугнанцев. По своему этническому происхождению они отличны друг от друга, но в последние десятилетия их культура все больше сближается с таджикской, а язык заменяется таджикским языком. В этом сказывается ведущее положение таджикского народа в экономике и социальном строе в пределах Таджикской ССР.

Аналогичный процесс консолидации социалистических наций можно установить в Грузинской ССР, в Азербайджанской ССР, в Узбекской ССР, в Якутской АССР, где ведущие национальности — грузины, азербайджанцы, узбеки, якуты — образуют то ядро, вокруг которого национально консолидируются различные мелкие этнические образования. В процессе складывания новых этнических образований и консолидации существую-

щих сознание этнической общности, в своей наиболее развитой форме, т. е. в виде национального самосознания, имеет настолько отчетливую форму, что может быть признано надежным этническим определителем. Для советских граждан любой национальности не существует причин скрывать свою национальность, поэтому и свободное выявление национального самосознания ничем не может быть затруднено.

В советских переписных бланках населения, начиная с переписи 1920 г., существуют два вопроса, относящиеся к определению национальности: о народности (национальности) и о языке. В первых переписях за основу этнического учета бралось этническое происхождение, но уже в переписи 1926 и особенно в переписи 1939 г. опрос имел в виду национальную принадлежность, а не происхождение. Ответ на такой вопрос мог быть дан только на основе национального самосознания. Вопрос о языке имел своей целью выявить не язык детства, который называют обычно «родным» языком, а язык, наиболее привычный для опрашиваемого, на котором он думает и охотнее всего говорит в семье. Хотя в инструкции по переписи сущность этого вопроса была недостаточно разработана и требовала уточнения, в практической работе вопрос о языке, однако, гораздо менее затруднял переписчиков и опрашиваемых, чем вопрос о национальности.

Выявление национальности затруднялось тем, что в первые годы советской власти существовали этнические группы, не сложившиеся в народности. Для членов таких первичных этнических объединений было очень трудно без помощи переписчика сформулировать ответ о национальной принадлежности. В сомнительных случаях учитывались не только показания населения, но его язык и особенности культуры.

Каждый этнограф знает, как велика связь между национальностью и родным языком. Товарищ Сталин говорит, что «...национальный язык есть форма национальной культуры...»¹, и в народных переписях СССР два этнических определителя — национальность и язык — как бы корректируют друг друга.

Однако сам факт пользования тем или другим языком не всегда правильно определяет национальность опрашиваемого. И. В. Сталин в своей классической работе по национальному вопросу показал это на ряде примеров: англичане и североамериканцы говорят на английском языке, но они принадлежат к разным национальностям². Ирландцы, наоборот, говорят на кельтском и английском языках, но принадлежат к одной национальности. Такие расхождения в данных языка и национальной принадлежности объясняются исторически: в прошлом на английском языке говорили только англичане, а ирландцы говорили только по-кельтски. И если в настоящее время положение изменилось, то это является результатом длительного процесса колонизации англичанами Северной Америки, оккупации англо-саксами кельтских территорий, постепенной ассимиляции ирландцев.

Расхождения между данными о национальности и данными о родном языке существуют и в советских переписях. Чем они объясняются?

На эти расхождения обращает внимание П. Е. Терлецкий. Он указывает, что среди некоторых северных народностей наблюдается отход от прежнего «родного» языка, особенно в тех районах расселения, где отдельные группы этих малых народностей живут среди чужого этнического массива. Отход от родного языка можно в таких случаях считать признаком происходящей или происшедшей ранее этнической ассимиляции.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 294, 296, 300.

По словам П. Е. Терлецкого, явление этнической ассимиляции в этих районах имеет свою историю и никак не может быть отнесено к последним, т. е. советским, десятилетиям. В дореволюционной России, где культивировался великодержавный шовинизм и где национальные права населения, принадлежавшего к нерусским национальностям, всячески ущемлялись, коренные народы Сибири в правовом отношении относились к бесправным «инородцам». Эти народы были объектом самой безжалостной колониальной эксплуатации. Их язык не употреблялся ни в государственных учреждениях, ни в суде, ни в школе. Народы Сибири, как и многие другие малые народы России, не имели своей письменности. Всеобщая неграмотность и полное отсутствие местной национальной интеллигенции было прямым следствием колониальной политики царского правительства. Такое положение продолжалось вплоть до организации на Крайнем Севере советской власти.

Некоторая часть эвенкийского населения в более южных районах соседствовала с русскими, якутскими и бурятскими поселениями. В этих местах эвенки воспринимали от своих соседей навыки земледелия (от русских) и разведения крупного рогатого скота (от якутов и бурятов). Вместе с производственными навыками, свойственными этим формам хозяйства, в эвенкийский язык проникли термины, заимствованные из русского или якутского языка. Язык же, как говорит товарищ Сталин, «...связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»¹. Постепенно русский (или якутский) язык стал вытеснять у некоторых групп эвенков (и других северных народов) их родной язык, и последний стал отмирать. К началу XX в. эвенкийское население южных районов настолько привыкло пользоваться русским языком в своем обиходе и эвенкийский быт настолько сблизился с бытом местного русского (или якутского) населения, что этнические различия между ними стали почти незаметными. Примерно тот же процесс, по словам Г. Ф. Дебеца, произошел на Камчатке в отношении местного ительменского населения, и в этнониме «камчадалы» объединились две различные по своему этническому происхождению группы — древнейшего населения, ительменов, и припавших русских казаков.

Сближение языков и национальных культур облегчалось также широким распространением смешанных в национальном отношении браков. Новым формам этнического быта и этнической связи неизбежно должно было соответствовать новое этническое сознание. Воспринявшие русский язык и русскую культуру южные группы эвенков считали себя русскими; но сословные перегородки, сохранявшиеся и охранявшиеся царским правительством, оставляли этих эвенков в разряде «инородцев». Советская власть уничтожила сословные перегородки, и тем самым были устранены препятствия к тому, чтобы обрусевшие эвенки признавали себя русскими. Так объясняет П. Е. Терлецкий, например, неожиданное «исчезновение» значительных групп эвенков в южных районах их расселения при проведении переписи 1926 г. — они просто стали относить себя к другой национальности.

Но процесс этнической трансформации тех или иных групп населения продолжается и в советское время, хотя он по своим масштабам отстывает

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

перед процессом формирования новых народностей и перед еще более мощным процессом консолидации социалистических наций.

Размеры всех этих процессов вскрывают некоторые цифры, взятые из переписи 1926 г.

В некоторых областях РСФСР на стыке двух или трех этнических массивов, например, в пограничных районах с Украиной и Белоруссией, перепись 1926 г. обнаруживает расхождение в данных о языке и национальности. Например, в Горнопромышленном подрайоне Украинской ССР насчитывался 639 151 русский (по национальности), из которых около 9000 человек не признавали своим родным языком русский. Еще резче было расхождение в отношении украинцев: в подрайоне проживали 1 221 800 украинцев, но из них 238 179 человек признавали русский язык родным. В территориально близко расположенных районах РСФСР наблюдались те же расхождения в данных о национальности и языке. Например, в Шахтинско-Донецком округе Северо-Кавказского края из 70,7 тыс. украинцев только 39 тыс. признавали своим родным языком украинский; в Черноморском округе из 103,9 тыс. украинцев говорило по-украински 51 тыс.; в Терском округе из 194,1 тыс. украинцев было только 92,5 тыс., признававших родным украинский язык; в Кубанском округе было 915 тыс. украинцев и 705,2 тыс. лиц, считавших родным украинский язык; в Майкопском округе из 94,3 тыс. украинцев только 32,7 тыс. признавали украинский язык родным; в Сальском округе 207,2 тыс. украинцев и из них 151,3 тыс., родным языком которых был украинский; в Ставропольском округе было 245,7 тыс. украинцев и из них только 84,3 тыс., считавших украинский язык родным; в Таганрогском округе было 191,7 украинцев и 67,7 тыс., признававших украинский язык родным. Схожи данные по Западной области в отношении белорусов.

В общем, по всему Союзу ССР (в границах 1926 г.) из 77 791 тыс. русских по национальности 215 тыс. признавало своим родным языком не русский; соответственные цифры по украинцам были: 31 195 тыс. и 4001 тыс., говорящих на «неродном» языке; для белорусов 4739 тыс. и 1313 тыс., говорящих на «неродном» языке. Расхождения меньшего размера (за исключением евреев, среди которых число лиц с «неродным» языком достигало 30%) имелись по каждой национальности.

В основном эти расхождения показывают процесс консолидации крупнейших наций Союза ССР, в особенности русской нации. 1926 год застал этот процесс на рубеже: привыкшие считать себя принадлежащими к определенной национальности люди определяли ее ранее по происхождению, между тем по языку и быту во многом их этнический облик уже изменялся. Хотя в инструкции по переписи указывалось, что народность (национальность) определяется по современному национальному самосознанию, в действительности каждый опрашиваемый оглядывался прежде всего на свое прошлое и выводил национальность из этнического происхождения. Несомненно сыграла при этом свою роль и формулировка вопроса: «К какой народности вы принадлежите?» (а не: «к какой национальности вы себя причисляете?»).

Как бы то ни было, расхождения между данными о национальности и языке оказались значительными.

После 1926 г. начался период социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, создания новых промышленных центров и новых промышленных районов в прежних аграрных областях. Все это неизбежно привело к громадным перемещениям населения — из деревни в город, из одной области в другую. Подобные перемещения населения не могли не отразиться на национальном составе населения

отдельных областей и целых республик. В результате этих перемещений и изменений ломался прежний этнический быт, а новый создавался уже на совершенно иной основе. Смешанные браки (смешанные в национальном отношении) стали широко распространенным и обычным явлением. В советских условиях, когда создалось новое социалистическое правосознание, потомство от смешанных браков часто формировало свое национальное самосознание вне зависимости от этнического происхождения родителей. Мне лично пришлось наблюдать и слышать от других о случаях такого «независимого» формирования национального сознания молодого поколения. Во всех этих случаях была известная закономерность: дети объявляли о своей принадлежности к той национальности, среди которой они выросли и идеологически сформировались.

Унаследованные от прежних эпох этнические представления, связанные с происхождением и стоящие в резком противоречии с «родным» языком и окружающим этническим бытом, должны были отмереть у тех новых поколений, национальные представления которых сложились между двумя переписями 1926 и 1939 гг., а также у многих из тех, кто уже в 1926 г. на своем личном примере ощущал несоответствие данных об этническом происхождении с действительным своим этническим положением. Если действительно дело обстояло таким образом, то в 1939 г. перепись должна была обнаружить резкий скачок в численности отдельных национальностей — скачок, совершенно необъяснимый какими бы то ни было коэффициентами прироста или другими демографическими законами. В 1926 г. несколько миллионов людей объявило своим родным языком язык другой, не своей национальности. Надо было ожидать, что при переписи 1939 г. большинство этих людей причислит себя к той национальности, языком которой оно пользовалось с детства или свыкло при постоянном употреблении в семье и быту. В таком случае один прирост этих «иноязычных» граждан создал бы разительные изменения в численности некоторых национальностей.

Что же произошло в действительности к 1939 г. (в свете данных об общей численности национальностей в СССР по переписи 1939 г.)¹.

В 1939 г., согласно данным переписи, численность русских составила 99 019 тыс., украинцев 28 070 тыс., белорусов 5267 тыс. В это число не вошло население воссоединенных в конце 1939 г. районов Западной Белоруссии и Западной Украины.

По сравнению с данными переписи 1926 г., число русских увеличилось на 21 228 тыс. человек, число украинцев уменьшилось на 3124 тыс. человек и число белорусов увеличилось на 529 тыс. человек.

Если принять самый большой допустимый средний естественный прирост населения в размере 1,5% в год, то общий рост населения за 12 лет (с 1926 по 1939 г.) составит 18%. В отношении численности русского населения такой прирост дал бы к 1939 г. 14 002 тыс. человек, и общая численность русских составила бы 91 793 тыс. человек. Между тем по переписи 1939 г. она оказалась больше этой возможной цифры на 7 с лишним миллионов человек.

Следовательно, численные изменения, зафиксированные переписью 1939 г., никак нельзя объяснить естественным приростом и его колебаниями.

Однако приведенные цифры выглядят в совершенно ином свете, если учесть обрисованные нами в качестве гипотезы процессы этнической трансформации больших масс населения в период с 1926 по 1939 г. В самом деле,

¹ См. Сообщение Государственной плановой комиссии СССР («Правда» от 29 апреля 1940 г.).

если все (или почти все) говорившие в 1926 г. в своей семье и в быту по-русски (т. е. признававшие русский язык своим «родным» языком), а также выросшее в их семьях к 1939 г. поколение объявили себя принадлежащими к русской национальности, то цифры 1939 г. будут вполне объяснимы.

В 1926 г. почти 4 млн. украинцев, 1300 тыс. белорусов и 700 тыс. евреев признавали своим родным языком русский. В общей сложности только этих русских «украинцев», «белорусов» и «евреев» оказалось почти 6 млн. человек. Если принять средний прирост за 12 лет равным 18%, то в 1939 г. эти 6 млн. должны были превратиться в 7080 тыс. человек. Но в 1926 г. и среди других национальностей, кроме указанных трех, были значительные количества людей, признававших своим родным языком русский. Это составит ту итоговую цифру лиц русской национальности, которая фигурирует в переписи 1939 г. (91 793 тыс. + 7080 тыс. = 98 873 тыс.; эта цифра очень близка к 99 млн.). Таким образом, наша гипотеза как будто подтверждается цифрами переписи.

Выявляемая анализом этих цифр консолидация русской социалистической нации должна была после 1939 г. дополниться сходным процессом консолидации других социалистических наций путем слияния малых народностей и мелких этнических групп. Обнаружить этот процесс (в количественном выражении) сможет только будущая народная перепись.

Связь национального самосознания, которое в советских условиях является достаточно хорошим этническим определителем при переписях населения, с языком ясна из приведенного сопоставления двух переписей. Не совсем, однако, ясна связь национального самосознания со всем этническим бытом. Как обстоит (и обстояло в 1926 г.) дело в семьях тех, у которых национальное самосознание расходится с родным языком: сохраняется ли у них этнический быт, соответствующий национальному самосознанию, или появляется уже другой этнический быт, соответствующий «родному» языку? Изучение этого явления в его динамике возможно только на месте и должно быть объектом этнографической «полевой» работы.

При обследовании должен быть поставлен основной вопрос: этническая характеристика изучаемой группы населения. Следует избегать излишнего размельчения объекта изучения, но все же основные стороны быта должны быть охвачены. К таким основным проявлениям быта необходимо присоединить в качестве объекта изучения некоторые непосредственно связанные с бытом стороны материальной культуры.

Объектами изучения в данном случае могут быть:

1. Национальное самосознание.

2. Особенности языка — диалекты, говоры.

Насколько это необходимо, видно из следующего примера. В южных областях РСФСР, например, в Северо-Кавказском крае, «русский» язык населения значительно отличается от русского языка средней полосы республики: в нем много украинских слов и оборотов, иное произношение некоторых согласных и гласных, иная форма окончаний. Если с этим говором сравнить местный украинский язык, также сильно отличающийся от украинского языка, например, Полтавщины и тем более Правобережья, то окажется, что они не так уж далеки друг от друга. «Русский» язык Таганрогского, например, района и «украинский» язык того же района могут быть названы близнецами. И, возможно, признание кем-либо из местных жителей своего родного языка «русским» или «украинским» зависит не столько от действительного характера языка, сколько от субъективного определения описываемого. Вот почему декларативное признание родным языком того или иного определенного языка обследователь должен проверять путем объективной характеристики употребляемого языка.

3. **Формы поселения и жилища.** Формы поселения не всегда связаны с определенными этническими показателями, но формы жилища более отражают этнические особенности населения. При обследовании следует обращать внимание не только на внешний вид, план (в горизонтальном и вертикальном разрезах) и строительный материал жилья, но также и на хозяйственное назначение помещений, мебель и внутреннее убранство.

4. **Наиболее употребительные орудия труда, средства транспорта и хозяйственные навыки.**

5. **Пища, кулинария и весь связанный с приготовлением и хранением пищи инвентарь.** Кулинария хранит обычно наибольшее число этнических черт. Следует изучать обычный стол и наиболее употребительные продукты.

6. **Одежда нижняя и верхняя, сезонная.** Внешний вид, покрой, способ употребления. Отличия половозрастные в одежде.

7. **Украшения на одежде, в волосах (в том числе и прически), на стенах жилищ и печах, на белье, полотенцах и пр.** Цвет и характер орнамента.

8. **Обрядность при рождении детей, свадьбе, похоронах.** Какие праздники и как празднуются. Обрядовый стол.

9. **Музыка в быту.** Любимые песни и мелодии. Употребляемые музыкальные инструменты.

Самый перечень основных вопросов показывает, что для сбора необходимых сведений нужно значительное время, поэтому кратковременные выезды и рекогносцировки научных работников не могут дать серьезных результатов. Существует способ выполнить обследование сравнительно легко и с большим территориальным охватом, способ, почему-то совершенно забытый, *привлечение для такой работы широкого этнографического актива.* Советская интеллигенция, в особенности школьные учителя, несомненно, откликнется на предложение этнографов, если они предложат местным людям собрать сведения по специально разработанной анкете. Научный работник может выехать в определенный район, в определенный, заранее намеченный пункт, завербовать там нескольких активистов и с их помощью начать работу. При помощи активистов можно одновременно обследовать целое селение.

Только в результате таких обследований, — и чем больше их будет, тем лучше, — может быть получен материал для решения проблемы трансформации национального самосознания и выявлена сущность происходящих в настоящее время в нашей стране этнических процессов. Сравнение данных переписей за несколько лет вскроет динамику процесса, фигурирующего пока под видом «расхождений» между данными о национальности и о родном языке. Значение научного исследования этого явления необычно велико — оно выходит за рамки этностатистики. Оно связано, конечно, с методами подготовки и разработки народных переписей — в отношении выяснения национального состава населения СССР, но еще больше связано оно с выяснением сложных изменений этнической среды и тех процессов, которые именуются национальной консолидацией.

Национальное самосознание в советских условиях следует признать хорошим этническим определителем, но его нельзя считать единственным и совершенно достаточным определителем. Родной язык или язык в домашнем быту является также ярким показателем этноса, а потому применение его как этнического определителя — наряду с выявлением национального самосознания — дает больше гарантий в точности этнической характеристики тех или иных групп населения. *Совпадение обоих показателей свидетельствует о том, что национальность указана правильно и что*

этническая принадлежность той или другой группы населения (или того и другого лица) является в данный момент устойчивой.

Но расхождение этих двух показателей вовсе не обозначает неправильности этнического учета, дефектов опроса: *оно свидетельствует о происходящем, но не завершённом этническом процессе*, о том, что данная группа населения (или данное лицо) имеет неустойчивый этнический быт и что этот быт развивается в сторону дальнейших этнических изменений. Результатом этих изменений могут быть: 1) *этническая ассимиляция* — явление почти неизбежное в тех случаях, когда отдельному лицу или небольшой группе населения приходится жить в окружении этнического массива, отличающегося по языку и культуре от них самих; 2) *образование более широкой этнической общности* и, в связи с этим, распространение единого языка вместо нескольких диалектов, формирование нового культурно-бытового комплекса; это явление присуще народности, складывающейся из родоплеменных и локально-территориальных групп; 3) *национальная консолидация*, со всеми явлениями, связанными с нею.

Установление, какой из трех процессов протекает в настоящее время, невозможно простым сопоставлением данных о языке и о национальности. Для этого необходимо этнографическое изучение объекта с применением так называемых «объективных» методов. Так намечается специфика применения «субъективного» и «объективного» методов при определении национального состава населения в советских условиях.

7. О МЕТОДАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛОСЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Определение национального состава населения в районах многонациональных всегда представляет трудности, так как в быту, языке и обычаях населения довольно сложно переплетаются этнические признаки соседних народов; но особенные трудности возникают в полосе этнических границ.

Народы-соседи всегда оказывают взаимное влияние на жизнь и быт; в полосе этнических границ влияния эти проявляются наиболее активно, приводя к заимствованиям, причем у некоторой части пограничного населения, особенно, если соседят народы, близкие по языку и культуре, создаются смешанный быт и переходные говоры. Сохраняют ли при таких условиях свое значение этнических определителей *национальное самосознание и родной язык*? Ответ на этот вопрос мог быть дан только после специального исследования на месте, где-либо в полосе этнической границы.

В 1949 г. небольшой группой советских этнографов¹ был произведен выезд в полосу русско-украинской этнической границы и проведено методологическое обследование, результаты которого дали возможность наметить путь для разрешения поставленного выше вопроса. Итоги этого обследования вкратце сводятся к тому, что в советских условиях (и в условиях стран народной демократии) оба этнических определителя — национальное самосознание и язык — сохраняют свою силу и в полосе этнической границы.

Обследование производилось в ряде колхозов Матвеево-Курганского и Анастасиевского районов Ростовской обл. Этнографы объехали несколько селений со смешанным национальным составом населения и попытались на месте установить национальность отдельных людей или целых групп населения, пользуясь для этого и субъективными, и объективными показателями.

Программа обследования включала следующие пункты: характер поселения, планировка усадьбы; тип жилого дома и хозяйственных построек; система отопления, планировка жилого дома, мебель и хозяйственная утварь, убранство; формы местной посуды, пища и способы ее употребления; форма и расцветка одежды, обуви, головных уборов; вышивки и украшения; музыкальные инструменты. При этом должна была быть выяснена

¹ П. И. Кушнер, М. Н. Шмелева и художник Н. А. Юсов.

местная терминология и ее значение. Большой раздел программы был отведен терминам родства, записи народных обычаев, обрядов. Выяснению родного (и разговорного) языка населения помогал третий раздел программы, подробно разработанный¹; в этот же раздел были включены вопросы, выясняющие национальность (национальное самосознание). Предполагалось, что комплексное обследование материальной культуры и быта, дополненное изучением языка, обычаев и верований, даст возможность установить, какими методами лучше всего определять национальный состав населения.

При составлении программы обследования и при самом обследовании советскими этнографами был учтен неудачный опыт такой работы, а именно, обследование Я. Гусека (G. Husek, 1925), прошедшего пешком и объехавшего почти всю восточную Словакию для того, чтобы установить национальный состав ее населения. Результаты обследования Я. Гусека оказались настолько не соответствующими затраченному труду, что поставили под сомнение метод, которым пользовался чехословацкий ученый.

Этнографы посетили следующие населенные пункты: Матвеев-Курган, Камышевку, хутор Вареновку, Марьевку и Александровку Матвеево-Курганского района, а также Анастасиевку, Марфинку и Екатериновку Анастасиевского района Ростовской обл. За исключением небольшого хут. Вареновки, все остальные селения представляют собою довольно значительные пункты с населением от 300 до 2000 человек.

По данным переписи 1926 г., в этих селениях жили бок о бок русские и украинцы, не обособляясь в отдельных улицах или кварталах, а соседя двор с двором. Некоторое исключение составляли с. Камышевка и хут. Вареновка.

Обследованием на месте некоторые данные переписи 1926 г. подтвердились, другие оказались устаревшими.

В с. Камышевке, как оказалось, живут почти исключительно русские, ведущие свое происхождение от крепостных крестьян, вывезенных помещиками еще в екатерининские времена из Тамбовской и Курской губ. В местах своего нового поселения русские крепостные крестьяне были изолированы от окрестного свободного украинского населения, не имели возможности родниться с ним путем браков и потому вплоть до падения крепостного права жили замкнутой компактной национальной группой, не смешиваясь с украинцами. Позже русские крестьяне стали брать в жены девушек-украинок и выдавать своих дочерей за украинцев, но все же такие случаи бывали сравнительно редко.

Камышевка является в настоящее время колхозным центром, к которому тяготеют еще два других селения — Соколовка и хут. Вареновка. Все эти три селения входят в состав одного колхоза им. Ленина. Работая бок о бок в одних и тех же колхозных бригадах, на колхозных фермах и в колхозных мастерских, участвуя в общеколхозных собраниях, население всех трех селений выработало какой-то общий говор,

¹ В этом разделе были следующие вопросы: грамотность и образование всех членов семьи колхозника; на каком языке говорят в семье (если отдельные члены семьи или поколения говорят на разных языках, то указать и это); на каком языке говорят члены семьи с соседями; на каком языке говорят они в правлении колхоза; на каком языке ведется делопроизводство в колхозе; на каком языке издаются постановления и объявления сельсовета; на каком языке написаны вывески торговых и общественных предприятий; на каком языке ведется обучение детей в школе; на каком языке поются песни в семье, в колхозе; давно ли данная семья живет в этом селении, откуда прибыла, на каком языке говорили там местные жители; какими еще языками (кроме родного) владеют члены семьи; на каком языке читают книги и газеты и пр.

но все-же говор жителей Вареновки имеет некоторые отличия от говора жителей Камышевки и Соколовки. В этих двух селах население говорит с мягким южным акцентом, с мягко-гортанным *з* || *ж*. В третьем лице единственного числа глаголы настоящего времени произносятся с окончанием на *ь* («он ходить»). В говоре четко выражено аканье. Вместо *ѣ* произносятся *жэ* (Хведор, хвасоля, шкахвик). Употребляется небольшое количество украинских слов (горіще, глечик, пблик, макитра и пр.), обозначающих или отдельные части строения или хозяйственную утварь. Однако все орудия труда, виды пищи, зерно и сельскохозяйственные продукты, предметы одевания, а также термины родства и свойства — русские. Словом, это типичный южнорусский говор русского языка.

На хут. Вареновке, жители которого называют себя «хохлами», несколько иной говор: в нем больше украинских слов и само произношение более певуче, как у украинцев. Но названия орудий труда, видов пищи зерна и сельскохозяйственных продуктов, термины родства и свойства тоже русские, как и у жителей Камышевки и Соколовки. Даже названия месяцев и дней недели здесь русские, а не украинские.

По национальному самосознанию все жители Камышевки и Соколовки (в том числе и женщины, вышедшие замуж за этих жителей, но происходящие из соседних украинских сел) считают себя русскими и язык свой называют русским. Жители же хутора Вареновки, являющиеся недавними выходцами (с 1924 г.) из большого села Вареновки Неклиновского района (вблизи Таганрога), называют себя «хохлами» и язык свой «хохлацким», но иногда и русским. Украинская литературная (газетная) речь им непонятна, русский же литературный язык привычен, поэтому они читают книги и газеты только на русском языке. Поскольку все население здесь грамотно и обучалось в школах, где преподавание велось на русском языке, можно приписать это влиянию школы.

В Камышевке и Соколовке национальное самосознание жителей не расходится с этнической характеристикой их языка: оба этнических показателя здесь согласны в своем определении.

Как же обстоит здесь дело с другими так называемыми объективными определителями — по специфике материальной и духовной культуры? Что нового дают они, по отношению к этим селениям, для определения этнического состава?

Этнографы определили, что основным типом расселения во всех трех селениях является одноуличная система, и хотя в Камышевке в настоящее время две параллельные улицы, можно установить, что вторая улица возникла только в конце XIX в., а соединяющие обе улицы проходы — и совсем недавно.

Во всех селениях преобладает саманно-кирпичный жилой дом с камышевой крышей. Дома из обожженного кирпича или камня, а также деревянные дома-срубы попадаются лишь как исключение. Большинство домов имеет четырехскатную шатровую крышу. Двускатные крыши значительно более редки и, видимо, относятся к более новым явлениям, поскольку они чаще других оказываются крытыми железом. Особенностью жилых строений в Вареновке является наличие у большинства домов внешних галлерей по фасаду; сверху эти галлерей прикрыты выступом крыши, подпертым на углах двумя столбами. Иногда галлерей устроена с двух сторон дома и постепенно переходит в крытое крыльцо. В Камышевке и Соколовке таких домов с галлерейями очень мало. Так как наличие такой галлерей не является специфически украинской особенностью жилья, а свойственно всем домам южного типа, то объяснить его распространение в Вареновке можно тем, что переселенцы воспроизвели тип архитектуры, который существовал в месте их прежнего поселения (в с. Вареновке,

Неклиновского района). Сам по себе этот тип жилья не может считаться украинским этническим определителем. Сеновалов, сараев, клетей и амбаров в этой местности нет; сено и зерновые продукты хранятся на «горнице» — чердаке жилого дома.

За небольшим исключением, жилые дома Камышевки и Соколовки построены так, что помещения конюшен (ныне ставшие коровниками) находятся под одной общей крышей с жильем и имеют общие стены, т. е. составляют органическую часть дома, его продолжение. В Вареновке тоже имеются такие дома, но преобладает иной тип строений: коровники (именно коровники, а не старые конюшни) стоят отдельно от жилья людей. Можно было бы объяснить это тем, что строения Вареновки возведены уже в советское время, дома же Камышевки построены раньше, — но это не совсем так: даже новые дома, построенные лет десять назад, тоже строились нередко тем же способом, т. е. коровники не отделялись. Сказывается здесь несомненно этническая традиция, причем украинцы как будто предпочитают возводить коровники отдельно от жилых домов, в то время как русские или подводят их под общую крышу двора или соединяют с жилым домом общими стенами. Этот различный способ постройки мог бы стать этническим определителем, если бы более четко соответствовал национальному составу населения. В действительности как русские, так и украинцы живут здесь в домах и того и другого типа, и если в Камышевке и Вареновке можно еще выделить типы, преобладающие у русских или украинцев, то в других посещенных этнографами селениях сделать этого никак нельзя.

Печи в Камышевке и Вареновке одного и того же типа — всюду преобладает так называемая «груба», соединение плиты и обогревательного щитка, отапливаемая кизяком и соломой. Одновременно почти во всех домах (или во всяком случае в большинстве домов) имеются русские печи для выпечки хлеба. На дворах устроены летние печи. Бань при домах ни в одном селении не имеется.

Таким образом, типы строений Камышевки и Вареновки имеют некоторые различия, но так как в домах разного типа живут одинаково и русские, и «хохлы», то тип дома перестает быть в отношении этого населения этническим определителем.

Одежда жителей претерпела большие изменения за время Великой Отечественной войны, ибо жители были начисто ограблены немецкими грабителями-оккупантами. До момента обследования (1949 г.) преобладала очень распространенная в военное время простейшая теплая одежда — ватники, ушанки, которые, видимо, донашиваются. Привычка ходить в одежде такого типа сказывается в том, что иногда и заново шьют или приобретают готовую одежду этого образца. Готовое платье является господствующим типом одежды, за исключением предметов женского одевания, в особенности летних платьев. Очень распространено среди мужчин и женщин ношение производственной одежды (спецодежды) — синих спецовок-комбинезонов, синих блуз, парусиновых халатов и парусиновых костюмов. Женщины носят юбки и кофты и прикрывают головы платками. Мужчины носят пиджаки и брюки, заправленные большей частью в сапоги. Ни сарафанов у женщин, ни рубаш на выпуск у мужчин здесь не употребляют. В дождливую и холодную погоду как мужчины, так и женщины носят сапоги, причем женщины надевают на ноги чулки, а сверху обертывают портянками; мужчины носят носки, но чаще просто обертывают ноги портянками. В жаркое время и те и другие носят «сандалии» (легкие туфли без каблуков) на босу ногу. Босиком здесь не ходят, как не ходят женщины и девушки простоголовыми — всегда голова накрыта платочком-косынкой, на которой сделана мережка или сквозная

набивка. Объясняют это тем, что район степной, ветер путает волосы и их нужно непременно прикрывать.

В праздничные дни мужчины и женщины надевают платье обычного городского типа и такую же обувь. Очень распространено трикотажное белье, особенно у женщин. Прежде большое место в одежде как мужчин, так и женщин занимала ручная вышивка: ворота, грудь и обшлага рукавов рубаш и блузок вышивались цветным узором. В домах всюду висели вышитые ручники (полотенца), было много вязаных салфеток, кружевных и вышитых подзоров у кроватей. Теперь носильное платье не украшается больше ручными вышивками, почти не сохранилось кружев, редко попадаются вышитые ручники. Объясняется это тем, что немцы ограбили население и отняли у него все семейные, сохранявшиеся от поколения к поколению рукоделия. Традиция вышивания и вязанья за годы войны прекратилась и пока не возобновляется, потому что молодежь занята другими делами и интересы у нее другие — все работают в колхозе, а свободные вечера или дни охотнее проводят в клубе, на киносеансе или на молодежном гулянье (а некоторые и на спортивных площадках), чем дома за пяльцами, спицами или вязальным крючком. Художественные запросы сельского населения удовлетворяются теперь здесь промышленностью, а не домашним производством. Вот почему старые методы определения этнического состава населения по характеру вышивок, орнаменту, одежде и т. п. здесь нельзя использовать. Ни одежда, ни предметы украшения, ни обувь, ни головные уборы не могут в этих условиях быть приняты в качестве этнического определителя: как русское, так и местное украинское население в этих селах носит одну и ту же одежду.

Может быть, пища населения дает материал для этнической характеристики населения?

В пище жителей как Камышевки, так и хут. Вареновки большое место занимают овощи, в особенности квашеная капуста. Из нее ежедневно варится борщ с небольшим добавлением свеклы и иногда томата. Свинина, в особенности свиное сало, употребляется для сдабривания пищи. Довольно большое место занимают в питании куриные яйца (куроводство сильно развито) и в особенности молоко. Хлеб выпекается из пшеничной муки, к которой изредка подмешивается кукурузная. В праздничном столе преобладают кушанья, относящиеся к украинской кулинарии; это же относится к обрядовому столу (свадебному, похоронному, рождественскому). Однако в свадебном столе имеются великорусские «пишки» и «калачи», на пасху — наряду с «пасхой» («бабой») — пекутся «куличи», но зато на рождество русские и украинцы обязательно пекут «кныши», а украинские «пишки» являются обязательным хлебным блюдом каждого праздничного дня.

Местный борщ мало отличается от великорусских щей — он готовится зимой, весной и осенью из кислой капусты. И лишь летом, когда квашеной капусты нет, его делают на свекольном квасе.

Обычно способы приготовления пищи являются хорошим этническим определителем, но в полосе русско-украинской (а возможно и всякой другой) этнической границы этот определитель оказывается явно негодным, ибо русское и украинское население prepares свою пищу совершенно одинаково. Можно считать, что кулинария в этих районах унифицировалась, стала общей по своим формам как у русских, так и у украинцев.

Обычаи русских и украинцев также здесь не различаются: и порядок раздела семейного имущества (дом передается обычно младшему сыну), и свадебные обряды одни и те же. Одинаково бытует во всех трех селениях русская (в особенности советская) песня и песня украинская. Впрочем, украинская песня является любимой (по своим мелодиям) повсюду в

РСФСР, русская же советская песня поется по всему необъятному простору Советского Союза, разносится радиопередачами и патефонными пластинками. Украинского гопака здесь не танцуют. Более распространена русская пляска, но вообще пляшут мало.

Сравнение специфических особенностей этнического быта жителей всех трех селений показывает, что единственно четким этническим определителем при выяснении национального состава местного населения остаются *национальное самосознание и язык*. Это самые надежные определители. Материальная же культура, обычаи, фольклор русских и украинцев в полосе этой этнической границы настолько сблизились, что перестали быть этническими определителями.

Большое село Александровка, Матвеево-Курганского района, не имеет такого однородного в национальном отношении населения, как Камышевка или хут. Вареновка. В нем, по данным переписи 1926 г., было 2067 жителей (ныне 1399 человек), из них 1737 украинцев, 315 русских и 15 прочих. В настоящее время, по данным сельсовета, все село состоит из русских. Но при личном опросе значительное количество жителей называло себя «хохлами». Несомненно, что удельный вес русских среди населения села повысился, но все же большинство населения остается «хохлацким». И здесь, в Александровке, население можно различить по национальному самосознанию и языку.

Тип расселения в Александровке тот же, что и в Камышевке, — две параллельные большие улицы, пересекаемые узкими проулками. Первоначально, повидимому, существовала одна большая улица (длиной в 2,5 км и шириной в 150 м). Жилые строения саманно-кирпичного типа; крыши преобладают четырехскатные, крытые камышом; коровники, как правило, отделены от жилых домов и представляют обособленные строения из того же саманного кирпича. Немало домов имеет галереи под выступами крыши — по фасаду и с одной из сторон, на которой устроено крытое крыльцо. Принять тип строений в качестве этнического определителя в этом селении нельзя, ибо и «хохлы» и русские живут в домах одинакового типа.

Одежда жителей Александровки ничем не отличается от одежды жителей Камышевки или Вареновки; следовательно, и она не может быть взята за этнический определитель. То же следует сказать и о пище.

Поскольку большинство населения в этом селе «хохлацкое», старая русская народная песня вытеснена украинской, но советская песня — русская. Говор александровцев своеобразен. Директор школы определяет его как «хохлацкий» акающий говор. По лексике и морфологии этот говор ближе к русскому, чем к украинскому, но фонетически он сходен с украинским харьковским говором. Видимо в аканье сказывается бытовая особенность александровского населения, которое в течение столетия до революции занималось отходничеством. Отсюда уходили печники, строители, каменщики в города и села юга России, по рудникам и шахтам, по многочисленным немецким колониям. Люди бывалые, сталкивавшиеся с разными группами населения, в том числе и городского, в большинстве своем грамотные по-русски, мастера-отходники воспринимали характерные особенности речи населения, с которым имели дело, и это отразилось на развитии аканья в их говоре. Высококвалифицированные специалисты своего дела, мастера-печники и мастера кузнецы — все говорят русским литературным языком, хорошо грамотны, и, пожалуй, на этой ступени грамотности уже не язык, а только национальное самосознание может определить их национальную принадлежность.

Село Марфинка, Анастасиевского района, относится к крупным поселениям сельского типа. На 1 января 1949 г. в селе был 1601 житель.

По переписи 1926 г., в этом селе было 1293 жителя, из которых 1160 украинцев и 133 русских. В настоящее время село тоже смешанного национального состава, но соотношение русских и украинцев не выяснено.

При опросе население четко отвечает, к какой национальности оно себя причисляет. Как правило, преобладает ответ: «мы русские». Таким образом, национальное самосознание с 1926 г. по сей день значительно изменилось. Но язык, на котором говорит население, разнообразен. Часть населения, так называемые молокане, говорит на русском языке, остальное население говорит в большей своей части по-«хохлацки». Что касается материальной культуры, то она в типах жилых строений ближе подходит к восточноукраинскому типу, и здесь, как правило, преобладает отдельно стоящий коровник, а дома преимущественно четырехскатные, саманно-кирпичные с печью «грубой» (или «варистой»), с одновременным существованием русской печи и летней печи на дворе. В одежде больше красочности, чем в Камышевке, кулинария же ничем не отличается от существующей повсюду в этих районах. Песня бытует и русская и украинская, — девушки, идя в одну сторону, поют русские народные песни, возвращаясь — украинские. Советская песня — русская. А в обычаях произошла настоящая унификация, даже в свадебном обряде. Песни на свадьбе поются одинаково русские и украинские. Тем самым и здесь, кроме национального самосознания и языка, нельзя указать стойких этнических определителей, которые дали бы возможность подразделить население по национальным группам.

Последним было обследовано село Екатериновка, Анастасиевского района, в 7—10 км к востоку от государственной границы УССР и РСФСР. По данным переписи 1926 г., в Екатериновке было 2248 жителей, среди которых 2178 украинцев, 37 русских и 33 прочих. В настоящее время в селе 1895 жителей. Национальный состав их неизвестен, но в сельсовете полагают, что основная масса населения признает себя украинцами. Жители села входят в два колхоза — им. Куйбышева и им. Сталина. В бригадах колхозов им. Куйбышева преобладает русский язык, в колхозе им. Сталина — украинский. Видимо, северная часть села, отошедшая к колхозу им. Сталина, населена украинцами, южная часть села и хутор, образующие колхоз им. Куйбышева, — русскими.

Тип расселения в Екатериновке в основном одноуличный. Основная улица, проходящая через все село, тянется в длину почти на 4 км. Жилые строения не отличаются от строений Марфинки: преобладает саманно-кирпичный дом с четырехскатной крышей, но коровники в одних домах (большинство) находятся под одной крышей с жилыми домами, в других — стоят отдельно. Эти два типа существуют одновременно и одинаково распространены как в северной, так и в южной части села. Принять поэтому их за этнические определители в данном случае невозможно.

Не дает никаких этнических опознавателей и одежда населения — она того же типа, что в Марфинке, Александровке, Камышевке и в других селах полосы этнической границы. Одинакова и пища.

В обычаях много сходного, общего, но в свадебном цикле украинцев и русских, живущих в этом селе, есть различия, дающие возможность при детальном исследовании определить национальность жениха и невесты. Трудность такого определения, однако, настолько велика, что свадебный цикл как этнический определитель никогда не может быть использован при массовых обследованиях. Очень часто характер свадебных обрядов здесь определяется не национальностью родителей, жениха и невесты, а зависит от свата или свахи, которые считаются наиболее опытными в таком деле, но могут быть иной национальности, чем жених и невеста. К тому же с каждым годом свадьбы, несмотря на их воз-

растающую, по мере увеличения зажиточности колхозников, пышность, теряют свой обрядовый характер и превращаются в веселые семейные торжества. Кроме того, не надо забывать, что свадьба бывает большей частью только один раз в жизни человека и поэтому редко случается, что она совпадает именно с моментом обследования национального состава населения.

Итак, в полосе русско-украинской этнической границы, которую обследовали этнографы, оказалось настолько большое сближение форм материальной культуры и быта русских и украинцев, что этническая специфика стерлась; но национальное самосознание населения достаточно четко, причем в большинстве обследованных семей национальное самосознание полностью совпадало с этническим характером употребляемого в семье языка, т. е. оба этнических показателя выступали согласованно. Только в редких случаях национальное самосознание расходилось с родным языком, причем можно было с полным основанием предполагать, что причиной расхождения был изменяющийся язык, воспринимающий под влиянием школьного обучения или постоянного общения местного населения с другим народом характерные черты языка этого народа.

Отсюда можно сделать вывод, что и в полосе этнической границы основные этнические показатели — национальное самосознание и родной язык полностью сохраняют свое определяющее значение. Что же касается других так называемых объективных определителей, то, за исключением языка, все они теряют свое значение, если язык, культура и быт соседних народов обнаруживают явные черты близости. В условиях смешанного расселения таких народов в полосе этнической границы материальная культура пограничного населения унифицируется, а язык создает переходные говоры. В этих условиях жители не могут еще причислить себя ни к русским, ни к украинцам, но через некоторое время они станут или русскими, или украинцами. Изменится в конечном счете их национальное самосознание — это и будет завершением процесса национальной консолидации в данном районе.

Выявляется, пожалуй, и некоторая постепенность, характерная для процесса этнической или национальной консолидации — вначале меняется материальная культура, вместе с чем происходят изменения в языке. Этническое же самосознание (национальное самосознание) меняется у человека или общественной группы лишь как конечный результат уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте. Это положение, однако, следует еще проверить на более широком материале изучением процесса изменения этнических форм в полосе такой этнической границы, на которой соприкасаются народы с резко различающимися формами культуры и с языками, далекими один от другого по своему строю и лексике.

8. МЕТОДЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

Представить себе наглядно этнический состав населения любой страны невозможно без соответствующей этнографической карты. Под этим именем известны карты различного содержания и типа. Иногда этнографической картой называют карту расселения с показом национального состава; иногда на этнографическую карту наносятся сведения не только о национальном составе, но и о типах хозяйства, одежды, поселений, жилища и других явлений материальной культуры. Последние карты носят также названия этнокультурных. Наконец, на этнографическую карту нередко помещают сведения о языках и диалектах (карты этнолингвистические). Подобные этнографические карты являются комплексными картами, включающими сводные данные этнографического характера.

Уместно вспомнить об одной попытке создания комплексной этнографической карты во второй половине XIX века русским ученым П. Муромцовым.

В 1866 г. П. Муромцов издал в Дрездене на русском языке брошюру под названием «Опыт составления этнографических карт». В этой брошюре автор, ссылаясь на подготавливавшуюся русскую этнографическую выставку (в связи со Всеславянским съездом в 1867 г.), указывал на необходимость составления таких этнографических карт, которые служили бы полным выражением характеристичных особенностей разнородных местностей, обитаемых различными народами. «Все занимающиеся этнографией, — писал П. Муромцов (1866, стр. 3), — должны прийти к убеждению, что карты, не представляющие главных антропологических и этнографических элементов, вообще неудовлетворительны, неполны и в них неизбежны существенные пробелы». П. Муромцов противопоставлял обычному типу этнографических карт разработанные им образцы комплексной карты и давал теоретическое обоснование содержанию карт такого типа.

Каждая этнографическая карта, по Муромцову, должна содержать два основных отдела: антропологический и этнографический. Материалы первого отдела состоят из данных антропологических (краниометрических) и археологических, а второго отдела — из данных исторических (историко-этнографических) и этнографических, в которые входят показатели типов жилищ, одежды, домашнего быта. Все показатели наносятся на общую карту, которая должна дать полное представление об этнографии страны. Теоретическая часть брошюры Муромцова состоит из разъяснения значения изучения антропологии и этнографии для понимания современного быта разных народностей. В понимании П. Муромцова антропология сво-

дится к краниологии, а этнография относится не к общественным, а к естественным наукам. Не следует, конечно, забывать, что в то время (почти сто лет назад) среди русских этнографов было много сторонников отнесения этнографии к естественным наукам (Д. Н. Анучин тоже был близок к этим идеям). Но П. Муромцов понимал это крайне примитивно. «К физиологическому развитию, — писал он, — нужно отнести вообще язык, характер, религию, образ жизни и правления, науки, искусства и художества». Это, конечно, вульгарный биологизм. Можно было бы вообще не упоминать об этой стороне высказываний Муромцова, если бы в своих положениях, развитых упрощенно, он не оказывался в идеологической близости к антропогеографической школе, модернизированное учение которой имеет до сих пор многих сторонников в буржуазных странах. У П. Муромцова есть, однако, правильное понимание связи отдельных явлений культуры между собой: он отмечает, что по типам строений, по материалу и архитектуре можно судить о народе и его развитии; взятый же в целом комплекс специфических особенностей жилища, одежды, обычаев, языка и религии дает возможность определить национальность населения и установить его этническую близость соседним народам или отличия от них.

Первоначально П. Муромцов составлял антропологические карты, на которые он наносил не только антропологические, но и археологические данные. Вслед за тем он приступил к составлению карт собственно этнографических. «Чтобы ближе ознакомиться с древнею этнографией, мы должны графически представить ее на карте, наглядно изобразив на ней костюмы и бытовые особенности курганных племен. Чтобы составить этнографическую карту, представляющую бытовые особенности древних племен и нового народонаселения, я соединил однородные типы (костюмов и предметов домашнего быта) и таким образом составил этнографическую сеть, которую наносу на карту исторической антропологии. Подобную же сеть мы можем составить отдельно для современного народа и нанести ее на географически изучаемую местность, и мы получим тогда карту бытовых особенностей нынешних обитателей. Изучивши в том и в другом отношении всю Россию, мы можем начертить уже общую отдельную карту древней и современной русской этнографии, как составляют теперь подобные карты для распределения народонаселения по языкам и религии, с той только разницей, что мы вводим в наши карты сети, которые были бы очень полезны и для этих карт. Линии, соединяющие однородные общие и частные типы, определяют отношения тех и других в различные периоды времени. Если мы распространим древние и современные сети в последовательном изучении различных местностей в других странах, то мы должны соединить однородными линиями (которые мы назовем этнотипическими) одинаковые или сходные между собою в некоторых частностях типы, и направление этих линий укажет нам на этнотипические отношения между древними племенами и современным населением» (П. Муромцов, 1866, стр. 26—27).

П. Муромцов (1866, стр. 28) так разюмировал свой метод: «Итак, этнографические карты не только служат объяснением географического размещения различных племен, но должны быть и полным выражением характеристических бытовых особенностей разнородных местностей, обитаемых различными племенами. Мы достигаем этой цели, вводя в этнографические карты антропологический элемент одновременно с этническими свойствами, с помощью краниометрических и этнографических сетей».

Нанесением на одну карту различных кривых, составляющих «антропологическую и этнографическую сеть», П. Муромцов хотел достигнуть графического сочетания признаков, характеризующих физический тип населения, с одной стороны, с признаками, характеризующими этнографический быт, с другой. Это была в методологическом отношении порочная

система картографирования, ибо пыталась объединить признаки, не имеющие между собой непосредственной связи. В самом деле, разве стоят антропологические особенности людей в какой-либо зависимости или непосредственной связи с этническими отличиями их быта? Но сама по себе система нанесения сети (связывающей одинаковые признаки, т. е. антропологические с антропологическими и этнографические с этнографическими), получившая позже широкое распространение в картах диалектологических (система изоглосс) и климатологических, могла бы помочь исследователю в установлении эмпирической связи между одинаковыми явлениями в географически различных районах. Примерно по такому пути шли в своих схемах распространения славян А. Риттих (1885) и многие другие исследователи конца прошлого столетия. Правда, связывание условной линией географических пунктов, в которых были обнаружены схожие явления в быту населения, было по существу не завершением исследования, а лишь началом его, и исследователю предстояло еще доказать, что сходство это не случайно, а имеет одинаковые корни и исторически обусловлено; но эта система картографирования могла сыграть, несомненно, положительную роль и в этнографии¹, поскольку она могла натолкнуть исследователя на необходимость выяснения, почему, например, типы женской народной одежды жителей горной Шотландии (в районе Перта) необычайно схожи с женской народной одеждой жителей горных областей Норвегии (в районе Сэтсдала) и т. д.

В настоящее время картосоставители отказались от применения системы «этнотипической» сети, поскольку выработаны более простые и наглядные приемы. В том сложном виде, как разработал эту систему П. Муромцов (представление об этнотипической сети дают приложенные к брошюре П. Муромцова схематические карты с необычайно сложной и запутанной сетью антропологических и этнографических признаков), и в более простом виде, как применял эту сеть А. Риттих, — сетевая система, или система типических линий, этнографами больше не употребляется; но предложение П. Муромцова заключалось не только в сетевом приеме картографирования, а также в комплексности основного материала, служащего обоснованием этнографической карты. И хотя графические приемы русского ученого оказались неудачными, его идея комплексной этнографической карты сыграла свою роль в последующем развитии этнической картографии, положив начало разработке нового типа карт — этнокультурных, являющихся ныне неслучайной составной частью любого этнографического атласа.

В настоящей главе методам составления этнокультурных карт, как карт вспомогательных, не предполагается уделить место, поскольку содержание их выходит за пределы основной темы об этнических территориях и рубежах; поэтому в дальнейшем речь будет идти только о картах национального состава как главнейших типах этнографических карт.

Основным объектом этнического картографирования является географическое размещение народов и этнических групп. Практически эта задача может быть разрешена разными способами, сводящимися в конечном счете к нанесению условных обозначений, отображающих этническую характе-

¹ Увлечение этнотипическими линиями приводило на первых порах ко многим ошибкам и к подмене исторического исследования формалистическими обобщениями. Тот же Риттих «сумел» при помощи этих линий найти славян на Пиренейском полуострове и в других областях Европы, где компактного славянского населения никогда не существовало. В основе ошибки Риттиха лежало формалистическое понимание языковых сходств, фонетически близкое звучание названий некоторых населенных пунктов в районах, отдаленных друг от друга на многие тысячи километров и заселенных этнически различным населением.

ристику населения, на географическую карту. На карте можно отметить национальный состав населения отдельных населенных пунктов или целых районов, областей и стран; можно указать территорию, занимаемую определенным народом, включая в эту территорию не только места поселений, но и хозяйственно освоенные этим народом земли; можно ограничиться нанесением на карту крайних границ расселения народа. Любая из карт подобного рода будет картой этнографической, т. е. отражающей географическое размещение национальностей (народов и этнических групп); но для составления каждой из перечисленных карт необходим различный этнографический материал и в связи с этим может быть применен различный метод картографирования.

По характеру этнографической нагрузки карта может показывать размещение наций, народностей, племен и родовых групп в пределах селения, района, области, страны, континента, мира. Но составитель карты может показать в пределах тех же территорий географическое размещение одного какого-либо народа, условно пренебрегая показом соседних народов, живущих на смежных или на тех же территориях. При составлении сводных, генерализованных этнографических карт по большим территориям, населенным многими национальностями, приходится прибегать к предварительному составлению отдельных карт размещения той или другой отдельно взятой национальности. Такие вспомогательные карты необходимы для контроля, для проверки правильности заполнения картографического бланка сложной этнографической нагрузкой; но подобные карты показывают данный народ в условной изоляции, не соответствующей действительному географическому расселению его, удельному весу в отношении остального живущего на той же территории населения. В зарубежных географических и этнографических атласах сплошь и рядом встречаются подобные карты. Известны, например, английские карты географического расселения народов, говорящих на английском языке; не менее известны относящиеся к концу XIX — началу XX в. карты «мирового» расселения немцев и т. д. Назначение этих «мировых» карт имеет очень отдаленное отношение к этнографии: это пропагандистские, националистические, расистские в своей основе проспекты, отражающие картографированные мечты о мировом господстве той или другой «расы господ».

Карта национального состава, как бы ни был мал в географическом отношении охваченный ею район, должна дать наиболее полное отображение географического размещения всех живущих в данном районе этнических групп населения. Она должна дать представление об удельном весе показанных на карте наций, народностей и других более примитивных этнических образований. Она должна отражать географическое размещение населения не только в виде территорий так называемых этнических массивов, т. е. районов, заселенных сплошь одной какой-либо национальностью, но и в смешанных районах, заселенных представителями разных национальностей. Это минимум тех требований, которые предъявляются к карте национального состава. «Идеальная» карта такого типа может отражать и более сложную этнографическую нагрузку, к которой относится подробный национальный состав каждого населенного пункта, а также обозначение границ этнических территорий отдельных народов (земли, обрабатываемые тем или иным народом; районы кочевий, рыбной ловли, пушного и охотничьего промысла и пр.). В связи с этим на «идеальной» карте национального состава должны быть выделены незаселенные и хозяйственно не освоенные места (пустоши, пустыни, болота, тундры, ледники, гребни гор, девственные леса, джунгли и пр.). Для составления любой (даже не «идеальной») этнографической карты нужна специальная картографическая основа, с хорошо вычерченной гидрографической сетью, четким рельефом,

показом незаселенных и хозяйственно не освоенных территорий. В некоторых случаях картографическая основа для этнографической карты должна иметь детально разработанную сеть сухопутных путей сообщения, в особенности в горных районах.

«Идеальной» карты национального состава еще никто не создал, но развитие этнической картографии идет в таком направлении, которое заставляет этнографов работать над обогащением картографической основы.

Способ составления карты и даже ее масштаб определяются в громадной степени тем материалом, который служит обоснованием карты. Между детальностью и полнотой этнографического обоснования и масштабом карты существует определенное соотношение: чем детальнее материал и чем он полнее, тем должен быть крупнее масштаб карты. И наоборот, чем схематичнее и беднее этнографический материал для обоснования карты, тем мельче следует брать масштаб карты. Если этногеографический материал представляет собой суммарные сведения о географическом размещении народа в пределах области, края или какой-либо другой крупной территории, для составления карты национального состава вполне достаточен картографический бланк среднего и даже мелкого масштаба — от 1 : 2 500 000 до 1 : 10 000 000. Конечно, при этом приходится считаться также с плотностью населения; поэтому для стран Крайнего Севера или малонаселенных областей внеевропейских стран масштаб может быть всегда мельче, чем для индустриальных стран с большой плотностью населения.

Если этногеографический материал касается территорий, соответствующих примерно советскому административному району европейской части СССР, то масштаб карты следует увеличить до соотношения 1 : 500 000 (для слабо заселенных районов можно ограничиться масштабом 1 : 1 000 000). Этот масштаб принят для международной картографической документации, и на картографических бланках такого масштаба имеются все районные центры и крупные населенные пункты. Когда же этнографические данные касаются не только районов, но и отдельных населенных пунктов, масштаб карты не может быть менее 1 : 200 000, т. е. требуется картографический бланк, на котором нанесены все населенные пункты. Более крупные масштабы (1 : 100 000, 1 : 50 000) становятся необходимыми лишь в тех случаях, когда этногеографический материал для обоснования карты требует картографирования территории отдельного селения в плане. В виде примера можно указать на случай, когда имеются детально разработанные статистические сведения о национальном составе отдельных кварталов селения или города.

Сказанное относится к рабочей основе карты, ибо любой масштаб может быть путем дальнейшей генерализации сведен к масштабу меньшему, если это допускает характер нанесенной на карту нагрузки. Обратный процесс — превращение мелкомасштабной этнографической карты в крупномасштабную — дает искажения, касающиеся основных элементов карты. При этом не только искажается географическая основа, но нарушается соотношение отдельных составных частей этнографической нагрузки. Как бы ни увеличивать мелкомасштабную карту, на ней не появятся отсутствующие детали и она не станет полнее. Правда, при увеличении станет легче заметить ее недостатки. Поэтому иногда приходится в целях контроля производить механическое увеличение (фотографическим способом) мелкомасштабных карт.

Выбор масштаба карты, таким образом, в значительной части не зависит от составителя, а лимитируется характером и полнотой этногеографического материала. Бывает, однако, и иначе: несмотря на значительную полноту материала, допускающую использование картографического блан-

на крупного масштаба, составителю приходится ограничиваться более мелким масштабом и в связи с этим отказываться от использования многих деталей этнической нагрузки. Это вызывается обычно отсутствием в руках составителя подходящей географической карты, достаточно подробной и детализированной. Иногда это связано с тем, что на географической карте не указаны границы административных районов, не нанесены упоминаемые в этногеографическом материале, служащем для обоснования карты, населенные пункты и т. д.

Когда дело касается сравнительно небольшой территории, необходимый для составления карты этногеографический материал может быть собран самим составителем. В таком случае полнота сведений и их детализация зависят от него самого. Но в практике современной этнической картографии этнограф сравнительно редко оперирует при составлении карты только тем материалом, который он лично собрал; гораздо чаще ему приходится пользоваться готовыми источниками, содержащими материал различной степени полноты и детализации. Все большее место в обосновании этнографических карт начинает занимать статистический материал, взятый из официальных censов, данные которых составитель карты корректирует этнографическими или лингвистическими источниками. Такой способ получения основного материала заранее определяет применяемый составителем масштаб карт и степень их детализации.

Для составителя, работающего над картой национального состава тех стран, в которых отсутствует этническая статистика, совершенно бесполезно брать крупномасштабный бланк в качестве географической основы, ибо он не заполнит этого бланка соответствующей этнографической детальной нагрузкой. Национальный состав населения Испании, Португалии, Франции, стран Передней Азии, Ирана, Афганистана, Китая, большей части материка Африки, почти всего материка Южной и Центральной Америки может быть нанесен составителем на мелкомасштабную карту. При этом границы любого народа, любой этнической группы нельзя будет определить в этих странах иначе, как «предположительно».

В отношении стран, имеющих официальную этническую статистику, составитель также ограничен характером материала. Как правило, публикуемые статистическими органами разработки народных переписей ограничиваются суммарными данными по районам, округам и областям (кантонам, департаментам, бедиркам, графствам, провинциям и пр.). Небольшое число стран Европы публикует сведения по сельским общинам и городам, но ни одно государство не издает справочников, в которых были бы приведены сведения о национальном составе каждого населенного пункта, хотя эти сведения собираются при каждой переписи. Поэтому составители, желающие работать над картой национального состава иностранного государства или над картой национального состава какого-либо континента, не могут иметь в своем распоряжении этногеографических данных об отдельных населенных пунктах той или другой страны, кроме той, в которой они живут. Их карты будут по необходимости схематичными, и пределом масштабности подобных карт является соотношение 1 : 500 000. Практически этот предел редко используется составителями, так как даже порайонные данные публикуются очень немногими странами.

В лучшем положении оказываются составители в отношении этногеографического материала своей страны. Им обычно доступны статистические сводки по каждому населенному пункту (поселенные списки), а иногда и первичные материалы переписей. На основании этого материала они могут составлять подробные карты с указанием национальной принадлежности жителей каждого населенного пункта. Такие материалы допускают показ на карте не условного (по районам) географического размещения насе-

ния, а действительного расселения народов. К сожалению, таких подробных карт выпущено немного, и они касаются только небольших территорий, главным образом в Европе. На первом месте среди современных карт национального состава населения, выполненных с такой детализацией, стоят некоторые этнографические карты, выпущенные в СССР.

Современная карта национального состава населения базируется главным образом на этнической статистике. Однако такая карта отражает расселение не всех групп населения, а только компактных. Внесенный в свое время Любором Нидерле корректив «компактное население», уточняющий объект этнического учета, очень важен для понимания методов этнического картографирования. Компактным населением считается такая форма расселения, при которой люди сохраняют этнические связи, стараются жить поблизости от своих соплеменников. В отличие от компактного расселения, «рассеянное расселение» предполагает нарушение этнических связей, проживание одиночек и изолированных семей в окружении чуждого им этнического массива. Корректив Нидерле устраняет значительные трудности при этническом картографировании, так как он снимает с карты национально распыленную часть населения, являющуюся основным объектом ассимиляционного процесса. Только компактное население, т. е. живущее большими или меньшими этническими группами, может быть той средой, в которой развивается национальная культура.

В сельских местностях, как правило, национальные одиночки явление редкое, и общая численность такого населения в пределах отдельных районов невелика. Отказ от картографирования этих одиночек не может исказить национальный состав населения района. Так как современная этнография изучает, к сожалению, до сих пор главным образом сельское население, то понятие компактного населения не вносит хаоса в карту национального состава, и его — по отношению к сельским районам — следует принять. Это значительно упрощает технику этнического картографирования, дает возможность отказаться от нанесения на карту мельчайших обозначений.

Средний состав современной моногамной семьи в сельских местностях колеблется от 3 до 5 человек; следовательно, можно отказаться от нанесения на этнографическую карту любой инонациональной (в отношении данного этнического массива) группы численностью до 5 человек. Национальное развитие подобной группы, вкрапленной в чуждую ей национальную среду, совершенно бесперспективно: в большинстве случаев численный рост такой группы возможен только путем так называемых смешанных браков, т. е. браков с лицами другой национальности. Включение же в состав изолированной (в инонациональной среде) семьи лиц другой национальности приводит к дальнейшему подрыву национальных традиций, подрыву, ускоренному проникновением в семейный быт языка другой народности. Ассимиляционные процессы при этом ускоряются. Правда, при генерализации карты может случиться, что общая численность национально рассеянного населения представит уже некоторую весомую величину. Как быть в таких случаях? Практически это может быть решено так: на территории области — вне населенных пунктов — ставится особый знак (цифра, буква), обозначающий наличие данной национальности в распыленном состоянии, а в пояснительном тексте приводятся цифровые данные о численности такого населения.

Понятие компактного населения, повторяем, облегчает картографирование национального состава сельских местностей. Однако следует сказать, что значение корректива Нидерле не проверено в отношении этнического учета промышленных центров и городов. Можно представить

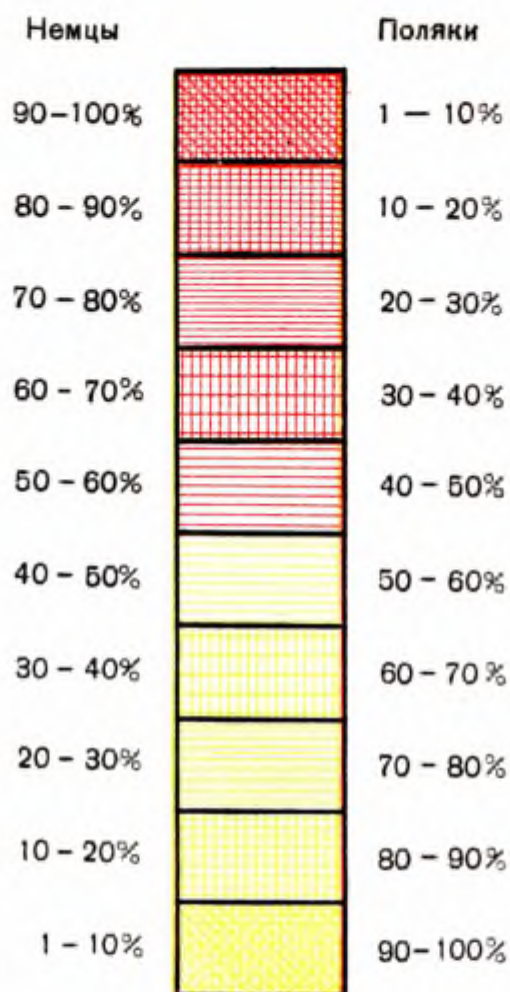

Рис. 4. Цветная скользящая шкала
П. Лангханса.

себе, что в пределах крупного города, имеющего население в сотни тысяч человек, тысячи национально распыленных одиночек и небольших семей, не поддерживающих непосредственной связи друг с другом, живут, сохраняя национальные традиции и родной язык. Как картографировать такое население? Многие из этих одиночек с течением времени воспринимают язык окружающего национального большинства и ассимилируются, но этот процесс требует времени. Отказываясь от картографирования некомпактного населения, не совершает ли картограф ошибку, принимая начинающийся и потенциально возможный процесс ассимиляции как вполне заверченный? Вопрос этот требует тщательного изучения, как и более общий вопрос об этническом учете городского населения. Так как наряду с национально распыленным населением в городах имеются и компактные группы национальных меньшинств, селящиеся в определенных кварталах или на определенных улицах (чтобы иметь возможность поддерживать этнические связи друг с другом), а этническая статистика учитывает их одними и теми же методами, не делая никаких различий между населением национально компактным и распыленным, то этническое картографирование городского населения следует признать пока крайне несовершенным.

Существуют и другие лимиты минимальной численности населения, наносимого на этнографическую карту. Хотя этностатистика учитывает национальный состав населения в каждом населенном пункте полностью, до одного человека, но отразить эту точность на картах наиболее употребительного масштаба нет никакой возможности. Применение корректива Нидерле создает некоторый предельный нижний лимит — на карту не попадают мелкие изолированные национальные группы численностью до пяти человек. Генерализация карты приводит к необходимости обобщения статистических данных, к их суммированию. В существующем порядке этнического учета сводные данные во всех странах даются с приближением, и количество учитываемых национальностей и этнических групп относительно уменьшается по мере генерализации. В пределах отдельных районов учитывается обычно в сводках не более десяти национальностей, остальные подытоживаются как «прочие». Таким же образом приходится поступать и составителям этнографических карт. Разница только в том, что этнограф не применяет такой неопределенной категории, как «прочие», а старается обобщить данные нескольких близких в этническом отношении групп населения. На крупномасштабной карте он старается дать максимально допустимое число национальностей — в пределах технических возможностей, допускаемых современной картографией. Но на картах генерализованных среднего или мелкого масштаба приходится вводить обобщения, и, таким образом, приходится говорить не столько о нижнем лимите этнического учета (количество учтенного населения остается попрежнему тем же, что и на крупномасштабной карте), сколько о сокращении этнической номенклатуры. Современные картографы умеют обозначать на этнографической карте одновременно несколько сот этнических единиц, но такие карты трудно составлять и еще труднее читать. Уместить на карте среднего масштаба 50—60 названий национальностей и этнических групп, как показал опыт, вполне возможно, даже применяя для каждого названия особый оттенок акварели. В картографическом производстве, при цветном печатании, количество оттенков может быть увеличено применением различной сетки. Поэтому трудности генерализации заключаются не в сложности разработки шкалы цветных обозначений и не в бедности красок, а в другом — в обозначении на карте ничтожно малых этнических территорий и в картографировании смешанных в национальном отношении районов.

При этническом картографировании нескольких стран или целых континентов (независимо от детальности статистических сведений по отдельным странам) приходится в целях унификации значительно упрощать характер этнографической нагрузки. Это приводит к некоторому обеднению карты, но иного выхода нельзя придумать, поскольку этно-географический материал по отдельным странам не однороден. Чаще всего применяется при этом способ условной градации (в процентном отношении) этнического состава населения для выявления удельного веса различных этнических групп, живущих на одной территории. В этом состоит основной, применяемый большинством картографов метод этнического картографирования смешанных территорий. При картографировании национального состава населения отдельных стран употребляются иногда очень детальные градации удельного веса отдельных национальностей в зависимости от полноты соответствующих статистических данных и количества национальностей, проживающих на картографируемой территории. Известны, например, детальные градации немецкого института Юстус Пертус, относящиеся к картографированию некоторых европейских территорий. При наличии только двух национальностей этот институт употреблял скользящую цветную шкалу Пауля Лангханса и давал детальную градацию удельного веса отдельных национальностей с интервалами в 5—10%. Такова разработанная этим институтом карта национального состава Клайпедской (Мемельской) обл. по статистическим данным переписи 1905 г. Но в многонациональных районах применение скользящей цветной шкалы невозможно, а детальная 5-или 10%-ная градация создает такую пестроту, что в карте трудно разобраться; попытки применения этого метода не дают в таких случаях удовлетворительных результатов. В практике этнического картографирования последних десятилетий имеется пример подобного неудачного использования детальной процентной градации; например, в работе чехословацкого исследователя Б. Варсика (B. Varsik, 1940).

Упомянутые карты составлены на основании поселенных статистических данных тех стран, в которых составители проживают; в отношении зарубежных стран ни один составитель не находится в таком выгодном положении, ибо у него отсутствует возможность получить подобные детальные данные. Вот почему, независимо от желания составителя, градации шкалы национального состава зарубежных стран должны быть гораздо более широкими, чем карты той страны, где проживает составитель. Так как сама по себе этническая статистика многих европейских буржуазных стран далека от совершенства и, как правило, преуменьшает числовые показатели, относящиеся к национально угнетенным этническим группам населения, более целесообразно применять при картографировании небольшое количество крупных градаций, сводящих процентные отношения этнических групп к пяти-шести делениям: 5—19%, 20—39%, 40—59%, 60—79%, 80—95% и свыше 95%. При наличии большого количества мелких и мельчайших национальных групп приходится понижать нижний лимит картографируемого населения и создавать еще одну градацию: от 1 до 5%. Дальнейшее размельчение нецелесообразно даже в тех случаях, когда статистические сведения касаются крупных областей и представляют собой итоги, выраженные в шестизначных цифрах.

Характер этнографической нагрузки на карте меняется в зависимости от полноты или схематичности источников, служащих обоснованием карты; в зависимости от характера нагрузки применяется тот или другой метод картографирования. Однако это не значит, что один и тот же материал не может быть картографирован разными методами; бес-

спорно лишь, что применение различных методов вызывает большую или меньшую легкость чтения готовой карты. Задачей является выбор такого метода составления карты, который дает лучшие результаты. В каждом данном случае этот метод может быть определен заранее, в пределах разработанных картографической практикой приемов. Но так как составительская практика накапливает все новые и новые приемы, выбор методов картографирования не ограничен. Изучая приемы этнического картографирования, можно выделить среди них более совершенные и менее совершенные. Однако решающим моментом, влияющим на выбор метода составления карты, все-таки остается этногеографический материал, служащий обоснованием карты.

Наиболее простой способ этнического картографирования заключается в том, что в определенном месте географической карты делают надпись (название народа), показывающую приблизительное место обитания того или другого народа. Этот способ унаследован нами от древнейших географов и до сих пор широко применяется в исторических картах (в отношении древнейших периодов) и в некоторых географических картах малоисследованных территорий. Можно указать, например, на составленную Генеральным штабом географическую карту Российской империи (изд. 1894 г.), в которой на территории северных областей Сибири надписями обозначены места обитания отдельных народностей, принадлежащих к коренному населению Крайнего Севера.

Птолемеевский метод (так будем условно называть этот простейший способ составления этнографической карты) связан с характером источников, легших в обоснование карты. Древние географы получали свои сведения от путешественников и случайных людей, «очевидцев» или третьих лиц, передававших чужие рассказы о народах и местах их обитания. Как правило, эти сведения были отрывочны, неточны, сводились к тому, что рассказчик мог определить место обитания народа лишь приблизительно, ориентируя его в отношении какой-либо большой реки, горной цепи, морского побережья и пр. Так как древним географам и эти ориентиры приходилось устанавливать также путем опроса, не проверяя их лично на местности, то никаких границ расселения народа географ пометить на карте не мог. Надпись, говорящая о том, что данный народ обитает где-то возле реки или моря (помеченных на карте также предположительно), была единственным доступным составителю карты способом нанести на карту имеющийся этногеографический материал.

Казалось бы, что в настоящее время, когда географические карты составляются на основании топографических наземных и воздушных съемок, метод древних картографов можно заменить более совершенными приемами. На самом деле это не так. Примитивный способ определения местопребывания народа и теперь еще может оказаться единственно возможным для этнографа, если тот не имеет более точных сведений и принужден пользоваться данными опроса «очевидцев» или случайных людей. И если в отношении крупных народностей такие случаи бывают редко, то в отношении народностей мелких, тем более в отношении племенных, родовых и мелких локальных подразделений отдельных народов этнографическая практика изобилует случаями, когда необходимо устанавливать места обитания тех или других групп населения исключительно путем опроса сведущих лиц. Всякая попытка нанести на карту «точные» границы расселения такого населения связана с большей опасностью для науки, чем применение в подобных случаях птолемеевского метода. Когда границы расселения неточны и исследователь не может установить их объективным путем, птолемеевский метод является наилучшим способом отметить разведочный характер данных и указанием на необходимость дальнейших

поисков более точных источников осведомления. В полевой практике этнографа применение этого примитивного метода этнического картографирования служит обычно первой ступенью в определении границ территории, занятой изучаемым этническим подразделением.

Более сложен такой метод картографирования, при котором на карту наносятся границы расселения народов, т. е. так называемые этнические границы. Одна из ранних и очень оригинальных карт такого рода была составлена Антоном Регулы в Петербурге в 1846 г. Называется она «Этнографическо-географическая карта областей Северного Урала, составленная в результате поездки в 1844—1845 гг. Антоном Регулы». Масштаб карты (приблизительно) 1 : 3 000 000 (рис. 5). На карту нанесены различными линиями границы расселения вогулов, остяков, зырян, самоедов, татар, а также северные границы занятия земледелием, скотоводством, граница распространения лесов, сосны и кедра и районы охоты. Таким образом, карта выявляет не только этнографические, но и этнокультурные границы. Так как линии этнических границ перекрещиваются, чтение карты несколько затруднено. Материалом для карты послужили собранные А. Регулы путем опроса данные о расселении народов, причем составитель пытался не только выявить национальность населения, но и определить характер его хозяйства (земледелие, скотоводство, охота).

Сходным с этим методом этнических границ (но, пожалуй, менее совершенным) можно считать введенный лингвистами в практику этнического картографирования метод языковых границ. Этот метод основан на объективных, но неполных данных о распространении языка, диалекта, говора. Распространение того или другого наречия и говора устанавливается путем изучения народного языка в определенной местности. Для этой цели организуются специальные научные экспедиции, собирающие лингвистический материал на месте, создаются корреспондентские пункты, распространяются анкеты и пр. Но в конечном счете устанавливаемая лингвистами так называемая языковая граница представляет собой только крайние пункты географического распространения языка; часто при этом не проверяется, действительно ли распространен данный язык равномерно по всей территории, очерченной «языковой» границей, или внутри этих границ находятся районы и отдельные селения, в которых жители говорят на другом языке, наречии, говоре. В этом и заключается неполнота получаемых лингвистами данных.

В соответствии с применявшимися ранее в этнографии лингвистическими методами определения национальности метод языковых границ укрепился в этническом картографировании в XIX в. При отсутствии хорошо поставленной этнической статистики этот метод давал возможность определять, правда, неточно, этнические массивы, т. е. районы с однородным в национальном отношении населением; поэтому распространение метода языковых границ теснейшим образом связано с попытками этнокартографов свести этническое картографирование к выявлению однородных по национальному составу населения территорий, пренебрегая смешанными районами. Впоследствии, при развитии этнической статистики, результат исследования методом языковых границ противопоставлялся данным официальных цензов на том основании, что он якобы точнее отражал действительную картину расселения народов (хотя основным этническим определителем этнической статистики большинства стран со второй половины XIX в. был, как известно, также язык). Эти претензии на большую точность лингвистических исследований — большую «научность» по сравнению с данными цензов — следует отвергнуть. Этническая официальная статистика давала неточные данные вовсе не потому, что ее метод был порочным, а потому, что в дело оказались втянуты политические мотивы: не

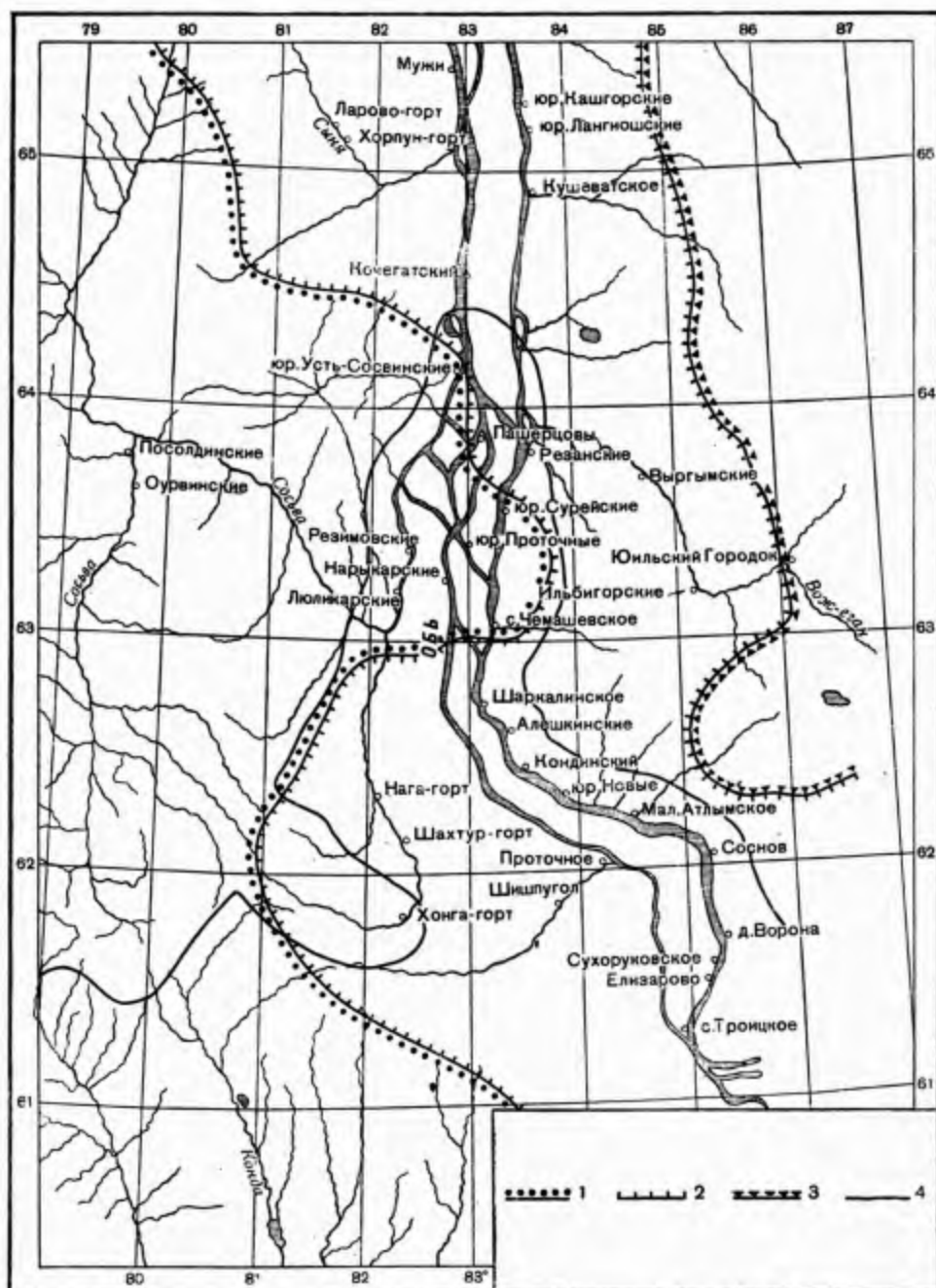

Рис. 5. Этнические границы манси, хантов и ненцев на Северном Урале в середине XIX в. (по «Этнографическо-географической карте областей Северного Урала» А. Редулы).

Границы: 1 — манси (вогулов); 2 — хантов (остяков); 3 — ненцев (самоедов); 4 — граница скотоводства.

метод сбора материалов, а националистическая политика господствующих классов определяла постановку этностатистики. Но большинство буржуазных лингвистов не в меньшей мере заражено национализмом, чем буржуазные этностатистики. Поэтому и составляемые буржуазными лингвистами карты географического распространения языков и говоров менее всего могут претендовать на то, что они отражают действительную картину расселения народов.

Примером этнографической карты, составленной по методу языковых границ, можно считать относящуюся к 1903 г. «Этнографическую карту белорусского племени» Е. Карского (1904, стр. 20—21). В обоснование этой карты приводился исключительно лингвистический материал. В 1917 г. карта эта была переиздана почти без всяких изменений (Е. Карский, 1917). Академик Е. Карский в своей объяснительной записке к последнему изданию карты указал, что базой для составления этой карты был «материнский язык». Но достаточно просмотреть материалы, на которые ссылается составитель, чтобы увидеть, что ни о каком «материнском языке» в данном случае говорить нельзя. Ни при первом издании карты, ни при ее переиздании не были использованы статистические данные первой всероссийской переписи народонаселения 1897 г.; материал, легший в основу карты, получен от корреспондентов или заимствован из литературных источников, причем при собирании его не применялось ни индивидуального, ни даже посемейного опроса. «Материнский язык» белорусов в материалах Карского касается целых селений, а потому его следует признать фикцией.

Р. Бэк тоже выдвигал на первое место язык как наиболее удобный для статистики определитель национальной принадлежности людей, но в своих теоретических обоснованиях он не шел так далеко, как Е. Карский. «Когда отдельные члены ее (народности. — П.К.) по тем или другим причинам утрачивают материнский язык, они перестают сознавать свою принадлежность к данному племени», — пишет Е. Карский (1917, стр.1). Эта псевдоаксиома академика Е. Карского опровергается классическим примером Ирландии и многих других стран.

Нанесенные на карту Е. Карского этнические границы белорусов противоречат данным переписи 1897 г. На это можно возразить, что переписные данные не всегда обеспечивают правильное отображение национальных отношений, тем более что в дореволюционных условиях люди, принадлежавшие к угнетенным национальностям, часто не имели возможности давать переписчикам правильные ответы о своей национальности и родном языке. Предположим, что в отношении переписи 1897 г. эти возражения обоснованы. Но границы расселения белорусов, по Карскому, не соответствуют и данным советской переписи 1926 г.¹ Достаточно сопоставить эти данные (рис. 6) с картой Е. Карского, чтобы увидеть их коренное расхождение. Оговорки, применимые к переписи 1897 г., не применимы к переписи в советских условиях, так как опрос населения производился в обстановке действительно демократической и цифры, попавшие в статистические сводки, основаны на подлинных ответах самого населения.

Чем же в таком случае объясняется расхождение этнических границ Карского (1919 г.) с переписными данными 1926 г.? Совершенно очевидно, что за такой короткий срок (9 лет) не могло произойти коренного изменения национального состава изучаемых районов, тем более среди сельского населения (национальный состав городского населения на карте Е. Карского не отображен). Единственным объяснением может быть лишь то, что карта «белорусского племени» не отражает подлинного поло-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г., отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность; т. II, табл. X, стр. 40—43 и т. X, табл. X, стр. 214—223, 240:

жения вещей. Восточную границу расселения белорусов Е. Карский отодвинул далеко за пределы той территории, где живет компактное белорусское население; он пренебрег показом смешанных в национальном отношении районов, и поэтому общая картина расселения белорусов оказалась искаженной.

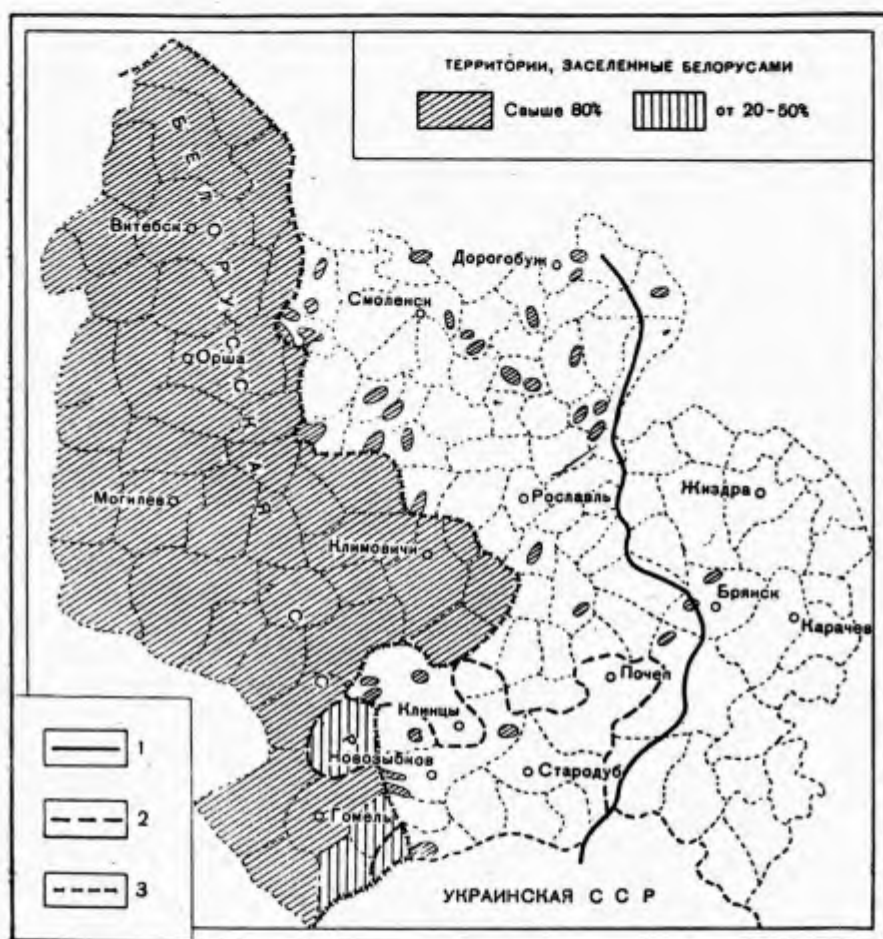

Рис. 6. Русско-белорусская этническая граница по данным переписи населения СССР в 1926 г. (по поселенным спискам).

1 — восточная граница расселения белорусов (по Карскому); 2 — северная граница расселения украинцев; 3 — восточная граница Белорусской ССР.

Составление этнографической карты методом языковых границ лишает возможности правильно отразить географическое расселение народов, потому что в основу карты кладется лишь языковый определитель, а национальное самосознание и этнический быт остаются вне поля зрения составителя. Метод этот не учитывает наличия смешанного в национальном (а тем самым и в языковом) отношении населения и пренебрегает показом на данной территории всякого иноязычного населения; кроме того, при этом методе крайние границы распространения языков и говоров не всегда учитывают наличие иноязычного населения, живущего в глубине очерченной территории.

Метод языковых границ при составлении карт национального состава населения можно считать устаревшим; но это не значит, что этнограф должен пренебречь лингвистическим материалом при выявлении этнических территорий народов. Данные о распространении отдельных языков и говоров должны учитываться составителем карты потому, что они могут оказаться ценным коррективом к этностатистическим материалам официальных цenzов, если такие цenzы существуют, или, при отсутствии этнической статистики, стать одним из основных элементов карты (наряду с данными о распространении различных обычаев, национальной одежды, народной кулинарии, типа жилищ и пр.).

В противовес лингвистической карте «этнических границ» следует привести несколько примеров этнографических карт, основанных на статистическом материале и выявляющих не крайние границы распространения той или другой национальности, а территории их компактного расселения. Статистический материал при этом не всегда берется из официальных цenzов — весьма часто он представляет собой сводку данных, собранных самим составителем или его корреспондентами. Такие карты стали появляться в середине XIX в., но наибольшее количество их относится к началу XX в. Одна из первых карт подобного типа — это карта, составленная Петром Кеппеном в Петербурге в 1849 г. (рис. 7). Обоснование карты П. Кеппена, названной «Этнографической картой Петербургской губернии» (масштаб—15 верст в английском дюйме), состояло частично из официальных статистических сведений, а частично — из корреспондентских сведений этнолингвистического характера. На карте, составленной на немецком языке¹, показаны этнические территории «вотиков, ингров, эвремейсет, савакот, эстов, карелов и немцев-колонистов»; как это ни странно, на этнографической карте Петербургской губ. не нашлось места для русских. Это можно объяснить только тем, что П. Кеппен, повидимому, хотел дать карту расселения национальных меньшинств.

Этнические территории каждого народа на карте Кеппена окрашены соответствующим цветом, который указан в условных обозначениях. Кроме того, на карте подчеркнуты цветными линиями некоторые населенные пункты: следует предположить (поскольку это не оговорено в условных обозначениях), что таким путем составитель хотел отметить отличие национального состава данного населенного пункта от национального состава населения окружающей сельской округи. По методам нанесения этнической нагрузки карта П. Кеппена стоит значительно выше карт этнических или языковых границ, ибо на карте Кеппена сделана попытка установить размер и конфигурацию этнических территорий (правда, только в отношении национальных меньшинств). Это был, пожалуй, первый опыт составления этнографической карты методом этнических территорий.

Сущность метода этнических территорий — как он понимается советскими этнографами — заключается в том, что при составлении карт национального состава каждый народ, как бы он ни был численно мал, должен быть показан на карте в пределах территории своего расселения, т. е. на своей этнической территории. В соответствии с этим основным положением на карту наносятся в границах любого микрорайона, если этот микрорайон имеет смешанный национальный состав, не только условные обозначения национальности, которая в численном от-

¹ Не только карта Кеппена, но и многие другие карты (например, Билленштейна и др.) издавались Российской Академией Наук в XIX в. на немецком языке. В этом — казалось — влияние придворных кругов; в XIX в. ее почетным президентом был кто-либо из членов царской семьи.

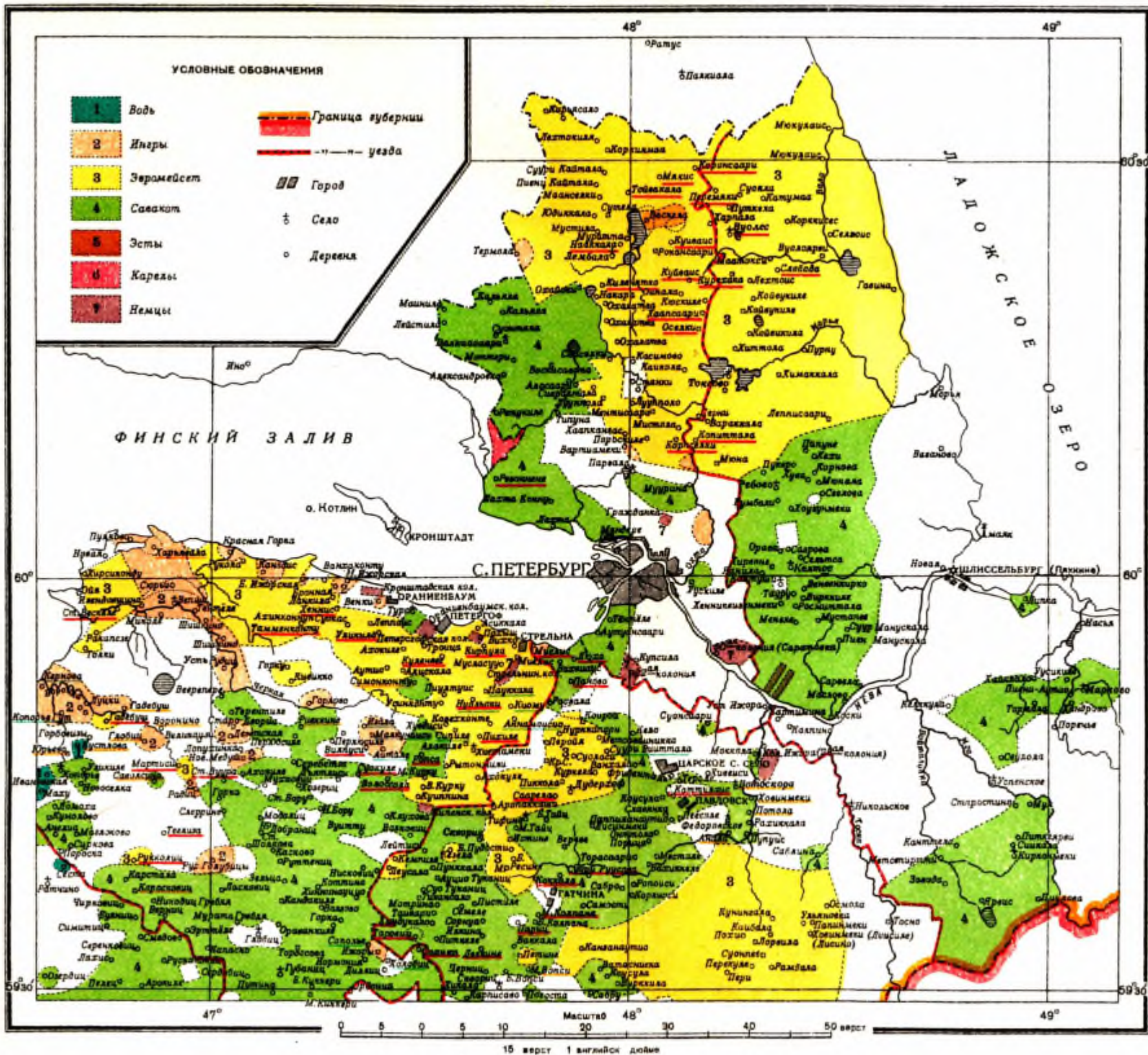
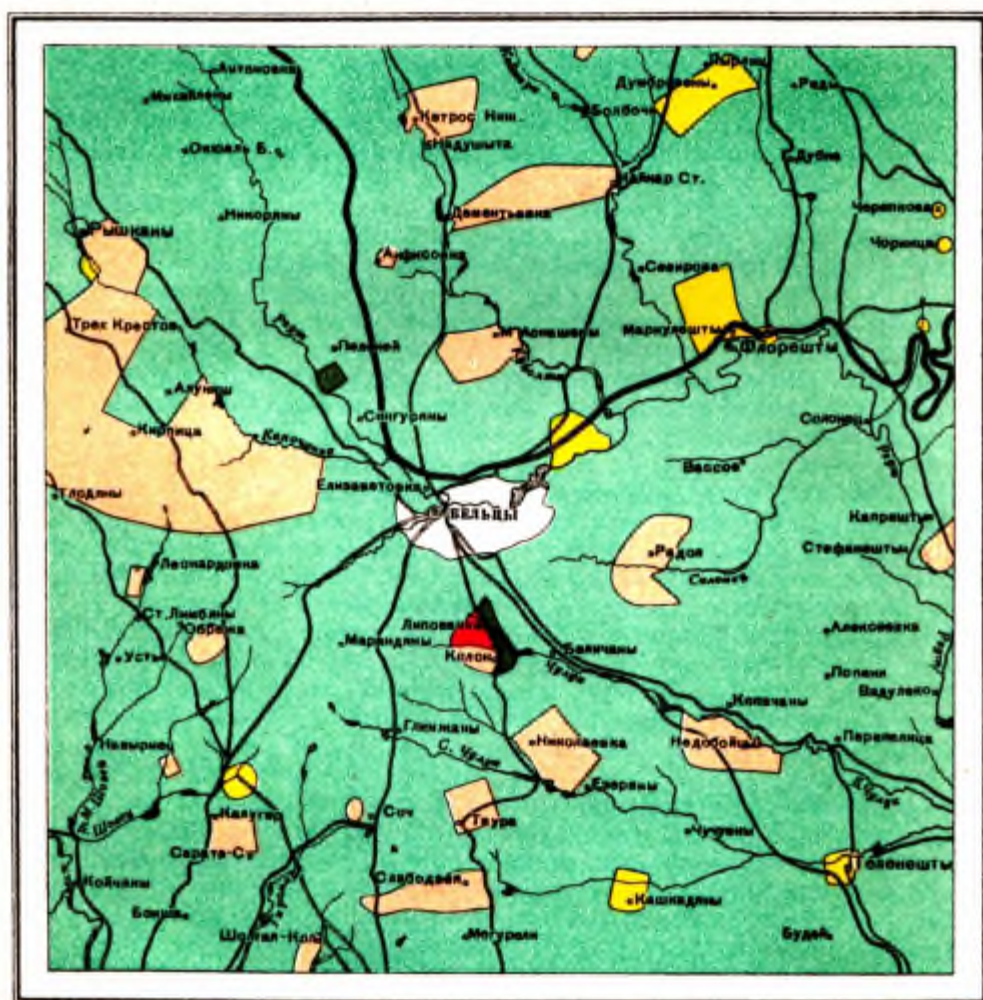

Рис. 7. Этнографическая карта Петербургской губернии (северо-западная часть).
Составлена академиком П.Келленом

■ Великорусы
 ■ Малорусы
 ■ Немцы
 ■ Евреи
 ■ Молдаване

Рис. 8. Этнографическая карта сельского населения Бессарабии (центральная часть) Составлена академиком Л.С.Бергом

ношении преобладает на данной территории, но также обозначения остальных компактных национальных групп, расселенных на той же территории.

«Этнографическая карта Петербургской губернии» П. Кеппена была, конечно, не совсем удачным опытом применения этого метода, потому что составитель отразил на карте этнические территории малых народов, но упустил очертить этническую территорию самого крупного народа — русского. Повидимому, П. Кеппен считал, что русский народ живет в Петербургской губ. повсюду и поэтому нет особой надобности выделять территории его обитания.

После выхода в свет этнографической карты П. Кеппена появилось много карт подобного же типа в России и за границей. Карты эти базировались большей частью на данных официальной статистики и охватывали более крупные территории, чем первоначальная карта Кеппена. Среди этих карт представляет большой научный интерес «Языковая карта Прусского государства», составленная Р. Бэком в 1864 г. (на основе прусской переписи населения 1861 г.). Поскольку прусская перепись 1861 г. учитывала национальность населения по родному языку, Бэк назвал свою карту «языковой», но это была не лингвистическая карта, а карта национального состава.

На карте Бэка, выполненной методом этнических территорий, показаны территории, заселенные немцами, литовцами, курами и поляками. Составитель применил прием, который дал ему возможность выделить не только районы этнических массивов (с однородным в национальном отношении населением), но и этнически смешанные районы. Бэк установил следующие градации этнического состава населения в отдельных районах: 1) территории, на которых проживают одни немцы (100% населения); 2) территории, где свыше 80% населения принадлежит к немецкой национальности, а остальное население — литовцы или куры; 3) территории, на которых от 60 до 80% — немцы; 4) территории, на которых от 50 до 60% населения — немцы, а остальное население — литовцы или куры; 5) территории, на которых от 50 до 60% — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 6) территории, на которых от 60 до 80% населения — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 7) территории, на которых свыше 80% населения — литовцы или куры, а остальная часть немцы; 8) территории, заселенные на 80 процентов и больше поляками.

Метод показа смешанных районов, примененный Р. Бэком, оказался вполне удачным в отношении тех территорий, на которых обитало население, принадлежащее к двум различным национальностям; попытка изобразить тем же методом территории многонациональных районов, в которых проживали три и более национальностей, не увенчалась успехом. Только через десять с лишком лет (в 1876 г.) Х. Киперт смог предложить более совершенный способ показа многонациональных районов на этнографических картах. На «Этнографической карте Балканского полуострова» районы смешанного населения были закрашены перемежающимися цветными полосами, соответствовавшими условным обозначениям определенных народов. Метод Киперта увеличивал возможности картографического показа этнических территорий, но по сравнению с методом Бэка был менее точным в том отношении, что игнорировал численное соотношение национальных групп в пределах смешанных районов, ибо цветные полосы национального большинства и национального меньшинства были на карте равновелики. Дальнейшее усовершенствование этого метода задержалось на многие десятилетия, и только советские картографы сумели разработать его так, чтобы этнографическая карта отражала

не только национальный состав населения, но и его относительную численность на определенных территориях.

В 1907 г. Л. С. Берг, впоследствии академик, составил «Этнографическую карту сельского населения Бессарабии», переизданную в 1923 г. (рис. 8). В основу карты были положены данные, собранные В. Н. Бутовичем с помощью корреспондентов, а также данные всероссийской переписи 1897 г. Л. С. Берг отказался от метода этнических границ и пошел по пути П. Кешпена, т. е. картографирования этнических территорий. В отличие от Кешпена, давшего в своей «Этнографической карте Петербургской губернии» лишь территории, занимаемые национальными меньшинствами, и пренебрегшего показом территорий национального большинства, Л. С. Берг попытался отразить на своей карте полностью все этнические территории; он картографировал размещение населения по территории таким образом, чтобы даже самая маленькая этническая группа нашла на карте свое место. Л. С. Берг так пояснял свой метод: «На карте обозначены все национальности, составляющие не менее 10% населения данного пункта. Площади, занятые окраской, приблизительно соответствуют процентному соотношению народностей в данном месте» (стр. 5 пояснений к карте). Каждая территория, обозначенная тем или иным цветом на карте Л. С. Берга, должна была, по идее составителя, быть показана заселенной только одним народом. Это не вполне соответствовало действительному положению вещей, так как в материалах В. Н. Бутовича упоминалось о многих селах, в которых жили одновременно русские, украинцы, молдаване, евреи и др.; поэтому картографический метод, примененный составителем, вводил некоторую условность, отводя каждой народности, живущей в селе, свою особую территорию. Как же это делалось? Если, например, в селе имелось 40% молдаван, 30% русских и 30% украинцев, то составитель в соответствии с этой пропорцией (4 : 3 : 3) делил всю территорию, принадлежавшую крестьянам данного села, на три отрезка, каждый из которых окрашивал цветом соответствующей национальности. Географическое размещение соответствующих национальностей в селе не соответствовало показу их на карте — оно было условным, и в этом не было бы особой беды, ибо существует ряд других, признанных наукой методов условного размещения на карте населения в пределах областей и пр., методов, когда население тоже не привязывается к определенным географическим пунктам. Но этот метод имел другое, очень важное в принципиальном отношении неудобство: он устранял самое понятие смешанных в национальном отношении территорий. При картографировании по методу Л. С. Берга создавалось впечатление, будто каждая национальность и народность, представленная в данном селе, обособлена, занимает самостоятельную территорию, между тем как молдаване, украинцы, русские, евреи в этих селах в действительности жили соседями на одних и тех же улицах, легко общались друг с другом и вследствие этого перенимали от своих соседей обычаи, материальную культуру и язык, весьма часто говорили одинаково свободно на двух-трех языках или создавали смешанный переходный русско-молдаванский или украинско-молдаванский говор. Эту специфику смешанного национального района метод, примененный Л. С. Бергом, не отражал, и потому его приходится признать неудачным. В современных нам условиях колхозного строя такой метод не пригоден: в колхозах, имеющих смешанное в национальном отношении население, земельная площадь не делится по национальному признаку и поэтому совершенно невозможно было бы указать на карте даже условно отдельные территории для каждой национальности.

Методом Л. С. Берга воспользовались в 1926 г. составители этнографической карты Украинской Советской Социалистической Республики

(«Етнографічна мапа Української соціалістичної радянської республіки», Київ, 1925, масштаб карти 1 : 750 000). Каждый народ, каждая этническая группа в пределах определенной территории показаны на этой карте самостоятельно, пропорционально той площади, которую они занимают, и примерно в географически близких местах обитания. Национально смешанные районы на карте отсутствуют, за исключением крупных городов, национальный состав населения которых показан в виде небольших диаграмм. На карте обозначены этнические территории следующих народов: украинцев, русских, немцев, молдаван, болгар, евреев, греков, поляков, чехов, белорусов, прочих. Несмотря на попытку составителей обогатить метод Л. С. Берга путем показа национального состава городов, карта эта обладает теми же недостатками, что и ее прообраз, т. е. карта Л. С. Берга: конфигурация и географическое размещение этнических территорий на ней не отражают действительности.

Метод этнических территорий был применен П. Кепшеном для составления карты национальных меньшинств, но этот же метод можно использовать и для обратного — для показа этнических массивов национального большинства. По существу и в том и в другом случае составитель делает одно и то же — игнорирует национально смешанные районы. Сторонники мажоритарного принципа именно так стали применять метод Кепшена. На этнографических картах, где последовательно проведен этот принцип, показывается на каждой обособленной территории только национально однородное население, численно преобладающее над остальными национальностями; тем самым в многонациональных районах упраздняются национальные меньшинства — они снимаются с карты.

Если карта разработана на основании микрорайонных данных, то отрицательные черты этого метода тем меньше, чем меньше микрорайон, но даже в лучшем случае, когда микрорайон равен отдельному населенному пункту, отрицательные черты не исчезают. Всякая генерализация карты увеличивает при этом искажения, а в картах среднего и мелкого масштаба они уже исключительно велики. К чему приводит мажоритарный метод в этническом картографировании, показывает разительный пример «Схематической этнографической карты новых образований среднеазиатских республик», изданной в Узбекистане в 1927 г. (?). Масштаб карты — 80 верст в одном дюйме. В условных обозначениях карты показаны следующие национальности: «русские, туркмены, киргиз-казаки, кара-калпаки, таранчи, узбеки, таджики, кара-киргизы, курама, прочие». Мажоритарный метод раскраски этнических территорий, примененный при составлении этой карты, привел к невероятным курьезам: не говоря уже о том, что в Ташкенте, Ашхабаде, Красноводске совершенно отсутствует русское население, из столицы Кара-Киргизской автономной области (в то время), гор. Фрунзе (Пишпек), исчезли киргизы, из столицы Казахской (в то время Киргизской) республики гор. Алма-Ата исчезли казахи! Можно было бы привести и другие нелепости, обозначенные на этой карте (например, в Самарканде не оказалось узбеков!), нелепости, являющиеся следствием последовательного проведения мажоритарного метода в этническом картографировании.

В зарубежных буржуазных странах мажоритарный метод нашел себе широкое применение в этническом картографировании, в особенности в изданиях, предназначенных для учебных целей, и во всевозможных настольных и карманных атласах, имеющих наибольшее распространение. Отражая в этой области общее направление национальной политики капиталистических стран, попирающей права национальных меньшинств и угнетенных национальностей, мажоритарный метод выполняет сугубо пропагандистские цели. Вот почему приходится категорически

возражать против применения этого метода в этническом картографировании на территории СССР — и тем более для учебных целей. Между тем в учебном географическом атласе для средней школы, издаваемом в течение многих лет Главным управлением геодезии и картографии, из одного издания в другое вплоть до 1950 г. перепечатывалась учебная карта национальностей СССР, составленная по мажоритарному методу. Как бы ни был мелок масштаб учебной карты (в данном случае он равен 1 : 20 000 000), все же при современной технике картографирования существует полная возможность выделить на этой карте смешанные в национальном отношении районы.

Предложенный П. Кепшеном и дополненный Р. Бэком метод картографирования послужил также основой для развития современного метода этнических территорий, который преобладает в настоящее время в советской картографии. Переходом к новой системе этнического картографирования следует считать «Этнографическую карту Самаркандской области в границах 1917 г.», составленную в 1926 (?) г. И. И. Зарубиным (рис. 9). Масштаб карты — 1 : 840 000. На этой карте составитель показал не только «чистые» в этническом отношении территории, т. е. заселенные однородным по своему национальному составу населением, но и территории смешанного населения. Более того, И. И. Зарубин попытался отобразить этнический процесс в его динамике, нанеся на карту районы обитания «отуреченных иранцев». Условные обозначения предусматривают отображение на карте этнических территорий следующих народностей и этнических групп: «узбеков (в том числе кара-калпаков, туркмен, куратинских, отуреченных иранцев), казахов, киргизов, курама, таджиков (в том числе ягнобцев), ирани, арабов, русских; кроме того, смешанные районы узбеков и киргизов (а также отуреченных иранцев); таджиков и узбеков; таджиков, узбеков, русских и среднеазиатских евреев».

Как видно из приведенной выдержки, И. И. Зарубин не привел в систему обозначение на карте этнических территорий, в особенности смешанных. Преобладание штриховой техники над цветной обеднило цветное оформление карты. Но наибольшим недостатком карты И. И. Зарубина приходится считать отсутствие единства в определении национального состава смешанных районов, отсутствие той картографической систематизации, которая объединила бы научное обоснование и техническое обозначение в одно целое. Несмотря на указанные крупные недостатки, карта И. И. Зарубина явилась переломным этапом в советском этническом картографировании и направила работу Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС АН СССР) в определенное русло — разработки новых вариантов метода этнических территорий.

Следующим этапом картографической работы комиссии была большая «Этнографическая карта Сибири» на шести листах. Карта была составлена в 1927 г. по данным переписи 1897 г. и позднейших местных переписей. Карта охватывает не только территорию Сибири, но и большую часть европейской территории СССР, и выполнена в масштабе 1 : 4 200 000.

По своей методологии указанная карта отличается от карты И. И. Зарубина большей разработанностью одного и того же принципа. В основу карты был положен микрорайон — волость, в пределах которого определены не только «чистые» в этническом отношении территории, но и территории со смешанным населением. Новинкой на этой карте была попытка выделить незаселенные и необжитые районы, не давшая радикальных результатов, потому что она не была проведена последовательно. Выделив в европейской части СССР незаселенные районы, составители обозначили громадные пространства Крайнего Севера и среднеазиатских пустынь

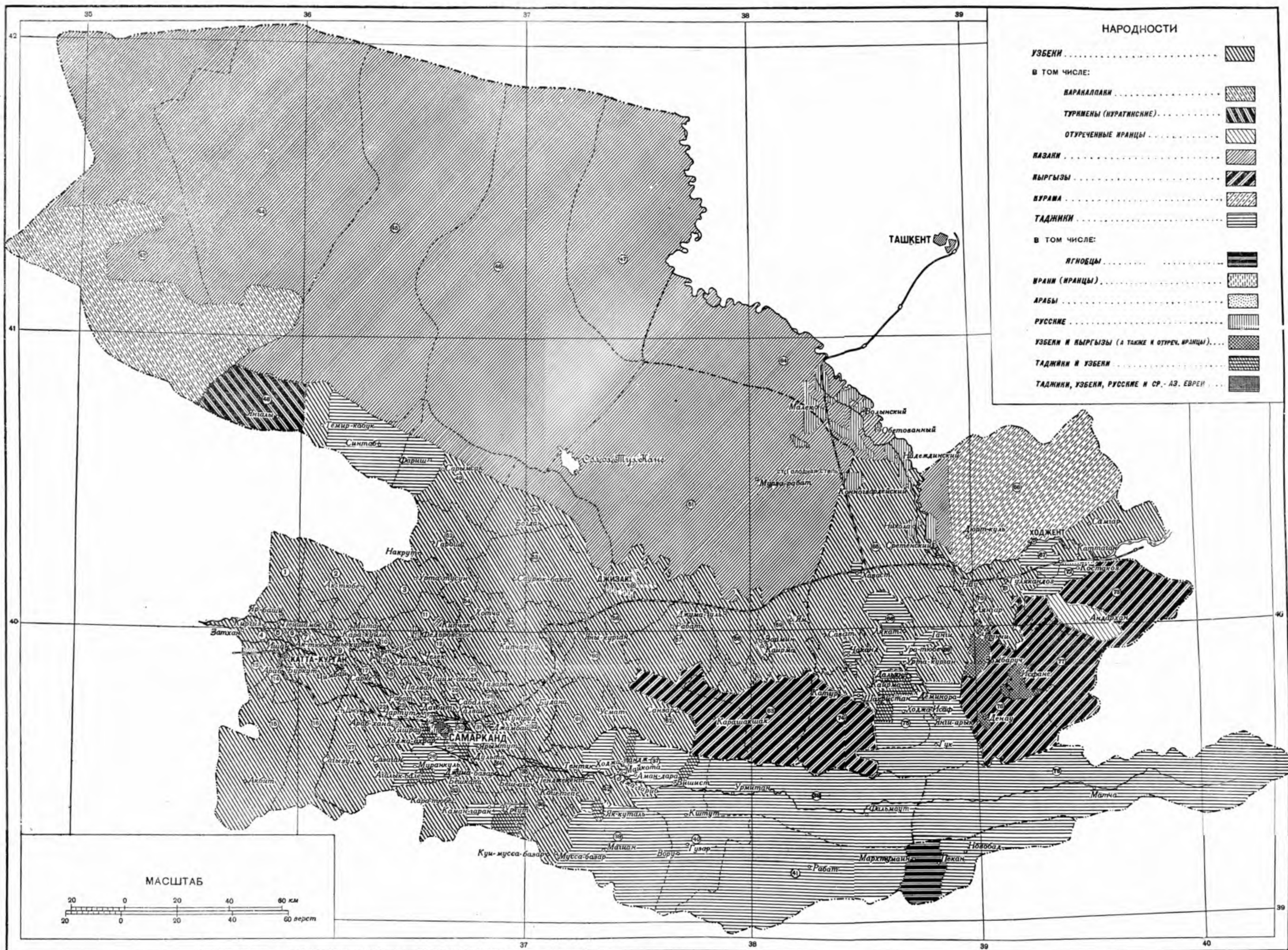

Рис. 9. Этнографическая карта Самаркандской обл. в границах 1917 г. Н. И. Зарубина
Номерами обозначены волости по административному делению 1917 г.

как районы сплошных кочевий, что не может быть признано правильным, ибо, кроме районов кочевий, на этих территориях много совершенно неиспользованных человеком, хозяйственно не освоенных пространств.

В отличие от упомянутой выше карты И. И. Зарубина «Этнографическая карта Сибири» имеет более стройную легенду, в которой народы сведены в этнически близкие друг другу группы. Вследствие этого оказалось возможным сравнительно легко и отчетливо разместить по этническим территориям 191 народность, причем каждая народность получила свою особую цифру и цвет. Приведено в систему и обозначение смешанных районов: на территориях, заселенных несколькими народами, показана цветными полосами, обозначающими ту или иную национальность, каждая из них. Численно преобладающая на данной территории народность обозначена более широкой цветной полосой, менее численная — более узкой полосой; таким образом, удалось показать удельный вес (в численном отношении) каждой народности на определенной территории. Это был гораздо более совершенный метод этнического картографирования, чем предложил Киперт на карте Балканского полуострова, где территории смешанного населения были показаны разноцветными полосами одинаковой ширины, т. е. произведена лишь констатация того факта, что на этих территориях обитает несколько народностей. Составители «Этнографической карты Сибири» не ограничились констатацией, а показали удельный вес, численное соотношение отдельных групп населения разных национальностей.

«Этнографическая карта Сибири» была первой советской этнографической картой, охватывающей большую часть территории Советского Союза и составленной на основании переписных данных микрорайона. При составлении этой карты были в виде корректива использованы многочисленные местные переписи и исследования этнографические и лингвистические.

Демографические и этнические процессы, происходящие в СССР, протекали, однако, значительно быстрее, чем разработка этой карты; в год ее издания появились первые сводки проведенной в 1926 г. новой переписи, дающей гораздо более богатый и более близкий материал, чем переписи 1897 и 1920 гг. Карта в момент своего издания в значительной степени имела лишь историческое значение — она уже не могла отразить советской современности.

Микрорайон (волость) казался составителям в период разработки указанной карты идеальным обоснованием детальной этностатистической нагрузки; но перепись 1926 г. предоставила в распоряжение этностатистиков материалы по каждому населенному пункту. На основании такого материала можно разработать самую детализованную, самую подробную этнографическую карту всей территории Советского Союза. Академия Наук СССР получила в свое распоряжение необходимый материал для составления подобной карты, но организовать составительскую работу КИПС не сумела, и «Этнографическая карта Сибири» до настоящего времени является последней детальной картой национального состава СССР. Другой научной этнографической карты, охватывающей большую часть территории Советского Союза, пока еще нет¹.

Значительным методологическим недостатком «Этнографической карты Сибири» является неудачное обозначение районов кочевания. На карте они занимают большое место, настолько большое, что масштаб карты

¹ Если не считать учебной карты для средней школы, составленной в 1951 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Научно-редакционной картосоставительской частью Главного управления геодезии и картографии.

в северных областях Сибири оказывается неоправданным, несоизмеримо великим. В картографическом отношении «Этнографическая карта Сибири» составлена диспропорционально, ибо районы, имеющие действительно большую нагрузку, и районы, почти лишенные этой нагрузки, имеют один и тот же масштаб.

Если для указанной карты может служить оправданием стремление представить всю территорию СССР в едином измерении, то для аналогичной карты, охватывающей отдельный северный район, а именно для «Этнографической карты Мурманской области», составленной Д. Н. Золотаревым, избранный составителем масштаб (1 : 1 000 000) совершенно необоснован. Этнографическая нагрузка, имеющаяся на карте, может быть размещена на картографическом бланке гораздо меньшего масштаба.

Публикация этностатистических данных большинства стран дает только суммарные цифры по административным территориальным делениям первого и второго порядков (тем самым исключается возможность использования составителем статистических данных по микрорайонам). Поэтому нанесение на карту конфигурации этнических территорий, в особенности в районах смешанного населения, превращается в сложную задачу. Составитель этнографической карты зарубежной страны принужден пользоваться, кроме статистических данных, лингвистическими исследованиями, этнографическими описаниями, географическими атласами, консультациями сведущих лиц, чтобы привязать суммарные данные ценов к определенной территории. При нарушении непосредственной связи этнографической нагрузки с географической основой, вызванной неполнотой статистических источников, этнографическая карта зарубежных (для составителя) стран имеет тенденцию превратиться в этнокартограмму, т. е. в условное обозначение на карте этностатистических данных, не связанных с географическими пунктами.

При составлении же этнографической карты нескольких зарубежных стран или этнографической карты целого континента возникают добавочные трудности, связанные с необычайной пестротой этногеографического материала. Унифицировать источники невозможно, однако возможно унифицировать метод показа, метод выявления материала на карте. Такую попытку унификации метода показа пытается разрешить рукописная «Этнографическая карта зарубежной Европы», составленная Институтом этнографии Академии Наук СССР в 1948 г. Карта эта, выполненная на 12 листах в масштабе 1 : 2 500 000, отражает национальный состав зарубежных стран Европы к началу 1948 г., подытоживая тем самым изменения в национальном составе отдельных стран, происшедшие во время второй мировой войны и после нее. Легенда карты содержит 57 названий национальностей, каждая из которых показана особым цветом и (в смешанных районах) порядковой цифрой. Цветовые обозначения разработаны так, что близкие в этническом отношении национальности имеют близкие цветовые оттенки условного обозначения. На тех территориях, где живет одновременно несколько национальностей (в смешанных районах), каждая из них показана цветной полосой соответствующего оттенка, причем ширина полосы зависит от относительной численности (удельного веса) этой национальности.

Принятые шесть градаций (от 5 до 19%; от 20 до 39%; от 40 до 59%; от 60 до 79%; от 80 до 95%; 100%) дают возможность показать удельный вес отдельных народностей с достаточной точностью. Но эта точность все же приближенная, потому что в основу карты положен разнородный материал, унифицирован лишь метод его показа.

О характере материала и методах составления карты дают представление следующие три примера, относящиеся к различным областям Евро-

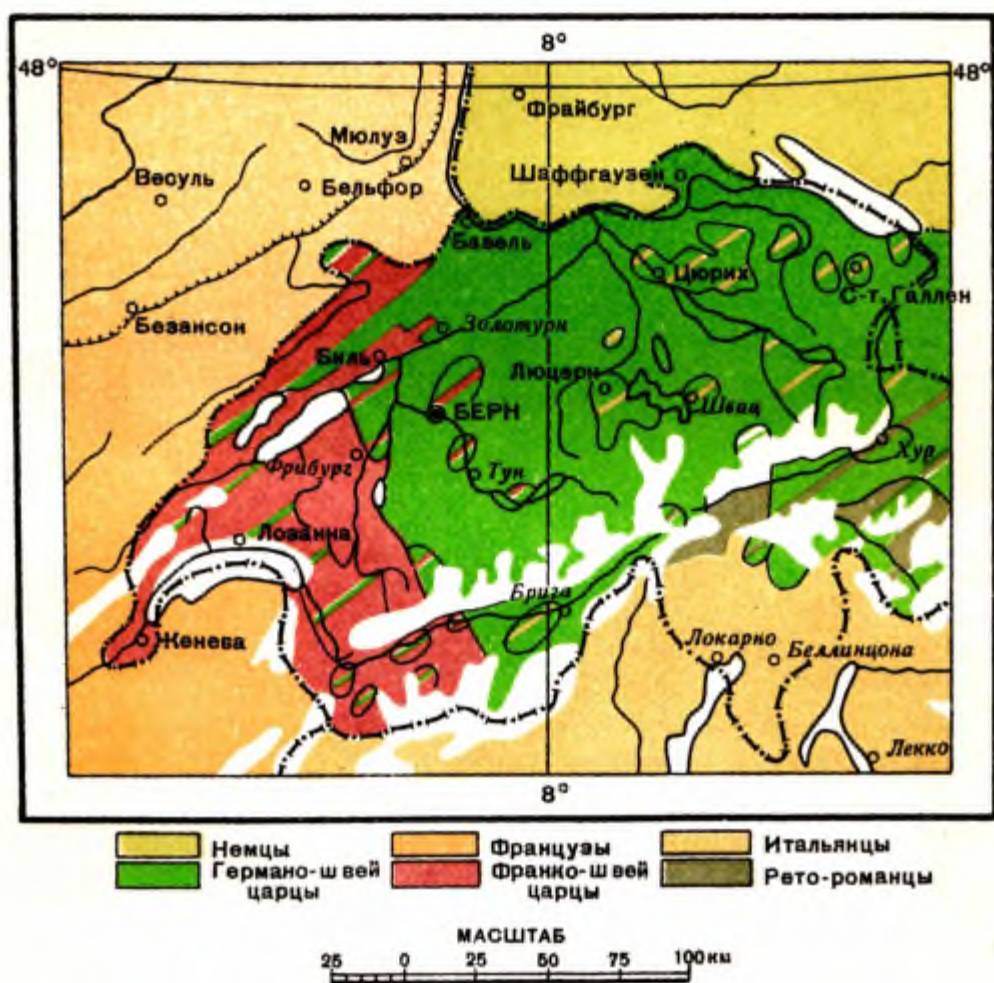

Рис.10. Этнографическая карта зарубежной Европы (центральная часть).
Составлена Институтом этнографии АН СССР

пы — к группе стран Центральной Европы и северобалканских стран, к Скандинавскому полуострову и к Пиренейскому полуострову.

В странах Центральной Европы и в балканских странах (за исключением Греции) этническая статистика, несмотря на ее недостатки, может служить базой для составления этнографической карты. Публикации дают возможность принять за основную территорию картографической нагрузки довольно мелкий административный район, что имеет особое значение для территорий со смешанным населением. Поэтому главной задачей составителей являлась проверка правильности переписных данных путем анализа переписей за ряд лет, сопоставлением данных цenzов с выборочными обследованиями, школьной и церковной статистикой, избирательной статистикой и пр. В тех случаях, когда имелись подробные карты (по районам) национального состава, разработанные по материалам цenzов, как, например, в Чехословакии и Румынии, было нетрудно определить географическое размещение отдельных национальных групп в пределах районов (чего публикации цenzов не давали). Этнографические исследования и консультации сведущих лиц, живших в этих странах в течение длительного времени, имели при этой работе лишь вспомогательное значение. Сведения о происшедших за время войны и после нее перемещениях населения были получены различным путем: в некоторых случаях по литературным источникам, в других — путем непосредственного запроса с мест. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Этнографическая нагрузка территорий Пиренейского полуострова не имела такой фундаментальной научной базы. Из-за полного отсутствия в Испании и Португалии этнической официальной статистики составителям приходилось ориентироваться на данные лингвистических исследований и немногочисленные публикации этнографического характера. Полученные сведения были проверены путем консультации с рядом сведущих лиц (с лингвистами, географами, историками, а также с представителями национальной интеллигенции, живущими в настоящее время в СССР) и сличены с существующими этнографическими картами данных территорий, причем расхождения всякий раз выяснялись и уточнялись. Так была создана этнографическая нагрузка, которая нанесена на эту часть карты. Она унифицирована в соответствии с общей установкой, но имеет гораздо более условный характер, чем в других частях карты.

Этнографическая нагрузка Скандинавского полуострова представляла трудности для составителя лишь в отношении северных районов — мест смешанного расселения норвежцев, шведов, квенов и лопарей. Существующая этническая статистика последних лет недостаточно полно учитывает численность лопарско-квенского населения, а публикации цenzов не дают точных сведений о географическом размещении этого населения. Путем сравнительного изучения статистических данных за ряд лет и определения по этнографическим источникам и топонимике районов географических пунктов расселения лопарей и квенов составителю удалось выяснить как численность лопарско-квенского населения, так и его географическое размещение. Проверка этих данных была произведена сличением их с существующими этнографическими картами и политическими документами (замечаниями норвежской делегации в Лиге Наций, в связи с составленной Габри этнографической картой Европы), а расхождения проверены. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Из этих примеров видно, насколько неоднороден материал «Этнографической карты зарубежной Европы» и как велики еще трудности, стоящие перед составителем такой карты в настоящее время. Однако наличие подобных трудностей не должно служить причиной для отказа от составления этнографических карт зарубежных стран — карты эти необходимы,

и даже в таком несовершенном виде они дают возможность определить этнический состав населения целых континентов, географическое размещение отдельных национальностей.

Среди этнографов очень сильно течение, возникшее под влиянием указанных трудностей отобразить географическое размещение мелких национальных групп населения, совершенно отказаться от определения этнических территорий и этнических границ, а взамен этих элементов этнографической карты ввести показатели статистико-демографического характера. В связи с этим во многих европейских и внеевропейских странах этнографическая карта подменяется этнокартограммой, на которую нанесены данные об абсолютной или относительной численности национальностей и о плотности населения.

Изобразительные формы подобных этнографических картограмм разнообразны — это цветные круги с сегментами, цветные столбики, цветные параллелограммы и квадраты и пр. Иногда на территории тех или других административных единиц помещаются цветные точки и кружочки разных величин; в этих случаях цвет кружка определяет национальность, а величина кружка — численность. Кружки не привязаны к географическим пунктам, располагаются на территории вне зависимости от географического размещения той или другой национальности в данном районе. В виде примера можно привести этнографическую карту Европы в польском атласе Ромера.

Подробный разбор методов составления этнографических картограмм не входит в нашу задачу. Замена этнографической карты картограммой означает неполноту статистических материалов, доступных составителю, или объясняется какими-либо особыми причинами. Нередко одной из этих причин являются политические соображения, мешающие выявлению действительного этнического состава населения. Не случайно в США, где картографическая работа поставлена достаточно хорошо, не издается этнографических карт страны. Правда, публикуемые данные переписей не дают достаточного материала для составления таких карт, но местный исследователь при желании мог бы получить доступ к первичному статистическому материалу, касающемуся национального состава каждого населенного пункта США, и на основании этого детального материала составить этнографическую карту. Однако появление такой карты не в интересах империалистической клики, направляющей политику страны. Эта карта обнаружила бы, что население США не только неоднородно в национальном отношении, но и многонационально, и что в пределах южных штатов можно картографировать особую негритянскую этническую территорию, на которой «белое» англо-саксонское население будет представлено лишь небольшими этническими островками или даже пятнами. Выпустить в свет такую карту не решится ни одно картографическое издательство США. Этнографическая карта выявляет связь национальных групп населения с определенной территорией, поэтому она для американских издателей одиозна и подменяется картограммой. Тем самым проблема этнотерриториальная снимается с обсуждения — вместо нее читателю подсовывается проблема абсолютной или относительной численности разнородного (но не многонационального!) населения.

Кроме карт собственно этнографических, существуют очень близкие к ним по своим задачам карты расселения, которые превращаются в этнографические карты в тех случаях, когда на этих картах выделен национальный состав населенных пунктов. В 1933 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК издал «Карту расселения народностей Крайнего Севера СССР», составленную П. Е. Терлецким (рис. 11). Это детальнейшая карта, базирующаяся на статистическом материале хозяйственной переписи

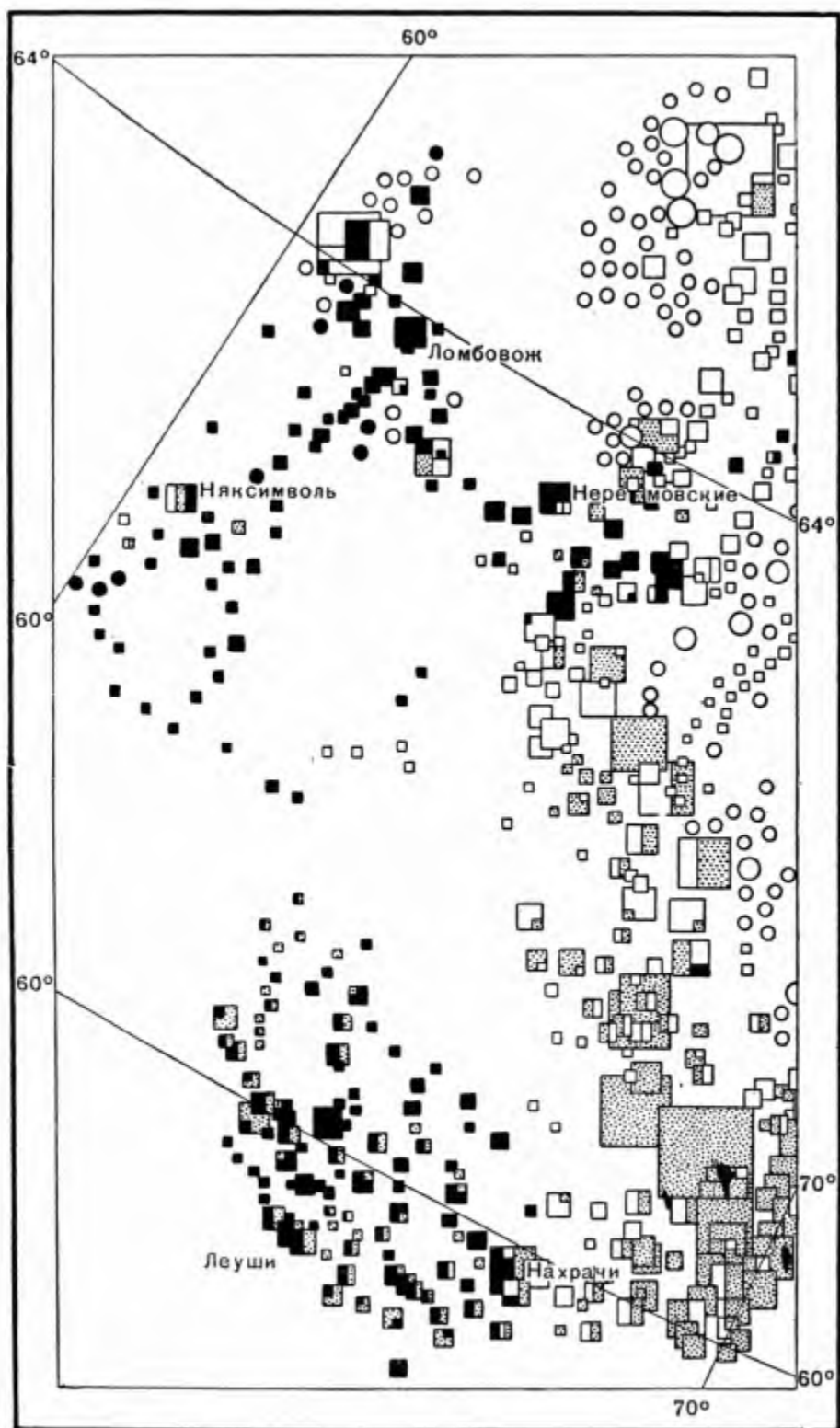

Рис. 11. Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР
П. Е. Терлецкого (северо-западная часть).

приполярного Севера в 1926—1927 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. За основу статистической разработки был взят отдельный населенный пункт. Таких подробных карт, охватывающих громадный район севера Евразии, до сих пор не существовало. Это первый опыт составления этноэкономической карты не только Крайнего Севера, но и советской этноэкономической карты вообще.

Масштаб карты (1 : 5 000 000) строго согласован с ее нагрузкой: на карте нет пустых мест, но нет и перегрузки ее материалом. Читается она легко. Полиграфическое оформление просто и красочно.

Основная нагрузка карты состоит из двух показателей: обозначения народностей и показателей численности хозяйств. Населенные пункты, помещенные на карте, нанесены разными значками, в зависимости от того, являются ли они местами постоянной или относительной оседлости: постоянные населенные пункты условно обозначены квадратиками, места относительной наибольшей оседлости кочевого населения — кружками. Размеры квадратиков и кружков зависят от числа хозяйств, живущих совместно, причем различаются следующие градации в обозначении населенных пунктов: от 1 до 5 хозяйств; от 6 до 10; от 11 до 20; от 21 до 50; от 51 до 100; от 101 до 200; от 201 до 400; от 401 до 1000; свыше 1000 хозяйств. Градация, взятая в возрастающей прогрессии, составлена не случайно — она соответствует среднему числу хозяйств в поселениях разных типов, соответствующих уровню развития производительных сил и формам хозяйственной деятельности. Таким образом, составитель показывает на своей карте не просто расселение людей по территории Крайнего Севера, но и связанные с формой этого расселения типы экономики.

Легенда карты охватывает следующие национальности и народности Крайнего Севера: лопари (саами), вогулы (маньси), остяки (ханты), коми, ненцы, енисейские самоеды (маду), тавгийцы (нганасаны), остяко-самоеды (селькупы), эвенки, негидальцы, эвены, гольды, самагиры (нанэй), ульчи, ороки (нанэй), удэ, орочи (нани), чукчи (луораветланы), коряки (нымы, ланы), камчадалы (ительмены), юкагиры (огулы), чуванцы (этели), эскимосы, алеуты, кеты, гиляки (нивухи), долганы (саха), якуты, русские-китайцы, корейцы, карелы, финны.

Эта карта географического размещения человеческого жилья — идеальный тип той карты, о которой мог только мечтать в свое время П. Шафарик. Карта П. Е. Терлецкого дает отчетливое представление не только об экономике населения, но и о его национальном составе, об удельном весе отдельных народностей, их численности и районах расселения.

Примененный П. Е. Терлецким метод называется обычно методом плотности населенных пунктов; он употреблялся ранее в картах расселения и картах плотности, но советский ученый применил этот метод к этноэкономической карте. Это значительно расширило диапазон обычной этнографической карты, хотя и не заменило полностью карт прежних типов. Все-таки на карте Терлецкого размеры этнических территорий не показаны — о них можно только догадываться: незакрашенные территории могут быть понимаемы и как хозяйственно освоенные, и как хозяйственно не освоенные. На карте Терлецкого явственно читаются особенности типов расселения, связанные с типами хозяйства; видна абсолютная и относительная численность населения в каждом населенном пункте и его национальный состав. Нехватает в этой карте обобщений, которые дает в пределах определенных районов и территорий обычная этнографическая карта; вследствие этого карта П. Е. Терлецкого не заменяет этнографической карты, выполненной по методу этнических территорий, а дополняет ее.

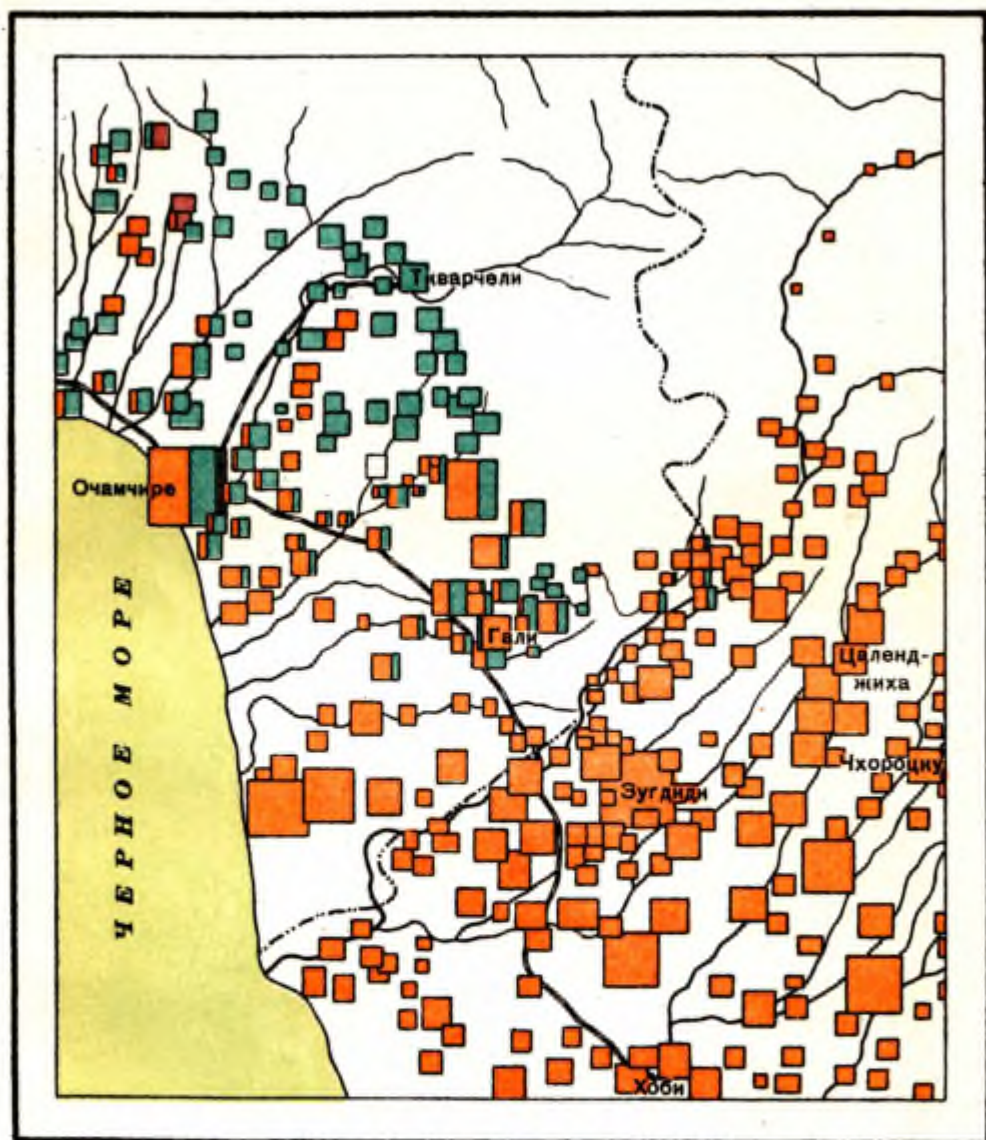
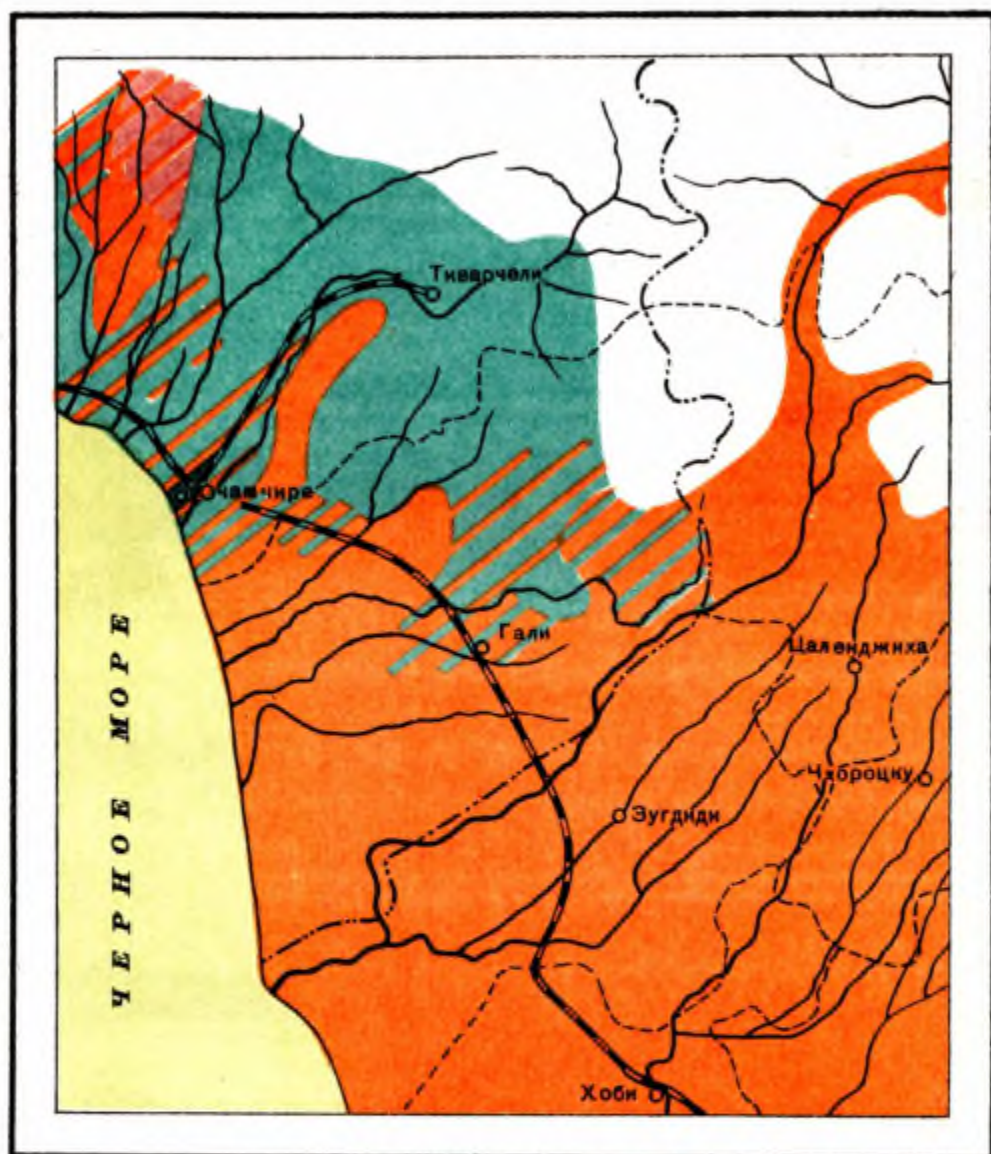

Рис.12. Этнографическая карта Грузинской ССР (западная часть).

Составлена Р.Я.Винниковым по методу людности

Грузины
 Абхазы
 Армяне
 Русские

Рис. 13. Этнографическая карта Грузинской ССР (западная часть).

Составлена Я.Р. Винниковым по методу этнических территорий

Условное обозначение населенных пунктов квадратиками и кружочками разной величины создает некоторые картографические трудности. Дело в том, что каждый квадратик или кружок ставится на месте населенного пункта, но интервалы между населенными пунктами могут быть — и бывают — гораздо меньше, чем величина квадратика. Вследствие этого большой квадратик покрывает собой не один, а несколько населенных пунктов. Составитель выходит из положения допущением второй условности: он помещает мелкий населенный пункт на географически правильной точке, но внутри квадрата, обозначающего большой населенный пункт. Если национальный состав большого населенного пункта смешанный и поэтому многокрасочный, различить в нем мелкий населенный пункт не так просто — получается настоящий ребус, решать который приходится тому, кто пользуется картой. Сложен также и прием наложения квадратиков друг на друга (см. рис. 11), тем более, что этот способ применяется в диаграммах и картограммах в ином значении — как показатель численности (удвоение, утроение и т. д. основного числа). Есть основание думать, однако, что указанные дефекты вызваны не самим методом, а лишь формой условных обозначений, и что при дальнейшем усовершенствовании карта станет значительно нагляднее.

По методу П. Е. Терлецкого выполнена Я. Р. Винниковым в 1948 г. рукописная карта расселения народов Грузинской ССР. Карта, базирующаяся на поселенных карточках Всесоюзной переписи населения в 1926 г., прекрасно передает своеобразный характер расселения отдельных национальных групп в горной местности — по долинам и руслам рек, чего обычная этнографическая карта выявить не может (рис. 12).

Прилагаемая для сравнения карта этнических территорий Грузинской ССР (составленная также Я. Р. Винниковым на базе поселенных карточек Всесоюзной переписи 1926 г.) показывает достоинства и недостатки обоих методов (рис. 13). Метод людности правильнее передает картину географического размещения жилищ; метод этнических территорий ярче выделяет смешанные районы. Дополняя друг друга, они вместе дают исчерпывающую этногеографическую характеристику страны.

Советская этническая картография сумела выработать своеобразные методы, оправдавшие себя на практике; дальнейшее усовершенствование этих методов, поиски новых путей для лучшего картографирования национального состава населения должны продолжаться с неослабевающей силой. Для этого в СССР имеются неограниченные возможности.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнические территории, а следовательно, и этнические рубежи — как это видно из предыдущего изложения, изменяются в ходе исторического процесса. Это изменение зависит иногда от того, что народы переселяются на новые территории или расширяют, военным и экономическим путем, области своего обитания. Но, пожалуй, гораздо чаще мы имеем дело не с процессами миграции или экспансии, а с процессом этнического развития (когда племена развиваются в народности или народности превращаются в нации) или с процессом этнической ассимиляции (когда племена, этнические группы и целые народности этнически растворяются среди народов-соседей).

Сложный процесс трансформации этнических рубежей зависит от национальных отношений. Поэтому проблему этнических территорий следует считать теснейшим образом связанной с более широкой и более общей проблемой — национальной¹. Хотя для доказательства этого поло-

¹ Изучение этнических рубежей в отрыве от национальных отношений будет всегда бесплодным в научном отношении и может привести только к формалистическим умствованиям. Примером такого формалистического изучения границ между народами является выпущенная в начале второй мировой войны книга С. В. Боггса, ученого географа Государственного департамента США, под названием «Международные границы» (S. W. Boggs, 1940). Среди различных «типов» границ Боггс выделил границы «антропогеографические», к которым он относит две разновидности этнических границ — племенные и языковые. Дальше этих чисто формальных определений «ученый географ», однако, не идет. Он полностью игнорирует национальные отношения народов и потому бессилен понять, почему Парижская конференция стран Антанты в 1919—1920 гг. была принуждена, устанавливая новые государственные границы в Европе, заниматься вопросами «языка, стремлениями населения» и пр. вместо того, чтобы провести такие границы, которые «поддерживали бы порядок и защищали национальную преемственность и валюту», обеспечивали бы «взимание пошлин и размен денег» (стр. 113 указанной книги).

Для Боггса европейские границы после первой мировой войны претерпели только то изменение, что длина их стала большей. «Ученый географ» далек от понимания того, что Версальские решения шли в разрез с правом наций на самоопределение и что новые государственные границы нарушали национальное единство отдельных малых народов, разрезали на части этнические территории. Этническое, национальное значение границ, связь этого вопроса с национальной проблемой — все это относится к той области, которая чужда его «научному» мышлению, и потому Боггс беспомощно разводил руками, обнаружив, что «по установлению новых границ проблемы границ стали еще острее и сложнее».

Советские ученые иначе подходят к этой проблеме: они знают, что на этнических территориях живут народы, имеющие свою национальную культуру, и что народы желают самостоятельно выбирать себе соответствующий образ жизни и устанавливать форму государственного устройства. И поэтому, изучая этнические территории,

жения в моей работе привлечены исключительно европейские исторические, этнографические и этностатистические источники и хотя при исследовании особенностей этнических границ имелись в виду внутриевропейские национальные отношения, можно утверждать, что полученные выводы относятся не только к Европе, а примененные методы могут быть использованы, хотя и в разной мере, по отношению к другим материкам и внеевропейским странам.

В США, например, национальные отношения имеют несколько иную специфику, чем в европейских странах (я имею в виду при таком сопоставлении, конечно, капиталистические страны); несомненно, отличается от европейской этнической статистики и расовая статистика США, и все же, пользуясь общими приемами этногеографического исследования, можно изучить этнические территории негров в США и североамериканских индейцев в США и Канаде.

США и страны Латинской Америки нуждаются в серьезном этногеографическом изучении, и выяснение этнических территорий отдельных американских народов и этнических групп будет только полезно для уяснения национальной проблемы.

Не менее нуждаются в таком изучении все колониальные и полуколониальные страны — в частности Африканский континент, страны южной и юго-восточной Азии, Индонезия, Филиппины и др., народы которых пробудились или только пробуждаются теперь к политической жизни. Национальный состав этих стран очень мало изучен, и, как бы ни был скуден этнографический и особенно этностатистический материал об отдельных народах, все же, пользуясь комплексным методом и сопоставляя сведения, добытые разными научными дисциплинами, можно уже в настоящее время составить этнографические карты некоторых территорий.

Жизнь и быт внеевропейских народов, значительная, если не большая, часть которых относится к населению колониальных и зависимых стран, отличается, конечно, от жизни и быта народов Европы; нет сомнения, что и формы национальных отношений в зависимых и колониальных странах иные, чем в странах капиталистических, и что империалистический гнет налагает особую печать на национальные отношения у малых народов. Поэтому нельзя опыт этногеографического исследования, произведенного на материале европейских стран, механически переносить на другие континенты и применять ко всем странам мира без всяких оговорок, — но этого я и не предлагаю. Методы и приемы этногеографического исследования должны учитывать своеобразие источников, — это, однако, несколько не мешает тому, чтобы создавались какие-то общие приемы, без которых никакое этногеографическое исследование не обходится. Выработка общих приемов определяется методологией, и если эта методология научно обоснована и хорошо разработана, то не только общие, но и частные приемы исследования, основанные на ней, могут получить применение в различных областях.

Общие приемы этногеографического исследования, которые применены нами в настоящей работе для изучения этнических территорий и этнических границ, основаны на марксистско-ленинской методологии. Эта методология понимает этнические процессы как процессы социальные, развивающиеся диалектически, создающие определенные формы этнической общности людей на разных этапах общественного развития. При помощи этой методологии можно выработать общие приемы определения национального состава населения и правильно оценить этногеографический источник.

советские ученые менее всего занимаются формалистической классификацией этнических рубежей, а обращают главное внимание на выявление исторического значения их и социальной сущности.

II

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИИ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

1. О МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

История любого народа представляет сложный процесс изменений экономики, политического строя, культуры и быта людей на протяжении многих столетий, а иногда и тысячелетий. Этническая специфика этих изменений исследуется этнографией; но если изучение современной материальной и духовной культуры, а также быта народа может производиться этнографами при помощи так называемой полевой работы (т. е. местных обследований), то этнография бессильна этим методом без помощи других исторических наук выяснить этническую специфику народа в прошлом: такие проблемы, как *изменение национального состава населения* на какой-либо территории на протяжении нескольких веков, или *этногенез* народов, могут быть раскрыты лишь при комплексном историческом изучении.

Отдельные части этих проблем исследуются различными дисциплинами: давность населения на территории и характер его древнейшей культуры устанавливает археология; этническую специфику в прошлом — археология, топонимика, лингвистика, этнография; процессы миграции и эмиграции, колонизации, завоевания и оккупации — главным образом история; этническую специфику в настоящем — этнография и лингвистика; численность — этностатистика; характер и район расселения — география и этнография. К этому следует добавить антропологию, устанавливающую отличительные особенности физического типа людей. Совершенно очевидно, что полное представление о проблеме в целом может быть получено лишь при комплексном использовании данных из всех этих дисциплин.

Сто лет тому назад П. Шафарик пытался в широком плане использовать комплексные данные исторических дисциплин для создания истории материальной и духовной культуры славянских народов. Его «Славянские древности», в которых сгруппированы и подвергнуты научному анализу памятники письменности, археологические источники, лингвистические и этнографические данные, касающиеся славян, так же как его «Славянское народописание», в котором дан обзор расселения славянских народов, — не потеряли в методологическом отношении своего научного значения до настоящего времени.

По тому же пути пошел Л. Нидерле, воспринявший лучшие традиции П. Шафарика: его «Славянские древности» и «Обозрение современного славянства» представляют собою также результат комплексного исторического изучения проблемы.

В других западноевропейских странах (за исключением Чехословакии) метод П. Шафарика не получил распространения: преобладавшая

в этнографии со второй половины XIX в. антропогеографическая школа, затем гребнерианство и буржуазный социологизм были течениями анти-историческими и потому враждебными всякому историческому методу.

В России лишь Д. Н. Анучин в своих работах «Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда», «Лук и стрелы» и др. успешно применил комплексный историко-этнографический метод, правда, на узкой тематике. А. Риттих тоже пытался использовать этот метод, но неудачно; основной причиной этого было полное незнание Риттиха с археологическими источниками, плохое знакомство с этнографией и увлечение панславизмом. Последующие поколения русских этнографов и этноисториков предпочитали описательный, статичный в своей основе метод исследования и потому не выказали никакого интереса к комплексной разработке этнографических и исторических проблем.

После Великой Октябрьской социалистической революции советские этнографы, активно включившиеся в изучение этногенеза советских народов, стали применять историко-этнографический комплексный метод П. Шафарика, но уже обогащенный марксистско-ленинской методологией.

Проблема современных этнических территорий и этнических границ не может быть разрешена в своей статике — понять сущность ее можно лишь в историческом аспекте; но так как в основе ее лежит история изменений национального состава населения на определенной территории, то единственным методом, пригодным для исследования этой проблемы, может считаться историко-этнографический комплексный метод. Только при помощи этого метода можно мобилизовать весь необходимый для исследования материал и получить в результате его анализа научно обоснованные выводы.

Историко-этнографический метод не является ныне новинкой, поскольку он применялся неоднократно в исследованиях советских ученых, занимающихся этногенезом современных народов. Однако применение этого метода для изучения этнических территорий пока никем еще не произведено; между тем никакой другой метод не может дать при таком исследовании лучших результатов.

В дальнейшем мы попытаемся применить этот метод в исследовании, касающемся этнического прошлого юго-восточной Прибалтики — этнической территории народов, последовательно населявших ее с древнейших времен вплоть до наших дней. Выбор темы объясняется научным значением, которое имеет проблема происхождения и этнического развития народов Прибалтики, испытывавших на себе многовековой национальный гнет немцев-завоевателей, гнет, который грозил привести к полной денационализации коренного населения; только действенная помощь Советского Союза, отечества трудящихся, спасла эти народы от уничтожения.

Территория юго-восточной Прибалтики, входившая до второй мировой войны в состав Восточной Пруссии, состоит в настоящее время из двух областей Союза ССР, из которых одна — Калининградская область РСФСР, а другая — Клайпедский край Литовской ССР. Об их этническом прошлом и будет идти ниже речь.

В географическом отношении территория является равниной, слегка повышающейся на западе (в районе Земландского полуострова) и значительно — на юге и юго-востоке. На восточном побережье Курского залива равнина переходит в низменность (ниже уровня моря), которую только дюны спасают от вторжения моря. На Земландском полуострове равнина поднимается (в западной части полуострова) до 100 м над уровнем моря, в южной части территории (в районе современной советско-польской границы) возвышение доходит до 200 м, а на юго-востоке до 300 м.

Территория эта является бассейном нижнего течения р. Неман, бас-

сейном р. Прегель и р. Дейме, а также р. Фришинг. Внутри территории находится невысокий водораздел, склоны которого обращены на северо-восток и на юго-запад.

В прошлом вся территория была покрыта девственными лесами, а долины рек — в особенности мелких притоков Немана и Прегеля — сильно заболочены. В настоящее время от прежних лесов сохранились отдельные лесные массивы, разорванные большими пространствами полей. Наибольшие лесные массивы окаймляют восточное побережье Курского залива, крупный лесной массив (Роминтен) находится также на юго-востоке, разрезанный на две части советско-польской государственной границей.

В силу различно сложившейся исторической обстановки население территории, некогда единое или во всяком случае очень сходное в этническом отношении, стало обособляться от своих сородичей на востоке; в XIII в. оно подпало под власть угнетателей-иноземцев, было насильственно денационализировано и в значительной степени онемечено. Часть коренного населения сохранила, однако, свою национальную культуру и свой родной язык к тому времени, когда немецкое господство было уничтожено и Советская Армия освободила территорию от захватчиков. К тому времени в Клайпедском крае сохранилось компактное западнолитовское население, которое и вошло в состав единого ныне литовского народа — одного из братских народов Советского Союза; Клайпедский край был воссоединен с Литовской ССР. На остальной части территории, превращенной гитлеровцами при отступлении в «зону пустыни», население вообще отсутствовало: оно бежало или было угнано в Германию. Край стоял пустым, разоренным, безлюдным, поля заросли бурьяном, города были превращены в развалины.

Советскому Союзу, которому по Потсдамскому соглашению была передана вся эта территория¹, пришлось возрождать страну из пепла и заново заселять ее. Через пять лет после окончания военных действий опустошенный край был превращен руками героев-новоселов в хозяйственно процветающую область, названную по имени главного города ее Калининградской, область пока еще аграрно-индустриальную, но с быстро растущей промышленностью и крупным морским портом, развитие которых в ближайшие годы превратит область в индустриально-аграрную.

Каково этническое прошлое этой территории, какие народы на ней обитали и какова была их судьба? На эти вопросы и должно ответить следующее изложение.

¹ На Берлинской Конференции Трех Держав в начале августа 1945 г. было решено согласиться с предложением Советского Правительства о том, чтобы г. Кенигсберг и прилегающий к нему район были переданы Советскому Союзу и чтобы западная граница СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты (Вислинский залив) к востоку — севернее Браунсберга — Гольдана к стыку границы Литвы, Польской республики и Восточной Пруссии.

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, КАСАЮЩИЕСЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Выяснить этнический состав населения юго-восточной Прибалтики в прошлом невозможно без привлечения разностороннего исторического материала, касающегося древнейших эпох, и в первую очередь — археологических источников. С разбора этих источников и придется начать.

Поскольку можно судить по публикациям второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в., территория юго-восточной Прибалтики в археологическом отношении была уже в то время довольно хорошо изучена. Кроме большого количества предварительных и итоговых сообщений (о раскопках и находках), сделанных на заседаниях немецкого общества по изучению прусских древностей и опубликованных в «*Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr.*» или на заседаниях физико-экономического общества в Кенигсберге (*Schriften der physikalisch-ökonomisch. Gesellschaft zu Königsberg*), опубликовано было много статей в журналах «*Altpreussische Monatsschrift*», «*Neue Preussische Provinzial Blätter*», «*Zeitschrift für Ethnologie*», «*Altpreussen*». Кроме того, написано было несколько специальных работ по фибулам, по анализу бронзы и ряд обобщающих работ Тишлера («*Steinzeit in Ostpreussen*», «*Ostpreussische Grabhügel*» и др.)¹. Краткая сводка итогов археологических исследований дана Беттихером в его «*Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ost-Preussen*, H. VIII (1898).

Подробная обзорная археологическая карта Восточной Пруссии со списком памятников и литературы, относящейся к ним, была составлена Е. Холлаком (E. Hollack, 1908). Приводимая им археологическая сводка как бы подытоживает все основные раскопки и находки в Восточной Пруссии вплоть до 1908 г. Необходимо при этом отметить добросовестность исследователя и исчерпывающий характер его комментариев.

Собственно говоря, Е. Холлаком как бы завершается период научно объективных археологических исследований Восточной Пруссии — дальше следует эпоха бурной деятельности немецких националистов, захвативших в свои руки руководство восточнопрусскими научными учреждениями и обществами. Археологическое изучение Восточной Пруссии было для этих националистов лишь ареной, на которой они демонстрировали искусственно подобранные материалы, долженствовавшие доказать, что

¹ См. подробную библиографию у С. Балтрамайтиса (1904).

Восточная Пруссия издревле была «германской» землей и что древнейшая культура обитавших в ней народов обязана своим развитием только «индо-германцам». Землю копали эти археологи наспех, не всегда с соблюдением научной методологии, без тщательного изучения культурного слоя и в общем бесплано. Приложили свою руку к раскопкам и любители старины, единственным желанием которых было найти какой-нибудь предмет и тем самым показать, что они являются активными участниками общества по изучению прусских древностей. Сводной работой, подводящей итог археологическим исследованиям периода после первой мировой войны, до 1929 г., является книга В. Герте (W. Gärte, 1929); в ней приведено много рисунков и таблиц, пояснительный же текст нарочито запутан вставками из различных цитат, подобранных тенденциозно и недобросовестно. Эта лживая националистическая книга дезориентирует читателя, и потому даже фактическим материалом ее (рисунками, ссылками и пр.) можно пользоваться лишь в сопоставлении с аналогичным материалом у Холлака и более ранних исследователей.

Последующие годы (тридцатые годы нашего века), совпавшие с периодом господства в Германии, нацизма ознаменовались в Восточной Пруссии тем, что большинство немецких археологов, сгруппировавшихся вокруг кенигсбергских реакционеров, стало проводить в науке расистские идеи. Одним из первых расистов-археологов стал упомянутый В. Герте, а вслед за тем К. Энгель и Ла-Бом впряглись в колесницу гитлеризма и завершили свой позорный путь выпуском в 1936 г. нацистского археологического атласа. Основной особенностью этого атласа, первая часть которого отведена культурам и народам ранних периодов истории, было беззастенчивое искажение характера всех археологических находок на землях Восточной Пруссии и Западной Пруссии. Подлинный характер древнейшей культуры юго-восточной Прибалтики вырисовывается, однако, настолько четко во всех археологических раскопках, что хитроумный трюк нацистских археологов не может обмануть добросовестного ученого. Более того, сами авторы нацистского атласа принуждены были выделить культуру балтийских племен как совершенно оригинальную и отличную от культуры германских племен, сгруппировав ее в особый «балтийский круг».

Поскольку археологические источники Восточной Пруссии — вплоть до конца второй мировой войны — изучались и освещались только немецкими авторами, причем значительная часть этих авторов стала нацистами, перед добросовестными исследователями археологии юго-восточной Прибалтики возникают громадные трудности. Им приходится пользоваться материалами, которые в той или иной мере подверглись идеологической обработке; поэтому при исследованиях приходится отслаивать тенденциозные националистические или явно расистские наслоения и вылущивать ядро первоначального исторического источника. Советские археологи, изучающие Прибалтику, должны проделать очень большую работу по расчистке добытого ранее материала и тем самым сделать возможным дальнейшее научное продвижение вперед.

Древнейшие следы человеческой культуры в юго-восточной Прибалтике относятся к эпохе позднего палеолита. Но пока этот период в интересующем нас районе еще очень мало изучен.

Неолитическая эпоха начинается в юго-восточной Прибалтике примерно с IV тысячелетия до н. э. и делится на два периода, отличающиеся друг от друга техникой обработки камня и характером своей керамики. Каменные орудия более древнего периода состоят из молотов твердой породы (галечной), скребков и ножей из кремня, изделий из кости и рогов оленей. Черепки глиняных сосудов, находимые в стоянках человека этого периода, носят черты так называемой ямочно-гребенчатой керамики.

Центром распространения этого типа культуры считают среднюю полосу Восточно-европейской равнины. Находки подобной керамики, свойственной охотничье-рыболовецкому неолиту, обнаружены в бассейне Оки и средней Волги, у истоков Днепра, в бассейне средней Западной Двины, на восточном побережье Рижского залива, в Финляндии, в некоторых областях Скандинавии, по всей юго-восточной Прибалтике (много находок с керамикой такого типа обнаружено в районе Мазурских озер, на Земландском полуострове, в районе Клайпеды, на Курской косе), в бассейнах Вислы и Одера. Редкое население этого периода неолита ютилось по берегам рек, озер и морей и занималось охотой и рыболовством.

В конце III или в начале II тысячелетия до н. э. на этих же территориях распространяется другой тип керамики — шнуровой. Техника изготовления каменных орудий к этому времени меняется, обнаруживая несомненный прогресс (шлифовка, умение просверливать отверстия). Шнуровая керамика юго-восточной Прибалтики имеет отличный по районам орнамент.

Глиняные черепки посуды обнаруживают технику их изготовления. Глина иногда смешана с дресвой (размельченным камнем), иногда употреблялась без примеси. Тонкостенные сосуды — будь то сосуды для варки, или утварь для хранения продуктов, или урны для погребения — хорошо обожжены, снабжены ручками или отверстиями для носки, имеют следы выматывания от пальцев или ногтей. Найдены также овальные, грубо сделанные каменные чаши с вырезом для светильни. Такие чаши обнаружены, например, на Курской косе. Посуда, судя по технике ее изготовления, лепилась руками, гончарный круг был еще не известен.

Среди стоянок шнуровой керамики выделяются своим богатством находки в приморской полосе, возле Вислинского залива, Курского залива и на Курской косе. Некоторые археологи склонны были даже выделить эти находки в особую «приморскую культуру», но, поскольку аналогичная культура была распространена далеко за пределами юго-восточной Прибалтики и полоса подобных же находок тянется от южного Приднестровья, т. е. с берегов Черного моря через Прикарпатье, бассейны Буга и Вислы, с одной стороны, и из бассейнов Волги и Днепра, с другой стороны, — к берегам Балтийского моря, вряд ли эту культуру можно признать «приморской», свойственной только побережью юго-восточной Прибалтики. В районах распространения шнуровой керамики в юго-восточной Прибалтике находят относимые к началу II тысячелетия до н. э. каменные зернотерки, злаки хлебных растений (очистки их в сосудах) и типичную для этой территории каменную мотыгу со змеевидной головкой. На стоянках людей среди кухонных отходов обнаружены кости одомашненных животных — лошади, рогатого скота, свиней, а также кости собаки. Отсюда можно заключить, что жители этих позднелихических стоянок знали и земледелие (мотыжное), и скотоводство, причем последнее, видимо, даже преобладало.

Стоянки раннелихической эпохи выявлены в Бергфриде, Бухвальде, Бургундене, Клауссене, Чьерспинтене, Экеберге, Грабштер-Хакене, Евдабно, Козухене, на Курской косе, в Остероде, Занкау, Зейдендорфе, Висбориенене и в других местах. В лесу Кауп на Земландском полуострове обнаружены были две могилы с хорошо сохранившимися человеческими скелетами; возле одного из этих скелетов лежал сделанный из галечной породы каменный молот, а у таза скелета — кремневый нож и костяная игла. В руке другого скелета находился кремневый скребок, а на груди два дисковидных предмета, вырезанных из рога оленя. Так как камень в этой местности встречается очень редко, то следует предположить, что он был привезен из других мест.

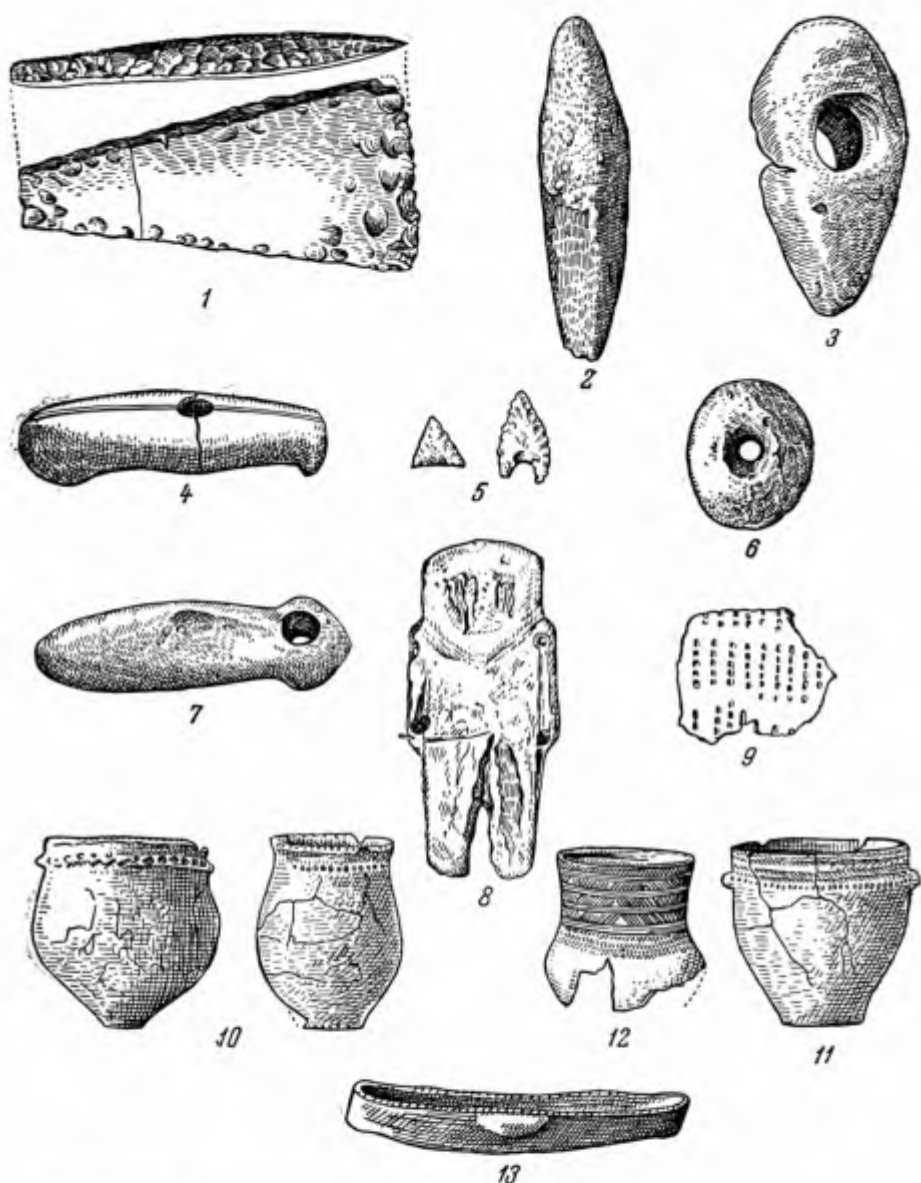

Рис. 14. Неолит юго-восточной Прибалтики (таблица археологических находок).

1 — кремневый топор с толстым обухом (21,6 см дл.); 2 — каменный топор из твердой породы (19 см); 3 — просверленный каменный топор (14 см); 4 — каменная секира (19 см); 5 — кремневые наконечники стрел (1,5 и 3 см); 6 — каменный наконечник для булавы (9 см); 7 — каменная мотыга так называемая «балтийская змееголовая» (18 см); 8 — мужская фигура из литая (9,5 см); 9 — глиняный черепок с образцом ямоч о-ребенчатой керамики; 10 — сосуды с выпуклыми украшениями (32 и 22 см); 11 — горшок с шнуровым рисунком и отпечатками пальцев (16 см); 12 — черепок с поясным орнаментом (20 см); 13 — глиняная ванночка со втулкой (22 см).

Погребения периода позднего неолита вскрыты подле Розиттен, Гильгенбурга, Ваплица, Гросс-Зоброста, Гердауена, Думшлена, Занкупнена, Вискнаутена; все эти погребения с труположением.

Археологические источники, относящиеся к первому периоду неолита (периоду ямочно-гребенчатой керамики), не дают возможности обособить первобытное население юго-восточной Прибалтики от соседних западных и восточных районов, ибо круг распространения этого типа керамики охватывал громадные области. Несомненно, однако, что и тогда уже в материальной культуре местного населения были зародыши будущих этнических отличий, но эти начатки этнической специфики были совершенно незначительными и терялись среди тех общих примитивных форм, которые были распространены на больших территориях. Первобытное население охотников, рыболовов и собирателей жило родами, не сформировало еще крупных племенных организаций, и потому называть культуру этих человеческих коллективов «курско-шалавской», «земландско-надравской», «западномазурской» и «восточномазурской», как это сделали в своем атласе нацистские археологи Энгель и Ла-Бом, является грубой фальсификацией. Ни куров, ни «шалавов», ни мазуров в то время еще не существовало.

Более поздняя неолитическая культура, связанная со шнуровой керамикой, свидетельствует о несомненном росте материальных производительных сил населения и заставляет предполагать существование укрупненных этнических объединений — племен. К сожалению, при настоящем уровне археологических и антропологических сведений об этой эпохе очень трудно ответить на основной вопрос, возникающий у исследователя: каково происхождение культуры шнуровой керамики в юго-восточной Прибалтике? Возникла ли она здесь в результате самостоятельного развития материальных производительных сил местного населения или же распространение шнуровой керамики в Прибалтике явилось следствием заимствования от соседей или даже результатом передвижения с юго-востока каких-либо племен, обладавших уже этой техникой? Исследователю приходится заполнять имеющуюся в материале брешь рабочими гипотезами, к которым и нам придется позже обратиться.

К концу неолита несколько более четко обнаруживаются различия в материальной культуре населения отдельных областей Прибалтики. Эти различия проступают в формах глиняной посуды, в орнаментальных узорах на ней. Некоторые археологи пытаются обнаружить также различия в формах погребений, но подобные попытки затрудняются недостаточной изученностью эпохи. Можно утверждать с определенностью лишь то, что на территории юго-восточной Прибалтики в конце неолита начинает распространяться курганный тип погребения, а в последующую эпоху металлов (уже в ранней бронзе) курганы приобретают специфические «балтийские» черты. В зависимости от грунта курганы были земляными и каменными (насыпными) — последние обнаружены главным образом в юго-восточных областях территории, но и земляные курганы в юго-восточной Прибалтике отделялись камнем, который клали сверху в виде венца.

В начале II тысячелетия до н. э., примерно около 1800-х годов до н. э., неолит переходит на территории юго-восточной Прибалтики в век металлов.

Изделия из бронзы носят вначале следы иноземного происхождения не только по форме, но и по характеру сплава; вслед за тем появляется местная бронза, что с полной убедительностью доказал А. Беценбергер путем анализа сплавов и что доказывается тем, что наряду с готовыми изделиями обнаружены были полуфабрикаты и заготовки.

В отношении датировок бронзы и периодизации этой эпохи в юго-восточной Прибалтике существуют большие разногласия между специали-

тами. Шведский ученый Оскар Монтелиус предложил для Северной Европы деление бронзового века на шесть периодов. Тишлер раскритиковал эту периодизацию, показав на конкретном примере непригодность ее в отношении Восточной Пруссии, и предложил подразделить бронзовый век на три периода. Однако периодизация Тишлера признана была А. Беценбергером слишком дробной, и он, анализируя бронзу, пришел к выводу, что явственно различаются в Восточной и Западной Пруссии лишь два периода: период древней бронзы и период поздней (более молодой) бронзы, причем последний период непосредственно переходит в ранний железный век и сливается с ним.

Придерживаясь периодизации А. Беценбергера, к периоду древней бронзы следует отнести свайные постройки, открытые в Доброволе, Жичинове, Тулемо, Чарно-озеро, Арие-озеро в цепи северных Мазурских озер, а также курганы в Алкникен, Маршейтен, Рантау, Раушен, Шлажен, Вискаутен и находки при раскопках в Гетсхофене, Нортикене, Пиесткейме и Шернене. Курганы в Алкникене, Рантау, Шлажене и другие отличаются характером погребения — это трупоположение. Металлический инвентарь погребений состоит из бронзовых топоров, коротких мечей и бронзовых булавок. Керамика представлена хорошо обожженными сосудами.

Археологические памятники поздней бронзы более многочисленны. По картотеке Е. Холлака (Е. Hollack, 1908) числилось 212 раскопанных курганов, относящихся к этому времени. Среди них выделялись богатством инвентаря курганы подле Лэкен, Гросс-Хубникен, Лаптау, Мориттен, Палмникен, Раушен, Имтен и др. В этих курганах преобладало т р у п о с о ж ж е н и е (в отличие от трупоположения в курганах более раннего периода), а керамика состояла из погребальных урн, имеющих нередко плоские просверленные крышки или ушки для носки. В некоторых курганах (например, близ Рудау) погребальные урны имели особую форму, напоминающую два опрокинутых друг на друга конуса, расширяющихся к середине сосуда. Металлический инвентарь погребений был разнообразен: там были бронзовые втулочные кельты, змееобразные и круглые булавки, шейные обручи с загнутыми назад концами, браслеты, спиральные браслеты, наконечники копий, мечи с просверленными рукоятками и фибулы двух основных форм. Курганы с таким инвентарем были разбросаны по всей территории юго-восточной Прибалтики, но особенно велико было их скопление на морском побережье Земландского полуострова, где в районе Алкникен, Аллейнен, Биегитен, Стробиенен, Сортене, Бартенен, Побетен, Лаукникен, Шакалкен, Пертелтنيкен, Киаутриенен и в близлежащих местностях оказалось сконцентрировано несколько сот курганных погребений.

По характеру орудий труда, свойственных этому периоду бронзы, можно предполагать, что земледелие было подсечно-огневым и что наряду с ним большое развитие получило скотоводство, в особенности коневодство. Обращает на себя внимание большое количество разнообразного оружия тщательной выделки, указывающее на все увеличивающуюся роль в социальной жизни военных набегов, с одной стороны, и появление специалистов-ремесленников, с другой стороны. На этой стадии развития общества могло уже существовать и патриархальное рабство.

Период поздней бронзы непосредственно сливается с раннежелезным веком. Примерно с середины последнего тысячелетия до н. э. бронза в юго-восточной Прибалтике уже перемешана с железом. Наряду с курганами этого периода и повторными захоронениями в курганах более раннего периода, начинают попадаться немногочисленные пока поля погребений, получающие широкое распространение позже. По картотеке Е. Холлака

Рис. 15. Бронза юго-восточной Прибалтики. Предметы из курганов близ Алкникен.
 1 — булава лебединошея; 2 — поломанная бронзовая булава; 3 — кольцо со втулкой; 4 — кольцеобразная подвеска; 5 — круглая булава; 6 — кельт втульчатый; 7—13 — урны погребальные для пепла; 8a — образец орнамента (2 см).

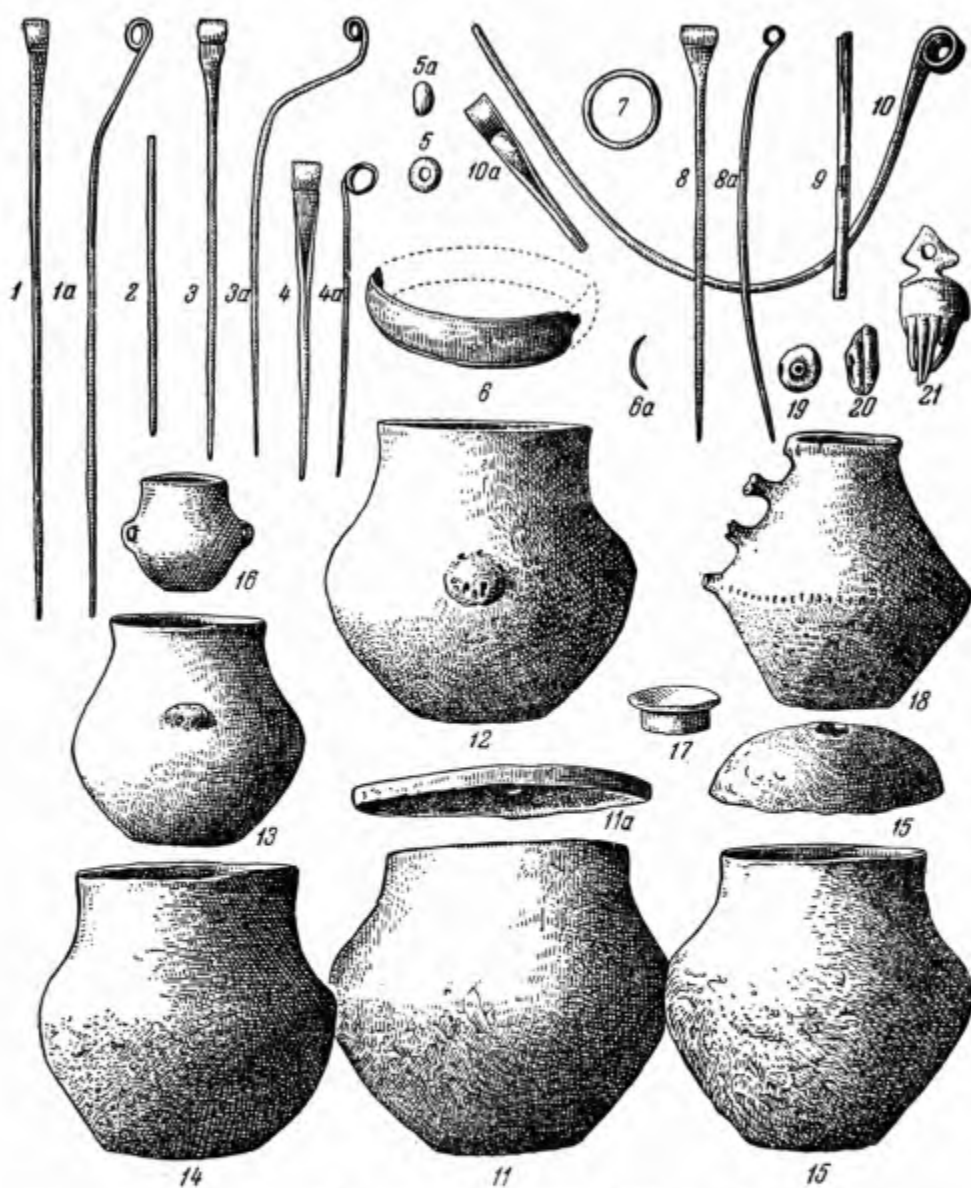

Рис. 16. Бронза юго-восточной Прибалтики.

Предметы из кургана близ Лангау: 1, 3, 4, 8 и 10 — круглые булавки; 2 — сломанная булавка; 5 — зеленые стеклянные бусы; 6 — бронзовый браслет; 7 — бронзовое кольцо; 11–15 — погребальные урны для непра; 16 — сосуд для пищи; 17 — крышка-штулка.
Предметы из кургана близ Рудау: 18 — урна для непра; 19 — бусы белые с голубыми глазами; 20 — бусы синие с белым налетом; 21 — гребенчатая подвеска из кости.

1908 г. числится лишь 15 погребений, относящихся к этому переходному периоду. Железные изделия середины и конца последнего тысячелетия до н. э., обнаруженные при раскопках, представляют собою главным образом обоюдоострые мечи с короткой железной рукояткой и двойным выгнутым перекрестием. Бронзовый инвентарь все же преобладает над железным.

Среди археологических памятников последующих периодов железного века наибольшее место занимают те, которые относятся к I—IV (даже к V) векам нашей эры и которые были богато представлены в начале XX в. в местных музеях. Археологи называют этот период «блестящим» — так он выделяется среди других и по числу раскопок, и по обнаруженному инвентарю. Именно к этому времени относятся большие поля погребений, состоящие из могил в грунте без насыпей. По картотеке Холлака 1908 г. зарегистрировано было свыше 500 обнаруженных и раскопанных (полностью или частично) полей погребения, некоторые из них захватывали многие гектары земли.

Во многих районах каждая могила на полях погребений покрыта камнями (каменными плитами), а отдельные поля погребений обнаруживают следы различных способов захоронения. Это указывает на то, что поля погребений заполнялись в течение очень длительного времени (иногда несколько сот лет) и за это время успевали измениться способы погребения, вероятно в связи с изменением народных обычаев и воззрений на загробную жизнь. Для некоторых областей, особенно в первых веках н. э., остается характерным трупоположение; с течением времени трупоположение заменилось трупосожжением, причем пережженные кости трупов вместе с пеплом клали в урны или же оставляли на месте сожжения прямо на земле. В других областях уже в первые века н. э. трупосожжение являлось единственным способом погребения. В третьих областях трупоположение оставалось господствующей формой погребения вплоть до V—VI вв.

Наряду с различиями по формам погребения, области различаются также погребальным инвентарем — оружием, утварью и, в особенности, формами своей керамики. По всем этим признакам территорию юго-восточной Прибалтики в I—IV вв. н. э. можно подразделить на четыре археологические области, каждая из которых имеет свою специфику в формах материальной культуры. Этой специфике, несомненно, соответствовали различия этнические, т. е. народные обычаи, верования.

Датировка находок, относящихся к I—IV вв. н. э., облегчается тем обстоятельством, что эта эпоха была современной трем периодам римской истории — времени ранней, средней и поздней Римской империи (I—II, III—IV и IV—V вв.); средний период выделяется особенно четко тем, что в погребениях юго-восточной Прибалтики этого времени находят большое количество современных бронзовых римских монет. Серебряные же монеты редко можно обнаружить в могилах того времени, но в большом количестве они попадают в кладях. А. Беттихер (A. Bötticher, вып. VIII, стр. 8) утверждает, что находки серебряных монет не стоят в связи с известной в эпоху Нерона торговлей янтарем, а относятся к тому времени, когда большие группы северных народов жили в низовьях Дуная и на побережье Черного моря и вплотную соприкасались с римлянами; найденные монеты якобы служили у них украшением, чему свидетелем является находка монет, заботливо вделанных в оправу¹. Эти утверждения А. Беттихера нуждаются в проверке.

¹ Шведский ученый Болин (St. Bolin) в журнале «Prussia», 1927, т. 26, определил более точно эти монеты и дал список для территории Восточной Пруссии.

Четыре археологические области, на которые можно подразделить территорию юго-восточной Прибалтики в первые столетия нашей эры (I—IV вв.), следующие (рис. 17):

1) западная область, включающая Земландский полуостров, бассейн р. Прегеля (со всеми притоками и р. Дейме), а также территорию к западу, вплоть до р. Пасарги;

2) южная область — к югу от западной области. Южная граница этой области проходит по истокам р. Алы и цепи западных Мазурских озер;

3) восточная область — самая крупная по размерам, охватывающая восточномазурскую долину и уходящая на северо-восток до рек Шешупе и Немана, а на восток — до района Сувалок и Августова;

4) северная область, распространяющаяся на бассейн нижнего течения р. Немана.

Границы четырех археологических областей не везде достаточно четки, поскольку материальная культура населения соседствующих областей изобилует переходными формами. На стыке восточной и северной областей переходы создают промежуточную группу материальной культуры, общей для всей этой территории с соседней территорией к востоку, вплоть до среднего течения р. Немана.

По способам погребения археологические области в I—V вв. значительно отличались друг от друга. В западной области вначале преобладала трупосожжение. Поля погребений такого типа вскрыты в Долькейме, Эйссельбитене, Полвиттене, Зерапене, Грейбау, Захерау, Корьейтене, Вискнаутене¹ и в других местах. Позже в этой области появляется трупосожжение, и во II—III вв. н. э. поля погребений заполнены могилами с большими урнами с костями и пеплом. В конце этого периода, в IV—V вв. н. э., обожженные кости положены прямо на землю. В той же области, но южнее р. Прегеля, поля погребений обнаружены под Розенау, Фюрстенвальде, Ваккерне, Тенгене и особенно большое поле под Варникам. На этом последнем поле было найдено много серебряных и отделанных серебром фибул, серебряных шейных обручей, браслетов, золотой браслет, золотая розетка с вделанными в нее гранатами, много серебряных вещей и стекла послеримского периода.

На юге и востоке, т. е. во второй и третьей областях, где в течение этого времени преобладает трупосожжение, лежат поля погребений у Кампишкмен, Грунейкен, Альт-и Ной-Бодвишкен, у Раценбург, Дитрихсвальде, Сдеден и особенно большие поля погребений у Прцитулле-на, Куссена и Гросс-Стенгельна, в которых найдено большое количество сосудов из глины, сделанных гораздо изящнее сосудов того же типа из погребений на Земландском полуострове и относящихся ко времени никак не раньше III в. н. э.

В 1893 г. проф. Хейдек вскрыл недалеко от Даумен (округ Алленштейн) богатое поле погребений той же эпохи. На этом поле было найдено много фибул, которые Хейдек считал готскими, но А. Беценбергер датировал V веком н. э., когда готов в этом месте никак быть не могло, и признал их славянскими или прусскими².

¹ Про эти находки А. Цвек (A. Zweck, 1902, стр. 116) пишет: «Находки характерны своей формой и орнаментом, близким к ливам, летто-литовцам и славянам».

² Так обстоит дело со многими «научными» теориями: они, будучи развенчаны, все-таки не сходят со сцены и продолжают находить себе последователей. Находки в Даумене пришлось по душе нацистам. Л. Фромм (L. Fromm, 1937) снова причислил эти находки к готским и заодно отнес к ним все то, что было раскопано в округе Алленштейн за последние годы. Датировки сделанных им самим раскопок у Кортау (в 1933 г.) Фромм не дает, а называет их готскими по фибулам, которые сходны с готскими. Во вступлении к своему сообщению Фромм ссылается на К. Энгеля, который считал

«Совершенно новая область,— пишет А. Беттихер,— как будто новый мир, начинается по эту и по ту сторону р. Немана, археологический район, который может быть прослежен дальше в русских остзейских провинциях, в особенности в Ковенской губ. и дальше. Здесь кажется во все время, вплоть до V в., господствовало исключительно трупоположение и на трупах (так же как и около несожженных трупов) оказалось исключительно много богатых украшений: красивые цепи с подвесками — от плеча к плечу, с элегантными ажурными конечными и средними частями, великолепные плечные булавки, фибулы, дискообразные и других форм, богатые браслеты (также спиральные браслеты), которые в остальной Восточной Пруссии находят сравнительно редко и лишь в более поздних отрезках этого периода, очень много шейных обручей и в период средней империи так много римских монет, как не случилось находить даже на самых богатых полях погребений на Земландском полуострове. Здесь выступает большое количество новых форм, среди которых обнаруживаются, с одной стороны, те, что больше встречаются южнее Немана, но, с другой стороны, и другие, которые большей частью связаны с находками в Восточной Европе, так что имеется возможность

восточной границей распространения готы в этой области (в период примерно на рубеже новой эры) линию, проходящую через нижнее течение р. Пасарги — Мельзак — Хейльсберг — среднее течение р. Алле — Зеебург — Бишофсбург — цепь озер Пасенхейм — Ортельсбург — Вилленберг — польская граница. Фромм указывает, что до последнего десятилетия не было найдено никаких следов готы в округе Алленштейн и что это несколько «смущало» немецких археологов. Но вот в начале 30-х годов ученые стали «находить» готы. Правда, говорит Фромм, раскопки велись настолько беспорядочно, «непланово», что не было получено никаких данных ни о жилье готы, ни об их хозяйстве.

К. Энгель, на которого ссылается Фромм, производил раскопки на поле погребений у Томарейнен (округ Остероде). Он нашел там, по его словам, все признаки «культуры устья Вислы», которую он считает готской. В раскопанных им могилах обнаружено очень мало бытового инвентаря и совсем не найдено оружия. По словам Энгеля, это является прямым доказательством «готского» происхождения могил, хотя отсутствие оружия характерно для большинства могильников всей южной области. Среди находок Энгеля имеется несколько фибул и небольшое количество керамики (из придаточного инвентаря). Датировка Энгеля весьма спорна: он делит поле погребений на две части — западную и восточную и для каждой части устанавливает разную дату. Так как погребения восточной части этих полей совершенно сходны с погребениями в других, более восточных районах территории и датируются Тишлером периодом С, т. е. III—IV в. н. э., когда готы на этой территории быть не могли, — то Энгель принимает для западной части поля погребений более древнюю дату и считает ее близкой к средней части периода В Тишлера, т. е. примерно II в. н. э. Такое разделение поля на две части (само по себе возможное) следует проверить, так как доверия к научной добросовестности нацистских ученых быть не может. Несколько сомнительны все эти датировки, показывает сообщение Г. Хейма о его раскопках в Лаазе (около Мариенбурга). Хейм пишет: «Из греческих и римских источников мы знаем, что около нового летоисчисления остерманские готы пришли из Скандинавии и поселились в районе устья Вислы. Доисторические ископаемые находки подтверждают (?) эти известия. Около новой эры и позже вновь пришедшее готское племя распространилось в прежней области поселения германских бургунов. На исходе первых двух столетий н. э. оно распространило свою власть за Пасаргу и Алле на восток (?). Большие, так называемые смешанные, поля погребений у Эльбинга, Браунсберга и в Западной Мазурии дают нам сведения о его пребывании... Возможно, что древние готские крестьяне потянулись из Ногата на восток, чтобы уступить место вернувшемуся обратно братскому народу — „гепидам“». В этом абзаце все спорно — это только гипотезы. В доказательство своих положений Хейм крайне скупо приводит сведения о раскопках под Лаазе, где им было найдено среди бытового инвентаря несколько фибул той весьма распространенной в Восточной Пруссии формы, которую Тишлер твердо относит к периоду С, т. е. к III—IV вв. Опровергать датировку Тишлера Хейм не пытается, а просто умалчивает о ней.

Совершенно очевидно, что такие методы определения древности находок, игнорирующие доказательства ученых, датировки которых противоречат предвзятым теориям нацистских исследователей, не могут быть основой для окончательных выводов о том, является ли обнаруженная культура готской.

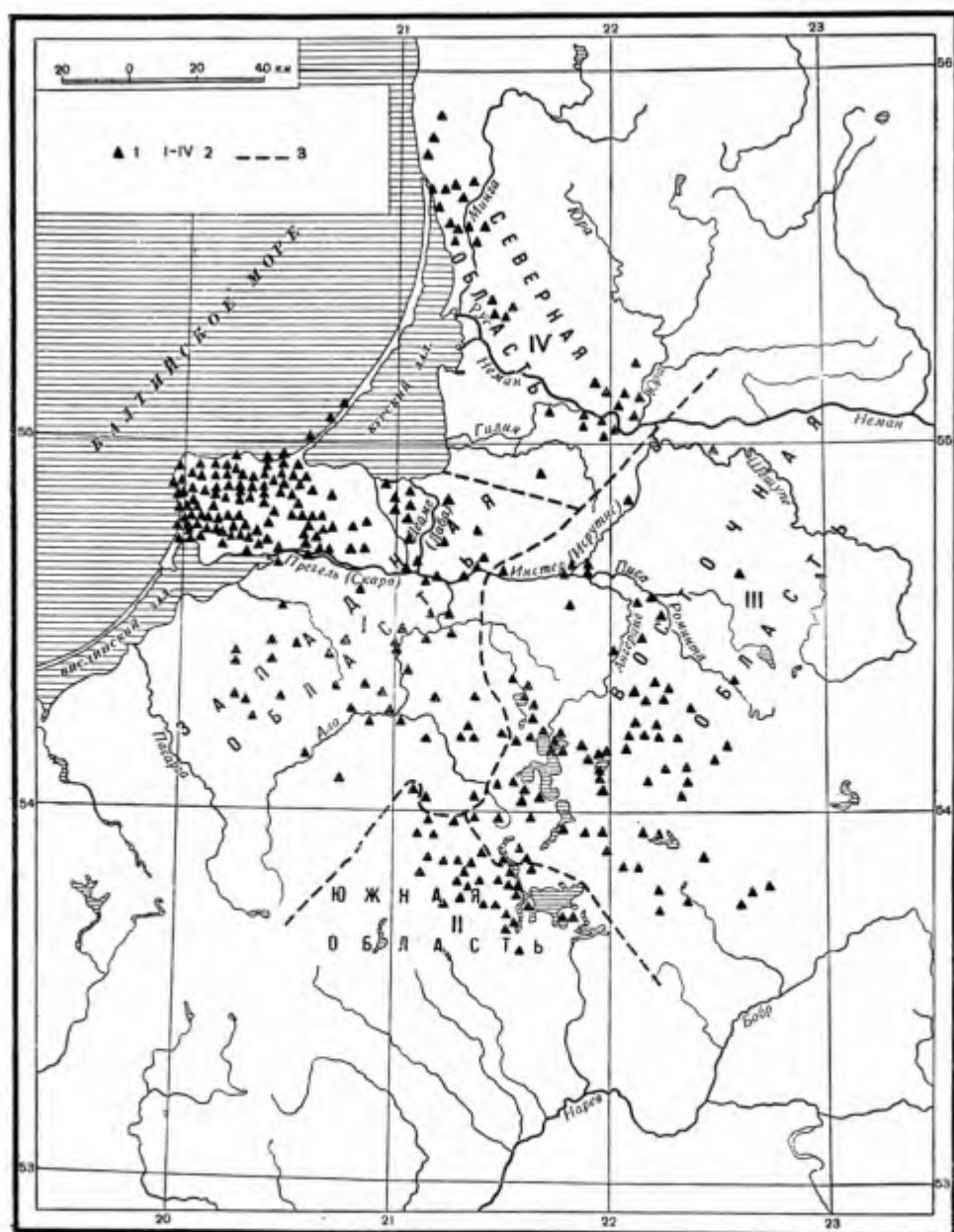

Рис. 17. Юго-восточная Прибалтика в I—IV вв. нашей эры (археологическая карта).

▲ — места археологических находок; I—IV — археологические области; — — — — — границы археологических областей.

обнаружить параллелизм с полями погребений других областей для всех периодов. Весьма интересна частая находка здесь эмалированных предметов времен средней империи. Таково поле погребений, принесшее совершенно исключительную добычу и впервые раскрывшее эту область — Оберхоф (Аукштакиемис) у Мемеля (Клайпеды), которое раскапывал Тишлер с 1886 по 1888 г.» (А. Böttcher, 1893—1898, VIII, стр. 9).

Тишлер так охарактеризовал свои находки: «Мы нашли здесь, в Оберхофе, особый археологический мир, сравнительная давность которого сходна с периодами С (III—IV в.) и D (V в.) Самланда (Земландского полуострова) и остальных частей Восточной и Западной Пруссии по числу общих для всей провинций форм — в особенности с периодом С по монетам, арбалетообразным фибулам и шейным обручам, которых в Оберхофе обнаружено, пожалуй, больше, чем где бы то ни было. Большие находки такого рода прослеживаются южнее вплоть до Немана, и каждый раз они связаны с полями погребений; между Неманом и Прегелем находки значительно реже — например, лишь несколько булавок в Неттиене у Инстербурга, что можно признать для этого района прямым следствием более редкого в то время населения» (О. Tischler, 1889, стр. 20—22).

По мнению Тишлера, в этой самой северной части территории была обнаружена культура, совершенно идентичная с культурой литовцев (б. Ковенской губ.) и латышей (б. Курляндской губ.). Но она значительно отличалась, в особенности в способах погребения, от культуры Лифляндии и Эстляндии. Дальнейшее развитие этой культуры Клайпедского края первых веков н. э. прослеживается непрерывно до XIII—XIV вв.

А. Беттихер считал, что принеманская полоса могла быть этническим рубежом между германским и негерманским мирами. Однако это мнение не разделялось другими специалистами. А. Беценбергер в своем исследовании по анализу доисторической бронзы в Восточной Пруссии приводит богатейший материал, доказывающий археологическую близость всех районов юго-восточной Прибалтики (А. Bezzenberger, 1904, стр. 47, 69, 83, 94, 95 и др.). Тишлер также отметил, что «эта блестящая литовская культура (находки в Оберхофе) очень близко стоит к более западной древнепрусской, хотя в некоторых пунктах обнаруживает локальные отличия». (О. Tischler, 1889, стр. 23). Да и сам Беттихер принужден признать в конце концов, что между всеми районами существует теснейшая связь. «Бросается в глаза, — пишет он (1893—1898, стр. 9), — то обстоятельство, что здесь (в принеманском районе) выступают уже в III в. н. э. такие формы (например, цепи с ажурными подвесками, спиральные браслеты), которые позже — с IX по XIII в. — мы находим у пруссов, а затем у латышей и ливов».

Интересны находки в Лабатикен (Лабатикнай), Вежейтен, Вилькиентен (Вилькичинай) и Шернен (Шерниай), в особенности последняя, по своим подвескам. Что касается спиральных браслетов, которые А. Беттихер локализирует областью севернее Немана, то, в опровержение его утверждений, Беценбергер (А. Bezzenberger, 1904, стр. 61, 65, 83, 84 и др.) приводит многочисленные примеры этого типа изделий из Гавельна (Мемельский округ), Тильзита, Бегетен (из округа Фишхаузен) и др.

Относящиеся к I—IV вв. н. э. предметы материальной культуры можно подразделить на две категории: предметы, формы которых о б щ и всем археологическим областям юго-восточной Прибалтики, и предметы, имеющие специфические формы в различных археологических областях. В то время как первая категория предметов свидетельствует о наличии культурной общности, вторая указывает на некоторые отличия.

К общераспространенным формам, употреблявшимся по всей территории юго-восточной Прибалтики, относится прежде всего оружие: копья, мечи, дротики, металлические части боевых щитов (умбон), шпоры, а также основные орудия труда — топоры, серпы, ножи, ножницы. Все эти предметы сделаны были из железа. В противовес этому почти все изделия из бронзы: фибулы, кольца, браслеты, шейные обручи, пряжки и пр. — различаются по своей форме в отдельных областях, хотя отличия эти

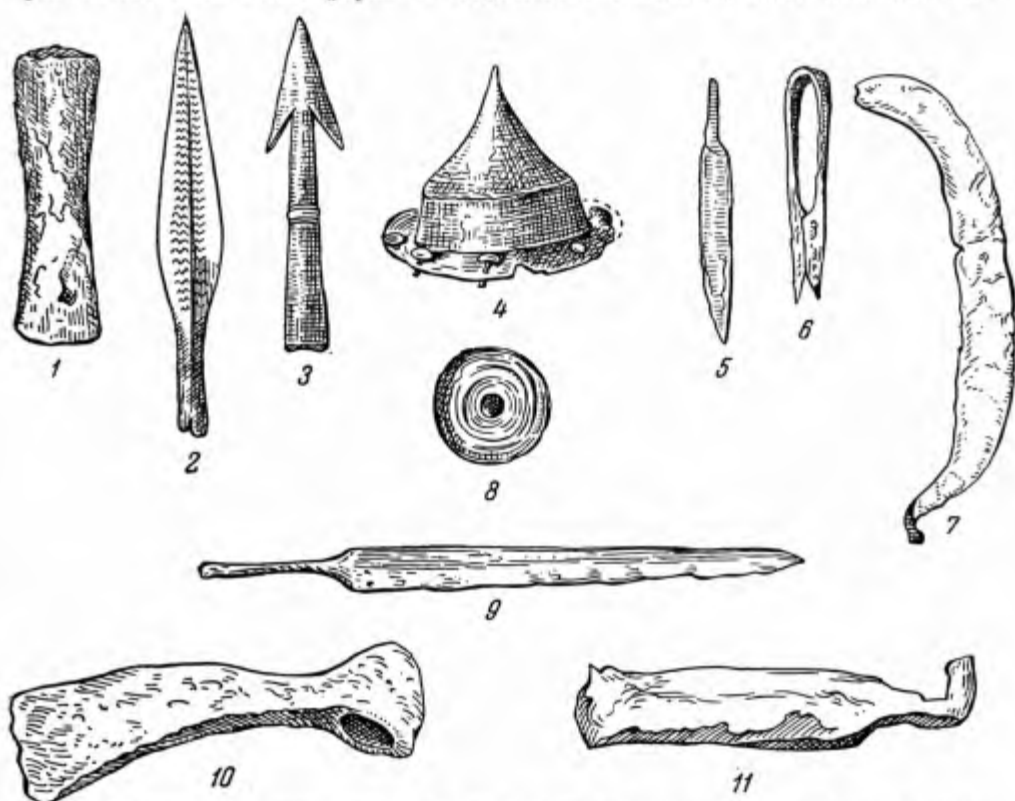

Рис. 18. Предметы, относящиеся к первым (I—IV) векам нашей эры, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

Общераспространенные формы оружия, орудий труда и утвари: 1—железный атулочный топор (15 см); 2—железный наконечник копья (33 см); 3—железный наконечник дротики (26 см); 4—железный умбон, выпуклая часть боевого щита (дм. 15 см); 5—железный нож (21 см); 6—железные ножницы (17 см); 7—железная коса-горбуша (24 см); 8—веретене из глины, пряслице (2 см).

Локальные формы орудий труда и оружия: 9—железный двусторонний меч из восточной части территории (55 см); 10—железный узкий топор из той же области (14 см); 11—железный поясный секач из той же области (9,6 см).

к V в. несколько сглаживаются. Довольно значительны по областям отличия форм глиняной посуды и узоры нанесенного на нее орнамента. Эти отличия удерживаются в течение нескольких последующих веков.

Во всех археологических областях в течение I—IV вв. происходит несомненное развитие форм, обогащение и осложнение их, что свидетельствует о развивающейся культуре общества, следовательно и о развивающихся социальных отношениях. Если к этому прибавить изменение в формах погребения (постепенный переход от труположения к трупосжиганию) в некоторых археологических областях, то можно сделать вывод, что период I—IV вв. ознаменован большими сдвигами в материальных производительных силах, социальном строе и быте населения.

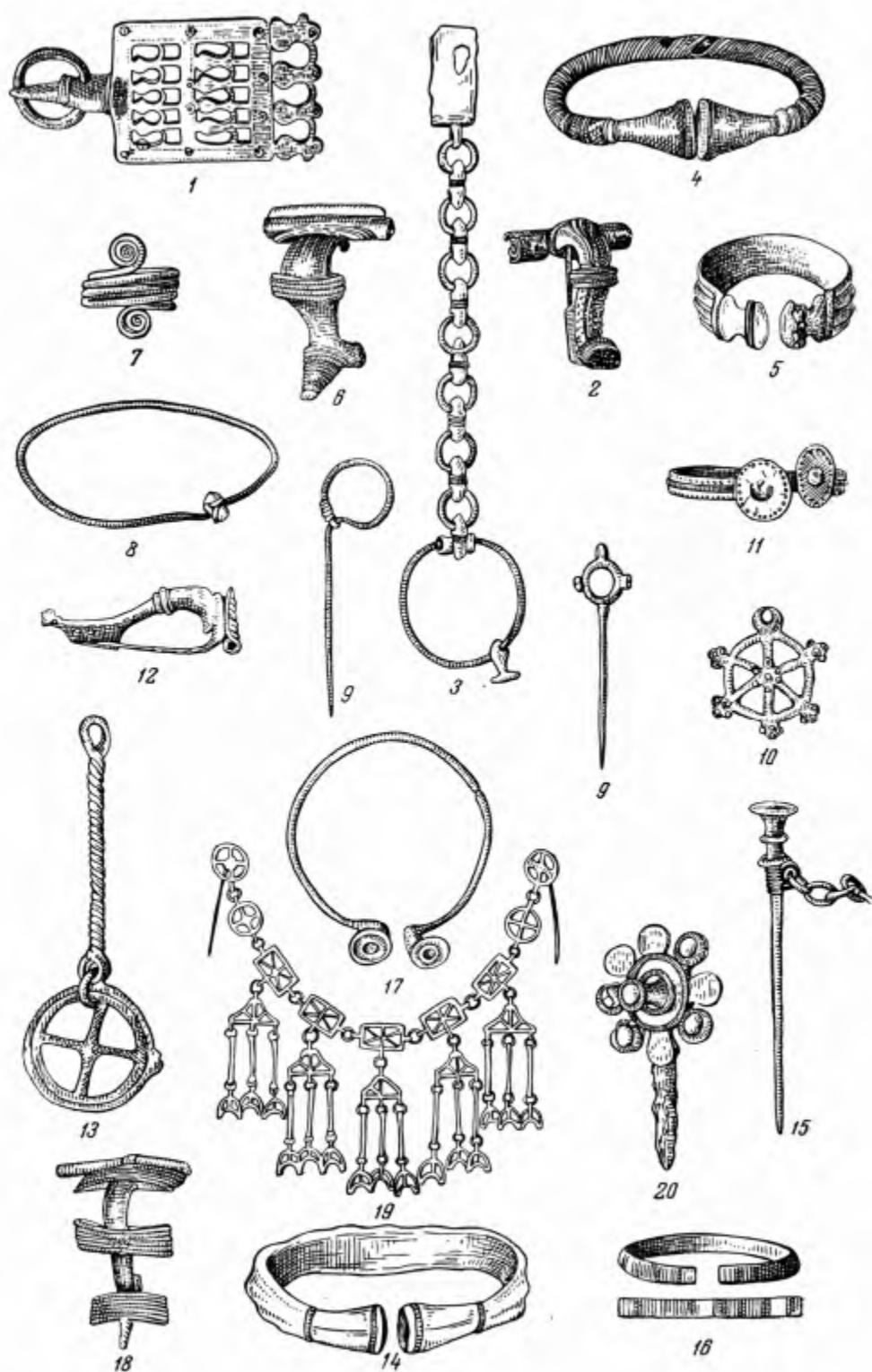

Рис. 19.

Население юго-восточной Прибалтики прочно сидело в то время на земле. Основным промыслом его было подсечное земледелие — недаром в могилу клали серп и топор, чтобы умерший имел возможность поддерживать свое существование в загробном мире не хуже, чем он это делал на земле¹. Наряду с земледелием имело в этот период большое значение и животноводство, среди отраслей которого выделялись по своему удельному весу в хозяйстве коневодство и разведение мелкого рогатого скота. На коневодство указывают находимые в могилах удила, шпоры, а также специальные конские могильники. Хозяйственное значение мелкого рогатого скота отмечается нахождением глиняных пряслиц и железных ножниц для стрижки шерсти.

Немецкие археологи не проявили особого интереса к раскопкам мест поселения — поселкам, городищам, предпочитая заниматься вскрытием мест погребения. Это объяснялось, вероятно, тем, что площадь любого поселения несравненно обширнее по своим размерам, чем площадь могильника или даже поля погребения, и потому для вскрытия ее требуется гораздо больше труда и затраты материальных средств. Кроме того, и археологические находки в местах поселения на первый взгляд менее эффектны, чем в могильниках. В результате недостаточного внимания

¹ Серпы первых веков нашей эры, находимые в юго-восточной Прибалтике, своеобразны — они гораздо меньше современных и имеют иную форму скрепления с рукояткой, чем серпы нашего времени. Х. А. Моора полагает, что это не серпы, а косы-горбуши с короткой рукояткой (до 70 см), т. е. не режущее, а ударное орудие, употреблявшееся, вероятно, для покоса травы. Такие косы-горбуши появляются на Земландском полуострове около 200 г. н. э.; восточнее, в окрестностях г. Клайпеды, они относятся к III—IV вв. н. э., а еще восточнее, в Земгалии, — к V в. На территории Латвии и Литвы в этих восточных районах косы-горбуши встречаются прежде всего в низменных районах, где, повидимому, было более развито скотоводство. Поэтому Х. А. Моора считает наличие в погребальном инвентаре косы-горбуши показателем хозяйственной роли скотоводства, а не земледелия.

В противоположность этому взгляду П. Д. Степанов (1950, стр. 81), нашедший аналогичное сельскохозяйственное орудие у древней мордвы и отметивший сходство его с косой-горбушей, пришел к выводу, что «описанные выше серпы служили для жатвы хлебных культур, а также и травы на корм скоту».

П. В. Дундулене (1950, стр. 81) упоминает о полукосе (пудальгис), т. е. косе-горбуше, употреблявшейся в Прибалтике, а также в восточных и северо-восточных областях европейской части СССР для укоса хлебов. «Обыкновенно косари, — пишет Дундулене, — кося полукосой, работают одной рукой. В другой руке они держат небольшие грабли для подбирания скошенных хлебов». Это земледельческое орудие употреблялось только для уборки урожая.

Таким образом, если Х. А. Моора действительно прав, называя найденные в Прибалтике сельскохозяйственные орудия не серпами, а косами-горбушами, то в отношении их назначения он ошибается: этнические традиции народов юго-восточной Прибалтики, уходящие в далекое прошлое, связывают косу-горбушу не с сенокосом, а с уборкой хлебов. Очевидно, это было земледельческое орудие для снятия урожая, что не мешало использовать его одновременно и для покоса трав, если в этом была нужда.

Рис. 19. Предметы, относящиеся к первым (I—IV) векам нашей эры, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

Лональные формы бронзовых изделий:
1 — ажурная бронзовая застёжка для пояса, из западной области (12 см); 2 — профилированная бронзовая фибула с круглыми насадками, из западной области (6 см); 3 — бронзовая цепь от упряжки, из западной области (60 см); 4 — дутый бронзовый шейный обруч с утолщенными концами, из западной области (23 см); 5 — бронзовый браслет, из западной области (9 см дм.); 6 — бронзовая перекладчатая фибула, из южной области (5,5 см шир.); 7 — бронзовый перстень, из южной области (2,3 см дм.); 8 — бронзовое шейное кольцо с застёжками, из южной области (12 см дл.); 9 — бронзовые согнутые булавы, из южной области (10 и 8 см); 10 — бронзовая колесообразная подвеска, из южной области (2 см); 11 — бронзовый браслет, из южной области (6,5 см дм.); 12 — бронзовая изогнутая фибула, из восточной области (6,5 см); 13 — бронзовая колесообразная подвеска на крученой проволоке, из восточной области (5,5 см); 14 — бронзовое наручное кольцо с утолщенными краями, из восточной области (10 см дм.); 15 — бронзовая булава для одежды с конусообразной головкой, из северной области (14 см); 16 — бронзовый браслет, из северной области (6 см); 17 — бронзовое шейное кольцо с нопытками на концах, из северной области (14 см дм.); 18 — бронзовая перекладчатая фибула, из северной области (6,5 см); 19 — бронзовое ажурное нагрудное украшение, ожерелье, из северной области (15 см длина подвески); 20 — бронзовая булава с роеткой, из северной области (3,5 см).

к раскопкам мест поселения археологический материал этой эпохи односторонен и не представляет возможности получить отчетливое представление об основных сторонах жизни людей — об их хозяйстве и жилище.

О характере социального строя и формах этнической общности археологические источники прямых указаний не дают. По аналогии с материальной культурой других областей Европы можно предположить, что

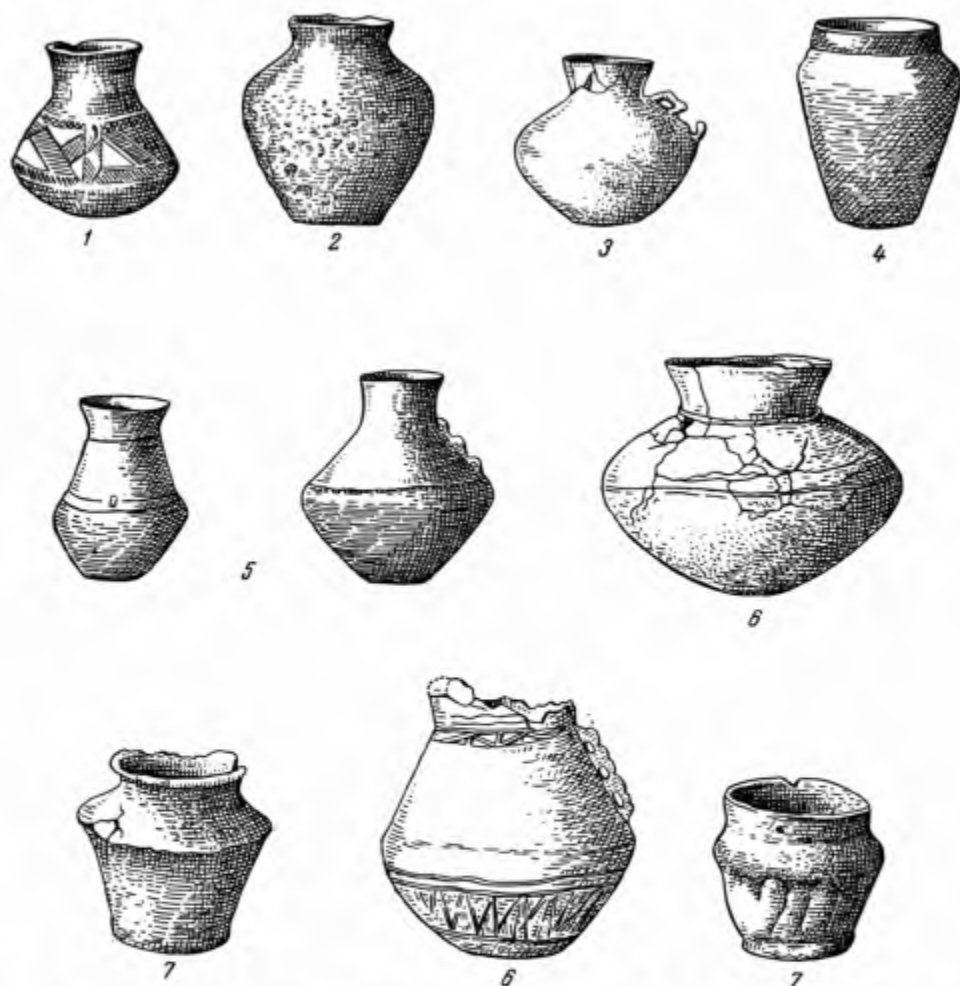

Рис. 20. Предметы, относящиеся к первым (I—IV) векам нашей эры, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

Локальные формы керамики: 1 — кувшин из западной области (21 см выс.); 2 — кувшинообразная урна с тонкой шейкой, из западной области (25 см выс.); 3 — урна с несколькими ушками, из западной области (15 см выс.); 4 — ведрообразная урна, из западной области (18 см выс.); 5 — урны погребальные, из южной области (30 и 35 см выс.); 6 — урны погребальные, из восточной области (24 и 27 см выс.); 7 — чаши из северной области (7 и 6 см выс.).

население юго-восточной Прибалтики в I—IV вв. состояло из четырех больших племен, районы расселения которых совпадали с четырьмя основными археологическими областями. Археологические источники выявляют наличие междуплеменного обмена и довольно устойчивые связи со странами Юго-восточной и Восточной Европы. Погребальный инвентарь,

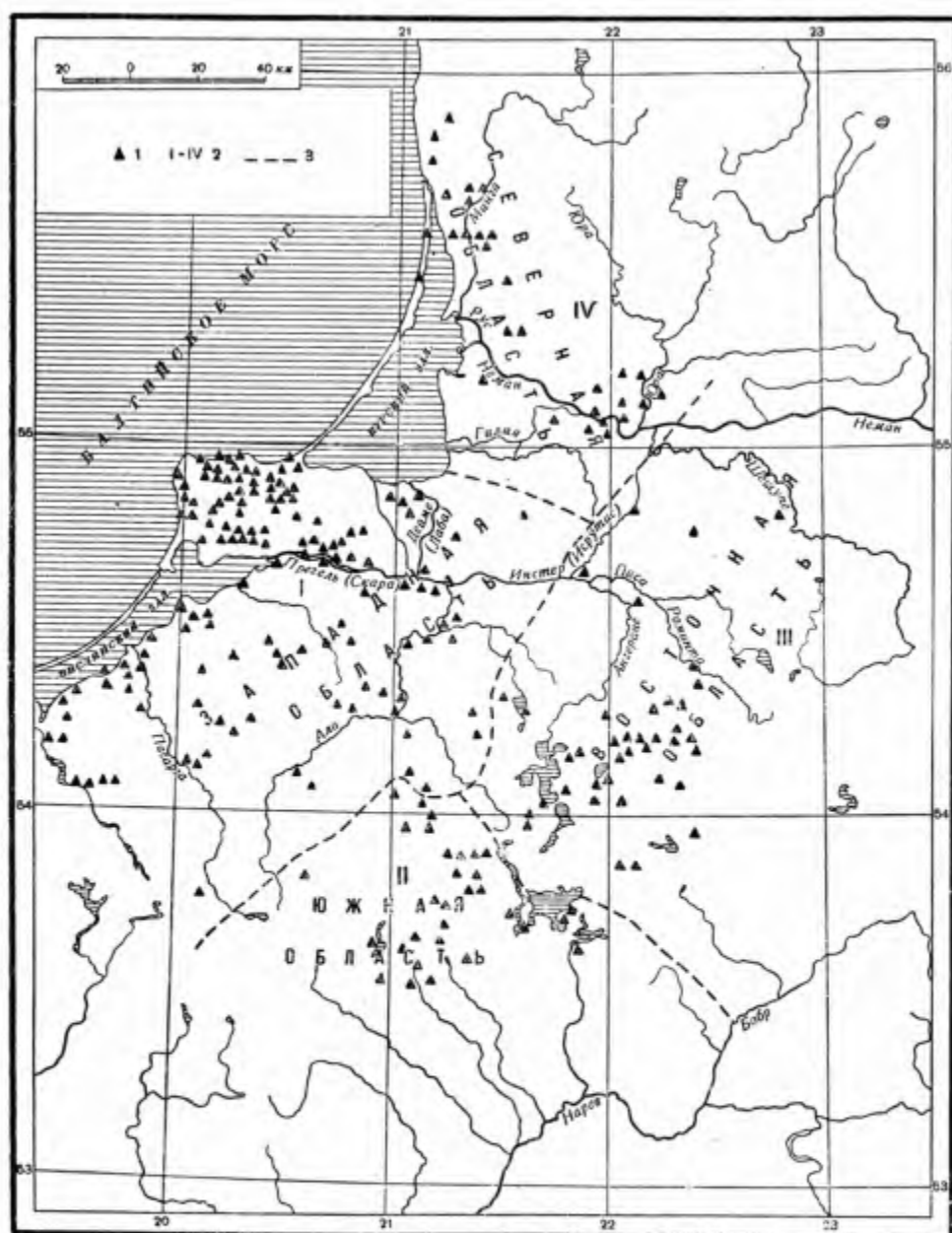

Рис. 21. Юго-восточная Прибалтика в V—VIII вв. нашей эры (археологическая карта).

▲ — места археологических находок; I—IV — археологические области; --- границы археологических областей.

исключительно богатый оружием, заставляет предполагать, что родовая знать и военные группы играли в этот период очень большую роль.

Сопоставляя характер культуры четырех археологических областей между собою, приходится отметить *преобладание общих форм*, относящихся к основным сторонам материального производства и социальной жизни населения, *над локальными специфическими формами* утвари и предметов украшения; при этом, как правило, локальные различия сохраняются в тех областях техники, которые связаны с более древними периодами (керамика, отчасти бронза), более передовые же навыки железной техники, развивающейся и вытесняющей бронзу, оказываются едиными для всей территории. Отсюда можно сделать достаточно обоснованный вывод, что процесс экономического развития племен прогрессировал и тем самым создавались предпосылки для объединения их в народности.

Уже в эпоху поздней бронзы многочисленные находки указывают на тесную связь населения юго-восточной Прибалтики с южными и восточными областями Европы; в I—IV вв. н. э. число этих указаний умножилось. В южной археологической области в погребениях, относящихся к эпохе поздней римской империи, найдены многочисленные тщательно отделанные украшения с цветной эмалью — по всей вероятности из северного Причерноморья. В западной археологической области также обнаружены в начале этого периода различные украшения, привезенные, очевидно, из Причерноморья, например ажурные подвески и веслообразные изукрашенные булавки, которые, по мнению археологов, характерны для Кавказа. Наконец, нельзя пройти мимо утверждения А. Беттихера о происхождении кладов с серебряными римскими монетами, вделанными в оправу, которые, по его мнению, привезены какими-то группами балтийского населения из причерноморских областей около устья Дуная. Так как все перечисленные находки обнаружены не на побережье Балтийского моря, а в местах, отдаленных от него, нельзя приписывать их появление в Прибалтике только торговле янтарем. Можно предположить, что балтийские племена поддерживали не только торговую, но и живую связь с причерноморскими территориями.

Археологи конца XIX в., изучавшие юго-восточную Прибалтику, были убеждены, что в археологическом материале, разведанном и датированном, между V и IX вв. имеется какой-то разрыв, почти полное отсутствие относящихся к этому периоду археологических источников. В начале XX в. это убеждение было подорвано новыми находками, которые с одновременной проверкой прежних датировок дали возможность ликвидировать «разрыв» в материале. В настоящее время выявленные археологические источники охватывают, правда неравномерно, все первое тысячелетие нашей эры. Однако значительная часть нового археологического материала нуждается во вторичной проверке. В особенности это относится к тем раскопкам, которые были совершены нацистскими археологами.

V, VI, VII и VIII вв. не внесли каких-либо резких перемен в материальную культуру балтийских племен. Тем не менее можно отметить продолжающееся за этот период дальнейшее развитие общих для всей территории форм оружия и орудий труда. Если в предыдущий период (I—IV вв.) украшения имели главным образом локальные формы, то теперь значительная часть этих украшений, и притом наиболее ценных, отделанных серебром, не имеет местных отличий. Менее ценные украшения, а также керамические изделия продолжают отличаться в своей форме по областям, хотя и здесь можно отметить некоторое сближение форм. Балтийские племена, повидимому, сохраняют свои обособленные территории, но родоплеменная знать, опирающаяся на вождей и их военные дружины, поддерживает постоянные и всё расширяющиеся связи с соседними народами и родствен-

ными племенами, добывает при помощи обмена или войн предметы вооружения и предметы роскоши. Сведения о богатствах этой знати распространяются за пределы юго-восточной Прибалтики и вызывают алчность соседей. Эта алчность рождает грабительские походы. Прибалтика становится объектом нападения на нее норманнов.

Рис. 22. Предметы, относящиеся к V—VIII вв. нашей эры, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

Общераспространенные формы оружия и орудий труда: 1 — железный наконечник копья (35 см); 2 — железный односторонний меч (44 см); 3 — железная коса-горбуша (35 см).
Общераспространенные предметы украшения: 4 — бронзовая арбалетообразная фибула с перекладинами; 5 — серебряная фибула с пластинками (4,3 см); 6 — фибула с симметричными концами и множественным ложем для булавки (6 см); 7 — бронзовая с серебряной накладной дискообразная фибула (3,3 см); 8 — бронзовое наручное кольцо с утолщенными концами (6,6 см дм.).

К началу IX в. относятся археологические находки на северном побережье Земландского полуострова и в устьях рек, впадающих в Балтийское море или в его заливы, свидетельствующие о том, что скандинавские пираты (даны или норманны) посещали эти берега и пытались на них закрепиться, но задержаться там на длительный срок не могли. Обнаружены остатки военных судов, а также несколько захоронений, имеющих в качестве

Рис. 23

бытового инвентаря железное оружие своеобразной формы (мечи с фигурными рукоятками, удлинённые наконечники копий, боевые секиры), удила, стремёна, пряжки, фибулы и... весы для взвешивания драгоценностей!

Отсутствуют в этих погребениях, как и следовало ожидать от пиратов, орудия труда.

Отдельные украшения и предметы вооружения скандинавского происхождения найдены и в других местах юго-восточной Прибалтики, но такие находки очень редки. Самой значительной из находок этого типа можно считать обнаруженные в раскопе подле Вискнаутена (на Земландском полуострове) серебряные подвески, бронзовые черепаховидные фибулы и два меча особой формы.

Наряду с этими памятниками грабительских экспедиций викингов на территории юго-восточной Прибалтики имеются относящиеся к концу I тысячелетия н. э. археологические памятники местной, балтийской, культуры. Находки эти по своему инвентарю представляют несомненный переход от областных форм к более унифицированным для всей территории юго-восточной Прибалтики формам, которые распространяются в начале II тысячелетия. Так как многочисленные поселения этой эпохи в археологическом отношении не изучены, очень мало можно сказать о хозяйстве населения. У западных и восточных соседей в это время существовало уже пашенное земледелие, — вероятно, оно распространялось в это время и у балтийских народов, но сохи и бороны делались из дерева, которое плохо сохраняется; к тому же такие громоздкие орудия в могилы не клали.

Относящийся к началу II тысячелетия н. э. археологический материал получен в большем количестве и изучен более тщательно.

Важнейшей из находок этой эпохи считается место погребения у Штангевальде — южнее Розиттен, на Курской косе. Кроме исключительного обилия новых форм, говорит Беттихер, эта находка имеет большое значение для датировки других находок, так как по найденным в ней монетам Ордена хронологически она «почти точно» определяется концом XIII в. Эта точность, однако, не так уже велика, поскольку А. Бецценбергер, ссылаясь на публикацию о раскопках (А. Bezzenberger, 1904, стр. 95), утверждал, что монеты относятся ко времени с XII по XIV в.). Трупы лежат в деревянных гробах, с большим количеством богатых украшений, мужчины со своим оружием. Недалеко от места погребения находилось укрепление у поселка Коралленберг, которое доставило археологам много черепков от сосудов, сделанных на гончарном круге. Эти сосуды по своему орнаменту схожи у балтийских племен и славян: *основным элементом орнамента являются волнистые линии, т. е. та же форма, что и у славян.* В отличие от римской эпохи, орнамент на сосудах нанесен значительно резче, видимо, каким-то инструментом из сплава, содержащего большую примесь цинка. Керамика эта играет большую роль при хронологическом датировании находок.

Среди северных археологических находок этой эпохи снова выделяется Оберхоф, где позднейшие скопления золы и пепла перекрывают старые поля погребений. Тишлер отмечает, что эти находки, вместе с аналогичными

Рис. 23. Предметы, относящиеся к V—VIII вв. нашей эры, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

Локальные формы фибул: 1—4 — бронзовые и серебряные фибулы из западной области (с укороченной ножкой, с застенкой, с накладками, с звездообразной ножкой); 5, 6 — бронзовые фибулы из южной области (с кольцеобразными накладками, с застенкой); 7—10 — бронзовые фибулы из восточной области (с коротким держателем, с расширяющейся ножкой, фибула птичьего лапа и др.); 11—14 — бронзовые фибулы из северной области (перекладчатая, с накладками, «совинная», с звездообразной ножкой).

Локальные формы керамики: 15 — урна погребальная из западной области (44 см выс.); 16—18 — глиняные сосуды из западной области (13, 12 и 21 см); 19, 20 — урны погребальные из южной области (19 и 18 см); 21, 22 — урны погребальные из восточной области (26 и 21 см).

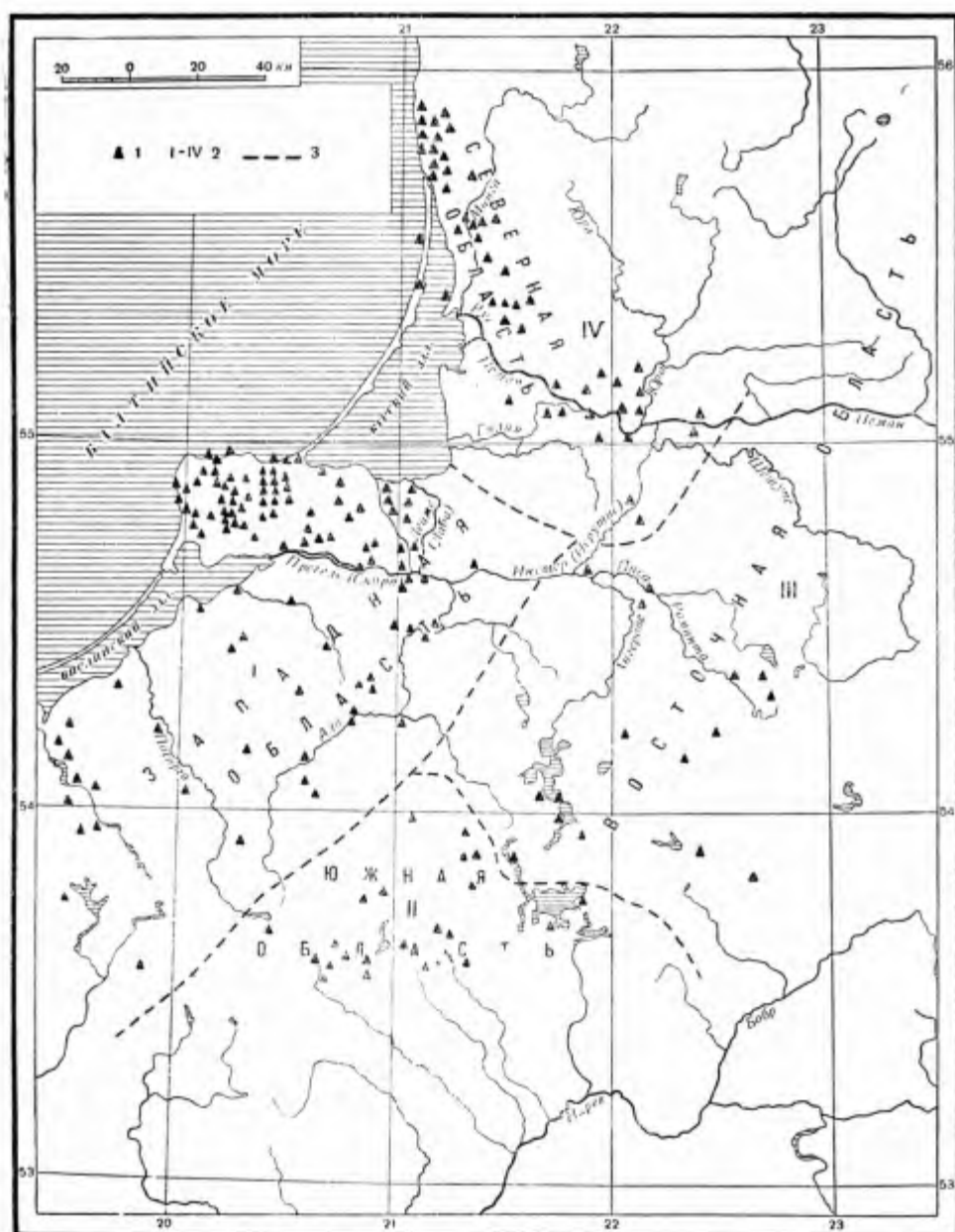

Рис. 24. Юго-восточная Прибалтика в X—XIII вв. (археологическая карта).

▲ — места археологических находок; I—IV — археологические области; — — — границы археологических областей.

Рис. 25. Предметы, относящиеся к X — XIII вв., найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

1—5 — общераспространенные формы бронзовых застёжек; 6 — наконечники копий (железные); 7 — приспилье для веретён (из глины); 8, 9 — бронзовые наконечники палиц; 10 — 12 — сосуды из западных районов; 13, 14 — сосуды из южных районов; 15 — сосуд с ножкой из восточного района; 16, 17 — арбалетообразные бронзовые фибулы из Клайпедской области.

находками в других местах юго-восточной Европы, показывают культурное единство больших территорий: «Мы знаем,— пишет он,— что самое молодое языческое время с его особенно характерным инвентарем, который находят только в Восточной Пруссии и в русских соседних провинциях, а, наоборот, в западнославянских областях не обнаруживают, простирается до времени, последующего за появлением Ордена, т. е. до конца XIII—начала XIV в. (O. Tischler, 1889, стр. 23). Таким образом, для этой эпохи устанавливается археологическая общность культуры западной части балтийских народов с культурой восточной части, с одной стороны, и близость культуры балтийских народов, в целом, к культуре восточных славян, с другой стороны.

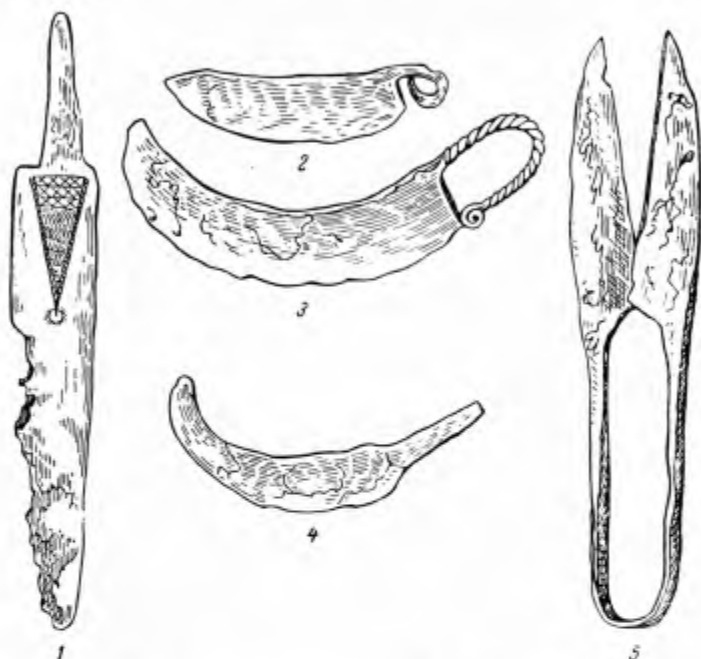

Рис. 26. Предметы, относящиеся к X—XIII вв., найденные на территории юго-восточной Прибалтики. Ножи и ножницы: 1—4 — ножи из западной и южной областей (20, 7, 10 и 7,5 см); 5 — ножницы из западной области (27 см).

К той же примерно эпохе относится поле погребения под Гердауеном (XIV в.). Правда, это поле хронологически не так легко датировать, поскольку под слоем пепла и золы обнаруживаются сплошь и рядом более древние погребения. Во многих районах юго-восточной Прибалтики обнаружены аналогичные поля погребений — обширные пространства скопления золы, среди которой неравномерно лежат обожженные человеческие кости и целые скелеты, перемешанные с остатками конских скелетов, с удилами, стременами, железными колокольчиками, погремушками, — и все это в большом числе. Бросается в глаза, пишет Беттихер, что эти скопления почти всегда расположены на местах старых тысячелетних погребений, и находки более близкой к нам эпохи, перемешанные с более древними, находятся сплошь и рядом в старых могилах (Bötticher, вып. VIII, стр. 9). Можно утверждать, что многие из этих полей хранят насмех сожженные после побоищ трупы, часть которых относится к эпохе вторжения

на прусско-литовскую землю немецких крестоносцев (А. Hennig, 1879, стр. 325). В ряде мест громадное количество предметов вооружения пруссов, литовцев, куров — мечи, топоры, копья и др. — перемешаны с предметами вооружения крестоносцев. Из украшений обращают на себя внимание характерные для этого периода подковообразные фибулы.

Рис. 27. Предметы, относящиеся к X—XIII вв., найденные на территории юго-восточной Прибалтики. Набор плотничьих инструментов.

1 — брусок для точки лезвий (10 см); 2 — металлический наконечник фуганка (8 см); 3 — тесло (4 см шир., 6 см выс.); 4 — железное точило (10 см); 5—7 — сверла (11, 15 и 15 см); 8 — пила-ножовна (23 см).

Археологическими находками этого периода выделяются Долькейм, Фридрихсберге, Галлхофен, Корниетен, Кесниккен, Корьейтен, Зеефельд, Клейн-Таппау; затем южнее Прегеля — Фюрстенвальде, Варникам; на востоке и юго-востоке — Житкемен, Стацен и др.

По спискам Е. Холлака, приложенным к его обзорной доисторической карте Восточной Пруссии, можно составить подробный перечень

раскопок и находок вплоть до 1908 г. Там числятся более десятка поселений (Ангерапп, Авенингкен, Беткендорф, Гейдау, Иоммендорф, Остероде, Шпигеловкен, Штобен, Тейсовзее, Тильзит и др.), среди которых наибольшую археологическую ценность представляют поселения в Беткендорфе в округе Браунсберг (поселение было расположено по обоим берегам р. Бауде), в Иоммендорфе, в округе Алленштейн (поселение на высотах правого берега р. Аллы), в Шпигеловкен, в округе Растенбург (развалины укрепленного «замка») и в Тильзите на горе Нессель. Полей погребения насчитывается у Холлака свыше 500, а также громадное количество отдельных находок и несколько кладов с арабскими дирхемами и средневековыми монетами эпохи, предшествующей вторжению немецких рыцарей в Прибалтику.

Кроме мест погребений, на территории юго-восточной Прибалтики обнаружены древние укрепления — пилкальнисы и земляные валы, при раскопке которых находят много предметов из металла и керамики. По картотеке Бела числилось в 1888 г. около 90 мест с подобными укреплениями, а по картотеке Холлака в 1896 г. насчитывалось свыше 200 (по его же картотеке 1908 г. было 389 названий). Наиболее значительные раскопки произведены были в Гросс-Хайзенберге у Гермау (на Земландском полуострове), на Камсвичукальне в Инстербурге, Вайстотепили, Ленценбурге под Бранденбургом, в Балге, Хюннеберге у Экриттене, Валлеволе у Визенберга (около Унтер-Пленен в Шранденберге), Пильцене, Первиттене, Шакене, Повундене и в других местах. Линия пилкальнисов проходит с севера на юг по всей внутренней части территории, до Инстербурга и южнее.

В отличие от археологического материала начала нашей эры, раскопки, относящиеся к концу I и началу II тысячелетия н. э., обнаруживают почти полное тождество материальной культуры населения всей территории юго-восточной Прибалтики, за исключением, может быть, северной части ее. Формы погребений унифицируются и сводятся к двум существующим одновременно типам: с одной стороны, распространяется обычай сжигать умерших в больших погребальных ямах, а кости класть потом на землю, присоединяя к ним некоторые предметы обихода или оружия; с другой стороны, сохраняется погребение в урнах. Первый тип, повидимому, применялся к воинам, погибшим во время сражений, второй — к знатым лицам. Отсюда можно сделать вывод о выявившейся в то время значительной социальной дифференциации.

Первобытно-общинный строй в конце I — начале II тысячелетия уже изживал себя и переходил к классовому обществу. Конечно, археологический материал сам по себе недостаточен для законченной характеристики этого социально-исторического процесса, однако археология дает многочисленные свидетельства, могущие помочь этой характеристике.

Прежде всего обращает на себя внимание почти повсеместное распространение конских погребений. Вначале они появились в западных и юго-западных областях, но с X—XII вв. обнаруживаются, за исключением северной области, где конские погребения редки, по всей территории юго-восточной Прибалтики. Сбруя, удила, стремена и снаряжение всадника в этих погребениях отличаются богатством или даже роскошью отделки, сплошь и рядом серебряной. Вся обстановка погребений свидетельствует о почетном социальном положении владельцев коней и об их богатстве. Далее, к XII—XIII вв. относятся богатые клады, содержащие не только монеты, но и многочисленные изделия, сделанные часто из серебра. Художественная тонкость обработки изделий заставляет предполагать существование специалистов ремесленников, ювелиров, работавших для привилегированных и богатых групп населения. Указанные археологические памятники говорят о наличии в XII—XIII вв. привилегированного

сословия или во всяком случае уже выделившейся из состава племен эксплуататорской верхушки, владевшей большими богатствами.

Об этом же свидетельствуют и другие археологические памятники — рядовые захоронения. Захоронения эти делаются всё более бедными в отношении бытового инвентаря, и в них отсутствуют предметы вооружения — теперь это, вероятно, привилегия богатых и знатных. Вещи, сопровождающие мертвого в потусторонний мир, постепенно мельчают, теряют прежний

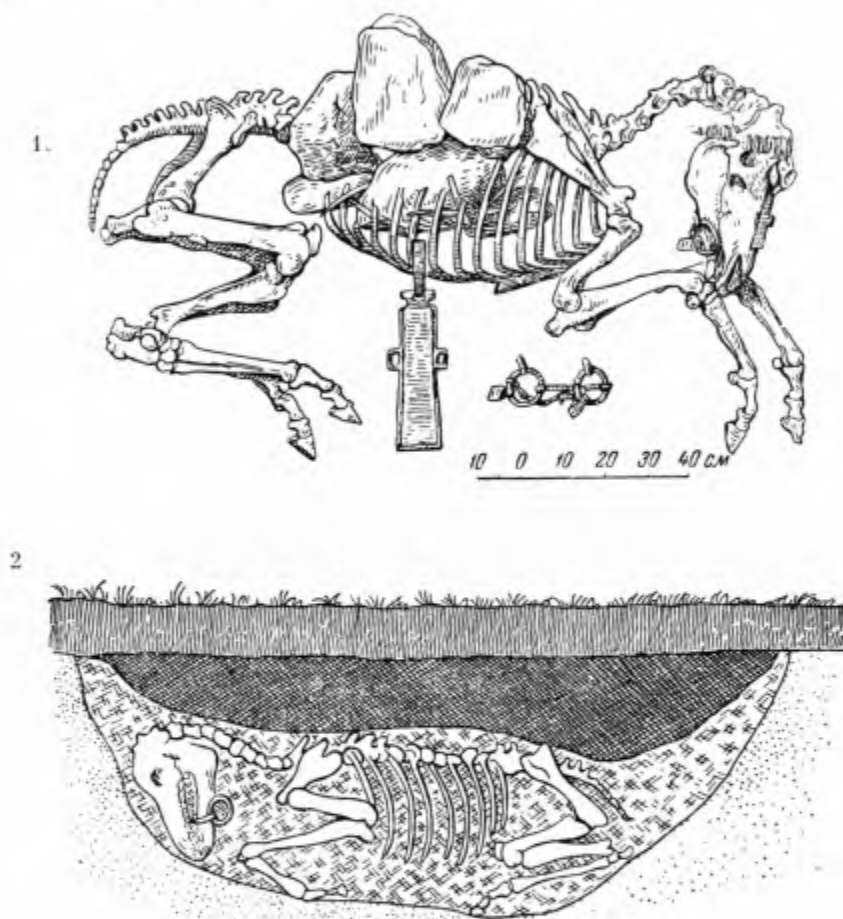

Рис. 28. Погребения коней, найденные на территории юго-восточной Прибалтики.

1 — конское погребение около поселка Клейн-Флис (бывш. округ Лабува); относится к первым векам нашей эры; на лбу коня — бронзовая накладка удила железные; 2 — конское погребение около поселка Маркейм (бывш. округ Хейльсберг); погребение относится к XII—XIII вв.; на коне — железные удила.

объем и качество: таков характер бытового инвентаря многих рядовых погребений на юго-западе, юге и юго-востоке территории, где, очевидно, процесс социальной дифференциации зашел наиболее далеко. Видимо, положение рядовых сородичей и соплеменников резко ухудшается, они становятся объектом экономической эксплуатации.

Относящиеся к этому же периоду громадные скопления золы, пепла и полубожженных костей, погребенных на протяжении больших

пространств, указывают на кровопролитные военные столкновения, в которых принимали участие большие массы воинов. Так как некоторые из этих погребений относятся ко времени, предшествовавшему вторжению крестоносцев, то они указывают на междоусобные войны.

По всей территории юго-восточной Прибалтики в эту эпоху имелась сеть поселений и укрепленных пунктов, состоявших из срубных построек, защищенных деревянными оборонительными сооружениями, земляными валами и глубокими рвами. Вся обстановка свидетельствует о начинавшейся феодализации общества и появлении феодально-племенной знати и зависимых от нее групп населения. К моменту вторжения немецких рыцарей балтийские племена стояли на пути перехода к государственному строю. Об этом же говорят и исторические источники, и хотя в хвастливых реляциях крестоносцев, заявлявших, что они захватили «замки» прусских князей и «крепости» их, имеется явное преувеличение, но несомненно, что социальная структура летто-литовского населения той эпохи была уже классовой.

Очерченный выше процесс происходил неравномерно по всей территории, был более интенсивным на западе, юге и востоке. Однако к XIII—XIV вв. и на севере первобытно-общинный строй изживал себя и стало формироваться классовое общество.

Эпоха, предшествовавшая вторжению крестоносцев, отличается не только тем, что материальная культура балтийских племен выступает в ней почти лишенной локальных отличий, но и тем, что она сходна с культурой соседних славянских племен (на юге и востоке). *По форме и орнаменту глиняная посуда балтийских племен и славянских племен делается почти неразличимой.* Получают широкое распространение одинаковые украшения (например, дутые бронзовые браслеты, шейные гривны, бусы с цветной эмалью и пр.). Обычными для всей территории делаются конские захоронения, в том числе и на севере (в Клайпедской обл.), хотя и реже, чем в других районах.

Наряду с этим север территории сохраняет в большей степени, чем другие районы, свои местные отличия: во-первых, здесь продолжается развитие традиционных форм украшений, унаследованных от прежних веков (например, оригинальных арбалетообразных фибул крупных размеров, перстней-спиралей, ручных украшений с изображениями зверей, крученых шейных и спиралевидных гривен и т. д.); во-вторых, здесь встречаются некоторые подобию скандинавских форм. Последнее обстоятельство объясняется, по-видимому, торгово-грабительскими операциями датских и норманнских купцов-пиратов, посещавших это побережье. История этих посещений скверно началась и закончилась трагически для балтов.

Знакомство скандинавов с юго-восточной Прибалтикой открылось попыткой датчан (данов) подчинить себе куров. Пираты, высадившиеся в 853 г. где-то на восточном побережье (пункт высадки пока наукой не установлен), встретили упорное сопротивление местных жителей и ушли ни с чем. В 854 г., как говорится в Житии св. Ансгара, шведский король Олеф послал сильное войско против куров и разграбил их укрепление Апуоле (дословно, в переводе с латышского, — «приречные пещеры»). После этого пираты в течение нескольких столетий продолжали время от времени посещать берег. В начале XII в. они неоднократно пытались захватить в свои руки выход из Курского залива. Вслед за ними пришли немецкие рыцари Ордена меченосцев и, захватив в 1252 г. приморское укрепление балтов, создали здесь свой опорный грабительский пункт Мемельбург.

Следует, однако, указать, что к этому времени местности по берегам Курского залива, как и весь бассейн низовьев Немана, были заселены уже не курами, а жемайтами. Об этом свидетельствует и археологический мате-

риал Клайпеды, обнаруживающий явные черты единства с археологией западной части Жемайтии.

Тишлер и другие немецкие археологи конца XIX и начала XX столетия, среди которых необходимо отметить А. Беценбергера, как наиболее авторитетного и разностороннего исследователя археологии юго-восточной Прибалтики, — пришли к убеждению, что богатейшие находки разных периодов на этой территории обнаруживают последовательное развитие форм металлических культур, а также указывают на наличие все возраставшей общности материальной культуры отдельных археологических областей, в особенности в позднелезном веке, вплоть до вторжения крестоносцев. Линия развития форм обнаруживает при этом переход определенных форм из одних районов в другие. Так как наряду с преемственностью форм металлических культур более древние захоронения и новые захоронения, перекрывающие их, расположены в непосредственной близости к сохранявшимся до недавнего времени населенным пунктам, то можно утверждать, что эти места были уже издревле обжиты и что население жило в них в течение многих веков, нигде не уходя. Отсюда Тишлер, Беценбергер и географ А. Цвек делали вывод, что никаких перерывов в развитии этих областей с начала распространения металлических культур до XIII в. н. э. не было. Тем самым опровергалось довольно распространенное среди немецких археологов и географов конца XIX в. мнение, будто эпоха великих переселений внесла какие-то радикальные изменения в этнический состав населения юго-восточной Прибалтики и что будто именно в это время (V—VI вв. н. э.) туда вторглись с востока литовские племена. Отрицая миф о позднем переселении литовцев на территорию юго-восточной Прибалтики, указанные ученые признавали этническую преемственность между современным им литовским населением Восточной Пруссии и древнейшим населением той же территории; А. Беценбергер даже писал об «автохтонности» литовцев в этих областях. Остальные прогрессивные археологи признавали несомненную древность обитания литовских племен, прослеживая постепенное развитие самобытных форм их материальной культуры с периода ранней бронзы, т. е. с начала II тысячелетия до н. э.

Этот основной вывод, сделанный наиболее добросовестными немецкими учеными конца XIX — начала XX в., до сих пор никем не опровергнут. В 1919 г. шведский ученый-реакционер археолог Н. Оберг пытался доказать, что культура племен юго-восточной Прибалтики в I—V вв. н. э. якобы была «готской», но его выводы настолько противоречили археологическому материалу, что даже среди немецких националистов периода после первой мировой войны Оберг не нашел себе прямых защитников. К. Энгель, всячески популяризовавший писания своего шведского коллеги, не решился присоединиться к бездоказательным его утверждениям, и выдвинул компромиссное положение «о готском влиянии» на балтийскую культуру. В интерпретации Энгеля, это влияние сказалось якобы в том, что «культура устья Вислы» (трактовавшаяся этим археологом как «готская») вызвала развитие форм балтийской культуры, была как бы творческим побудителем ее развития. И вот, пока готы сидели в устье Вислы, балтийская культура развивалась; ушли готы — и культура балтов стала «вырождаться». Это энгельское откровение было несколько не лучше утверждений Оберга, ибо также не соответствовало археологическому материалу. О каком «вырождении» балтийской культуры можно было говорить, если к моменту вторжения крестоносцев она предстала перед бандами немецких рыцарей богатой и разносторонней и, в области земледельческой техники, оказавшейся выше культуры завоевателей! Для спасения своей теории Энгель дополнил ее еще одной выдумкой —

«возрождением» балтийской культуры в X—XI вв. под влиянием викингов (?). Так, громоздя одну ложь на другую, немецкие националисты и гитлеровцы старались спасти свою «готскую» теорию, которую, как мы видели, нельзя обосновать археологией и (как мы увидим в следующих главах) еще меньше можно обосновать топонимикой.

Признав, скрепя сердце, существование особой, оригинальной «балтийской» культуры, нацистские археологи старались поскорее похоронить ее, а если нельзя этого сделать, то «оторвать» ее от культуры сформировавшихся позже литовской и латышской народностей. В многочисленных ученых трактатах, выпускавшихся главным образом в Кенигсберге, нацисты доказывали, что балты — это пруссы, галинды, судавы, «шалавы», «мемелевцы», но ни в каком случае не литовцы, и что культура балтов ближе к немецкой, чем к литовской. Так как археология не подтверждает этого, на помощь была призвана лингвистика. А так как и лингвистика бессильна была доказать то, что недоказуемо, то была создана новая «теория»: пруссы-де в результате войн XIII в. окончательно обессилели, вымерли и оставили свою землю «пустой», и тогда немцы были принуждены ее занять и возродить на ней древнюю германскую (!) культуру.

Археологический материал опровергает этот глупый и наглый вздор. Древняя культура балтов не исчезла, хотя немецкие рыцари и разорили прусскую землю, — она продолжала развиваться, несмотря на все препятствия, которые ставились этому развитию немецкими завоевателями в принеманских районах, и дожила в своих новых формах до наших дней. Оригинальная культура балтов ничем не была обязана ни готам, ни немцам: первые не оставили никаких культурных следов на территории юго-восточной Прибалтики, вторые же пришли в Прибалтику вовсе не для выполнения какой-то культурной, «цивилизаторской» миссии, а лишь для того, чтобы оккупировать чужую страну.

3. ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Археологические источники дают много материала для суждения о материальной культуре древних народов и отчасти об их социальном строе и верованиях, но они, за исключением отдельных случаев, бессильны восстановить этнонимы, т. е. названия этнических групп и народов. Исключительное значение памятников письменности, относящихся к изучаемым эпохам, выявляется в том, что даже небольшие и, казалось бы, попутные упоминания современников могут иногда открыть перед нами путь для объяснения сложнейших исторических процессов и совершенно по-новому представить общую картину жизни племен и народов, оставивших после себя только ископаемые остатки материальной культуры. Такой именно характер имеют отрывочные замечания древних историков о народах юго-восточной Прибалтики, и хотя этих замечаний и сообщений очень мало, они помогают понять сущность и условия этнического развития населения изучаемой территории в далеком прошлом.

Древнейшие, более достоверные сведения о населении юго-восточной Прибалтики относятся к концу I века н. э. и принадлежат Тациту. В «Германии» (гл. 45) римский историк рассказывает кратко об «эстиях», живших на побережье Свевского, т. е. Балтийского, моря:

«Ergo iam dextro Suebii maris litore Aestiorum gentes adluuntur, quibus ritus habitusque Sueborum, lingua Britannicae proprior. Matrem deum venerantur. Insigne superstitionis formas aprorum gestant: id pro armis hominumque tutela securum deae cultorem etiam inter hostes praestat. Rarus ferri, frequens fustium usus. Frumenta ceterosque fructus patientius quam pro solita Germanorum inertis laborant. Sed et mare scrutantur ac soli omnium succinum, quod ipsi glesum vocant, inter vada atque in ipso litore legunt» (Tacitus Cornelius, 1867, стр. 58; В. И. Модестов, 1886, стр. 63—64)¹.

На побережье Балтийского моря есть несколько мест, где имеется янтарь, но самым обильным по добыче можно считать залежи янтаря на северном побережье Земландского полуострова, где янтарь отлагается не только на

¹ Перевод: «Итак, на правом берегу море свевов омывает племена эстиев, у которых обычаи и образ жизни свевов, а язык более близок к британскому. Они почитают мать богов. В качестве талисмана носят изображение кабана: оно вместо оружия и всей людской защиты охраняет беспечного почитателя богини среди врагов. Железо у них редко, в употреблении обыкновенно дубины. Они добывают себе хлеб и другие злаки с большим прилежанием, чем это имеет место у германцев, отличающихся привычной ленью. Они обшаривают море и сушу в поисках янтаря, который они сами называют «glesум» и который отлагается на отмелях и на самом берегу».

мелководье, но и на самом берегу. Вполне вероятно поэтому, что Тацит называл «эстиями» жителей именно этого полуострова.

Археологический материал, приведенный в предыдущей главе, подтверждает такую характеристику: население западной части территории (первая археологическая область) издавна занималось не только рыболовством, но и земледелием, а близость к источникам янтаря стимулировала развитие обмена, открывая возможность ввоза в страну предметов материальной культуры тех стран Средиземноморья, экономика которых стояла на более высоком уровне, чем экономика народов Прибалтики. Воздействие этой более передовой культуры сказывалось на развитии хозяйства и социального строя «эстиев»: у «эстиев», как это видно из археологических источников, были собственные ремесленники, изготовлявшие не только глиняную посуду, но и металлические изделия: орудия труда (топоры, серпы, косы, ножи, ножницы и пр.), предметы вооружения (мечи, копья, секиры, боевые топоры, щиты и т. д.), многочисленные украшения и предметы обихода. Хотя палица (деревянная булава с металлической головкой) оставалась одним из распространенных типов местного оружия, железные мечи и копья также делались на месте. Все это свидетельствует о довольно высокой технике «эстиев». Это не были первобытные дикари, а народ, стоявший на той же стадии хозяйственного развития, что и германцы, которые, как говорит Ф. Энгельс¹, вступили в то время на высшую ступень варварства. Ступени хозяйства должны были соответствовать социальный строй, о характере которого Тацит глухо говорит, что он был похож на нравы и обычаи племени свевов. Это была та стадия развития первобытно-общинного строя, когда в жизни племен начинают играть большую роль военные группы. «Эстии» жили племенами, населявшими всю прибрежную часть юго-восточной Прибалтики.

Археологический материал позволяет нам несколько расширить территорию тацитовских «эстиев», поскольку материальная культура жителей Земландского полуострова первых столетий нашей эры была тождественна материальной культуре населения бассейна Прегеля и местностей к западу и востоку от него. Соседящие с «эстиями» жители были близки к ним по своей культуре, хотя и имели некоторые локальные отличия.

Как это ни странно кажется на первый взгляд, другой античный автор, географ Птолемей, живший во II в. н. э., перечисляя племена Европейской Сарматии, не упоминает об «эстиях», в то время как более поздний автор VI в. Иордан (или Иорнандес) снова говорит об «эстиях». Разъяснить это противоречие придется дальше, и к нему мы еще вернемся.

Птолемей Клавдий в своей «Географии» называет ряд племен и народов Европейской Сарматии, живших у Сарматского океана. Как видно из карты Птолемея, сведения древнего географа о балтийском побережье были крайне неопределенны; большей точности сведений мешало само построение карты, соответствовавшее птолемеевскому представлению о форме земли и вследствие этого приводившее к нарушению пропорций в отношении главным образом широтности. Контуры восточных берегов Сарматского океана (Балтийского моря) нанесены на птолемеевской карте в полном несоответствии с действительностью — не указаны хотя бы приблизительно очертания крупных заливов (помечен лишь «Венедский залив» — очевидно ныне Вислинский залив). Не помогают ориентировке и названия рек, впадающих в Сарматский океан (за исключением Вистулы), ибо приурочить Хрон к Прегелю, Рудон — к Неману, Турунт — к Венте и Хесин — к Западной Двине, как это совершенно произвольно делают

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 161.

некоторые ученые, нет достаточных оснований. Греческая транскрипция настолько исказила местное произношение, что расшифровка птолемеевских названий сводится больше к догадкам, чем к научно-лингвистическому анализу.

Не отличались точностью и сведения Птолемея об обитавших на побережье Сарматского океана народах: из упоминавшихся Птолемеем названий племен только немногие встречаются позже у других географов и путешественников. Поэтому научное использование птолемеевских указаний представляет исключительную трудность, и всякое толкование сообщаемых им этнонимов и географических названий вызывает среди ученых споры.

Птолемей привел списки племен, живших подле Сарматского океана: поскольку нас в данном случае интересует не все побережье, а только юго-восточная часть его, ограничимся списком, который к этой территории относится. В списке числятся живущими к востоку от р. Вистулы *гитоны*, *сулоны*, *фругундионы*, *финны*, *галинды*, *игилионы*, *судены*, *ставаны* и др. У самого устья р. Вистулы жили *венеды*.

В отношении гитонов мнения ученых расходятся — считать ли их готами или каким-либо иным народом. Дело в том, что в дотацинтовских сведениях об южной Прибалтике имелись отрывочные ссылки древних путешественников о народе, обитавшем на «Янтарном берегу», откуда страны Средиземноморья получали «электрон» (янтарь). Сначала Страбон (I в. до н. э.), потом Плиний Старший (I в. н. э.) ссылаются на записи Пифея из Массилии (Марселя), достигшего в IV в. до н. э. «Янтарного берега» Балтийского моря. Пифей называет жителей этого побережья «гуттами», упоминает об о-ве Мориморуса и перечисляет некоторые реки. Сам Плиний Старший лично побывал в северо-восточных областях территории, занятой в то время германскими племенами. Пользуясь своими личными сведениями и записями Пифея, Плиний называет последовательно (с востока на запад) реки, впадающие в Балтийское море: Гутталус, Вистиллус, Албис, Визургис, Амизкус, Ренус, Моза. Гутталус считается местом, где жили гутты Пифея; поскольку эта река помещена Плинием восточнее Вислы (Вистиллус), она может быть или Прегелем, или Неманом, или Западной Двиной — у устья одной из этих рек и был расположен «Янтарный берег».

«Янтарный берег» древних находился, вероятнее всего, на северном побережье Земландского полуострова; большинство ученых XIX в. высказывалось за то, что р. Гутталус — это Прегель. Гутты Пифея должны были бы в таком случае быть «эстиями» Тацита, т. е. жителями Земландского полуострова, — на такой точке зрения стояли немецкие ученые Цеус и В. Пирсон. Однако немецкие националисты, вроде Фойгта, возражали против такого толкования текста Пифея и утверждали, что гутты — это *готы*. Отсюда следовало, что германское население (готы) являлось древнейшим из всех народов, обитавших на территориях южной Прибалтики.

В. Пирсон в своей работе «Электрон, или о предках, родстве и названии древних пруссов» (W. Pierson, 1869) доказывал невозможность отождествления гуттов с готами. Вслед за Цеусом он обратился к скандинавским источникам, на которые ссылались немецкие националисты, и разоблачил лживость ссылок на них. В скандинавской саге «Снорра Эдда» упоминается о каком-то готском племени, выселившемся в начале нашей эры (или в последние десятилетия до нашей эры) из Скандинавии (с о-ва Готланда?) на южное побережье Балтийского моря и начавшего свои дальнейшие странствования с территории у устья р. Вислы. Эти готы никак не могли поэтому жить в IV в. до н. э. на «Янтарном берегу». Что же касается других переселений германских племен, то они

направлялись, как утверждают скандинавские источники, с юга на север (а не в обратном направлении) — из Дании в Швецию.

Подвергнув анализу исторические источники и произведя обширные лингвистические изыскания, В. Пирсон пришел к выводу, что гуты Пифея могли быть предками не германцев, а только литовцев. Пирсон отождествил гуттов с гитонами Птолемея, геттами Иордана (VI в. н. э.), гуддами XIV—XVI вв. Общим именем гуттов («гудды», «гуды»), геттов или даже «готов» население юго-восточной Прибалтики, как утверждал Пирсон, вплоть до XVII в., т. е. до исчезновения пруссов как народа, называло все прусско-литовские племена. Название это упоминается во многих исторических памятниках. Так, Болеслав I Польский в своем заветании (датируется XI в.) писал, что он является повелителем славян, поляков и «готов», разумея под этим именем прусско-литовское население. Польский хронист Кадлубек под 1200 г. сделал в своей хронике запись о «гетах», среди которых особо выделил пруссов. В записях начала XIII в. тот же хронист пишет: «геты, называвшиеся ятвягами», «гетами называются все литовцы, пруссы и другие народы того же происхождения». В Силезской хронике XIV в. гетами в одном месте названы пруссы, в другом — литовцы. Вплоть до XVII в. сами пруссы называли своих сородичей, живших на побережье Курского залива, а также и всех литовцев «гуддами», причем, по словам Пирсона, в приеманских районах народы литовского племени обозначались общим именем гутты (гудды), а в более южных районах — геты; смысловое содержание этих названий было одним и тем же.

Название *гуды* (*гудай*) сохранилось у литовцев до настоящего времени, но оно применяется ими только по отношению к белорусам. Казалось бы, что это противоречит теории В. Пирсона, но ученый не склонен был признать в этом какое-либо противоречие. Он доказывал, что в данном случае произошло часто встречающееся в языке явление переноса значения с одного объекта на другой: поскольку у литовцев — утверждал Пирсон — укоренилось в качестве самоназвания имя одного из племен, *лиетува*, название *гуды* стало применяться к тому народу, с которым литовцы жили совместно на одной территории (во время Литовско-русского государства), а именно к белорусам, чтобы выделить их от собственно литовцев.

Не все в этой теории В. Пирсона четко и доказательно, а некоторые детали допускают совершенно иное объяснение. Так, например, слишком упрощенно толкуется Пирсоном появление названия *гуды* в виде обозначения не литовцев, а белорусов. Если этнонимы *гуды* и *геты* употреблялись литовцами как синонимы, то перенос этого названия на литовцев мог произойти по иной причине, чем та, на которую указывает Пирсон. «Геты» (*jetui*) средневековых хронистов — это ятвяги, судавы; позже значительная часть ятвягов растворилась среди белорусов, и потому не удивительно, что в литовском языке (в основе которого — если говорить о современном литературном языке — лежит западно-аукштайский диалект, близкий судавскому) ассимилированные белорусами ятвяги продолжали сохранять свое прежнее название, а затем это название было перенесено на всех белорусов.

Признание гуттов не готами, а «эстиями» или гетами, заставляет В. Пирсона искать корни происхождения литовцев не на берегах Балтики, а в придунайских равнинах и причерноморских степях. Предки литовцев, гуттоны, утверждает В. Пирсон, тождественны с гетами. В обоснование этого положения он приводит много доводов, мобилируя для этого и лингвистику, и этнографию, и памятники письменности. Согласно теории Пирсона, народ язиги (или яциги), о котором упоминает Страбон, — это ятвяги. Во времена Страбона они жили вместе с тырегетами между Бугом и Днестром, а около 170 г. н. э. (при Птолемея) обитали на нижнем Дунае, на

р. Тисе и в Карпатах. В XI в. н. э. они жили уже севернее Карпат на Нареве и Буге, по соседству с поляками и галлидами, и известны нам под именем ятвягов, ятвезей, готвезей, готвезитов и полекснан, или подляхов. Родственные язигам племена *гетов* занимали в VI и V вв. до н. э. правый берег нижнего Дуная, а в IV в. до н. э. — левый берег. В 50 г. до н. э. геты под управлением своего вождя Биребистаса достигли наибольшего могущества, но вскоре эта «держава» распалась. Часть гетов возвратилась на правый берег Дуная, а остававшиеся на левом берегу в течение некоторого времени сдерживали натиск германских племен, но вскоре были смяты и приведены в движение на северо-запад. Здесь, на Днестре, геты влились в состав язигских племен. В доказательство тождества язигов и гетов с гуттскими, т. е. литовскими, племенами Пирсон ссылается на множество совпадений в обычаях гетов (по Геродоту, Овидию и Мела) и пруссо-литовцев: например, ристалища при погребении, сожжение вместе с знатными покойниками их рабынь и боевых коней, многоженство и покупка жен, принесение в жертву богам пленных, употребление в пищу кобыльего молока и лошадиной крови, ношение длинных волос и бород, ношение штанов и т. д. Кроме того, указывает Пирсон, совпадают религиозные обычаи и названия богов; имена вождей гетов этимологически расшифровываются литовскими словами (например, гетский бог Замолксис, живший под землей и охранявший мертвых, соответствует богине подземного мира и земли Замелуксу у пруссов; второе божество гетов, называвшееся ими Гебелейзис, можно было бы объяснить литовским словом «гиве-лейджис», т. е. дающий жизнь; название верховного жреца у гетов (декинайс) сближается Пирсоном с литовским словом «дегинас», что обозначает «зажигаящий огонь»; имя вождя гетов Биребистас может быть, по Пирсону, этимологически сближено с литовским словом «бирбине» (свирель) или выведено из слов «вирай» (мужей) и «вести» (вести) и т. д. Последняя этимология, несомненно, выведена произвольно и не соответствует правилам литовской грамматики, но другие пирсоновские догадки и сближения имеют научную базу.

Если бы даже признать в какой-то мере правильность доказательств Пирсона о том, что геты и язиги принадлежали к литовским, или, как называет Пирсон, «гуттским» племенам, то все же это не решает еще проблемы литовского этногенеза, потому что геты и язиги обитали незадолго до нашей эры на берегах Черного моря и нижнего Дуная, а в это время в Прибалтике уже давно существовали народы, которые никак нельзя оторвать от литовцев. Ранние периоды литовского этногенеза уходят гораздо дальше в глубь истории, чем это представлял себе Пирсон. Но живая связь балтийского населения с населением северного Причерноморья и последующие — вторичное, третичное и прочие передвижения остатков гетских и язигских племен в районы Наревы и Буга — могли иметь место и в первые века нашей эры.

Более подробный анализ теории Пирсона и всей его аргументации отвлел бы нас далеко от этнических территорий юго-восточной Прибалтики, поэтому мы ограничимся сказанным; к этой теме мы предполагаем вернуться в специальной работе, связанной с проблемой этногенеза литовцев.

Если вопрос о гуттах Пифея и гитонах Птолемея нельзя еще считать окончательно решенным, то не менее спорен вопрос о венедах. П. Н. Третьяков считает венецов Птолемея вендами-славянами. А. Д. Удальцов признает их протославянами и протобалтийцами (А. Д. Удальцов, 1944, 1949 и др.; Н. Державин, б. г.; П. Н. Третьяков, 1948). П. Шафарик, как известно, полагал, что под этим именем выступали и славяне, и балтийцы. Все эти заключения произведены не на археологическом материале, а на толковании античных текстов; между тем в этих текстах территория обитания

венедов указана крайне расплывчато, и поэтому нельзя судить, жили ли венеды на территории юго-восточной Прибалтики или южнее, ближе к устью Вислы. В более поздние времена на Висле жили *венды-славяне*, а к юго-западу от Рижского залива, на реке Венте (на этой реке у устья стоит теперь город Вентспилс) — *венты-балтийцы*. Древние авторы объединили оба народа под именем венетов, или венедов. Материальная культура вендов имеет резкие отличия от материальной культуры балтийских племен — это чисто славянская культура, поэтому и объединять их с вентами или венетами нет никакого основания.

Учитывая существующие разногласия в высказываниях отдельных ученых, можно все-таки, как сказано выше, этнонимы *гитоны* и *венеды* применить к определенным народам, жившим в Прибалтике. К каким же известным нам позже народам отнести другие упомянутые в списке Птолемея народы?

П. Шафарик (1848, т. I, кн. 2, стр. 285—286) пытается расшифровать некоторые из них: он утверждает, например, что название «фругундионы» Птолемей дал бургунам. К этому толкованию склонен и А. Д. Удальцов¹, но мне не кажутся убедительными эти доводы. Значительно доказательнее сближение П. Шафариком птолемеевских названий «Γαλιῶναι» «Σουδῖνοι» с галиндами и судавами — и не только потому, что они фонетически близки, но и потому, что расселение этих племен Птолемеем к югу и востоку от истоков р. Хрона (Прегеля или Немана?) совпадает с расселением балтийских племен галиндов и судавов в X—XII вв. н. э. Но если Птолемей имел возможность назвать эти сравнительно небольшие племена, то почему он не упоминает об «эстиях», которые, по Тациту, занимали довольно большое пространство побережья? Говорит же о них Иордан, с указанием их местонахождения за устьем Вислы, после Видивариев: «Ad litus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluente Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati, post quos ripam Oceani item Aesti tenent, pacatum hominum genus omnino» (Jordanis, 1861, гл. V, стр. 28)².

В основе многих сообщений Иордана лежит работа Кассиодора (V—VI вв.) «Historia Gotica», до нас не дошедшая. Поэтому трудно сказать, основывается ли сообщение Иордана об «эстиях» на его собственном материале или все это заимствовано у Кассиодора.

Более ста лет назад П. Шафарик сформулировал одно положение, касающееся «эстиев», которое может разъяснить кажущееся противоречие между сообщениями Тацита, Птолемея и Иордана: П. Шафарик утверждал, что «эстии» — вовсе не название народа, а географическое определение, обозначающее «люди, живущие на востоке»; подлинный этноним этого народа остается для нас неизвестным, хотя, по мнению Шафарика, можно считать твердо установленным, что «эстии» были литовского племени.

П. Шафарик исходил из тщательно изученного им исторического и лингвистического материала, касающегося этого вопроса: «Следуя в этом важном предмете не столько мнению других, сколько скорее собственному убеждению, приобретенному долговременным исследованием всех исторических свидетельств, природных свойств обоих языков (литовского и славянского) и прочего подобного, — писал он, — мы считаем народы литовский и славянский двумя ветвями одного поколения в доисторическое время, но в исто-

¹ А. Д. Удальцов (1946, стр. 42) считает, что Птолемей называет «фругундионами» бургунов, которых он, очевидно, ошибочно поместил восточнее их действительного местопребывания.

² Перевод: «В том месте на берегу Океана, куда тремя рукавами впадает река Висла, обитают видиварии, состоящие из народов различного происхождения, а вслед за ними по берегу Океана разместились эстии, племя совершенно мирных людей».

рическое, вследствие внешних обстоятельств, до того удалившимися одна от другой, что теперь можно смотреть на них, как на два разных народа, которые, однакоже, между всеми индоевропейскими народами все еще самые ближайшие один к другому. А потому в системе индоевропейских поколений ставим мы эти два братские народа вместе, один подле другого, называя их поколением виндским. Отделение поколения литовского от славянского произошло, без сомнения, в скорости после поселения обоих народов в Европе» (П. Шафарик, 1848, т. I, кн. 2, стр. 279—280). «Народы литовские обитали с незапамятного времени, — пишет дальше Шафарик, — в нынешней своей земле, соседя с виндами и славянами и скрываясь то под именем ближайшего по происхождению к ним народа виндского, то под немецким географическим названием эстиев, т. е. людей, живущих на востоке. Это доказывается, с одной стороны, невозможностью прибытия их туда откуда бы ни было в известное историческое время, именно по р. хр., а с другой, — очевидными и верными историческими признаками и остатками существования их в теперешней земле» (П. Шафарик, 1848, т. I, кн. 2, стр. 284—285).

Приведя доводы против прибытия литовцев в позднее время (в начале нашей эры) из южной Европы или Азии, Шафарик высказывает еще одно соображение в пользу своей теории: «К последним доказательствам принадлежит не только раннее известие о пруссах, судинах и галиндах, народов, как мы вскоре докажем, без сомнения литовских, но в особенности название Балтийского моря словом *Baltia*. Этим словом уже во время Пифея (320 г. до н. э.) называлось море и соседний полуостров Самбия... Я уверен, что слово это происходит от древнепрусского, латышского и литовского *baltas*, *bélta* и значит *белое море*, хотя я также очень хорошо знаю, что одни производят его от немецкого *balte*, *belte* (*balthus* — пояс), а другие от славянского «*блато*» (болото). Но немецкое происхождение слова потому уже неосновательно, что сами немцы это море называли *Austrmarr*, *Eystrisalt*, *Ostersal*, *Ostsee*, отнюдь же не *Balt*, *Belt*; а славянским словом «блато» называют только озера, болота, но не моря, напр., Блато, Блатно в IX столетии — нынешнее озеро Балатон в Венгрии, Пинское блато и др. А потому я убежден, что уже в то древнее время, которое заключается между Пифеем и Птолемеем (320 г. до н. э. — 175 н. э.), жили пруссы, латыши и литовцы в тех самых землях, где их (говорю вообще) позднее находим» (П. Шафарик, 1848, т. I, кн. 2, стр. 284—285).

Надо сказать, что большинство положений П. Шафарика (кроме заключения его о виндах) подтверждается историческими свидетельствами, археологией и топонимикой исследуемого района. П. Шафарик утверждал, что слово «эстии» является германским географическим названием, а не этнонимом племени. Но ведь это название сообщено Тацитом, в добросовестности которого не сомневался и Шафарик? Да, это так, но Тацит сам мог быть введен в заблуждение своими осведомителями. Названия народов, обитавших у Свевского моря, Тацит узнал от других лиц, а не путем личного посещения этих земель. «Был ли сам Тацит в Германии — это вопрос темный, хотя из самого характера сочинения скорее видно, что оно написано не на основании личного знакомства со страной и ее народами. Но, кроме литературных данных, он располагал и устными сообщениями лиц, воевавших в Германии и живших на ее границах, на левом берегу Рейна, и архивными источниками, какими были донесения полководцев сенату» (В. И. Модестов, 1886, стр. XIV). С этим мнением необходимо согласиться, поскольку, заканчивая описание Свевии (гл. 46), Тацит отмечает: «Остальное уже баснословно, именно, будто геллузиане и оксионны имеют головы и черты лица человеческие, а туловища и члены звериные. Но, как вещь недоказанную, я оставляю это под сомнением» (Tacitus, 1867, стр. 65).

Первоисточником полученных Тацитом сведений о народах за Рейном были германцы. Но для них и море за Вислой, и люди, обитавшие на его берегах, были «восточными». Если они в древности называли Балтийское море *Austrumare*, *Eystrisalt*, то более чем вероятно, что жителей побережья они звали *eysti* — в латинской транскрипции *aesti*. Таково происхождение этого названия у Тацита.

Йордан в своем сообщении об «эстиях» не оригинален. Неизвестно, откуда получил сведения и Кассиодор; может быть, в основе всех сообщений лежат также известия Тацита, несколько модернизированные. Сам Йордан, так же как и Тацит, в этой области не был; следовательно, название народа он узнал от третьих лиц. Осведомителями Йордана (или Кассиодора) могли быть также лишь германцы. Больше данных за то, что сообщение об «эстиях» Йордан заимствовал у Тацита — на это указывает транскрипция слова: «*aestii*», а не «*estii*».

Таким образом, утверждение П. Шафарика, что «эстии» — германское географическое название, а не имя народа, находит поддержку в анализе слова и в истории его происхождения.

П. Шафарик не ограничился только тем, что усомнился в значении слова «эстии» как этнонима; он доказывал, что этот народ, о котором сообщал Тацит, ничего общего не имеет с германцами, а принадлежит к «литовской ветви». И в этой части своей теории он оказался прав.

Текст Тацита об «эстиях» вызвал большое количество толкований. Немецкий историк XIX в. И. Фойгт, анализируя текст Тацита, обратил внимание на два обстоятельства: «эстии» якобы называли янтарь «немецким» словом *glesum* (от корня «*glas*») и в виде религиозной эмблемы носили изображение кабана, что Фойгт считал «специфическим признаком» германских племен. Отсюда немецкий историк пришел к выводу, что «эстиев» можно причислить к немцам (J. Voigt, 1827, стр. 57, 75, 101).

Совершенно иной вывод из тех же слов Тацита сделал П. Шафарик. «Мать богов, которой поклонялись эстии, — писал он, — прусско-литовская *Seewa*, *Zemmes mahti* латышей, т. е. богиня лета и земных произведений, есть славянская Жива». Изображение кабана не было спецификой одних германцев: оно было «в таком же общем употреблении у литовцев и славян, как и у германцев» (П. Шафарик, 1848, т. I, кн. 2, стр. 297). Что же касается названия янтара «*glesum*», то по мнению Шафарика (1848, т. I, кн. 2, стр. 297), пруссы, жившие вместе с немцами, «могли, без сомнения, называть его словом, скроенным на немецкий лад». Шафарик (1848, т. I, кн. 2, стр. 276—281) считал, что туземным населением страны янтара, о которой говорил Тацит, были пруссы — народ «литовского племени».

Во второй половине XIX в. С. Виберг в своем исследовании «О влиянии народов классической древности на народы Севера» опроверг один из аргументов теории Фойгта, доказав, что народ, добывавший янтарь на балтийском побережье, — пруссы, называл эту ценную окаменевшую смолу не «*глезум*», а «*гентарас*» (у литовцев — «*ентарас*») и что с таким названием она распространялась у восточных славян (С. Wiberg, 1867, стр. 31, 41, 42, 95). Что касается названия «*glesum*», которое стало известно Тациту, то оно, во-первых, могло исходить от народа-посредника, передававшего янтарь на Запад, а, во-вторых, корень этого слова не обязательно следует выводить из немецкого языка, так как у славян существует слово «глаз», которое, возможно, имело распространение у вендов.

Если название «эстии» не было этнонимом, а лишь германским географическим названием, то вполне понятно, почему Птолемей не употреблял его. Осведомителями этого географа были греческие и восточноевропейские торговые посредники, соприкасавшиеся с балтийскими народами не

со стороны западного побережья Балтийского моря, где жили германские племена, а со стороны безбрежных равнин Европейской Сарматии. Большинство птолемеевских осведомителей не доходило в своих странствиях до моря и о жизни населения Прибалтики знало понаслышке. О «венетах» они слышали, и, как правильно предполагал Шафарик, под этим собирательным именем у Птолемея могли скрываться не только славянские, но и балтийские племена.

В 820 г. биограф Карла Великого Эйнхард (Eginhard, «Vita Caroli»), перечисляя народы, живущие по восточному берегу Балтийского моря, упоминает славян и «эстиев»; однако это сообщение не прибавляет никаких новых доказательств к тому, что написал Йордан, поскольку Эйнхард явно использует в качестве первоисточника труд того же Йордана.

В конце IX в. вышел в свет труд Орозия (VI в.) в англо-саксонском переводе, под названием «Всемирная история». Переводчик предпослал труду ученого монаха свое предисловие географического характера; в этом предисловии сказано, что восточное побережье Балтийского моря, которое переводчик называет Ost-sâe, занимают «остии» (Osti). Там же помещено сообщение некоего Вульфстана из Хэдума (позже — г. Хюдабю в Шлезвиге) о его поездке к устью Вислы; в сообщении говорится о стране Витланд (Witland, Weydelant, дословно — «пастбище») и ее обитателях «эстах»¹.

По словам Вульфстана, все побережье западнее устья Вислы занимали венды. На восток от страны вендов находилась большая восточная область (Eastland) и в этой области имелась Витланд — страна «эстов». Таким образом, сообщение Вульфстана как будто опровергает утверждение П. Шафарика о том, что название «эсты», или «эстии», не является этнонимом. Более внимательный анализ самого сообщения Вульфстана и транскрипции приводимых им названий заставляют нас, однако, прийти к другому заключению.

Вульфстан не рискнул проникнуть в Витланд, и поэтому все то, что он разузнал, основывается на рассказах жителей Трусо — обменного пункта при устье Вислы. Проверить эти рассказы Вульфстан не мог, тем более, что сам он мало разбирался в местных нравах и обычаях, вследствие этого в записи имеются противоречия и неточности. Транскрипция названий Вульфстаном не выдержана: то он пишет «Weonodland», то «Winodland» (страна вендов). В одной части своего сообщения Вульфстан говорит о том, что «эсты» не употребляют вовсе пива, заменяя его медом; в другом же месте он утверждает, что сосуды с пивом или водой, поставленные возле покойника, «эсты» умеют даже летом замораживать. Описывая погребальные обряды, Вульфстан явно смешивает состязания при похоронах (в которых видное место занимают конские скачки) с формой распределения имущества покойного и т. д. Словом, информатор допускает ряд неточностей, объясняемых его плохим знакомством со страной, о которой он сообщает.

Откуда получил Вульфстан свои сведения — можно догадываться: это были, вероятно, датчане, жившие в Трусо. Только датчанин мог называть Witland, Weydelant (пастбищем)² местность, прилегающую к

¹ Scriptores rerum Prussicarum, Bd. I, 1861, гл. V, доп. 1.

² Нам известна попытка немецкого ученого второй половины XVIII в. Иоганна Тунманна (M. J. Thunmann, 1772) объяснить название страны Витланд, исходя из птолемеевского текста. Витланд, по Тунманну, это страна «витов», а «виты» — видиварии Птолемея. Непонятно в таком случае, почему Вульфстан называет жителей этой страны «эстами», а не «витами», и еще менее понятно, почему видиварии Птолемея стали называться «витами»? В поисках каких-либо более веских обоснований своей теории Тунманн заставлял «витов» переселяться затем на север и дать свое имя новой территории: это «Видземе» латышей. По Тунманну, Видземе значит

Вислинскому заливу. И не случайно современник Вульфстана, поместивший его сообщение в виде приложения к англо-саксонскому переводу Орозия, вместо вульфстановской транскрипции «эсти» пишет «ости», т. е. люди, живущие на востоке, у Восточного моря (Ost-sæ). Так расшифровывается англо-саксонским переводчиком Орозия географический смысл приводимого Вульфстаном названия «esti»; это не самоназвание народа, а его обозначение западными народами-соседями. П. Шафарик оказался прав в своих утверждениях.

Если Вульфстан не внес ничего нового в вопрос об этнониме жителей Земландского полуострова, то он все-таки доставил нам возможность получить некоторые сведения об обычаях «эстов» той эпохи, и хотя эти сведения основаны только на слухах и преданиях, они все же представляют большой научный интерес.

По словам Вульфстана, «восточная область» (Eastland) очень велика и в ней имеется много укрепленных пунктов, в которых сидят «короли». Страна отличается изобилием меда и рыбы; короли и знатные люди пьют кумыс, а неимущие и рабы готовят себе напиток из меда. Там слишком много воюют между собою. «Эсты» не употребляют пива, но меда там достаточно.

Вслед за тем Вульфстан приводит рассказы о том, что покойники лежат якобы в своих хижинах по месяцу и более, пока будет совершен над ними обряд сожжения, а умершие короли и люди знатные не сжигаются и по полугоду. И пока покойников не сожгут, ежедневно родные и друзья пьют и веселятся подле их трупов. Когда же наступает день похорон, то близкие покойника делят его имущество на несколько частей и выносят на далекое расстояние от поселка. Люди, имеющие лучших лошадей, оспаривают в скачках свое право завладеть той или другой частью имущества покойного. Погребение совершается после этих скачек — покойного кладут на костер и сжигают вместе с украшениями, одеяниями и оружием.

«Эсты», по словам Вульфстана, владеют искусством замораживать покойников, пока те лежат дома, дожидаясь погребения, и делают это не только зимой, но и летом; они умеют создавать такой холод, что поставленные возле покойника в сосудах пиво и вода замерзают.

Некоторые подробности, сообщаемые Вульфстаном, кажутся фантастическими, потому что информатор получал сведения от третьих лиц; но в основе рассказов чувствуется несомненный фактический материал, который имеет большое значение для этнографического изучения «эстов». Похоронные игры, о которых писал Вульфстан, имели распространение у западных литовцев вплоть до первой половины XIX в., а в Закарпатской Украине сохранялись у местного населения чуть ли не до наших дней; ристалища, похоронные скачки, пиво в качестве погребального ритуального напитка и пр. — все это указывает на преемственность более поздней литовской культуры от культуры вульфстановских «эстов». И в то же время обычаи «эстов» обнаруживают необычайную близость к обычаям и обрядам славян.

В фантастических подробностях искусственного замораживания трупов у «эстов» выступает особый этнический колорит сказочной традиции, сохранявшийся и у литовцев. По словам Преториуса, в старых литовских сказках содержались подобные описания. В основе же рассказов о замораживании лежит, вероятно, действительность, изукрашенная вымыслом, а именно, применение погребов-ледников в хозяйстве. Возможно,

«страна витов» («витес земе»). В этом объяснении обнаруживается весь формализм метода Тунманна и его антиисторичность, ибо «видземе» значит по-латышски «средняя земля», и название это никакого отношения к «витам» не имеет.

что покойников клали на лед в погреб, чтобы предотвратить быстрое разложение.

При сверке записей Вульфстана с теми данными, которые вытекают из археологических источников, обнаруживается значительное совпадение; в частности, совпадают сведения о существовании в IX в. социальной дифференциации и о зарождении классов у жителей западных областей юго-восточной Прибалтики.

Запись Вульфстана о том, что «короли и знатные люди пьют кумыс», свидетельствует о большом развитии коневодства. А так как на этой территории и позже — в эпоху вторжения крестоносцев — коневодство было одной из основных отраслей животноводства и кумыс еще в XIII в., как утверждал Дусбург, был любимым напитком пруссов, то можно говорить об устойчивой традиции населения в отношении выращивания лошадей. Эта этническая традиция сохранялась у западнолитовского населения многие столетия, вплоть до конца XIX в., хотя по общему направлению хозяйство было не скотоводческим, а земледельческим.

В современных Вульфстану скандинавских хрониках жители Земландского полуострова названы «семби». Можно ли это название считать этнонимом народа «эстии»?

Некоторые немецкие историки прошлого столетия пытались объяснить название «семби» мифологией. У легендарного короля пруссов Видевута был-де сын Само — и вот по его имени и была названа область, которая досталась ему после раздела королем своих земель между сыновьями. Неправдоподобность такого объяснения была ясна для большинства ученых XIX в., и теория эта в начале XX в. потеряла своих защитников. Получило большее распространение иное объяснение. В основе названия «семби» лежат два корня — *сем* и *би* (*бю*). Наличие второго корня указывает на скандинавское происхождение названия, ибо *би* (*by*) обозначает «поселение». Но в скандинавских языках нет звуков *з* и *жс*, которые заменяются *с*, поэтому *сет* может обозначать *зем* и *жсем*. Такой корень (*зем*, *жсем*) привычен для славянских и балтийских (летто-литовских) языков; и в тех, и в других языках этот корень входит в слово «земля» (лит. *žeme*, лат. *zeme*, польское *ziemia*, русское — земля). Вероятно, жители области называли свою страну «земе», или «жеме», т. е. земля; скандинавы же не могли выговорить «земби», или «жемби» (область поселений), а произносили «семби» (*semby*, позже — *самби*). Отсюда пошло название жителей этой страны — «семби» или «самби».

Такое объяснение нам кажется правильным. Оно не только выясняет генезис названия, но и указывает его этнический характер: называть себя «жемами», или «земами», могли только племена летто-литовского происхождения. Отсюда можно вывести заключение, что «земы», или «жемы», принадлежали к летто-литовским племенам.

П. Шафарик и в этой части своей теории оказался прав. Он, правда, утверждал, что народ, названный Тацитом и Иорданом, был «литовским» народом, но при этом он имел в виду не современных литовцев, а тот литовский «пранарод», от которого произошли и современные литовцы, и латыши, а в прошлом происходили пруссы, куры, ятвяги-судавы, жемайты, земгалы, летгалы и другие летто-литовские племена. В соответствии с индоевропейской теорией, П. Шафарик считал славян и литовцев «одним поколением», позже разделившимся на самостоятельные ветви — славянскую и литовскую. Разделение это произошло, по Шафарiku, задолго до нашей эры и во всяком случае не на территории Прибалтики. В настоящее время все большее число советских археологов приходит к выводу, что не в первых веках нашей эры (как предполагали раньше П. Н. Третьяков и А. Д. Удальцов, исходившие при этом из марровских толкований процесса

этногенеза как перехода «автохтонного» населения отдельных областей, путем «взрыва», из одной языковой стадии в другую, из одного этнического состояния в другое), а в начале II тысячелетия до нашей эры надо искать корни литовского этногенеза¹. П. Шафарик сто лет назад как бы предвосхитил эти выводы современных нам ученых. Это не значит, однако, что проблема этногенеза летто-литовцев или балтийских народов ныне уже решена — археологам, антропологам, лингвистам и этнографам предстоит еще громадная работа по окончательному разрешению этой проблемы.

Как это ни странно, этнонимы некоторых сравнительно мелких племенных объединений балтийцев стали известны древним авторам гораздо раньше, чем этнонимы многих более крупных племен, живших на побережье Балтийского моря. У Птолемея упоминаются галинды и судины (судавы), между тем как более или менее близкое к этнониму обозначение жителей Земландского полуострова *семби* появилось только в IX в. н. э.! Объяснить это несоответствие можно только тем, что сведения о народах Прибалтики были случайными, потому что торговые сношения с ними стран Средиземноморья не были прямыми, а происходили через народы-посредники. Воинственные племена балтов успешно сопротивлялись попыткам датчан и шведов создать на юго-восточном побережье Балтийского моря торгово-разбойничьи стоянки и тем самым мешали проникновению в свою страну иноземных лазутчиков и информаторов. Вследствие этого иноземцы сталкивались с балтами только на узкой прибрежной полосе и в лучшем случае знали названия и быт тех балтийских племен, которые обитали на побережье. В результате этого вплоть до X—XI вв. н. э. летто-литовские племена были известны под различными локальными названиями, хотя они применялись нередко к населению, жившему далеко за пределами тех районов, которые имели эти обозначения. Таково было, например, название «прусы», появившееся примерно к концу I тысячелетия нашей эры.

В IX в., к которому относится сообщение Вульфстана, появляется в исторических документах имя народа, фонетически очень близкое «пруссам». В Мюнхенском кодексе «*Nomina diversarum provinciarum et urbium*» после слова «Британия» написаны «брутери» и «прецун». В Гизельбрехт (W. Gieselbrecht, 1859, стр. 16) считает, что эти слова следует читать как «брутени» и «пруцун». Это, конечно, фонетически близко, но спорно.

В X в. появляется более точное указание на географическую область, которую занимают пруссы. В описи церковных имений римско-католической церкви (Muratori. *Antiqu. Italiae*, V, стр. 831) указана земля «Pruzze» (и непосредственно вслед за ней «Ruzze») как пограничная с Польшей. Но наряду с этим названием получает распространение и другое — «Borosia». Испано-арабский путешественник X в., посетивший Прибалтику, Ибрагим-ибн-Якуб (Ibrahim ibn Jakub) пишет в своей рукописи, что на востоке с государством Мешка (польским) соседят русские, а на севере — «брус». Смешение *л* и *б* в арабской фонетике очень частое явление, поэтому можно считать, что автор говорит о пруссах. Это тем более правдоподобно, что позже арабский географ Ибн-эль-Варди называет этот же народ «бераци», а Едриси (конец XI—XII вв.) указывает в Прибалтике землю «Боросия», и с тех пор это имя (Борусия) долго сохраняется на европейских картах. В XI в. название «прусы» было известно скандинавам. В документах Тевтонского ордена жители завоеванных земель в южной Прибалтике называются «pruzzi», «prutheni», «prouszen»². В мирном договоре 1249 г.

¹ Необходимо отметить, что в настоящее время П. Н. Третьяков и А. Д. Удальцов отказались от своих прежних взглядов на процесс этногенеза славян и относят период возникновения славянства ко II тысячелетию до н. э.

² У Пирсона (W. Pierson, 1869, стр. 100—102) указаны все источники, в которых упоминаются такие названия.

завоеванная Орденом страна названа «Pruszia», а жители «Prutheni», но несколько раньше (в 1224 г.) Фридрих II и папа Гонорий упоминают наряду с Пруссией и Самбию, как часть страны.

Вначале в документах Ордена название «прусы» не применялось к жителям Земландского полуострова, которые именовались сембиями. Прусами же назывались жители западных и южных районов завоеванной страны. Кроме пруссов упоминаются галинды, шалавы и судавы, которые в конце концов стали именоваться в актах и других документах Ордена также пруссами. Таким образом, название «прусы» стало именем всего народа¹. Особняком стояли другие летто-литовские племена — куры и жемайты на севере, которые частично попали в зону оккупации Тевтонского ордена, а частично в зону оккупации Ливонского ордена.

М. К. Любавский дает общую картину расселения литовских племен. Упомянув о тацитовских «эстиях» как о племени, которое, возможно, было сродни литовцам, этот историк указывает, что среди литовских племен, обитавших в Восточной Пруссии, существовали племена галиндов и судинов (судавов), живших на побережье Балтийского моря, и что эти племена были уже известны александрийскому географу Птолемею во II в. н. э. В XI в. русские летописи говорят о литовском племени ятвягов, о них же упоминает Адам Бременский в XII в., а польская хроника Мартина Галла говорит о многих литовских племенах (М. К. Любавский, 1915, стр. 5—6).

К концу XII в. сведения о летто-литовцах становятся более многочисленными и данные об их расселении более точными. Любавский сообщает о расселении отдельных племен, как оно выявляется по источникам. Из шести литовских племен — пруссов, жемайтов, аукштотов, жемгалов, летьголов и ятвягов — к западу от Немана жили пруссы и частично жемайты и ятвяги. Прусы жили в низменной полосе между Вислой и Неманом; жемайты (или нижняя литва) — правее притоков нижнего течения р. Немана до р. Невяжис включительно; аукштоты (или верхняя литва) занимали бассейн р. Вилии и других правых притоков Немана до р. Гавьи включительно; жемгалы жили на правом берегу нижнего течения Западной Двины, летьголы обитали на правом берегу Западной Двины до р. Аа (Гауя); ятвяги расселились в Беловежской пуще и далеко к северу от нее между притоками рек Буга и Нарева с одной стороны и р. Неманом с другой.

Наиболее многочисленны сведения о литовцах и районах их расселения с начала XIII в., когда немецкие хронисты и летописцы, а также русские летописцы (Ипатьевская летопись) заносят в свои хроники и летописи данные о битвах и столкновениях с различными литовскими племенами. В Ливонской хронике Генриха Латвийского (до 1227 г.), в Лифляндской

¹ О происхождении названия «прусы» написано очень много, но большинство объяснений представляет собою только догадки. Упомянем о двух объяснениях, кажущихся нам более значительными. Первое из них выводит название «прусы» от литовского корня «рус», обозначающего впадину, промоину, русло реки. Правый рукав Немана, как известно, называется Русс, а залив, в который он впадает (ныне Курский залив), раньше назывался Руссна — таким он фигурирует еще на карте Геннеберга в XVI в. Согласно этому объяснению, пруссы жили раньше в нижнем течении Немана, по Руссу и вдоль Руссны, и потому стали называться «по-руссы» (т. е. пруссы). К такому выводу приходит, например, Г. Нарбут, посетивший в 1804 г. место впадения Русса в залив (см. Г. Нарбут, 1822, стр. 221—226; З. Ляцкий, 1893, стр. 350).

Второе объяснение исходит из того, что название народа «прусы» произошло из насмешливой клички, которую этому народу дали соседи (поляки). Боевым оружием «эстиев», по Тациту, были дубины, употреблявшиеся не только для удара, но и для бросания. Такие дубины по-польски называются «prósa» (пруца), откуда-де и пошло название «пруци», позже — «проуди», для обозначения народа, вооруженного дубинами. Теорию эту выдвинул Т. Блелль (Т. Blell, 1885, стр. 20; см. также Beckhegn, 1896, стр. 367). При всем остроумии этой теории, она вряд ли может быть принята в качестве доказательной.

рифмованной хронике (1227—1290), в хронике Петра Дусбурга (конец XIII — первая четверть XIV в.), в Ипатьевской летописи и в других источниках того времени¹ разбросаны указания о литовцах и занимаемых ими территориях, причем литовские племенные группы называются или по их этнонимам (прусы, галинды, ятвяги — судава, лиетува — литва, жемайты), или по областям.

По орденским актам, в юго-восточной Прибалтике в XIII—XIV вв. имелись следующие области: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Самбия, Надровия, Шалавия, Карссовия, Судавия, Галиндия и Барта (см. карту — рис. 29). В прилегающих с юга областях Кульмской и Любавин, населенных славянами, пруссы являлись завоевателями и, видимо, составляли очень незначительную часть населения; несколько больше их было в Помезании и Погезании, но и там большинство населения принадлежало к славянам. Области Вармия, Натангия, Самбия, Надровия, Шалавия, Карссовия, Судавия, Галиндия и Барта были заселены пруссо-литовцами.

Областное деление, более привычное для немецких оккупантов, не соответствовало племенным делениям местного населения, — об этом говорят и исторические источники, и это видно из самого названия областей, так как только Самбия, Галиндия и Судавия совпадают с этнонимами племен (Самбия — земы, жемы; Галиндия — галинды, голядь; Судавия — судава). Остальные названия областей происходят из прусско-литовских обозначений характера местностей, их флоры и фауны. Областное название «Шалавия» (или Скалвия) могло произойти от слова «шалвас» (сиг) или «шалвис» (форель); «Карссовия» (Каршовия) — от «каршис» (лещ). Обе области расположены в местностях, изрезанных многочисленными реками, богатыми рыбой. Название области «Надровия» можно вывести из слова «дравис» (борть), «Натангия» — из «танкус» (густой, дремучий — дебри); название «Вармия» (позже — Вермеланд, Эрмланд) произошло, повидимому, из «вармун» (красный), «Бартия» (Барта) — из «бартис» (борть, лесная пасака). Область «Помезания» получила свое имя от покрывавших ее лесов (пруск. «по медиан», лит. «по межа» — полесье; латышск. «памежс» — подлесок), «Погезания» же — от холмов (по-польски эта область называлась «Погурзона», или «Погузона», т. е. всхолмленная), или от кустарника (по-пруски «ро gudian» — земля, заросшая кустарником)².

Возможно, что прусско-литовское население в XIII—XIV вв. применяло эти областные названия, определяя место своего обитания. Однако нет никаких оснований утверждать, будто наличие областных названий свидетельствует об этнических подразделениях пруссо-литовцев на «шалавов», «карсовов», «надравов» и пр.

¹ Перечень этих источников дан В. Перцевым (1944).

² Этимология некоторых из этих названий иначе толкуется Казимиром Буга (К. Buga, 1925, стр. LVII—LXX, 78). Так, название области Натангия этот лингвист производит от слова «notungaris», взятого из судавского диалекта старолитовского языка; слово это обозначало «неотесанный, неповоротливый человек». Объяснение К. Буга не кажется нам убедительным, потому что оно не разъясняет происхождения слова. Судава не были соседями жителей Натангии, и потому более чем странно искать объяснение этимологии этого слова в их языке. Если же судава считали жителей Натангии грубыми и неотесанными людьми, то они могли и не придумывать для них особых кличек, а использовать самое название области и живущих в ней людей в оскорбительном смысле. Наконец, ни Буга, ни присоединившийся к нему Г. Герулис не привели никаких доказательств, что кличка «notungaris» применялась судавами именно к жителям Натангии.

Название Шалавия не объяснено К. Бугой; он приводит другие транскрипции этого названия — Скалвия, Скаловия, Скалево, Шалова, Шалвера, Шалвенланд, но этимологически их не расшифровывает. Одно из названий — Сколва, Скалва (датируемое 1387 г.) похоже на скандинавское.

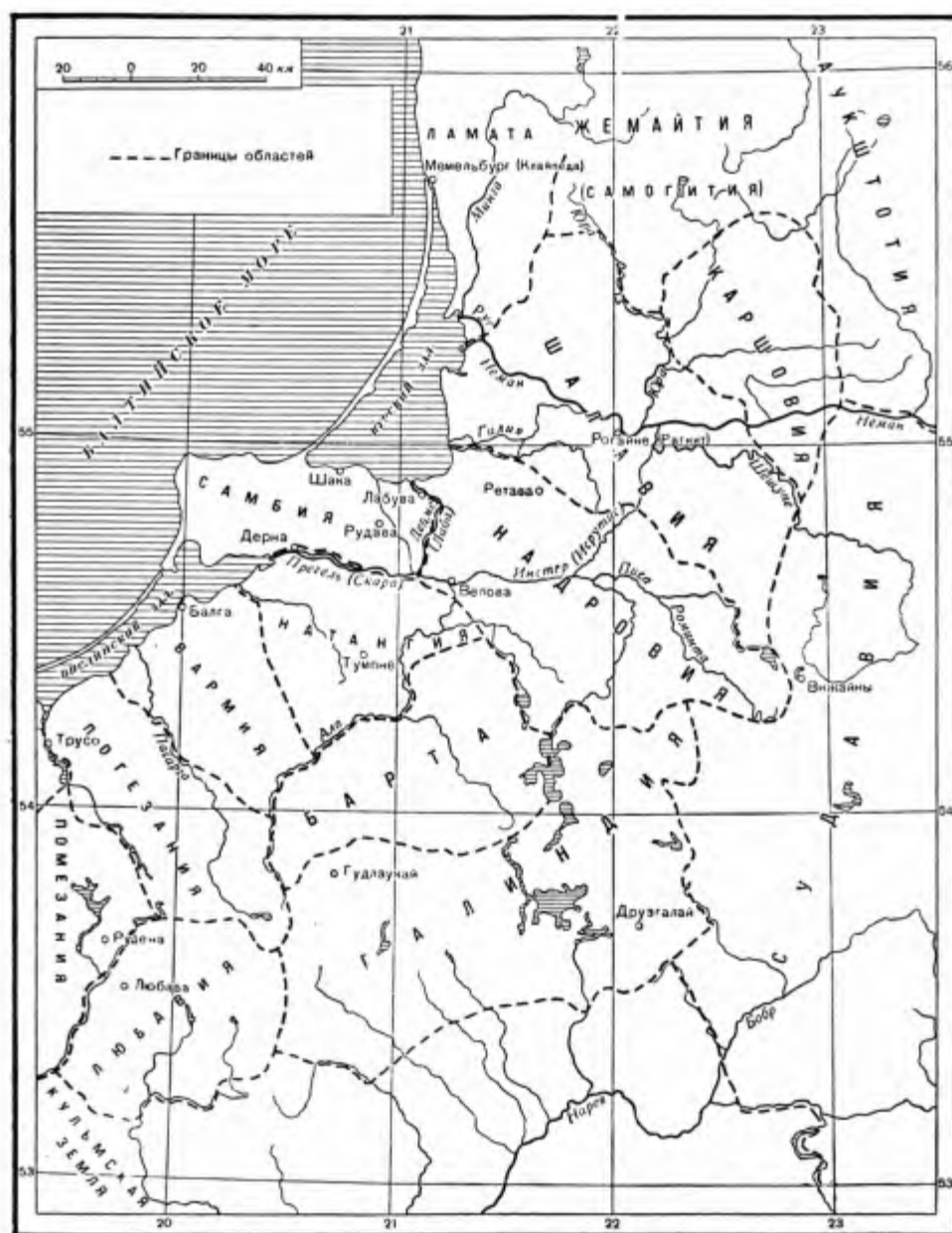

Рис. 29. Пруско-литовские области в юго-восточной Прибалтике в XIII—XIV вв. (по Теппену)

Собрав воедино имеющиеся сведения по археологии и истории, мы получаем схематическую картину этнического развития народов, обитавших в древности на территории юго-восточной Прибалтики.

Древнейшее население этой территории ведет свое начало от тех племен собирателей, первобытных охотников и рыболовов, которые поселились там в эпоху позднего палеолита или в эпоху мезолита. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. (или в первые столетия II тысячелетия) ямочно-гребенчатая керамика в юго-восточной Прибалтике вытесняется керамикой шнуровой. Этот период совпадает с распространением одомашненных животных, появлением прирученной лошади, постепенным вытеснением неолитических орудий бронзовыми, распространением курганного типа погребений. Так как во второй половине III тысячелетия до н. э. распространение такого же типа материальной культуры происходило в археологических областях, находящихся к юго-востоку и востоку от Прибалтики, а исходное основание этой придвигающейся к берегам Балтийского моря культуры находилось где-то в северном или северо-западном Причерноморье, то можно предположить, что в III тысячелетии происходило большое передвижение каких-то племен, заполнивших прибалтийские территории только в начале II тысячелетия. Новое население, при передвижении оседавшее в бассейнах рек Днестра, Буга, правых притоков Днепра, Немана и Вислы, состояло, вероятно, из племен, родственных по происхождению и языку; возможно, это был тот не разделенный еще славяно-балтийский язык, на котором, по предположению сравнительных языковедов-славистов, говорили общие предки славян и литовцев.

Оседая в бассейнах крупных рек, отделенных девственными лесами, болотами и даже горами, родственные племена теряли связь друг с другом, и летто-литовцы все более обособлялись от славян в языковом и культурном отношении. Одновременно происходило образование локальных отличий в языке и культуре среди тех племенных групп, которые расселились на территории юго-восточной Прибалтики. Но еще до начала этого процесса новое население, которое можно с момента его расселения по Прибалтике называть «балтийским», или «балтами», ассимилировало аборигенов и распространило среди них свой язык. Этот язык стал богаче по своему словарному составу, восприняв много слов из языка аборигенов, но сохранил основной словарный фонд и первоначальные основы грамматического строя. Дальнейшее развитие балтийских языков, как языков отдельных балтийских племен, связанных общностью происхождения, проходило «...не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»¹.

На грани новой эры, в связи с распространением железа, развитием земледелия и скотоводства, население группируется в большие племенные формирования (племенные союзы), и, повидимому в связи с этим, при археологических раскопках обнаруживается довольно явственное выделение на территории юго-восточной Прибалтики четырех областей, имеющих признаки единства материальной культуры внутри каждой области и локальных различий между самими областями. Вероятно, в этот период создаются племенные союзы, известные под именем галиндов, судавов, эстиев (земы, или жемы), куров (корсь) и других, этнонимы которых только час-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 27.

тично расшифрованы до настоящего времени. Близость материальной культуры всех четырех областей заставляет предполагать, что племенные языки балтов оставались близкими, взаимопонимаемыми.

Начиная с VI в. н. э. часть населения юго-восточной Прибалтики, жившего на побережье Курского залива и к северу от него, начинает продвигаться дальше, к устью р. Венты, осваивая новые пространства, годные для пашенного земледелия (Х. А. Моора, 1950, стр. 34). Это были куры, или корсь, русских летописей. На освобождающиеся территории у балтийского побережья придвигаются соседние балтийские племена жемайтов, занимавшие нижнее течение р. Немана (отсюда их название: «жемас» по-литовски — низкий, т. е. жители низовьев). В районах, занятых жемайтами, дольше сохраняются старые формы материальной культуры и старые обычаи, чем в других областях расселения балтов.

Как уже было указано выше, между археологическими областями существовали в первых веках нашей эры некоторые локальные отличия в отношении материальной культуры. Ко времени вторжения крестоносцев эти отличия в значительной степени стерлись. Во всех крупных племенных союзах родовой строй находился в периоде распада, формировалось классовое общество и даже делались попытки создать государственную власть. Постоянные союзы племен превращались в «княжества», большие коалиции — в «великие княжества». Зарождались народности — но оформиться к XIII в. они не успели. Подобно тому как северобалтийские племена куров, земгалов, селов и латгалов не успели к приходу немецких завоевателей сплотиться в единую латышскую народность (образовавшаяся позже латышская народность включила в себя и значительную часть иноязычного племени ливов), так и более южные балтийские племена — жемайтов, лиетува, ятвягов-судавов, галиндов и пруссов — не образовали к этому времени единой народности; но этот процесс подготовлялся всем ходом исторического развития, и только вторжение немецких рыцарских банд помешало ему завершиться в XIII в. Что формирование народностей в юго-восточной Прибалтике было исторически уже подготовлено, показывает образование за пределами территории, оккупированной немцами, великого княжества Литовского, в котором литовская народность была представлена уже не обособленными племенами, а народом, сознающим свою этническую общность.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Археологическое изучение юго-восточной Прибалтики и изучение памятников письменности приподнимают завесу над материальной культурой и отчасти бытом и верованиями коренного населения в эпоху, предшествовавшую появлению немцев. Но остается еще много неясных вопросов. Так, например, по ископаемым остаткам, находимым на территории Прибалтики, нельзя установить с точностью, были ли здесь когда-либо готы и в каких районах они обитали. Находимые в отдельных районах фибулы и другие предметы, имеющие печать готского происхождения (или готского влияния?), не являются, конечно, доказательством того, что там жили готы, ибо предметы эти могли быть получены в результате обменных операций — тем более в таких районах, как Земландский полуостров, изобиловавший янтарем и получавший в обмен за него изделия далеких стран. Правда, в большинстве случаев датировка этих «готских» находок исключает возможность присутствия в то время готов на данной территории. Тем не менее, при помощи одной археологии «готский» вопрос решить нельзя. Нельзя также на основании ископаемых остатков решить вопрос о том, были ли пруссы литовцами или составляли родственное, но все же самостоятельное этническое образование. Наконец, археологические источники не могут дать точных указаний об этнических территориях и этнических границах в далеком прошлом.

На помощь археологии приходит в данном случае топонимика.

Народы, длительно населяющие те или другие территории, оставляют следы пребывания, сохраняющиеся в течение веков и тысячелетий не только в виде ископаемых остатков, но и в языке поселенцев, сменяющих прежних обитателей этой местности. Дольше всего сохраняются в языках сменяющих друг друга народов (если такая смена происходит) старые географические названия, передаваясь от поколения к поколению. Сильнее подвержены изменениям названия населенных пунктов, но и они сохраняют в большей или меньшей степени древние формы. Раскрытие смыслового значения этих названий возможно только при помощи языка коренного населения, которое присвоило названия отличительным пунктам местности или пунктам своего обитания. Топонимика — ключ к решению многих вопросов, связанных с современным этническим составом или этническим происхождением коренного населения.

Изучение топонимики юго-восточной Прибалтики поэтому совершенно необходимо для установления ее этнического состава в прошлом.

Родоначальником восточнопрусской топонимики можно считать Несельмана. Этот выдающийся филолог прошлого столетия посвятил всю

свою жизнь изучению древнего прусского и литовского языков, в особенности первого. Он собрал и опубликовал основные языковые источники прусского языка («Die Sprache der alten Preussen») — старые вокабуляры, катехизисы, рукописную хронику Симона Грунау; он снабдил комментариями старые литовско-прусские песни («Litauische Volkslieder»); он, наконец, издал толковый словарь прусского языка («Thesaurus linguae prussicae»), над которым работал несколько десятков лет. В этом словаре Нессельман собрал прусские слова и прусские названия географических и населенных пунктов, указал район их распространения, привел провинциализмы, сохранившиеся в немецком языке в качестве пережитков прусских слов, дал разъяснения в отношении смысла приведенных слов и сравнил их с аналогичными словами в лето-литовских и славянских языках. «Толковый словарь прусского языка» Нессельмана необходим для каждого исследователя, занимающегося восточнопрусской топонимикой или прусско-литовской филологией. Филологические исследования Нессельмана обнаружили не только родственную близость прусского, литовского и латышского языков, но также исключительную близость прусского языка языкам славянским. Некоторые формы прусского языка ближе к славянским языкам, чем современные формы языка литовского. На основании анализа большого количества древних названий географических и населенных пунктов юго-восточной Прибалтики Нессельман пришел к выводу, что по топонимике можно установить этнический состав древнего населения области.

Необычайно характерным для определения этнического расселения населения является распространение двух слов-синонимов: «wangus» и «damergau». Wangus, по Нессельману, древнее прусское слово, обозначающее «дубняк», т. е. место, заросшее мелким низкорослым дубняком-кустарником (или, по другому определению, поле, наполовину освобожденное от леса). Слово это, превратившееся в провинциализм, употреблялось немецким населением центральной и западной частей Восточной Пруссии. Южной территорией распространения этого слова были округа Хейлигенбейль, Фридланд, Прейсш-Эйлау, Растенбург, Рассель, Инстербург и Гольдап. Южнее этих округов слово «wangus» заменялось словом «damergau», которое, согласно Эльбингскому вокабулярию (588), был его синонимом. Происхождение слова «damergau» ясно: это испорченное западославянское слово «dombrowa». Распространение его в южно-прусских провинциях указывало на западославянский этнический характер этих провинций в эпоху Эльбингского вокабулярия (родиной которого, как известно, был Мариенбург — древнеславянская земля). Названия же, включающие слово «wangus», были распространены в округах Велау, Лабиау, Кенигсберг, Фишхаузен, Хейлигенбейль, Фридланд, Прейсш-Эйлау, Растенбург, Рассель, Инстербург и Гольдап в разных вариациях: Wange, Wangen, Wangaiten, Wangeniken, Wangitt, Wangoy, Wangotten, Wanghusen, Perwangen, Kinwangen, Porwangen, Rudwangen, Wangnieskeim, Wangare (небольшая речка у Гердауена) (G. H. F. Nesselman, 1873, стр. 26—27, 199).

Нессельман не довел своего интересного исследования до конца, а между тем оно дает возможность определить по топонимике этническую границу между пруссами и западными славянами в XIV—XV вв., ибо из анализа распространения слов «wangus» и «damergau» видно, что коренное население Восточной Пруссии в округах Велау, Лабиау, Кенигсберг, Фишгаузен, Хейлигенбейль, Фридланд, Прейсш-Эйлау, Растенбург, Рассель, Инстербург и Гольдап было в то время прусским, а в более южных округах — Эрмланд, Погезания, Помезания, вплоть до Вислы, и в округе Ортельсбург — славяно-польским.

Филологические исследования Нессельмана вызвали резкую критику со стороны немецких ученых-националистов, в особенности Бонка. В отличие от Нессельмана, обращавшего внимание главным образом на филологический анализ слов, Бонк уделял наибольшее внимание географическому распространению тех или других названий, сближая фонетически иногда весьма далекие слова, взятые из разных языков, и делая при этом выводы о происхождении названий, исходя из предвзятой «готской» теории.

Выводы Нессельмана в отношении слова «*wangus*» Бонк пытался опровергнуть при помощи излюбленного им метода географического распространения. Найдя схожие названия в Австрии (Зальцбурге), Баварии, Тироле, Саксонии (Wanghausen, Wanger, Weng, Wengg, Wengenhause, Wengi, Wengen, Wenger и пр.), Бонк пришел к заключению, что распространение этого слова в «чисто немецких» областях указывает якобы на его немецкое происхождение. В таком утверждении Бонка была неточность: он оперировал не всегда тем же самым словом, а лишь фонетически близким к нему. Но дело было даже не в этом: если «*wangus*» — слово «чисто немецкое», то каким образом оно получило распространение у пруссов до прихода немцев в прусскую землю? Эту несообразность не могло объяснить никакое «географическое распространение». Тогда Бонк объявил «*wangus*» «готским» словом «*wang*». Он не мог, правда, привести ни одного примера этого слова из готского языка и даже определить его точный смысл, но «предположил», что оно обозначает «пустошь». Прусы-де, у которых много земли было необработанной, заимствовали название пустоши у готов, немного изменив окончание. Позже готы ушли, пруссы сами исчезли, и слово «*wang*» было забыто. Когда после Тридцатилетней войны немцы получили возможность заняться расчисткой запущенных земель, заросших в Восточной Пруссии сорняком и лесом, они не могли «вспомнить» старонемецкое (готское) слово для обозначения пустоши и назвали подобные места «*damegaui*», которое обозначает якобы «пустошь». (Н. Bonk, 1893, стр. 635—638). Это фантастическое объяснение имело успех у тех немецких ученых, которые во что бы то ни стало хотели видеть готов предшественниками пруссо-литовцев в этой провинции. Между тем «объяснения» Бонка ничего не объясняли: название «*damegaui*» встречалось лишь в определенных районах, к северу от которых оно исчезало, уступая свое место слову «*wangus*». Почему же немцы «забыли» слово «*wangus*» только в южных районах Восточной Пруссии? Здесь у Бонка не сошлись концы с концами. В действительности, распространение названия «*damegaui*» связано с польской колонизацией, распространением в этих районах уже до прихода немцев польского населения. Таковы были те методы исследования, которые применялись защитниками «готской» теории.

Действительное значение критических этюдов Бонка стало яснее для многих после публикаций Литовского литературного общества в Тильзите. Это общество, сгруппировавшее вокруг себя виднейших ученых конца XIX в., работавших в области изучения материальной культуры, быта, верований и народного творчества литовцев, дало возможность развиваться археологии и топонимике в меньшей зависимости от националистически настроенных немецких ученых кругов Кенигсберга и начать систематическое и углубленное изучение археологических и языковых прусско-литовских памятников. А. Беценбергер, который был одним из основателей Литовского литературного общества, внес струю объективизма в изучение прусско-литовской топонимики, опубликовав данные о распространении литовских названий населенных пунктов в Восточной Пруссии (А. Bezenberger, 1882). Под влиянием А. Беценбергера сначала находились некоторые молодые ученые, позже отрешившиеся от своего учителя. Среди них выделялись два филолога — Р. Траутман и Г. Геруллис.

Траутман (R. Trautman, 1910) написал большое исследование о старопруссских языковых памятниках. В этом исследовании представляет несомненный научный интерес анализ прусских диалектов и говоров; но Траутман, повидимому, имел какую-то предвзятую цель политического характера, когда усиленно подчеркивал не черты сходства прусского языка с литовским языком, а черты различия. Однако и этот немецкий филолог-националист не мог отрицать близости прусского языка к литовскому.

Георгий Геруллис (писавший и по-литовски под именем Юргиса Геруллеса) занимался исторической топонимикой Восточной Пруссии и опубликовал работу (G. Gerullis, 1922), явившуюся результатом архивных исследований. В актах Тевтонского ордена он нашел указания на время появления в писанных источниках тех или иных названий населенных пунктов в завоеванных немецкими рыцарями прусских территориях, а также последовательное изменение первоначальных названий. Датировка местной топонимики создавала научную базу для исследований в области этнической истории края, и потому публикации Геруллеса, независимо от его личных намерений (которые, как выяснилось позже, расходились с научной добросовестностью), сыграли большую роль в деле антинаучных построений Бонка и других немецких националистов. Однако сам Геруллис менее всего рассчитывал на такой оборот дела, и, обнаружив неожиданно для себя подводные камни архивных источников, решил «обезвредить» свои собственные работы, выпустив вскоре два новых исследования о языке шалавов и судавов. В этих «штудиях» немецко-литовский перевертень объявил о том, что язык жителей нижнего течения р. Немана и района Тильзита (эта местность называлась немцами Шалавией), а также язык судавов-ятвягов коренным образом отличаются от языка литовцев, и потому между литовцами и «шалавами», а также судавами нет этногенетической связи. «Шалавы» и судавы, по Геруллису, были пруссами, а не литовцами. Так как пруссы как народ исчезли, вопрос об исторической преемственности снимался с обсуждения, и тем самым немцы из захватчиков превращались в «новое население» древнепрусских областей. К этому и сводились псевдонаучные выводы литовского ренегата. В связи с антилитовской кампанией немецких националистов новые работы Г. Геруллеса пришлось как раз кстати для сторонников так называемой кенигсбергской школы (супруги Мортензен и др.), но они не прибавили научных лавров самому автору. К этому вопросу, однако, придется вернуться позже.

Материалы по исторической топонимике Восточной Пруссии, как те, которые были приведены в «Толковом словаре» Нессельмана, так и те, которые были опубликованы Г. Геруллисом, получают особое значение при сличении их с топонимическим материалом германской крупномасштабной карты Восточной Пруссии конца XIX — начала XX в. Оказывается, что громадное большинство старых названий населенных пунктов, относящихся к XII—XIII вв., сохранялось в Восточной Пруссии вплоть до начала XX в. Это дает возможность на базе топонимики разрешить основной вопрос, остававшийся неясным при археологическом исследовании: каков был этнический состав населения юго-восточной Прибалтики в период нападения на эту территорию Тевтонского ордена.

Анализ (языковый) местной топонимики, отображенной на германской карте начала XX в., показывает, что смысловое содержание большинства названий населенных пунктов, находившихся на территории восточнее р. Пасарги, может быть понято только в свете древних балтийских языков — прусского, жемайтского, курского и литовского. Наряду с этими названиями имеются немецкие и польские названия, но время их происхождения устанавливается как более близкое к нашей эпохе. И поэтому задачей исследователя становится выяснение главным образом дат

появления тех или других названий населенных пунктов (и географических названий) на территории юго-восточной Прибалтики.

Смысловое содержание древних названий очень разнообразно: наиболее употребительны названия населенных пунктов, содержащие топографические обозначения, названия растений, животных, предметов религиозного культа, цветов и т. д. В более близких к нашей эпохе названиях населенных пунктов можно установить насмешливые клички, характеристику профессиональных качеств, социальные оценки и даже довольно неприличные ругательства, которые неудобно перевести на русский язык. Как правило, такой характер названий получает наибольшее распространение только с XVII—XVIII вв.

В виде примера можно привести следующие названия населенных пунктов:

Neštonkehmen — kemas (пр.) «деревня»
Willkaym — kaimas (лит.) «деревня»
Bersioweytigen, Budveten — vieta (лит.) «место»
Nauseden — nausedai (лит.) «выселки»
Kaucaliskis — liskis (пр.) «стан, лагерь» (ср. Войцулишки, Григалишки и пр. в Литве)
Nodemste, Nodimpcz, Dymsteines — nodimste (пр.) dimstes (лит.) «двор»
Buttkuhnen — buta (лит.) «изба»
Pillekaym, Pillkalnen — pilis (лит.) «городище»
Bartentroben — troba (лит.) «строение»
Ruppe, Ruipine — ruppe (пр.) «мельница»
Jawiona, Jawgen — jauja (лит.) «льнотрепальня»
Kutkehemen — kute (лит.) «хлев»
Rowithen, Robitten — rawys (пр.) «могила»
Auctacape — kapas (пр.) «могильный холм, курган»
Preytilve — tiltas (лит.) «мост»
Daubin, Douwin, Doben — dauba (лит.) «овраг», duobe (лит.) «яма»
Garbenyken, Pogarben, Lappegarben — garbis (пр.) «гора»
Gertepiaune — pjaunis (лит.) «луг»
Silleniken, Schilleningken — sylo (пр.), šilas (лит.) «бор»
Karckeln — karkle (лит.) «заливной луг»
Pelkis, Pelkiten, Polkitten — pelky (пр.) «овраг»
Palwythen, Pollwitten — palwe (пр.) «пустырь»
Berglaukis — laukas (лит.) «поле»
Laucyn — lauks (пр.) «поле»
Wangen, Powangen — wangus (пр.) «дубяк», или «поле, наполовину расчищенное от леса», wange (лит.) «поле»
Daubkalnen — dauba (лит.) «долина», kalnas (лит.) «гора»
Panyen — pannean (пр.) «болото, заросшее мхом»
Pokerbin, Pokarben — kirba (лит.) «топкое место»
Balyngen, Baljeten — bala (лит.) «болото»
Lankeniken, Lenkenyten, Linkininken — lenke (лит.) «долина»
Pewstern — paustre (пр.) «пустошь»
Raistopelk — raistas (лит.), pelkis (пр.) «болото»
Plein — pleine (лит.) «безлесная возвышенность»
Kranz — cranta (пр.) «обрыв»
Juodkrantos — krantas (лит.) «обрыв»
Kirsappen — kirs (пр.) «река»
оз. Ringazer — ringa (пр.) «река»
Upidamischken — upe (лит.) «река»
Ilischken — ilinkis (лит.) «излучина реки»
Lobkoe — lobas (лит.) «русло реки»
р. Seyte, seituve — sietuve (лит.) «тихая заводь»
Sogobrost, Sogbrost, Sobrost — žiogis (лит.) «ручей на лугу», brasts (лит.) «брод»
Issdagen — issdegge (лит.) «выжженный здесь»
Ayers, Ager — ajeras (лит.) «осока»
Berselaukin — berse (пр.) «береза»
Berseninken — beržas (лит.) «береза»
Kirno — kirno (пр.) «куст»
Krumeyn — krumas (лит.) «куст»
Medinen — median (пр.) «лес»

Peusebaltan — peuse (пр.) «сосна»
 Lendrin — lendre (лит.) «тростник»
 Durbin — durbis (лит.) «сгнивший ствол»
 Absmedien — abse (пр.) «осина», aruže (лит.) «тополь»
 Craiselauken — crays (пр.) «сено»
 Laxdenen, Lazdenen — laxde (пр.) «орешник», lazda (лит.) «орешник»
 Marsgude — gudde (пр.) «кустарник»
 Pupayn, Pupönen — pupa (лит.) «боб»
 Szalgirren — žalgiris (лит.) «краснолесье»
 Abelischken — obelis (лит.) «яблоня»
 Abellinen — obelline (лит.) «место, засаженное яблонями»
 Woblikaym — woble (пр.) «яблоко»
 Klejwe — klevas (лит.) «клен»
 Lipinen — lipine (лит.) «липовая местность»
 Puringe — pure (пр.) «куколь, плевел»
 Spurgenen — spurgas (лит.) «почка, бутон»
 Stabingen, Gildestabe — stabis (пр.) «камень»
 Sixdelanken — sixdo (пр.) «песок»
 Sixdro — žigždras (лит.) «гравий»
 Muldszen — molžemis (лит.) «глинозем»
 Layden — laydis (пр.) «глина»
 Laysen — layso (пр.) «глинозем»
 Szorkeningken — žirgininkas (лит.) «конюх»
 Dubbeningen — dubininkas (лит.) «владелец надела, хуторянин»
 Vutraynen, Wutriennen — wutris (пр.) «кузнец»
 Warikallen — varkalys (лит.) «медник»
 Waigispelkis — wakis (лит.) «вор»
 Susken — suskis (лит.) «паршивец, нищий»
 Zergitten — sirgite, sirgis (пр.) «жеребец»
 Reginge — ragingis (пр.) «олень»
 Gerten, Gertlauken — gerto (пр.) «курица»
 Iwogarge — ývas (лит.) «филин»
 Singoren — singuris (пр.) «щегленок»
 Lenschken — lone (лит.) «лань»
 Kovarren — kovarnis (лит.) «грач»
 Werschen — veršis (лит.) «теленос»
 Oschkin — Ožkiena (лит.) «козлятина»
 Lapischken — lapiskas (лит.) «лисий»
 Sparwynen — sparvā (лит.) «овод»
 Tauro, Taurosichken — tauris (пр.), tauras (лит.) «тур»
 Slankelauks — slanke (пр.), slankė (лит.) «кулик»
 Wilkeynen — wilkis (пр.), vilkas (лит.) «волк»
 Alne — alnis (лит.) «олень»
 Bitpelkis — bitte (пр.) «пчела»
 Bluskaym, Bluskaymen — blusa (лит.) «блоха»
 Broiden — braydis (пр.) «лось»
 Curwin, Corwen, Curben — curwis (пр.) «бык»
 Jautelischken — jautis (лит.) «бык»
 Clynteyne — clynth (пр.) «корова»
 Keutherinin — keutaris (лит.) «вьющийся голубь»
 Kreukelinen, Kruklinnen — kriaklys (лит.) «ворон»
 Warnen — varna (лит.) «ворона»
 Kampstigallen — camstian (пр.) «овца»
 Aveninken — avinas (лит.) «баран»
 Skeurekaym, Schauwerkaym — skewre (пр.) «кабан»
 Nomaiten — nomaitis (пр.) «зарезанная свинья»
 Sasinlauken, Saslauken — sasins (пр.) «заяц»
 Uderwangen, Uderballen — udro (пр.), udra (лит.) «выдра»
 Gulbig — gulbis (пр.), gulbe (лит.) «лебедь»
 Worlyne, Varlyne — varlé (лит.) «лягушка»
 Wosispile — wosee (пр.), ožys (лит.) «коза»
 Zanseynen — sansy (пр.), žasis (лит.) «гусь»
 Tlokunpelk — clokis (древнее tlokis — пр.), lokys (лит.) «медведь»
 Reude, Rudlauken — rudas (лит.) «красноватый»
 Wargyn, Vargutschen — wargs (пр.), vargus (лит.) «чужой»
 Druthaym — drutas (лит.) «крепкий»
 Reteynen — retas (лит.) «редкий»
 Sendvaris — sėnas (лит.) «старый»
 Ilgenpelke — ilga (пр.), ilgus (лит.) «длинный»

Kirschnakaym, Kirsin — kirsnan (пр.) «черный»
 Labalauks — labs (пр.) «хороший»
 Bayselauken — baisus (лит.) «отвратительный»
 Auktokalne, Augschtokalnen — auktas (пр.), aukštas (лит.) «верхний»
 Aisus — aisus (лит.) «горький»
 Drukten, Drugthenen drukta (пр.), druktas (лит.) «твердый»
 Gailgarben — gaylis (пр.), gail (лит.) «белый»
 Gilge — gillin (пр.), gilius (лит.) «глубокий»
 Juodkrante — juodas (лит.) «черный»
 Nauneseden — nauns (пр.), naujis (лит.) «новый»
 Peusten — pausto (пр.) «дикий»
 p. Trumpa, Trumpe — trumpos (лит.) «короткий»
 Glandewingen — glandewingei (пр.) «отрадный»
 Akmenischken — akmuo (пр.) «камень», akmeniškias (лит.) «каменный»
 Rainlacken — rainas (лит.) «пестрый»
 Szargillen — žaur (лит.) «жестокий», gilis (лит.) «жало»
 Daubischken — daubiškis (лит.) «долинный»
 Eszergallen — ežergalas (лит.) «живущий на краю»
 Medunischken — meduniškis (лит.) «медовый»
 Juknaitschen — juknaisioti (лит.) «рыть рылом»
 Pustlanken — pustas (лит.) «гнилой»
 Laukischken — laukiškias (лит.) «полевой»
 Brandlaken — brandas (лит.) «зрелый»

Однако смысл названий может быть установлен лишь в том случае, если форма названия не слишком искажена. После вторжения немецких рыцарей и крестоносцев в прусскую землю администрация попала в руки немцев, которые в своих актах, описях, распоряжениях, маршрутах и пр. отмечали имевшиеся в стране населенные пункты и упоминали различные географические названия. Старые прусские названия сохранились в более или менее чистом виде лишь в исторических документах; что же касается современных названий населенных пунктов и географических имен, то они в большей своей части представляют искаженные формы, подвергшиеся германизации.

Географические названия менее искажались, по сравнению с первоначальной формой их, чем названия населенных пунктов. Это объясняется тем, что завоеватели при передвижении по стране пользовались проводниками из коренного населения и от них воспринимали местные названия рек, долин, бродов, гор, озер и т. п.

Изменение старых географических названий произошло значительно позже, когда страна была полностью завоевана и значительное число немецких колонистов осело в тех или других районах. Но местные географические названия и при первоначальной записи подверглись все же некоторой трансформации — большей частью сокращению или изменению окончаний. Например:

Первоначальное название Последующее изменение

озеро	Greywa	Greywe
ручей	Kelincz ¹	Kelints
озеро	Kloytus	Kloytus
ручей	Krixtieno	Krixyen
река	Nomaitis	Nomait
курган	Auctukapas	Auctukape
озеро	Dalvunge-assaran	Dalvunge-asere
гора	Lagegarbis	Laggarbe
озеро	Kurmežeris	Kurmescher
ручей	Lumpe	Lomp
ручей	Piktupe	Piktupp
река	Maurupe	Mauruppe

¹ Немецкая транскрипция сз соответствует русскому ч.

Сохранялись также в течение длительного времени местные названия полей, лугов, пойм, болот. Завоеватели не имели непосредственного соприкосновения с этими земельными площадями, находившимися или в руках феодальных владельцев, или в распоряжении крестьян. Поэтому вплоть до XIX в. удержались такие названия полей и болот, как:

луг	Dalgantis	Dalgandt
болото	Gosepelkis	Gosepelk
лес	Tauro	Tauro
луг	Limaio	Lima и др.

Совершенно иное положение создалось с названиями населенных пунктов. Немецкая администрация постоянно употребляла эти названия в официальных документах; транскрипция зависела не столько от того, как эти названия звучали в устах местного населения, сколько от того, как воспринимались они на слух записывавшими их немцами. При этом сказывалось различие в немецких говорах самих записывающих — одни и те же названия совершенно иначе фиксировались чиновниками, говорившими на нижненемецком или на верхненемецком наречии. Независимо от диалектологических различий немецкого языка, все прусско-литовские названия постепенно искажались, германизировались.

Приводим примеры таких искажений:

Первоначальное название Последующая трансформация
(как оно было записано немцами)

Assaunen	Assun, Assuwnien
Aselauken	Aschlacken
Ayers	Ager
Aylowythe	Aysselwitten
Babint, Babant	Bawand
Baldainiai	Baldayn, Baldon
Barutis	Barutin
Bliwoth	Blewothyn
Bluskaym	Bloskaymen
Biegiethen	Bigitten
Bartene	Bartheynen, Barten
Bayone	Boyans
Bayde	Boyden
Braudis	Broiden
Kaniunai	Cantin
Katyciai	Cattiten
Curwin	Corwen
Creyslauke	Craiselacken
Klausuciai	Clausitten
Curwin	Curben
Desyten	Dositten
Drinke	Drenken
Drutkaym	Druthheim
Daubin	Douwin
Druthelauken	Trutelauken
Durbeniken	Thormenicke
Dywonelauken	Dywolauken
Egritth	Ekeritthen
Galynde	Golentz
Gulbitten	Golbitten
Geydowe	Gedau
Gailgarben	Geylegarben
Groybliiten	Graubitten
Gandien	Gallingen

Gudeniten
 Glawbothen
 Geldupe
 Jawiona
 Issdeggen
 Kamstigalbe
 Karaljone
 Keythene
 Keutherinen
 Kreukelin
 Karwinden
 Kratelauken
 Karkaynis
 Kesleniken
 Kanpayn
 Lunen
 Leigiten
 Laysen
 Laydenigk
 Labalaucs
 Lappegarbe
 Lyndelauken
 Lindenow
 Median
 Maruniai
 Mulauken
 Nodimste
 Naydelauke
 Pelkis
 Perwangen
 Pemnick
 Palwythen
 Pendelythen
 Penken
 Pissakaym
 Pobeti
 Prewylten
 Pradauwen
 Popelken
 Palwenicken
 Ponpicken
 Poleipen
 Preybutten
 Reteynen
 Resitten
 Rudin
 Rudenaw
 Rugiten
 Ruppe
 Rawithen
 Selnicken
 Sogobrasta
 Silleniken
 Sapoliten
 Schertlaukis
 Swencke
 Slakelaus
 Smalininkai
 Smilgiai
 Swirpliai
 Skewrekaym
 Sasinlauken
 Ternynen
 Tapelauken
 Tunge
 Worlauken
 Sirgiten
 Zaumarai

Guttheniten
 Klaubotten
 Golldap
 Jawgen
 Issdagen
 Kamstegallen
 Karalene
 Kethen
 Kiautrien
 Kruklinnen
 Corwingen
 Cratlauken
 Kargayn
 Kesselnicken
 Campayn
 Launen
 Legitten
 Leysse
 Ledenicken
 Labiau
 Lappgarben
 Linglack
 Lingenau
 Medinen
 Marunen
 Mühlack
 Nodemste
 Näglack
 Pelkiten, Polkitten
 Porwangen
 Pomnicken
 Pollwitten
 Penglitten
 Bennocken
 Bisserkeim
 Bubethen
 Perwitten
 Pardauwen
 Popellen
 Palmenicken
 Pompicken, Pomnicken
 Polepen, Polipen
 Prebitten
 Rothenen
 Rositten
 Redden
 Reddenau, Rudau
 Regitten
 Ruipine
 Robitten
 Sollnicken
 Sobrost
 Schilleningken
 Suppliethen
 Scharlauken
 Sweinkiten
 Schlakalken
 Schmalleningken
 Schmilgen
 Schwirpeln
 Schauwerkaym
 Saslauken
 Tornienen
 Taplaken
 Tuingen
 Worlack
 Zergitten
 Sommerau

Из этих примеров видно, что уже искаженные при первоначальной записи названия населенных пунктов постепенно принимали еще более германизированный вид, а иногда и просто заменялись фонетически подходящими немецкими названиями. Можно отметить также появление составных названий, одна половина которых состояла из немецкого слова, другая — из прусско-литовского: Augstomalmoor; наличие в прусском названии немецкого уменьшительного окончания: Wanaggupchen; сочетание с прусским или литовским названием обозначений по-немецки — «большой», «малый», «новый», «старый»: Klein Rudszien, Gross Rudszien, Neu Argenningken, Gross Skaisgirren и т. д.

Сплошь и рядом прусско-литовские названия просто переводились на немецкий язык. Например: Gerten (gerto — «курица») превращалось в Hunsfelde; Ilgenpelke (ilga — «длинный», pelkis — «болото») — в Bruch; Kirsin (kirsnan — «черный») — в Schwarze Fliess; Labalaucs (labs — «хороший», lauks — «поле») — в Gutenfeed; Panyer (pannean — «болото, покрытое мохом») — в Sumpf; Bergenlaukis (berzas — «береза», laukas — «поле») — в Birkenfeld; Daubkalnia (dauba — «долина», kalnas — «гора») — в Bergenthal; Lendrynai (lendrė — «тростник») — в Rohrfeld; Sendvaris (senas — «старый», dvaras — «двор») — в Althof, а Naudvaris — в Neu-hof и т. д.

Восстановление древних названий населенных пунктов в юго-восточной Прибалтике, искаженных впоследствии немцами-завоевателями, может быть произведено лишь в том случае, если удастся определить лексические и грамматические формы германизации древнепрусской топонимики. Подробного научного анализа не произвел еще ни один лингвист, но попытки подойти к этому анализу имеются и у Нессельмана, и у Траутмана, и у Геруллиса. В работе Геруллиса о древнепрусских названиях населенных пунктов дана, например, сводка сведений о различном произношении в языках прусском, литовском и немецком некоторых гласных и согласных, о характере изменений приставок и суффиксов, формы окончаний слов и пр. Несмотря на то, что эти замечания не имеют законченной формы и не могут быть сведены к какой-либо научной теории, они дают возможность, правда, не восстановить древние названия, но установить этногенетические корни современной топонимики и по отдельным признакам распределить названия населенных пунктов на прусско-литовские, немецкие, польские и др. Так, можно твердо отнести к прусско-литовской топонимике все названия населенных пунктов, начинающиеся или оканчивающиеся на lauk, lauken, lak (laukas — «поле»), kaym, kaim, keim, kehmen (kaimas — «деревня»), kaln, kalnen (kalnas — «гора»), garb, garben (garbis — «гора»), pill (pilis — «городище»), bala, ballen (bala — «болото»), pelken, pelk (pelkis — «болото»), ure, are, urönen (ure, are — «река»); все названия, начинающиеся на ро, ра, aucst, auxht, per, pre; все названия, оканчивающиеся на -itten, -thene, -yne, -ingken -lennen, -önen, -galben, -gallen, -au, — даже в тех случаях, когда этим названиям придана форма, похожая на немецкие слова. Кроме того, к прусско-литовским названиям должны быть, конечно, отнесены все те, словословное значение которых раскрывается только в свете прусского или литовского языка. Используя прусско-литовские топонимические материалы Тевтонского ордена, а также толковый словарь прусского языка Нессельмана и литовско-русский словарь Серейскиса, мы отметили на германской крупномасштабной (1 : 200 000) карте Восточной Пруссии прусско-литовские населенные пункты, удержавшие свои характерные названия к началу XX в., и определили южную границу той территории, на которой старопрусские и литовские названия перемешаны только с немецкими. Южнее этой демаркационной линии среди названий населенных пунктов все

в большем числе попадаются западнославянские и чисто польские названия, а старопруссские делаются единичными и, наконец, совсем теряются среди немецких и польских названий.

Выявленную при помощи топонимики эту демаркационную линию, к северу от которой исчезают западнославянские названия, можно было бы условно принять за этнический рубеж, где соприкасались пруссы с западными славянами, — если бы поляки с XIII вплоть до XIX в. оставались на местах своих прежних поселений. В действительности период XIII—XV вв. был временем значительного продвижения польского населения на север, в землю пруссов. Поэтому этнический рубеж этот относится, вероятно, не к XIII, а к XV в. Так понимает эту границу П. Пакарклис (P. Pakarklis, 1948), установивший по историческим документам XIII в., что в районе Олштыня (Алленштейна), например, в то время не существовало польского населения; аналогичное положение было и в других южнопруссских областях, ставших позже зоной польской колонизации. Поэтому выявление действительного этнического прусско-польского рубежа к началу немецкого вторжения в прусские земли еще требует уточнения и дополнительных исследований. Весьма возможно, что этот рубеж был несколько южнее топонимической границы XIX в. Гораздо более важна другая часть топонимической проблемы: кто же населял в начале XIII в. территорию к северу от намеченной демаркационной линии?

Так как на территории к северу от этой демаркационной линии немцы появились лишь в начале XIII в. (а в более северных и северо-восточных районах еще позже — в XIV и даже в XV в.), то совершенно очевидно, что при выявлении топонимики, современной нападению Тевтонского ордена на прусско-литовскую землю, немецкие названия населенных пунктов можно полностью игнорировать. Остающиеся на карте названия оказались исключительно прусско-литовскими. Отсюда можно сделать вывод, что вплоть до начала XIII в. на территории юго-восточной Прибалтики никакого иного населения, кроме прусско-литовского, не существовало. Таковы итоги, к которым должен прийти каждый непредубежденный и добросовестный исследователь местной топонимики.

А. Беценбергер, начавший свои топонимические исследования задолго до Траутмана и Геруллуса, но шедший иным, чисто филологическим, а не историческим путем, пришел к выводу, что именно топонимика может раскрыть этнографию Восточной Пруссии в прошлом и показать процесс изменения этнического состава населения. Весьма интересна была его попытка установить путем анализа названий населенных пунктов, где проходила граница расселения собственно пруссов и остальных литовцев. На старопруссском языке, писал А. Беценбергер, деревня называлась «kaimis», у литовцев же, живущих в Восточной Пруссии (XIX в.), это название произносилось «kemas»; в занеманской части Литвы (в России) это слово превращалось в keim, kiem, kiems, kieme.

Таким образом, по Беценбергеру, между произношением прусским и литовским существовала разница, приведшая к тому, что немцы иначе записывали окончания прусские и литовские: прусское kaimis в немецкой транскрипции превратилось в -keim, -kaum, -kam, а литовское -kemas — в немецкое -kehmen. Современная крупномасштабная карта дает возможность по такой разнице в транскрипции определить границу расселения пруссов и литовцев; граница эта, утверждал Беценбергер, проходила в том месте, где прекращались названия с окончанием -kehmen и начинались названия с окончанием -keim. Подобным же образом он распределил по территории и различные у пруссов и литовцев обозначения реки ире и аре. Таким путем он устанавливал следующую линию демаркации: Киршнакайм (северо-восточнее Лабиау) — Рипкейм (восточнее Велау) —

Киткейм (северо-восточнее Норкиттена) — Штаркейм (северо-восточнее Норденбурга) — Коскейм (юго-восточнее Гердауена) — Залькейм (юго-восточнее Бартена) — Виндкейм (южнее Растенбурга) — Заликейм (севернее Губерзее) — Кунцкейм (западнее Заликейма) — Редингкейнен (севернее Алленштейна) — Лобкейм (южнее оз. Лобезее) — Трукейнен

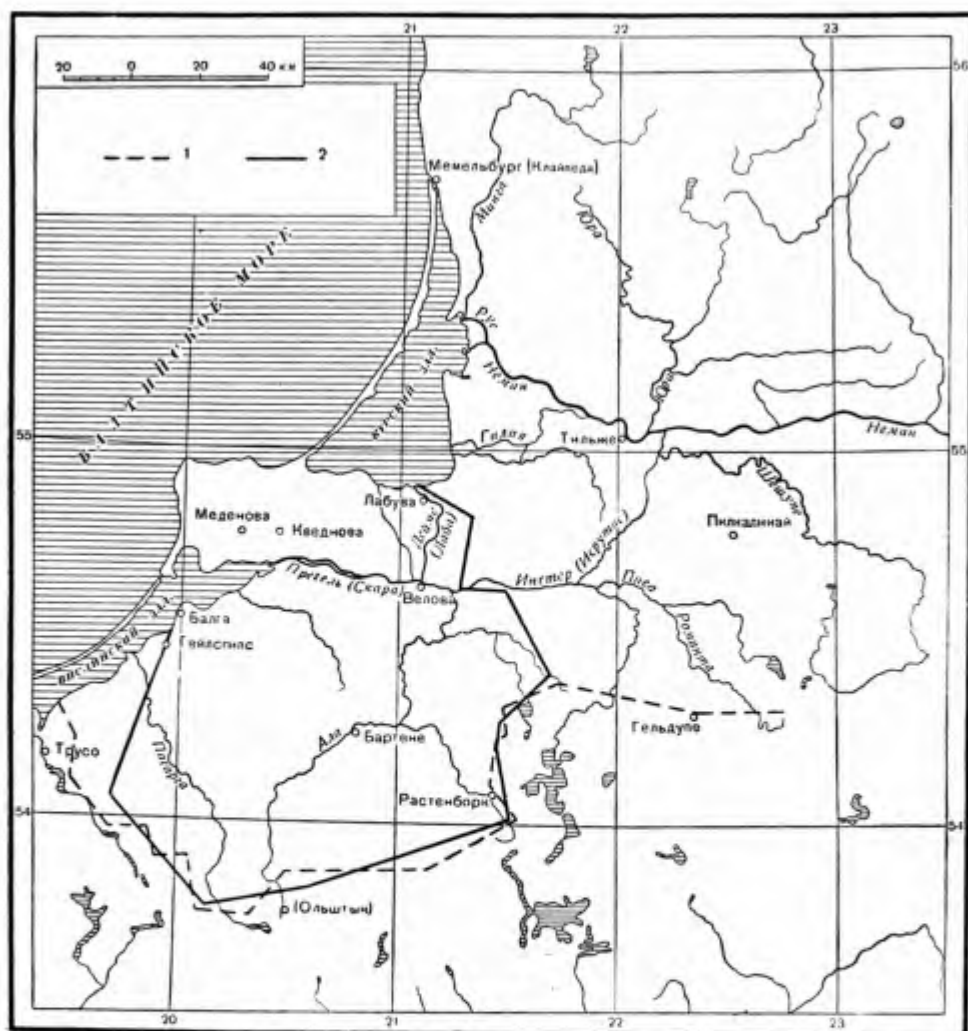

Рис. 30. Южные границы прусско-литовской топонимики.

----- южная граница преобладания прусско-литовской топонимики на германской крупномасштабной карте начала XX в. — граница прусской топонимики (по Веценбергеру).

(Галиндия) — Кайман (севернее Прейссиш-Холланд) — Кеймкаллен (севернее Хайлигенбейля) (A. Bezenberger, 1882, стр. 651—652).

Демаркационная линия, проводимая Веценбергером на основании этих двух признаков (окончания *-keim*, *-kehmen* и *-ure* — *-are*), требует проверки, и в отношении литовцев она, возможно, не подтвердится, так как сведения Веценбергера о распространении окончания *-kehmen* и *-ure* не совсем точны.

Вопреки мнению Беценбергера, прусско-литовская разграничительная линия не может быть выявлена предлагаемым им способом, ибо окончания *-keim* и *-kehmen* образовались не только вследствие разницы в прусско-литовских говорах, но и в результате своеобразного восприятия прусско-литовских названий немецкими администраторами, говорившими на разных немецких диалектах. Известно, например, что в начале XIV в. немцы переселили из более восточных районов (из Судавии) значительное число литовцев в район севернее Кенигсберга и на северо-западное побережье Земландского полуострова (так называемый Судавский угол). Согласно теории Беценбергера, следовало ожидать, что в этих районах будет распространено окончание *-kehmen*; в действительности этого обнаружить нельзя — там существуют, как и в остальных частях Земландского полуострова, окончания *-keim*. Отсюда ясно, что границу расселения пруссов и литовцев нельзя определить так просто, как намечал сделать Беценбергер. Тем не менее путь, избранный этим известным литуанистом, — установить этническую границу по топонимике — правилен, и перед исследователями стоит задача произвести филологический и исторический анализ прусско-литовского топонимического материала в более широком масштабе.

Не совсем потеряли свое значение некоторые замечания Фойгта. В частности, его расшифровка названия «Хайлигенбейль» не отвергается новым топонимическим материалом. Как известно, Хенниг, для подтверждения теории о пребывании готов на прусской земле, искал в названии Хайлигенбейль отражения староготского названия гавани «Пейльпейлло». Фойгт считал хенниговскую гипотезу бездоказательной, основанной лишь на фонетическом созвучии. В противовес хенниговской расшифровке он предлагал свою: *Heiligenbeil* — это прусское название, исковерканное крестоносцами: *Heilspil* — состоящее из двух прусских слов *heil* («гавань») и *pils* («укрепление», «городище»), т. е. «укрепленная гавань» (I. Voigt, 1927, стр. 99). Догадка Фойгта правдоподобнее утверждений Хеннига, но она все же остается только догадкой. С таким же, если не с большим правом можно предположить, что название *Heiligenbeil* («секира святых») могло быть дано этому пункту крестоносцами в соответствии с эмблемой на их знамени (секира). Но это тоже догадка.

Новый топонимический материал совершенно уничтожает построения Бонка — защитника «готской» теории, который пытался доказать, что такие распространенные ранее в Восточной Пруссии названия населенных пунктов, как *Wilksbude*, *Wilkeynen*, *Rudden*, *Rudau*, являются не прусскими, а немецкими. В виде аргумента, подтверждающего его построение, Бонк приводил данные о географическом распространении аналогичных или фонетически близких названий в других немецких провинциях и отсюда делал вывод, что названия занесены в Восточную Пруссию немцами (H. Bonk, 1893, стр. 339—342; 1890, стр. 605—607). Данные, опубликованные Геруллисом, показывают, что большинство имевшихся в Восточной Пруссии названий населенных пунктов с *Wilk* и *Rud* существовало до появления там немецких рыцарей и зафиксировано в орденских документах в первые же годы немецкой оккупации прусской земли. В прусском языке было слово «*wilkis*» («волк»), разъясняющее смысл названий этих населенных пунктов; фонетическая близость аналогичных названий в других немецких провинциях может быть объяснена совершенно иначе, чем это пытался сделать Бонк. Во всех перечисленных Бонком немецких провинциях было в прошлом значительное славянское коренное население (позже частично или полностью онемеченное), и немцы заимствовали у этого населения множество слов. Что касается старопрусского языка, то он настолько был близок к языкам славянским, что нет ничего удиви-

тельного в том, что многие названия славянские и прусские звучат схоже. В частности, конечно, слово «волк» в польском, прусском, литовском и латышском языках мало отличается по своему звучанию.

Также неубедительны доводы Бонка в отношении слова «rud» («рудой», «красноватый»). В славянских языках оно общеупотребительно, распространено и в прусско-литовском языке. Что касается города Rudau, название которого Бонк признал «чисто немецким», то историческая справка Геруллиса показывает существование этого населенного пункта в прусской земле еще в 1258 г. и назывался он в то время Rudowe (Рудова), а Rudau стал называться лишь в XV в.

«Немецкое» происхождение названия населенного пункта Krausen (по Бонку) опровергается тем, что в основе его лежит вовсе не «немецкий владелец Краузе», а «вишневое дерево» — sgausu, и назывался этот населенный пункт ранее Sgausup, вплоть до 1425 г. А еще раньше — в 1321 г. — упоминается аналогичный населенный прусский пункт Krauslaken («вишневое поле»).

Если даже Бонк не смог в свое время найти ни одного названия населенного пункта (кроме тех, которые якобы происходят от «wang»), оставшегося от времен поселения готов на этой территории (к востоку от Пассарги), то в особенно тяжелом положении должны были оказаться сторонники «готской» теории после опубликования исследований Геруллиса. Для готов на территории юго-восточной Прибалтики не оказалось места — во всяком случае *топонимика всех районов к востоку от р. Пассарги не хранит никаких следов пребывания готов в прошлом*. Впрочем, отсутствие готских названий обнаружено было уже в начале XX в. историком культуры и искусствоведом А. Беттихером. Во вступительной части первого тома своей работы «Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ost-Preussen» он высказал, ссылаясь на Бонка, положение, будто бы первоначальным населением Земландского полуострова были готы, смешавшиеся с пруссами или каким-то другим народом летто-финского происхождения. В заключительной части своего последнего, восьмого, тома, вышедшего через пять лет после этого, Беттихер снова вернулся к вопросу о готах и написал, что «вопрос о пребывании готов в Самланде должен быть признан спорным» (А. Böttcher, вып. VIII, стр. 9). Что же заставило ученого искусствоведа сделать такое признание? — Отсутствие каких бы то ни было «готских» следов в топонимике и в материальной культуре страны. Беттихер нашел много «готических» произведений искусства в Восточной Пруссии, но не мог обнаружить ничего «готского».

Подобные выводы из топонимических материалов, относящихся к большей части территории юго-восточной Прибалтики, вызвали растерянность среди немецких националистических ученых. Гертруда Мортензен, очень активная в пропаганде нелитовского происхождения древнего коренного населения, сделала «открытие» о «позднем приходе литовцев в «Восточную Пруссию» (см. ниже). Географ Ганс Мортензен по мере сил продолжил и углубил это «открытие», написав работы о литовских «переселениях в XV в.» и о древней земле пруссов — Земландском полуострове (Самланд) (Н. Mortensen, 1923, 1927). В этой же работе он предпринял демарш против основных выводов Геруллиса о старопруссских названиях населенных пунктов. Он сослался прежде всего на консерватизм населения, приведший к тому, что немцы-де, переселившиеся в Восточную Пруссию, стали давать своим новым поселкам названия по старым, прусским географическим названиям¹. Так, например, немцы-новоселы назвали свою деревню

¹ Это «открытие» тем более удивительно, что повсюду новоселы дают названия новостройкам по своим прежним местам поселения.

Uderballen по имени прусского кургана Udergraben, находившегося поблизости, а деревню Georgenwalde — по имени леса (Göрге — «лес» по-литовски), в котором расположилась новостройка. Это заставляет исследователя, говорит Мортензен, осторожно подходить к вопросу о том, какова была этническая принадлежность основателей населенных пунктов, и не судить о ней по одним названиям. Кроме того, множество населенных пунктов получило свои названия по именам владельцев, а фамилии людей вовсе не так уже точно отражают, по мнению Мортензена, их национальность и «много немцев носят не-немецкие фамилии». Отсюда Мортензен сделал вывод, что лингвистический характер названий населенных пунктов не всегда может служить критерием для суждения о национальном составе населения.

Это было вступлением к более решительному выпад.

Рассматривая «весьма сочувственно» топонимический материал, собранный Геруллисом, Мортензен предложил подразделить названия населенных пунктов в Восточной Пруссии на шесть категорий, в зависимости от их окончаний.

К первой категории он отнес названия, оканчивающиеся на -nicken и -keim.

Ко второй категории — оканчивающиеся на -au (раньше на -ow и -aw).

К третьей категории — оканчивающиеся на -itten.

К четвертой — оканчивающиеся на -ehnen, -ainen (раньше на -ein, -ain, -en) и -ienen.

К пятой — оканчивающиеся на -lauken.

К шестой — без определенных окончаний.

Затем «исследователь» приступил к анализу. «Названия населенных пунктов на -nicken особенно часто попадают в областях, которые заселены сравнительно поздно», — пишет Мортензен. Так, Судавский угол, заселенный литовцами уже в эпоху Ордена, имеет много названий на -nicken. Отсюда Мортензен делает вывод, что все эти названия «молодые», «поздние». Так же «молодые» все названия, оканчивающиеся на -keim, они якобы относятся к периоду не ранее XV в. (ибо жена Ганса Мортензена, Гертруда Мортензен, «доказала», что литовцы появились в Восточной Пруссии только в XV в., а окончание -keim, соответствующее «литовскому» kehmen, заимствовано-де пруссами у литовцев (H. Mortensen, 1923, стр. 313).

Для того чтобы показать всю вздорность утверждений Мортензена, приводим даты появления в Восточной Пруссии (по документам Ордена) названий населенных пунктов с окончанием на -kaum (-keim) (G. Gerullis, 1922, стр. 28, 52, 53):

Kaumino, Kamines (1362), округ Heilsberg
Gabicauym, Kabocayn (1344), округ Wehlau
Dirsunikaym, Dirsinekaum (1396), округ Fischhausen
Kaumelabegowe (1258), округ Labiau
Kaumiten (1309), округ Labiau
Kaunekaym (1383)
Kakaym (1399), позже Kackheim

Такова ценность утверждений семьи Мортензен, а между тем на этих «аргументах» была построена ими теория немецкого происхождения всех древних названий населенных пунктов в Восточной Пруссии.

Продолжая свой «анализ», Ганс Мортензен говорит, что окончания на -au «безусловно немецкие», ибо, как «доказал Бонк», так оканчивались названия всех укрепленных пунктов, сооруженных немцами. Что касается прусского смыслового содержания названий, имеющих окончание на

-аи, то это объясняется-де тем, что крестоносцы строили свои укрепления особенно охотно на местах прежних прусских городищ.

Окончания на-itten, а также -icken и отчасти -aiten могли быть даны пруссами, так как они представляют собою уменьшительные названия, а литовцы и пруссы любили давать поселкам ласковые или уменьшительные клички. Но все названия поселений с окончанием на -itten (употреблявшиеся «повидимому» для обозначения полей) появились «значительно позже» и указывают на «сравнительную юность этих поселений» (Н. Mortensen, 1923, стр. 315). Для того чтобы опровергнуть этот «ученый» вздор, приведем еще справку о времени упоминания таких названий в документах Ордена (G. Gerullis, 1922, стр. 19, 28, 29, 92, 158):

Bayderiten (1389)
Dewitte (1331), Dewitten (1336)
Doythimiten (1343)
Lusewithe (1358), Loysewiten (1419)
Lusewithe (1358), Loysevitен (1419)
Syxdeniten (1338)

Кроме того, в документах Ордена окончания на -niten, -nitten и -nicken находятся одновременно, между тем как Мортенсен хотел бы для окончания -nicken подыскать «самые молодые» даты.

Далее Мортенсен предлагает считать окончание -itten «испорченным немецким» -ingen, а окончание -ehnen (-ауп, -ein) не прусско-литовскими окончаниями личных имен, а немецкими -ein и -ain.

Окончания -lauken встречаются, как утверждает Мортенсен (Н. Mortensen, 1923, стр. 316), «крайне редко», а потому их «нельзя признать древними», между тем как они имеют в действительности широкое распространение.

Выводы Мортенсена таковы, каких следовало ожидать от подобного недобросовестного анализа: большинство названий населенных пунктов юго-восточной Прибалтики и в том числе на Земландском полуострове «молодые», т. е. не прусские. И хотя к этим выводам прибавлено, что это лишь «гипотеза» и что ее нужно еще «проверить», моральный облик такого «ученого» совершенно ясен.

Конечно, немецким националистам очень хотелось бы, чтобы топонимика подтверждала их «права» на прусскую землю, но никакие Мортензены не в силах этого сделать.

5. О ДЕРЕВЯННЫХ НАДГРОБИЯХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ДРЕВНИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Топонимика сохраняет следы этнического прошлого не только на географических картах, но и на самой территории: в начале XX в. на перекрестках и поворотах всех дорог юго-восточной Прибалтики были выставлены прибитые к столбам дощечки, на которых были воспроизведены названия ближайших населенных пунктов и расстояния до них. Это была настоящая «материализация» топонимики, прекрасный материал для этнографа, изучающего этнический состав населения. Но материальные памятники этнического прошлого заключаются не только в ископаемых предметах или топонимических табличках на дорогах — их можно найти на поверхности земли в виде кладбищенских памятников. Об этом типе исторических источников необходимо сказать особо.

Надгробия и другие погребальные памятники, даже деревянные, разрушающиеся довольно быстро, — могут быть прекрасным историческим источником, свидетельствующим не только о том времени, к которому они непосредственно относятся, но и о более ранних эпохах. Из всех областей идеологии наиболее консервативны религиозные верования, поэтому материальные памятники, связанные с религией, могут в течение многих столетий не меняться в своих формах, сохраняя внешние черты древнейшего оформления. Более того, памятники христианской эпохи сплошь и рядом сохраняют форму (и содержание) прежних сооружений эпохи язычества — настолько сильна в этой области идеологии традиция.

На старых сельских кладбищах юго-восточной Прибалтики сохранились до недавнего времени (а в некоторых местах сохраняются еще и поныне) своеобразные деревянные надгробия на могилах, очень мало похожие на христианские кресты. По своему внешнему виду эти погребальные памятники представляют столб с деревянным щитом различной формы. Иногда щит по своим очертаниям на погребальную урну древних балтийских племен, иногда имеет вид трапеции с широким основанием, иногда нижняя часть трапеции оканчивается волнистым вырезом, а то и свисающими вниз резными концами.

Район распространения таких надгробий достаточно велик: на юге он начинается в области Мазурских озер, тянется через весь бассейн р. Прегеля, заполняет побережье Курского залива, местности в нижнем течении Немана, западную часть Жемайтии, юго-западную Латвию и доходит на севере до южной оконечности Рижского залива.

На юге и на севере своего района распространения формы надгробий наиболее просты. На юге это деревянный щит, почти в точности воспроизводящий форму погребальной урны; на севере — простой щит трапецевидной формы. На побережье же Курского залива надгробия отличаются сложностью форм — так же как и в Жемайтии. На деревянных надгробиях приеманской полосы и побережья Курского залива явственно видны резные изображения птиц, сердец, урн и каких-то странных изогнутых

Рис. 31. Надгробие на женской могиле на сельском кладбище в Ниддах (этнографический музей Института истории Литвы, Вильнюс).

Рис. 32. Надгробие на сельском кладбище в Мажгириай.

задних конечностей животного. Сплошь и рядом щит изображает черепаху. Так как при этом все контуры стилизованы и рисунки упрощены, первоначальная тема изображения не всегда ясна.

Давность сохранившихся в настоящее время надгробий этого типа не велика и не превышает нескольких десятилетий, ибо памятники сооружены в разное время, но не ранее второй половины XIX в.; впрочем иначе и быть не могло, поскольку деревянные столбы разрушаются довольно быстро. Такие памятники можно считать почти *современными* нам сооружениями, но в таком случае очень странным кажется то обстоятельство, что на христианских кладбищах (преимущественно лютеранских, евангелистских) поставлены на могилах не кресты, а погребальные монументы без этого христианского символа. Не являются ли эти надгробия (и по форме своей, и по религиозному значению) выражением какой-то *дохристианской религиозной традиции*? И если такое предположение правильно, то какой именно? Христианизация народов юго-восточной Прибалтики относится

к XIII—XIV вв; следовательно, дохристианские памятники должны вести свой генезис с еще более раннего времени, т. е. с той эпохи, когда летто-литовские земли не были захвачены немцами.

Раскрытие генезиса этих сооружений имело бы большое значение для понимания дохристианских верований летто-литовцев, тем более,

Рис. 33. Надгробия на рыбацьем кладбище в Гильге.

что в этой области многое для нас остается неясным из-за отсутствия исторического материала.

Сорок лет назад литовский искусствовед И. Басанавичнус обратил внимание на своеобразие форм литовских надгробий в Восточной Пруссии и пытался дать им объяснение¹. Он пришел к выводу, что большинство памятников этого типа отражает древнюю языческую традицию и не имеет никакого отношения к христианству. Но что изображают резные щиты памятников, каково их значение? На этот вопрос И. Басанавичнус

¹ Lietuvi kryžiai. Vilnius, 1912.

отвечает лишь частично, утверждая, что резные контуры щитов воспроизводят стилизованные изображения человеческой фигуры. Единственным основанием для этого положения он привел своё собственное зрительное восприятие. Но фигуры, изображенные в разных вариациях на этих памятниках, скорее похожи на какие-то шкуры или на жаб, чем на человека. Если это, по Басанавичусу, человек, то кого он изображает? Божество?

Рис. 34. Надгробие на лютеранском кладбище в Вайнутас (район Расейняй). (Этнографический музей Института истории Литвы, Вильнюс).

Рис. 35. Надгробие на лютеранском кладбище в Вайнутас (район Расейняй). (Этнографический музей Института истории Литвы, Вильнюс).

Или погребенного человека? Этого Басанавичус не пояснил. Нет необходимости для опровержения догадок или утверждений такого рода возобновлять спор о том, существовали ли у древних литовцев антропоморфные изображения божеств — «идолы»¹. Если допустимо сомневаться

¹ В своей фундаментальной работе «Ромове» А. Мержинский (1899) доказывал, что у древних литовцев не было никаких идолов и что легенда о существовании подобных изображений божеств была создана монахом Грунау, хроника которого является собранием многих недостоверных и просто выдуманных им самим сообщений. Критический разбор соответствующей литературы, данный Мержинским, как будто подтверждает его утверждение. Не опровергает выводов Мержинского и сообщение А. Беттихера (ссылающегося в свою очередь на Рогге) о том, что в г. Даркмене имеется искусственно насыпанный холм, называвшийся Потримпоскали (гора Потримпа), на котором была расположена корчма «Божественная Троица»; над ее входом были деревянные изображения трех богов (Перкунас, Потримпос и Пикуллос). Эти изображения были будто бы перенесены в литовскую церковь в Кенигсберге и там утеряны (?). Если даже такие изображения существовали, то они не были предметом действитель-

в правильности категорических отрицаний наличия «идолов» у древних литовцев вообще, то совершенно бесспорно положение, что на могилах такие изображения не обнаружены.

Догадки Басанавичюса исходят из положения о том, что «фигура человека» на могильных памятниках стилизована. Это объяснение необходимо ему по той простой причине, что в своем настоящем виде надгробное изображение совсем не похоже на человеческую фигуру. Но при всякой стилизации процесс упрощения форм происходит постепенно. Где же обнаружены первоначальные или близкие к первоначальным формам изображения, подвергшиеся позже стилизации? Таких изображений не найдено. Не проще ли в таком случае признать изображения на надгробиях не стилизованными, а реалистическими, т. е. изображающими какие-то шкуры?

При похоронном обряде почти всех народов, имеющих или имевших в прошлом анимистические религиозные представления, обычай принесения в жертву богам животных, птиц и хлебных злаков был широко распространен. Мясо жертвенных животных подалось участникам похоронного обряда или жрецами, а шкуры или отрезанные головы жертвенных животных (иногда — череп) водружались на шестах возле могилы, надгробного кургана и пр. Такой обычай вплоть до недавнего времени существовал у народов Алтая. У айнов южного Сахалина этнографам пришлось наблюдать сходное явление в 1947 г. — на мольбищах стояли обструганные стволы лиственниц, на вершинах которых были водружены собачьи головы и повешены собачьи шкуры (М. Г. Левин, 1948, стр. 23). Арабский путешественник Ибн-Фадлан сообщал, что в начале X в. «русы», привозившие шкуры и девушек-рабынь в низовья Волги (Итиль), во время моления об успехе своих торгово-разбойничьих походов ставили большие шесты, на которые водружали головы жертвенных животных (А. С. Фаминцын, 1884, стр. 34). Подобных примеров у разных народов и в разное время можно привести весьма большое количество, но особенно ценны для данного случая свидетельства, касающиеся древних обычаев тех народов юго-восточной Прибалтики, на территории которых обнаружены эти памятники.

Преториус в своих записках об обычаях древних жемайтов рассказывает о том, что литовцы в честь своих божеств ставят большие камни и водружают громадные шесты, на которые привязывают свои приношения. «В области жемайтов был дуб, в пяти шагах от которого находился исключительно большой камень. Недалеко от камня стоит *высокий шест*, по его мнению, по меньшей мере восьми сажен (?) вышины, на котором *распалена шкура козла*, а над этой шкурой водружен большой пук хлебных злаков и трав»¹.

При описании празднования литовцами Иванова дня, Преториус снова отмечает значение высокого шеста, на который водружен пук различных злаков: вокруг этого шеста ходит хоровод и происходит все торжество. Указывает он также еще один обряд накануне Иванова дня: хозяева посылают парней и девушек в поле, чтобы собрать иванову траву (вероятно, так называемый Иван-чай), которую потом раскладывают пучками — по числу живущих в доме — в щели стен и за балки потолка, и ждут, когда эта трава зацветет; если какой-либо пучок не цветет, это считается признаком, что человек заболел или умрет; остальную траву связывают в пучки и водружают на высоком шесте над воротами или ставят этот шест на току, куда свозят урожай. Такой шест с пучком травы называется Куполе

ного почитания, а лишь поздним отражением народной легенды. Спорным является также сообщение Стрыйковского о том, что будто бы в 1321 г. Гедимин поставил в Вильне идол Перуна и велел поддерживать перед ним неугасимый огонь.

¹ Цитирую по публикации А. Мержинского (1899, стр. 429—430, прилож. VI).

русск. — Кунала), а праздник — Куполес (А. Мержинский, 1899, стр. 430).

По свидетельству Шульца, описавшего литовский быт в приходах Вилуны, Ширвинты, Шилены, Будветы и Вишвилы в 30-годах XIX в., в Иванов день девушки украшали румянками и другими полевыми цветами высокий шест, называемый Кополис, и водружали его с песнями на конце деревни возле поля с хлебными злаками. Вокруг этого шеста в течение двух ночей происходило празднование, в котором принимали участие лишь девушки, а днем молодые пары инсценировали нападение на шест, чтобы отнять его у девушек. Аналогичный шест ставился в поле перед посевом, причем высота его достигала нескольких сажен (А. Мержинский, 1899, стр. 430—431).

Если вспомнить об этих ритуальных шестах с распяленными на них шкурами животных и привязанными пучками хлебных злаков, шестах вышиной в несколько сажен, разукрашенных цветами и пр., то можно гораздо проще истолковать значение изображенных на надгробиях фигур, чем это делает Басанавичиус. Это не человеческие фигуры, а действительно *шкура жертвенных животных*. Надгробия на кладбищах в Кoadьютене и Ниддах не дают никакого повода для иного толкования; на них изображены вполне реалистично шкуры различных животных — главным образом мелкого рогатого скота. На некоторых надгробиях, кроме того, выделяются изображения рогатых голов. И даже на надгробиях в Гильге и Матцгиррене, дальше остальных ушедших от первоначального примитива и осложненных мотивами погребальной урны и истекающих кровью сердец, совершенно явственно и реалистично сохранились элементы распяленной шкуры в виде задних конечностей животного, помещенных ниже сердца.

На территории Латвии можно найти еще более разительные образцы подобных надгробий, подтверждающих их генезис от распяленных шкур жертвенных животных. На кладбищах в Буддуре и Асари Слокской волости, на кладбищах волостей Салас, Палтмалес и Балдонас находятся десятки надгробий, похожих по внешнему виду на надгробия Кoadьютена и воспроизводящих в дереве форму распяленной шкуры. Памятники эти относятся к середине прошлого столетия. Рисунки этих надгробий опубликованы в трехтомном фундаментальном латышском издании «Latvju, Raksti»¹.

Наличие подобных погребальных памятников у литовцев и латышей указывает, что обычай распяливать жертвенные шкуры на шестах около могил был присущ всем летто-литовским племенам и относится ко времени, предшествовавшему формированию обособленных литовского и латышского народов. На латышских надгробиях в Балдоне наиболее сохранилась древняя традиция — распяленная шкура прижата по бокам деревянными планками, превращающимися на других памятниках в подобие двускатной крыши. Позже шкура заменяется деревянным щитом схожей формы. Дальнейшая трансформация идет двумя различными путями: в Малой Литве, протестантской (по религии своего населения), постепенно стилизовался контур щита-шкуры, вводились к нему различные художественные и символические дополнения; в Большой Литве (католической) развилась католическая символика (сердце христово, изображение распятия), вытеснившая в конце концов жертвенную шкуру, но сохранившая и усилившая элементы двускатной крыши.

Сложность рисунка и характер выполнения деталей на погребальных памятниках в Гильге и Матцгиррене, по сравнению с надгробиями кладбищ в Кoadьютене, Ниддах, Шаках и Шпуках, показывают большую древность

¹ Т. III, табл. IX, рис. 85—90.

последних. В Коадьютене, Ниддах, Шаках и Шпуках сохранилась гораздо больше традиция, связанная с уходящим в далекое прошлое религиозным обрядом летто-литовцев; в Гильге и Матцгиррене эта традиция вытесняется и затемняется новыми влияниями, идущими из другой этнической среды. Эти влияния отразились в виде изображения сердца, а также голубей, сидящих на погребальной урне. Правда, в отношении птиц существует большое сомнение — голуби это или какие-либо другие птицы.

Изображение сердца на надгробиях в Гильге и Матцгиррене указывает на несомненное влияние католицизма. В католической символике это — «сердце Иисуса», истекающее кровью. Это объяснение создано, вероятно, значительно позже появления подобных изображений и являлось попыткой канонизировать языческий обычай, придав ему христианское толкование. В действительности это символ страдания. Так толкует этот обычай И. Басанавичус, считающий его *дохристианским* символом страдания и любви. Распространенность подобных изображений на надгробиях так велика, что отнести их к какому-либо одному народу никак нельзя.

Иное дело с изображением птиц. У северных народов Европы очень распространены изображения водоплавающей птицы, которые некоторые ученые склонны считать символами солнца (в особенности, если эти водоплавающие птицы расположены на противоположных концах ладьи). Изображения птиц на летто-литовских надгробиях не похожи на уток или других водоплавающих птиц. Не похожи они и на петухов, не похожи на кур (жертвенная птица в древнем прусско-литовском культе). Нет у них никакого сходства с павлинами, которые изображаются на иконах византийского образца рядом со святыми угодниками как символ райской жизни («Орнамент...», 1898, табл. 34, фиг. 12). Хвост и крылышки этих птиц отличаются от обычных изображений голубей, хотя белые круги вокруг глаз (на некоторых изображениях) могли бы дать повод отнести их к голубям. Но на всех более реалистичных изображениях птиц на надгробиях имеется одна характерная деталь: нижняя часть груди отмечена белыми полосками или точками (точки могли образоваться из полосок, как дальнейшее упрощение деталей). Существует не много птиц, имеющих белые полоски на грудке; среди них прежде всего нужно упомянуть о кукушке. Изображение птиц на летто-литовских надгробиях, — если бы подтвердилось, что фигуры птиц представляют кукушек, — приобрело бы в таком случае особый смысл. Необходимо отметить также, что клювы птиц, крылышки и хвосты несколько напоминают кукушек.

П. Шафарик в своих «Славянских древностях» говоря о замечаниях Тацита, относящихся к «эстиям», предположил, что «мать богов», о которой сообщал Тацит, имеет аналогию с славянской богиней Живой, и обещал доказать это. К сожалению, Шафарик не вернулся к этому вопросу, его замечание осталось недоказанным. Между тем оно очень интересно. Богиня Жива, которая почиталась западными славянами (у поляков Живье — дочь Триглава), была матерью земли и олицетворением природы. Прокош сообщал: «В честь Живы был построен храм на возвышенности, названной по имени ее Живец. К этому храму в первые дни мая стекался народ, прося у богини, которую почитал источником жизни, долгого и благополучного здравия. В особенности же приносили ей жертвы люди, услышавшие первое пение кукушки, суеверно полагая, что им осталось жить столько лет, сколько раз повторился ее голос»¹. Прокош не сообщает, существовало ли в этом храме какое-либо изображение богини Живы и вообще об «идоле» богини нигде не упоминает. Можно поэтому предположить,

¹ Procosz. Chronica Slavianska, стр. 112—113. Цитируем по А. С. Фаминцыну (1884, стр. 30).

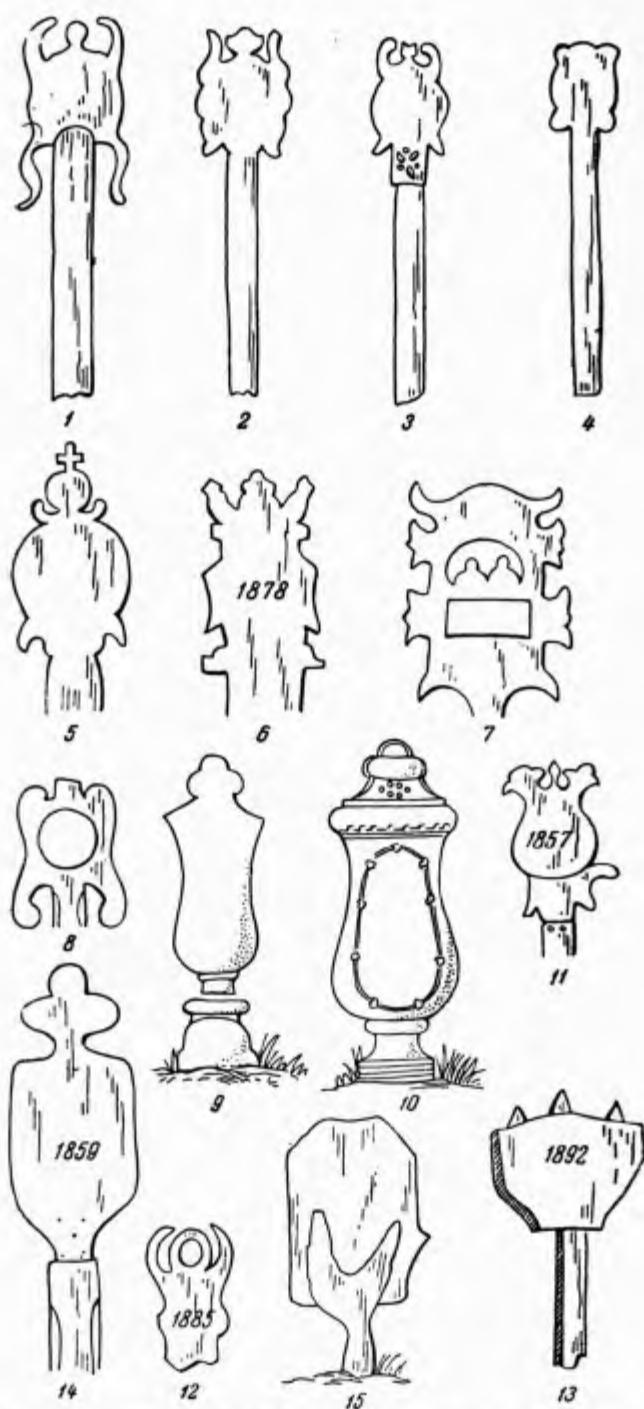

Рис. 36. Изменение форм древних надгробий на деревенских кладбищах юго-восточной Прибалтики.

1-4— формы деревянных надгробий на кладбище в Коадьютене; 5-7— формы деревянных надгробий на кладбище в Ниддах; 8— деревянное надгробие на кладбище в Мангирнай; 9, 10— каменные урны на кладбище в поселке Русс; 11-13— деревянные надгробия на кладбище в Шанах; 14, 15— деревянные надгробия на кладбище в Розиттене.

что статуеобразного изображения Живы не существовало. Но из описания культа богини видно, что в нем важную роль играла кукушка, вещая птица. Не являются ли и птицы, изображенные на памятниках в Гильге,

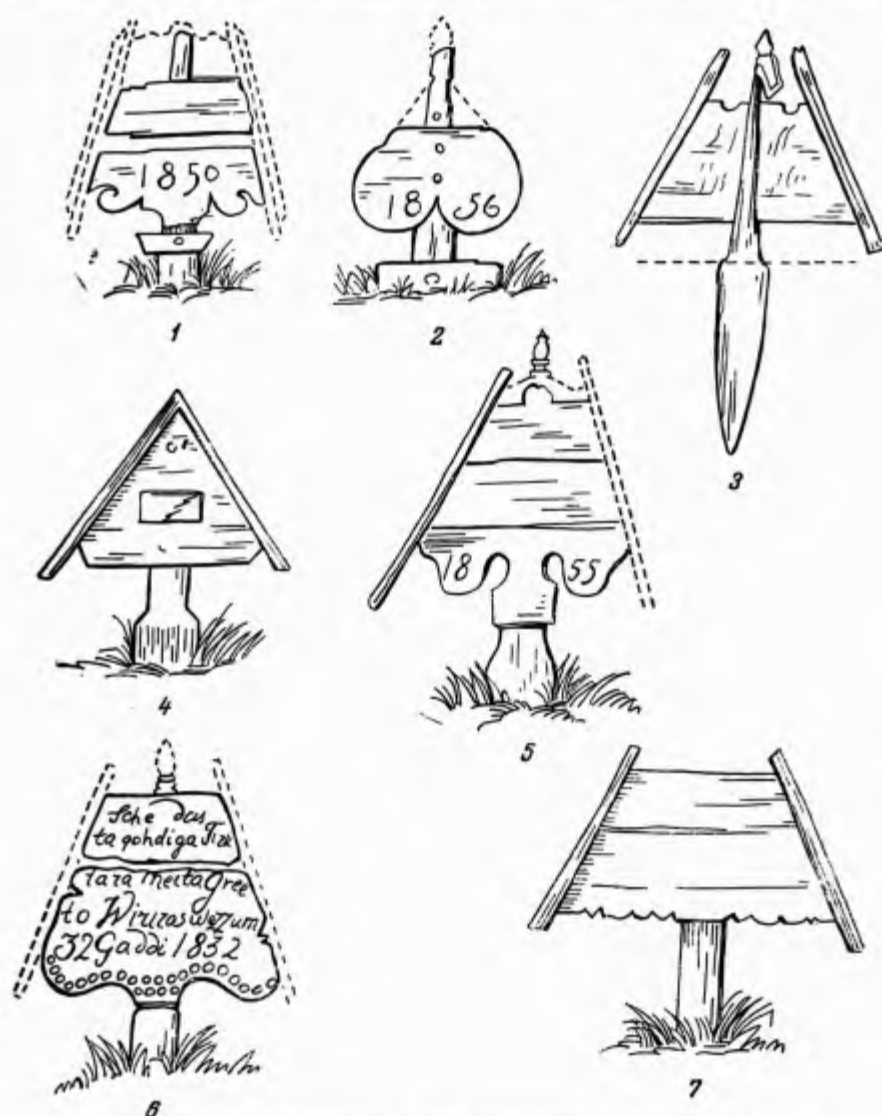

Рис. 37. Древние деревянные надгробия на деревенских кладбищах в западной части Латвийской ССР.

1, 2 — деревянные щиты на кладбище поселка Салас; 3, 4 — надгробия на кладбище в Палмалес; 5, 6 — щиты на кладбище в Валдоне; 7 — щит на кладбище (рыбачьем) в Слоке.

кукушками, а не голубями? Жива славян, Жиминела (Земинела) жемайтов, Земилукис древних пруссов, Жемина литовцев, Земме латышей — богиня земли. Она принимает в свое лоно мертвых, и именно ей должны были ставиться надгробные памятники. Было бы вполне понятным поэтому присутствие на них одного из символов богини — кукушки. То обстоятельство, что на надгробиях изображена не одна, а две птицы, что более соот-

ветствует обычному изображению голубей, не противоречит такому предположению, ибо замена кукушки голубями могла произойти позже, когда ослабевшая древняя традиция подверглась атаке католицизма или протестантизма.

На кладбищах восточной части территории юго-восточной Прибалтики в Литовской ССР указанных типов надгробий не встречается; их заменяет намогильный крест с досками-крышами. Подобные же кресты и кресты-часовни (божницы) бытовали в Новгородской и Архангельской губ. Но зато совершенно своеобразны литовские кресты-распятia на перекрестках дорог, на околицах деревень, на пригорках среди полей. Необычайная высота таких крестов (в несколько метров), скопление их в большом количестве в определенных местах и, наконец, внешний вид этих распятiй, прикрытых доской-крышей, заставляет вспомнить о древних шестах с распяленными шкурами и подумать о прямой аналогии этих «распятiй». Для литовцев-христиан возведение массивных «распятiй» на шестах было лишь продолжением древней языческой традиции распяливания жертвенных шкур, и поэтому оно получило у них такое большое развитие.

Так раскрывается значение некоторых древних погребальных памятников, сохранившихся в силу религиозной традиции на территории юго-восточной Прибалтики до недавнего прошлого. Эта традиция указывает, что места погребений, будь то курганы или захоронения в грунте, отмечались постановкой погребальных памятников в виде высоких шестов с распяленными шкурами жертвенных животных. Район распространения погребальных памятников такого традиционного типа охватывает области, заселенные накануне вторжения немцев следующими летто-литовскими племенами: пруссами, судавами, восточными литовцами, жемайтами и частично курами. Тем самым доказываются тесная связь этих племен в дохристианское время (во всяком случае, до вторжения немцев) и близость их религиозных обычаев, основанных, очевидно, на одинаковых верованиях. Поскольку и материальная культура этих племен в эпоху, непосредственно предшествовавшую немецкому вторжению, обнаруживала совершенно явные черты этнической близости, можно утверждать, что объединение их в единую народность было не за горами.

6. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ НАКАНУНЕ И В ЭПОХУ ВТОРЖЕНИЯ НЕМЕЦКИХ РЫЦАРЕЙ

Население, занимавшее в XII—XIII вв. заселенную латто-литовцами территорию, было неоднородно по своему социальному развитию. К тому времени, когда эта территория стала объектом немецкой агрессии, наиболее развитыми в экономическом и социальном отношении были юго-западные районы и Земландский полуостров. Здесь жило земледельческое и рыбацкое население, имевшее множество поселков и ряд укрепленных пунктов. Добыча янтаря, его обработка и обмен с соседями играли большую роль в жизни коренного населения побережья. Страна была богата сельскохозяйственными продуктами, в изобилии имела рыбу и мед. Находимые при археологических раскопках предметы, относящиеся к этому времени, указывают на то, что и ремесло — обработка металлов, гончарное дело — достигло довольно большой высоты.

По сравнению с этой областью другие районы, более восточные, несколько отставали в своем развитии. Труднопроходимые дебри (леса, болота) затрудняли освоение жителями больших пространств. Центральная часть страны была слабо заселена, главным образом охотниками и рыбаками; что же касается земледельческого населения, то оно сидело небольшими группами на далеком расстоянии друг от друга. Только в XV в. началось энергичное продвижение в глубь страны земледельцев, за много веков до того освоивших территории, близкие к берегам р. Немана и его больших притоков (как, например, Шешупе). К этому времени относится возникновение там таких литовских поселений, как Скайгиррен, Виттгиррен, Узкампен, Дезген, Тракенен, Траукседен, Трокишкен и др., само название которых указывает на тяжелую борьбу с лесом. А. Цвек (A. Zweek, 1898, стр. 132) дает расшифровку этих названий, объясняя их значение по литовски: скайгиррай значит «вырубленная роща», виттгиррай — «середина леса», ужкампей — «лесистый», дезгий — «выжженный», тракеней — «выкорчеванный», и от того же литовского корня «траукти» (выкорчевывать) произведены названия Траукседей, Трокишкэй.

Долина Немана была освоена значительно раньше, и сидевшее здесь население по своей земледельческой культуре мало отличалось от жителей южных районов.

В низовьях Немана и к северу от него жили жемайты, экономическое развитие которых наиболее отставало. Еще в XVII в. в этой области почти единственным типом жилого дома была курная хижина овальной

формы, крытая соломой, в то время как в южных районах жители перешли уже к более совершенному типу жилья (к прямоугольному срубу)¹.

Различия в уровне экономического развития не были все же настолько значительными, чтобы служить преградой для этнического сближения населения. Конечно, в XII—XIII вв. не существовало еще единой литовской народности и население отдельных районов юго-восточной Прибалтики говорило на разных диалектах (или вернее языках, развившихся из племенных диалектов), но эти диалекты или языки были настолько близки друг другу, что не затрудняли взаимопонимания населения. Значительно большим препятствием к сближению населения разных районов было отсутствие политического единства. Страна была разбита на множество племенных территорий. Классовые различия успели подорвать внутреннее единство племен. Простой народ находился в зависимом положении от знати, которая жила экономическим угнетением соплеменников и доходами от войны и грабежа. Военная клика племен втягивала сородичей в вооруженные столкновения с народами-соседами, война превращалась в явление почти бытовое.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, начиная с X—XI вв., пруссы, литовцы, латгалы и другие летто-литовские племена совершали непрерывные набеги на соседние славянские области и, наоборот, славянские племена вторгались на территорию летто-литовцев.

Этими междоусобицами воспользовались немецкие рыцари и нанесли одновременный удар как по летто-литовцам, так и по славянам. В XIII в., вмешавшись в столкновение между мазовшанами (поляками) и пруссами, немецкие агрессоры прорвались на восток, в Прибалтику.

Официальная немецкая историческая версия о причинах вторжения немцев в Прибалтику гласит, будто немцы были приглашены выступить против пруссов мазовецким князем Конрадом, призвавшим их в 1228 г. на помощь против «язычников», грабивших «христианские земли» (земли поляков-католиков). Однако эта версия является лишь полуправдой, т. е. наполовину лжива в своей основе, так как немецкие рыцари давно зарылись на богатые прусские земли и искали лишь повода для открытых захватов. В начале XIII в. немецкий монах Христиан, подстрекаемый германскими феодалами, стал проповедовать крестовый поход против «язычников-прусов». Немецкие рыцари (массы бродяг, по выражению К. Маркса²) довольно быстро сговорились с некоторыми польскими феодалами о вторжении на прусские земли. Так был организован первый поход против пруссов, приведший в 1217 г. к захвату немецко-польским войском Кульмской обл. Этнический состав населения Кульмской обл. не был прусским — большую его часть составляли славяне. Возведенный в сан епископа Кульмской обл. Христиан договорился с мазовецким князем Конрадом о том, что поляки «уступят» на время область немцам, чтобы на этой территории создать плацдарм для развертывания военных действий против пруссов; после окончания военных действий (т. е. после покорения пруссов) немецкие рыцари обещали вернуть Кульм полякам. Конечно, эти обещания не были выполнены.

Так как для таких операций требовалось большое войско, решено было обратиться за помощью к Тевтонскому ордену. Магистр Ордена дал согласие направить рыцарей-крестоносцев (изгнанных к этому времени из Палестины) против пруссов. В 1231 г. банды немецких рыцарей, перейдя через Вислу, вторглись в страну пруссов, грабя местное население и уничтожая

¹ См. сводку данных о жилище жемайтов у А. Мержинского (1899, стр. 392—395, 444—455).

² См. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Госполитиздат, 1938, стр. 342.

всех, кто пытался сопротивляться. В следующем 1232 г. разбойное нападение получило благословение римского папы Иннокентия III и превратилось в «крестовый поход против язычников». Под предлогом распространения христианства крестоносцы захватывали чужое имущество, овладевали землей, скотом, превращали жителей сначала в данников, потом в крепостных.

Угроза порабощения иноземцами, нависшая над прусско-литовским населением Прибалтики, заставила объединиться разрозненные племена. Восточные литовские племена выступили инициаторами этого объединения и впоследствии сыграли большую роль в организации обороны края. Позже в борьбу с немецкими рыцарями втянулись и некоторые польские князья, понявшие губительность недостойной политики Конрада Мазовецкого, отдавшего Кульмскую обл. на разорение рыцарским бандам.

«Рыцари», — писал К. Маркс в своих исторических конспектах, — неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубая леса, осушают болота, *уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца*. Там, где жителей не истребляют, их *обращают в рабство*¹.

В 1233 г. пруссы были разбиты в бою на р. Сергуне (переименованной позже немцами в Зорге). В 1237 г. немецкие рыцари захватили Помезанию, потом оккупировали Погезанию. В том же году крестоносцам удалось овладеть Эльбингом, где они создали свой опорный пункт. В 1239 г. они закрепились на побережье Вислинского залива, получившего затем название Фришес Гаф, заняв прусское приморское укрепление Балга, бывшее одновременно и морским портом. Этот порт имел большое значение, так как около него находилось одно из наиболее глубоких мест этого мелкого в общем залива (А. Bötticher, вып. VIII, стр. 25—26).

В течение следующих двух лет немецкий Орден оккупировал Вармию, Натангию и частично Барту (Бартен).

В 1242 г. прусско-литовское население восстало против поработителей и шесть лет героически боролось с завоевателями. Только в 1248 г. рыцарям, разрушившим целые районы и истребившим почти поголовно их население, удалось подавить восстание (О. Beckheym, 1890, стр. 385—386).

В 1242 и 1246 гг. немцы совершили несколько рекогносцировок, пробравшись по льду замерзшего Вислинского залива на юго-западный берег Земландского полуострова. В 1249 г. рыцарские банды перешли через р. Фришинг и вторглись в землю земов (жемов). В течение трех лет полчища завоевателей разоряли страну. В 1252 г. немецкие рыцари прониклись уверенностью, что сопротивление населения окончательно сломлено; но когда зимой 1252/53 г. в Гермове прибыл военный комендант Ордена Генрих Станге, пруссы убили его вместе с братом и всей свитой. Рыцарские войска бежали с полуострова, спасаясь от восставших пруссов.

В 1254 г. чешский король Оттокар II при поддержке римского папы создал крестоносное войско, которое, благодаря активной помощи немецких князей и знати, ему удалось довести до 60 тыс. По льду замерзшего залива войско перешло из Балги на Земландский полуостров и возле Меденовы встретилось с прусскими отрядами. Крестоносцам пришлось выдержать несколько кровопролитных сражений (под Меденовой, Кведеновой, Вальдовой, Кайменом и Тапиовой), прежде чем немецко-чешскому войску удалось подавить сопротивление пруссов. Закрепившись после этих

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 342—343.

сражений на Земландском полуострове, крестоносцы выстроили в устье р. Скара (позже — Липца, затем Прегель) укрепление, названное ими в честь Оттокара Крелевец. Немцы переименовали его тотчас же в Кенигсберг. Это укрепление находилось недалеко от старого прусского укрепления (O. Besknecht, 1890, стр. 340).

В 1260 г. произошло второе массовое восстание прусско-литовцев. В восстании участвовали жители не только западной, но и восточной части территории. Немцы пытались сломить сопротивление восставших путем террора. Известно, например, о сожжении заживо большой группы прусско-литовской знати, захваченной крестоносцами в плен.

Однако первые успехи Ордена, подавившего восстание в некоторых районах, оказались призрачными: огонь восстания вспыхнул снова. На этот раз восстание приняло особенно широкий размах. Под Покарбе-ном крестоносцы были разбиты и бежали в Кенигсберг, который был тотчас же осажден прусско-литовцами. Получив подкрепление из Германии, крестоносцы в 1263 г. перешли в наступление и разбили прусско-литовцев, но в следующем году военные действия снова приняли большие размеры. В 1264 г. отряды судавов осадили немцев в Велове (Велау), и лишь с большим трудом Ордену удалось освободить осажденный город. Сняв осаду с Веловы, крестоносцы двинулись вниз по р. Лаббе (позже — Дейме) и захватили оба берега ее на всем протяжении, превратив имевшиеся здесь прусские селения и укрепления в свои опорные пункты. Так были созданы немецкие укрепления в Тапиове (Тапиау) и Лабубе (Лабиау). В 1266 г. был построен немцами Бранденбург на р. Фришинге, который должен был защищать Кенигсберг с запада. Полное покорение земли земов (западных пруссов) закончилось в 1270 г.

Это был второй этап немецко-рыцарской агрессии в прусско-литовской земле. После этого в течение ста лет Орден воевал против восточных литовцев. В этот третий период агрессии рыцари переселили часть прусско-литовского населения из Судавии (восточная часть территории) на Земландский полуостров, чтобы освободить для немецких колонистов земельные участки. Известно, например, о переселении большой группы судавов в северо-западную часть полуострова около Брюстерорга, Ст.-Лоренц и Хайлигенкройц (так называемый «судавский угол»), а также в местность подле Медникен в приходе Варген (A. Böttcher, вып. VIII, стр. 27—28). В 1325 г. Орден построил укрепления в Гердауене и Вартенбурге.

К этому времени относится строительство немецкой внешней оборонительной линии на восток от Земландского полуострова — по рекам Дейме и Але. Оборонительная линия состояла из цепи укрепленных посадок, окруженных валами, палисадами и частоколом. Каменные укрепления появились значительно позже. Кроме того, Орден создал на востоке «зону пустыни». Значительные территории Галиндии, Надровии, Шалавии и Судавии были опустошены, прусско-литовские селения выжжены, поля вытоптаны, искусственные сооружения на реках (мосты, переправы) уничтожены. Области эти превратились снова в пустоши, из которых завоеватели стремились удалить все местное население. «Образец того опустошения, — пишет про этот период К. Маркс, — которое они (крестоносцы. — П. К.) произвели, это судьба населения *Зюддау* (Süddau) в Пруссии; к концу XIII века цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выслаться в Литву»¹.

Граница «зоны пустыни» начиналась от Веловы и через Гросс-Зобро-ст, Зензбург, Бишофсбург тянулась к польской границе вплоть до

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344 (Süddau — Судавия.)

Нейденбурга. Она состояла из трех параллельных валов вышиною в 3 м и шириною (в верхней своей части) в 2 м и шла сплошной линией через горы и долины. В болотистых местах были построены дамбы, возведены блокгаузы (Prussia, 1881, стр. 18, 154).

Судьба жемайтов, населявших местности к северу от нижнего течения р. Немана, сложилась иначе. После закрепления в конце XII в. немецких рыцарей в устье р. Западной Двины и постройки там крепости Риги, немцы занялись покорением местного ливского и летто-литовского населения. В 1202 г. был организован рыцарский Орден меченосцев, сыгравший в покорении северной Прибалтики такую же зловещую роль, какую сыграл Тевтонский орден в юго-восточной Прибалтике. Расширяя свои владения и оккупируя территории местных летто-литовских племен, Орден меченосцев столкнулся с жемайтами и земгалами. В 1236 г. под Шауляй меченосцы были разбиты наголову восставшими летто-литовскими племенами и принуждены отступить к побережью, но в следующем году они объединились с рыцарями Тевтонского ордена и возобновили захват земель и имущества местного населения. Подобно Тевтонскому ордену меченосцы создавали на захваченной территории опорные пункты, а жителей превращали в рабов. Так была оккупирована ими большая часть Жемайтии¹, а в 1252 г. в устье Курского залива создан военный лагерь Мемельбург, превратившийся позже в город и крепость Мемель (Клайпеда). Военные успехи немецких рыцарей облегчались непрерывной междоусобной борьбой летто-литовских князей, заключавших нередко военные союзы с немецким Орденом, польскими и русскими князьями против других летто-литовских племен. Это был период роста феодальной раздробленности. При столкновениях феодальных князьков менее всего учитывались интересы простого народа, и этнические связи и традиции сплошь и рядом уступали место различным политическим комбинациям. И тем не менее, несмотря на кровавую грязь княжеских междоусобиц, этнические группы, близкие по языку и быту, стремились слиться в единую народность.

Всё возрастающая угроза немецкой агрессии заставила некоторые летто-литовские племена образовать военный союз под руководством князя Миндовга. Союз этот, включавший жемайтов, часть куров, часть восточных литовцев и судагов, организационно закрепился после того, как Миндовг лишил многих князьков их власти, а земли подчинил себе. Но объединительные усилия Миндовга встретили яростный отпор со стороны других литовских князей. В 1250 г. немецкий Орден сумел привлечь на свою сторону и вовлечь в вооруженную борьбу против Миндовга русских князей (Галицкой Руси), поляков, ятвягов (судагов) и жемайтов. Только удачный политический ход литовского князя (принятие им католичества) спас его от разгрома. Миндовг добился распада коалиции, выступавшей против него, и тогда, воспользовавшись восстанием жемайтов и куров против немецких рыцарей, в 1260 г. нанес рыцарям сокрушительный удар.

¹ В 1411 г., вскоре после разгрома немцев при Танненберге соединенными силами славян и восточных литовцев (в 1410 г.), по Торунскому мирному договору земли к востоку от Мемеля были возвращены Литве, но Мемельская (Клайпедская) обл. оставалась за Орденом. В 1464 г. объединенный к тому времени Тевтонско-Ливонский орден стал вассалом Польши, а в 1515 г. секуляризован (ликвидирован), но это несколько не повлияло на судьбу летто-литовского населения Клайпедской обл.: оно оставалось под немецким владычеством. Позже Мемельская (Клайпедская) обл. вошла в состав германского Прусского государства и только после первой мировой войны была выделена из его состава. Сначала (1918—1923 гг.) Клайпедская обл. находилась под оккупацией французских войск, в январе 1923 г. она была передана буржуазной Литве, 22 марта 1939 г. Клайпедский край был захвачен гитлеровцами и присоединен к Германии; 28 января 1939 г. этот край был освобожден Советской Армией и воссоединен с Литовской ССР.

Войска Ордена были разбиты. Правда, Миндовг был вскоре убит своими приближенными, но ему удалось создать самостоятельное государство — Литовское княжество, объединившее значительную часть литовского народа.

В течение последующих двух столетий этническое единство литовского народа настолько окрепло, что прежние племенные этнонимы стали пониматься как исторические названия отдельных областей.

В письме от 11 марта 1420 г. литовский великий князь Витовт разъяснял королю Сигизмунду, что Литовское княжество состоит из трех частей — Литвы, Жмуди и Судавии, но что жители, проживающие во всех этих областях, литовцы. В конце письма Витовт так обобщил свои доказательства: «*Senteciastis enim et pronunciastis in terra Samaytarum, que est hereditas et patrimonium nostrum ex legitima attavorum et avorum nostrum successione, quam et nuno possidemus, que eciam est et semper fuit unum et idem cum terra Lithwaniae, nam unum ydeoma et uni homines. Sed quod terra Samaytarum est terra inferior interpretatur. Samayte vero Lithwaniam appellant Aux tote, quod est terra superior respecta terre Samaytarum. Samagithe quoque homines se Lithwanos ab antiquis temporis et nunquam Samaytas appellant, et propter talem ydemnitatem in titulo nostro nos de Samagicia non scribimus, quia totum unum est, terra una et homines uni*»¹.

Процесс этнического объединения литовцев происходил не только на востоке, в Литовском княжестве; он происходил и на территориях, захваченных Тевтонским орденом. Основной причиной, мешавшей балтийским племенам сплотиться в народности в XII—XIII вв., была политическая неурядица, междоусобная борьба князей и знати за власть и влияние; и пока угроза иноземного господства не выросла в реальное бедствие, пока полчища крестоносцев не стали жечь балтийские селения и уничтожать их жителей, до тех пор балтийские племена не понимали необходимости прочных межплеменных коалиций. В борьбе с немецким Орденом у прусско-литовского населения рождалось сознание этнической общности всех балтийских племен, но князья и знать нередко из своих корыстных и узко групповых интересов предавали народ, заключая военные союзы и соглашения не с соседними балтийскими племенами, а с злейшими врагами всех балтов — немецкими рыцарями. Между тем даже в завоеванных немцами областях у покоренного населения продолжал происходить процесс этнического объединения; материальная культура, обычаи, верования настолько сблизились, что было уже трудно этнически дифференцировать это население по группам. В результате введенных завоевателями порядков местное население, независимо от прежней принадлежности к тем или другим балтийским племенам, стало одинаково бесправным. Это отразилось и на терминологии, которая стала употребляться немецкой администрацией в покоренных областях: всё покоренное население стало именоваться «пруссам» в отличие от «литовцев», с которыми продолжалась борьба. Но само население иначе смотрело на вещи — оно считало себя этнически близкими братскому народу, оставшемуся свободным, и всё чаще начинало себя именовать литовцами. Прусский

¹ Перевод: «Итак, по своему самосознанию и языку земля жемайтов, которая досталась нам в наследство и которой мы владеем ныне по закону наших дедов и отцов теперь едина и всегда будет единой с землей литовской, потому что у них одинаковое наречие и одни люди. А «земля жемайтов» обозначает нижняя земля. Жемайты в свою очередь называют Литванию «Аукштоте», что обозначает земля верхняя в отношении земли жемайтов. В Самогитии же люди называют себя с древнейших времен литовцами и никогда не именуются «жемайтас»; вследствие этого и мы в нашем титуле не пишем Самогитию, ибо всё едино — и земля едина, и люди едины». Латинский текст приводится по Э. Вольтеру (1901, стр. 4—5).

язык выходил из употребления — он вытеснялся немецким, но не везде: значительная часть балтов, сохранивших компактность расселения, т. е. живших в районах, позже других подвергшихся немецкой колонизации, сохранила местные диалекты, которые называла теперь литовским языком. Впоследствии под влиянием литовской письменности, пришедшей из не-оккупированных немцами литовских областей, местные диалекты стали понемногу отмирать, уступая место двум основным наречиям литовского языка — аукштайтскому и жемайтскому, в каждом из которых западно-литовское население сохранило свои особые говоры.

Таким образом, распространение литовского языка среди коренного населения Восточной Пруссии объяснялось вовсе не этническим «вторжением» литовцев с востока, как это пытались представить в своей пропагандистской стряпне немецкие националисты и литовские ренегаты типа Юргиса Геруллиса, а пробуждением национального самосознания у западнолитовского населения. Этот процесс начал развиваться с XV в.

7. ОФОРМЛЕНИЕ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОСТИ СРЕДИ ПРУССКО-ЛИТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

С момента своего порабощения тевтонскими рыцарями, т. е. со второй половины XIII в., прусско-литовское население Восточной Пруссии, было превращено завоевателями в крепостных крестьян или дворовых. В 1275 г. право собственности на землю было в отношении местного населения отменено и введена крепостная зависимость. Когда население восставало против этих мероприятий, рыцари жестоко расправлялись с ним: часть коренного населения была переселена на запад, значительное количество его истреблено, а остальные принуждены были подчиниться установленному завоевателями крепостническому режиму. С этого времени начинается проникновение в области, заселенные западными литовцами, пришельцев из немецких земель. В 1417—1420 гг. те из западно-литовских крестьян, которые к тому времени еще оставались свободными, были во всех владениях Ордена прикреплены к наделам и должны были откупаться от своих повинностей, если желали перейти на новое место или уйти к другому помещику (V. Vileišis, 1935, стр. 195).

Немецкая колонизация в Восточную Пруссию началась с первых дней завоевания ее Тевтонским орденом. Прежде всего произошло заполнение немцами завоеванных и вновь построенных городов — это были ремесленники, торговцы и т. п. Литовцам и пруссам вплоть до XV в. запрещалось селиться в городах и заниматься торговлей или ремеслом, поэтому городское население завоеванной провинции приобрело подчеркнуто немецкий облик.

Колонизация же немцами сельских местностей встречала большие трудности из-за нежелания крестьян внутренних областей Германии переселяться на несвободные, т. е. связанные с отбыванием феодальных повинностей, наделы. В первую голову Орденом колонизовались пограничные районы; в другие же районы приток немецких колонистов был незначительным. Так, например, немецкая колонизация внутренних районов Земландского полуострова началась в более или менее широких масштабах лишь в первых десятилетиях XVII в. Однако она вскоре прекратилась в связи с Тридцатилетней войной; потом в восточных районах вспыхнула чума, области обезлюдели, и пришлось в течение всей первой половины XVIII в. заселять пустующие земли. Лишь с конца XVIII в. можно было снова приступить к немецкой колонизации полуострова, но к этому времени население успело увеличиться и онемечиться, поэтому острая необходимость в немецкой колонизации отпала (E. Kallweit, 1933,

стр. 39—41). Принудительная денационализация пруссов, проводившаяся в течение всего предыдущего времени как немецкой администрацией, так и евангелистской церковью, привела к полному вытеснению прусского языка немецким в общественном и семейном быту. Прусская речь перестала звучать в стране, и прусский язык с конца XVII в. превратился из живого разговорного языка в язык древности.

В других районах страны — в более северных и в восточных — денационализация коренного населения происходила медленнее. Подавляющая часть сельского населения территории, отграниченной с запада р. Дейме и с юга реками Писсой и Прегелем, оставалась литовской вплоть до второй половины XVII в.

В 1638 г. был издан церковный закон «*Recessus Generalis der Kirchen-Visitation Insterburgischen und anderen Litawischen Embter im Herzogthum Preussen*», в котором говорилось, что в районах Инстербург, Тильзит, Рагнит, Мемель, Лабиау, Шаккен, Таплаукен, Саалау и Георгенбург церковная служба совершается только на литовском языке. Так как некоторые жители этих районов — немцы, не понимали по-литовски, закон обязывал пасторов изучить немецкий язык и дважды в месяц совершать церковные службы на немецком языке¹.

В 1690 г. Лепнер (Т. Lepner, 1744, стр. 20) писал, что литовский язык имеет распространение в Рагнитском, Тильзитском, Мемельском, Инстербургском и Лабиауском районах, в Георгенбурге, Саалау, Таплякен, а также частично в районах Шаккен и Тапиау.

Сопоставляя имеющиеся в документах указания о распространении литовского языка, В. Вилейшис намечает такую южную границу расселения западных литовцев к началу XVII в.: Саалау — Шаккен — Лабиау — Велау — Баммельн — Лабгарбен — Норденбург — Энгельштейн — Банкхейм — Гуркан — Пржеросль.

В 1709—1710 гг. в Восточную Пруссию была занесена чума. В результате страшной эпидемии население провинции сократилось почти вдвое и составило не более 150 тыс. человек. Область обезлюдела. Множество городов и мелких населенных пунктов опустело, дома стояли заколоченными, служебные постройки приходили в негодность. Правительством были приняты решительные меры к тому, чтобы в кратчайший срок снова заселить этот край. Переселенцам давались разные льготы, хотя зависимые люди, желавшие переселиться в Восточную Пруссию, не освобождались там от своего зависимого состояния. Фридрих-Вильгельм I предложил зальцбургским крестьянам-лютеранам, подвергавшимся преследованию за свои религиозные убеждения, переселиться к нему в Пруссию. Значительное число немецких крестьян, в том числе и зальцбургских, отозвалось на предложение переселиться на освободившиеся после чумы земли. Таким путем удалось за время с 1719 по 1736 г. переселить около 30 тыс. человек, из которых часть была поселена в районе Гумбиннена и примерно 18 тыс. человек (3727 семей) расселились среди литовцев в округах Инстербург, Рагнит и Мемель. Немецкие колонисты селились среди местного населения, занимая освободившиеся наделы. В трех указанных округах на крестьянских наделах проживало 8367 семей литовцев, т. е. примерно 40 тыс. человек (М. Beheim-Schwarzbach, 1879, стр. 75—76). Все крестьяне — как литовцы, так и немецкие колонисты — были обязаны крепостными повинностями.

Число семей немцев-колонистов только в 10 районах превосходило число семей литовцев, оставшихся в этих районах (табл. 1).

¹ «*Preuss. Provinzial-Kirchenblatt*», V. Jahrgang. Königsberg, 1843, стр. 262.

Таблица 1

Число селений, в которых имелись в 1736 г. немецкие колонисты
(М. Beheim-Schwarzbach, 1879, стр. 274—275)

№ п/п	Амт (волость)	Общее число селений	Число селений, заселенных	
			немцами	литовца- ми
Дистрикт Инстербург				
1	Альтхоф-Инстербург	20	7	19
2	Бракупенен	25	20	22
3	Бредауен	46	34	40
4	Будупенен	23	23	18
5	Будветен	43	37	—
6	Бойлен	16	15	10
7	Дантцкемен	17	15	16
8	Динглаукен	21	16	18
9	Гаудишкемен	17	13	12
10	Георгенбург	59	30	55
11	Герритен	26	25	21
12	Гудваллен	34	24	33
13	Хольцфлосамт	40	19	32
14	Юргайтшен	39	22	32
15	Каттенау	20	19	15
16	Куатен	35	30	32
17	Кенигсфельде	34	30	29
18	Куссен	15	10	15
19	Лаппенен	29	19	23
20	Маттишкемен	9	7	9
21	Мейгункемен	13	12	12
22	Моулиннен	36	25	34
23	Пликкен	13	13	10
24	Саалау	19	7	7
25	Штанайтшен	24	23	18
26	Жиргупенен	26	23	20
27	Тельнингкемен	27	23	23
28	Вальдаункадель	24	24	20
29	Веедери	27	24	18
Дистрикт Рагнит				
30	Альтхоф-Рагнит	42	27	36
31	Даршкемен	40	26	31
32	Герскуллен	51	38	36
33	Грумбовайтен	47	18	45
34	Ушпинаукен	28	22	25
35	Касигкемен	19	7	19
36	Легсвагминнен	24	8	23
37	Лабегаллен	27	12	25
38	Шейтлаукен	29	15	27
39	Зоммерау	23	1	23
Дистрикт Тильзит				
40	Балгарбен	58	26	52
41	Баубельн	59	15	58
42	Куернесе	29	—	29
43	Линкунен	30	—	30
44	Винге	37	—	37

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Амт (волость)	Общее число селений	Число селений, заселенных	
			немцами	литовца- ми
	Дистрикт Мемель			
45	Альтхоф-Мемель	119	—	119
46	Клеменхоф	86	—	86
47	Хейдекруг	71	—	71
48	Прекуль	104	3	104
49	Русс	50	—	50
	Всего	1205	804	996

Пример, поясняющий таблицу. Вамте Альтхоф-Инстербург занесено в список 20 населенных пунктов, в 19 из которых жили литовцы, а в 7 — немцы-колонисты; таким образом, в 13 жили только одни литовцы и только в одном пункте — один немцы.

В большинстве других районов литовцы численно преобладали над пришельцами, в некоторых районах колонистов вовсе не было. Из списков зависимого населения тех районов, куда были вселены немцы-колонисты, видно, что никакого другого немецкого населения во всех этих районах ранее не было. Таким образом, данные о переселении подтверждают еще раз, что вплоть до начала XVIII в. среди сельского населения округов Мемель, Тильзит, Рагнит и Инстербург немцев почти не было (M. Beheim-Schwarzbach, 1879, стр. 78).

Среди переселенцев значительную часть составляли на первых порах зальцбургцы — немецкие крестьяне-протестанты из Зальцбурга (Австрия). Они проживали ранее в церковных владениях папского престола, подвергались религиозным преследованиям со стороны католической церкви и потому охотно эмигрировали в Восточную Пруссию. Приехав по приглашению прусского короля, лютеранина по религии, т. е. их единоверца, зальцбургцы надеялись найти здесь землю обетованную, в которой не было бы ни религиозного, ни феодального гнета. Однако социальные условия в Восточной Пруссии оказались ничуть не лучше, чем в Австрии, ибо, хотя их никто не подвергал религиозным преследованиям, власть феодалов-помещиков была безграничной. Было немало случаев, когда новоселов, считавшихся лично свободными, принуждали выполнять такие повинности, которые ранее выполнялись крепостными и зависимыми крестьянами. В руках помещиков находились леса, луга и пустоши, использовавшиеся крестьянским населением как выгоны для скота, — при малейшем сопротивлении помещики запрещали пользоваться этими угодьями и брали крестьян измором. Разочаровавшись в своих ожиданиях, зальцбургцы стали покидать предоставленные им наделы и переселяться в другие области. Во второй половине XVIII в. в Восточной Пруссии оставалось совсем немного зальцбургских крестьян, а к концу XIX в. сохранились лишь три колонии прежних поселенцев в районе Вилюнен (колонии Венскен, Шаркабуде и Кумелюшпен) (F. Tetzner, 1902, стр. 32). По рассказам современников, зальцбургские переселенцы были людьми хозяйственными и, видимо, передовыми, умевшими наладить хорошие отношения с местным литовским населением; используя эти сведения, немецкие националисты стали утверждать, будто последовав-

шая германизация литовского населения являлась следствием культурного влияния зальцбургских переселенцев, а не принудительных административных мероприятий немецких властей. Лживость этих утверждений разоблачается тем фактом, что зальцбуржцы недолго жили бок о бок с литовцами и потому никак не могли оказать на них длительного культурного влияния.

Кроме немцев, среди которых были крестьяне из различных провинций, пожелали переселиться в Восточную Пруссию — в небольшом количестве — французы, швейцарцы (главным образом ремесленники), поляки и литовцы из северных округов (Жемайтии). «К этой категории переселенцев, — пишет историк колонизации Бехейм-Шварцбах (M. Beheim-Schwarzbach, 1879, стр. 116—117), — относились хуже всего. В том, что эта категория действительно поселялась в качестве колонистов, нет никакого сомнения, уже самый факт много раз возобновлявшегося запрещения им селиться дает возможность заключить, что это все же происходило перед тем, а позже именно на эту категорию поселенцев было обращено особое внимание: вселение их должно было обойтись дешевле, чем вселение других колонистов, которые прибывали издалека». Большинство литовцев-жемайтов шло в дворовые, но так как им не разрешали носить привычную одежду, они группами бежали снова к себе, на места прежнего поселения. Это заставило амтмана предложить местным властям сделать литовцам-переселенцам некоторое снисхождение в отношении одежды и, если нельзя разрешить им носить лапти, то допустить ношение наггинеи (обувь из сыромятной кожи), особенно принимая во внимание, что кожу для наггинеи литовцы закупали в городах, где ремесленниками были немцы (M. Beheim-Schwarzbach, 1879, стр. 117). Из этого случая видно, что переселенцы должны были подчиняться существующим крепостническим уставам и выполнять повинности.

По подсчету Бехейм-Шварцбаха (M. Beheim-Schwarzbach, 1871, стр. 61), в северной части Восточной Пруссии в 1735 г. жило около 172 тыс. человек; таким образом, переселенцы составляли не более 20%, и среди остального населения (за исключением населения крупных городов) подавляющее большинство составляли литовцы.

Немецкую колонизацию начала XVIII в. никак нельзя считать единственной и решающей причиной последующего онемечивания Восточной Пруссии. Приток немецкого населения в западнолитовские области продолжался и позже, но он направлялся главным образом в города; в сельских местностях процесс этот не мог быть особенно интенсивным, пока коренное западнолитовское население оставалось на занимаемых им землях. А данных о том, что оно уходило со своих наделов, вплоть до конца XIX в. не имеется. Поэтому со второй половины XVIII в. увеличение численности немецкого сельского населения, так же как и литовского, могло происходить лишь путем естественного прироста, и существовавшее соотношение в численности населения отдельных национальных групп должно было бы сохраняться в течение длительного времени. Между тем к началу XIX в. было отмечено уже значительное уменьшение литовского населения, а потом с каждым десятилетием число лиц, говоривших по-литовски, стало систематически падать. Отсюда можно сделать вывод, что не численность литовцев (по происхождению) уменьшалась в Восточной Пруссии, а лишь количество лиц, признававших своим материнским языком литовский, т. е. что происходила непрерывная германизация западных литовцев.

Немецкие завоеватели в течение многовекового периода проводили систематические мероприятия по искоренению западнолитовской национальности. В ход были пущены не только методы политического

и морального воздействия, но и физическое истребление. Часть пруссо-литовцев была уничтожена в период завоевания или выслена в немецкие районы, где потеряла свой национальный облик, была окончательно онемечена. Среди оставшейся части западнолитовского населения были поселены немцы-колонисты. Литовский язык был запрещен для употребления в государственных учреждениях, а церковь и школа усиленно внедряли в литовскую крестьянскую среду немецкий язык и немецкие обычаи.

Феодалы верхи прусско-литовской знати, оказавшись в подчинении Ордену, быстро онемечились; для них важнее было сохранить за собой право на крепостную эксплуатацию прусско-литовского населения, чем говорить на родном языке и выполнять народные обычаи. Эти ренегаты вскоре забыли о своем этническом происхождении и нередко именовали себя «старогерманской» знатью (например, «риттергутсбезитцер» Перкун).

Различные запрещения, затруднявшие вплоть до XVI в. поселение литовцев в городах Восточной Пруссии, задержали образование западно-литовской городской буржуазии, и поэтому, когда позже капитализм проник в литовскую среду, он привел главным образом к формированию литовского кулачества, а не литовской промышленной буржуазии. Отдельные, весьма немногочисленные представители промышленной буржуазии, выдвигавшиеся из литовской среды, боясь дискриминации старались поскорее приобрести немецкий облик.

Наиболее стойко сохраняло свои этнические особенности литовское крестьянство, хотя численность его все же постепенно уменьшалась и абсолютно, и относительно немецкого населения, непрерывно пополнявшегося колонистами и ассимилирующимися литовцами. В XVIII в. стала зарождаться литовская национальная интеллигенция. Вначале это были почти исключительно священники и переводчики — другой литовской интеллигенции не было, ибо дети крестьян-литовцев могли рассчитывать получить образование, только избрав профессии пасторов или толмачей, которые были нужны государству. При помощи литовской интеллигенции господствующие классы Восточной Пруссии рассчитывали подчинить литовских крестьян немецкому влиянию.

Обучая этих людей, германское государство надеялось приготовить из них предателей своего народа, и во многих случаях такой расчет оправдывался. Но среди получивших образование литовских пасторов оказались и люди, преданные своему народу, содействовавшие его просвещению, помогавшие формированию его национального самосознания.

Среди имен, которыми гордится литовский народ, необходимо назвать Донелайтиса — литовского поэта и общественного деятеля XVIII в. Получив образование в Кенигсбергском университете, он в течение 35 лет занимал место пастора в поселке Тольмингкемен (Толминкиемис) и был известен среди окружающих литовских крестьян не столько как пастор, сколько как защитник крестьян от немецких помещиков. Демократ по убеждениям, горячо любивший свой народ и родную страну, Донелайтис обладал крупным литературным талантом. Его перу принадлежит несколько поэтических произведений, написанных по-литовски; лучшим из них считается публицистическая поэма «Времена года». Идеиное влияние Донелайтиса выходило далеко за пределы Восточной Пруссии — его деятельность имела большое значение для развития литовского литературного языка, формирования национального самосознания всего литовского народа (Ю. Жюжда, 1946, стр. 100).

В условиях Восточной Пруссии литовское крестьянство подвергалось двойному гнету — экономическому и национальному; в этом заключается

разгадка того обстоятельства, почему литовские крестьянские движения начала и середины XIX в., начинаясь в виде протеста против помещичьей эксплуатации, приобретали затем форму антинемецких выступлений. Все помещики были в Восточной Пруссии немцами, немцами же были и представители государственной власти; поэтому освобождение от помещичьей кабалы неизбежно должно было мыслиться литовскими крестьянами как одновременное освобождение от немцев вообще.

Когда идеи французской буржуазной революции проложили себе в начале XIX в. путь в Восточную Пруссию вместе с войсками Наполеона, они привели к развитию широкого аграрного движения. Под влиянием крестьянских волнений Прусское (т. е. восточногерманское) государство было вынуждено объявить в 1810 г. об уничтожении крепостного права и провести земельную реформу. Однако в конечном счете помещикам так удалось повернуть дело, что «в некоторых отношениях положение крестьян сделалось еще хуже: от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ земельных участков они должны были отдать помещикам, помещики часто вовсе сгоняли крестьян с земли, не разрешали крестьянам строить новые здания и т. д.» (Ю. Жюжда, 1944, стр. 59).

После «реформы» 1810 г. помещикам удалось сохранить за собой почти всю площадь бывшего феодального землевладения в Восточной Пруссии и лишить крестьян значительной части тех наделов, которые они обрабатывали до реформы. Это обстоятельство предопределило в последующие десятилетия тот «пруссский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве (Ленин), при котором немецкие аграрии соединили экономическое могущество крупных капиталистических собственников с исключительными правами бывших феодальных владельцев. Так, в то время как на пахных помещиков применялись сельскохозяйственные машины, вводилось искусственное удобрение, заводились многопольные севообороты и пр., громадные пространства полей и лесов превращались в охотничьи запovedники, в которых жили олени и козули и куда запрещалось проникать литовским крестьянам. Если же крестьянин, пришедший туда за хворостом, грибами или ягодами, попадался в руки лесной помещичьей стражи, его обвиняли в браконьерстве и на основании старых феодальных законов присуждали к тюремному заключению.

Обманутое в своих надеждах на получение земли литовское крестьянство в Восточной Пруссии глухо волновалось. Для борьбы с крестьянским движением прусское правительство решило в 1832 г. издавать специальную газету на литовском языке под названием «Истории о распространении евангелия среди евреев и язычников». Это пропагандистское мероприятие, проводившееся под флагом религии, не дало результатов. В 1848 г. революционная волна, прокатившаяся по всей Западной Европе, всколыхнула и Восточную Пруссию. В марте 1848 г. вспыхнуло большое крестьянское восстание в Клайпедской обл. Восстание началось в г. Клайпеде и его окрестностях, затем распространилось на окрестности г. Прекуль. Восставшие крестьяне разгромили королевский суд, податную инспекцию, сожгли много помещичьих усадеб, избили помещиков. Восстание удалось подавить лишь с помощью жандармерии и войск (Ю. Жюжда, 1944, стр. 60).

Основной причиной клайпедского крестьянского восстания было усиление помещичьего гнета, вызванное дальнейшим развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Карликовые крестьянские хозяйства, образовавшиеся после реформы 1810 г., не давали крестьянам возможности существовать без добавочных заработков. В то же время крестьянин был как бы прикован к своему участку, потому что эта земля была его «собственностью» и терять ее он не хотел. Един-

ственным местом, где он мог получить добавочный заработок, было ближайшее помещичье имение; но так как крестьянин был в безвыходном положении и выбора у него не было, он нанимался за ту плату, которую предлагал помещик. Некоторые дальновидные помещики, заранее учитывая все выгоды таких экономических взаимоотношений с крестьянами, продавали им часть своих худших земель — непременно мелкими участками. Так немецкие аграрии обеспечивали свои поместья дешевой рабочей силой.

В этих корыстных помещичьих расчетах не было учтено, однако, одно весьма важное обстоятельство — развитие классового самосознания эксплуатируемого крестьянства, происходившее под влиянием двух факторов: нарождавшегося рабочего движения в городах и литовского национального движения, являвшегося следствием формирования литовской буржуазной нации в заселенных литовцами западных областях России.

Для борьбы с литовским национальным движением Прусское государство в течение XIX в. издавало в разное время не менее 130 газет. Литовские демократические круги старались также использовать печатное слово для пропаганды своих идей, но их газеты быстро закрывала полиция (Ю. Жюжда, 1944, стр. 60—61). Официальная пропаганда успеха тем не менее не имела. Тогда правительство перешло на путь репрессий и начало преследовать все литовское. В 1872 г. литовский язык был изгнан из сельской школы Восточной Пруссии как язык преподавания — его место занял немецкий язык. В виде исключения разрешалось лишь в первых классах начальной школы обучать литовских детей закону божьему на их родном языке.

Запрещение литовского языка вызвало бурю негодования и привело к развитию так называемого петиционного движения. В 1873, 1875 и 1877 гг. были поданы петиции с тысячами подписей о восстановлении литовского языка в школе. В 1878 г. петиция была через специальную делегацию вручена императору Вильгельму I, но петиционеры и на этот раз ничего не добились. В 1879 г. была подана новая петиция; так как ни по одной из этих петиций не было получено удовлетворительного ответа, то в 1891, 1895, 1896, 1900, 1902, и 1904 гг. петиции были повторены. «Наконец, революция 1905 г. в России оказала такое влияние, что они (литовцы) сознательно отказались в дальнейшем от подачи каких бы то ни было петиций и прошений на имя немецких властей» (Ю. Жюжда, 1944, стр. 61—63), ибо население увидело бесполезность всех этих петиционных кампаний.

Идеи русской демократической революции 1905 г. распространялись среди литовского населения Восточной Пруссии главным образом через тех представителей литовской революционной интеллигенции, которые скрывались от преследований царского правительства в принимающих городах Восточной Пруссии (в особенности в Тильзите) и там получали приют у демократически настроенных местных жителей. В 1905—1907 гг. в г. Тильзите литовские революционеры даже организовали специальную типографию, выпускавшую литературу для литовских областей России. В этом же городе находился в течение длительного времени культурный центр литовского демократического движения в Восточной Пруссии. Но мелкобуржуазная крестьянская среда, преобладавшая среди западных литовцев, не создавала условий для глубокого проникновения в нее революционных марксистских идей. Пролетарская же прослойка у западных литовцев была незначительна.

Малочисленность литовского пролетариата в Восточной Пруссии имела свои исторические причины. На территории этой провинции было в начале XX в. довольно много промышленных предприятий, но на них

работали почти исключительно немцы. Объяснялось это тем, что большинство предприятий, за исключением нескольких крупных фабрик и заводов в Кенигсберге, Тильзите, Клайпеде и Инстербурге, изготовляло товары для местного рынка, а узость рынка приводила к тому, что для полной загрузки своих мощностей предприятиям приходилось непрерывно менять ассортимент изготавливаемой продукции. Это мешало организовать массовое, поточное или серийное производство и заставляло пользоваться трудом рабочих, имевших почти ремесленную выучку. Выходцы из западнолитовской деревни такой квалификацией обладать не могли и поэтому принимались только на подсобные работы, а нужда в чернорабочих была ограниченной. Вследствие этого так называемое «избыточное» население западнолитовской деревни искало обычно работу не на промышленных предприятиях, а у помещиков, grossбауэров и кулаков. При отсутствии работы в сельском хозяйстве безработные большей частью эмигрировали за границу.

Незначительность пролетарской прослойки в западнолитовском населении Восточной Пруссии привела к тому, что в национальном движении господствовали не революционные, а буржуазно-либеральные тенденции. С начала XX в. до 1923 г. в Восточной Пруссии выходило 38 газет на литовском языке, а с 1923 по 1939 г. в Клайпедском крае издавались в общей сложности 31 литовская газета и другие периодические издания. В г. Тильзите постоянно выходила та или другая литовская газета. Последняя газета на литовском языке «Новый Тильзитский путешественник» была закрыта нацистами в 1939 г. (Ю. Жюжда, 1944, стр. 63—64).

8. О «ШАЛАВАХ» И ЗАПАДНОЛИТОВСКОМ НАСЕЛЕНИИ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. НЕМАНА

Вплоть до 20-х годов нашего столетия среди исследователей, занимавшихся изучением национального состава юго-восточной Прибалтики, почти не было разногласий в отношении этнического происхождения коренного населения Клайпедского края и районов Тильзита и Рагнита на нижнем Немане (так называемая Шалавия, в эпоху Ордена).

Известный германский ученый Ф. Тетцнер (F. Tetzner, 1902, стр. 28) в своей книге «Славяне в Германии», подытожившей его собственные многолетние исследования о национальном составе населения Восточной Пруссии, писал, что «первоначально все три области — Судавия, Надровия и Шалавия были чисто литовскими». К тому же выводу пришел и немецкий географ прошлого столетия Х. Брахелли (H. Brachelli, 1862, стр. 43), отметивший в своей «Географии и статистике королевства Пруссии»: «Литовцы в северной части Восточной Пруссии являются туземным населением, ибо они были первоначальным населением округов Мемель, Хайдекруг, Нидерунг, Тильзит, Рагнит, Пилькаллен, Шталлунген, Гумбиннен, Инстербург и Лабиау, так же как и части граничащих с ними округов Гольдап и Даркемен», т. е. районов, указанных и у Ф. Тетцнера.

Эти выводы немецких буржуазных ученых подтверждены археологией и топонимикой, подтверждаются множеством исторических документов. В отношении Клайпедской обл. существует по этому вопросу большая научная литература; что же касается Тильзитского и Рагнитского районов, то они вообще не возбуждали ни у кого сомнений. В 1501 г. особый род крестьянской зависимости в окрестностях Рагнита специально именовался «литовским». В 1520 г. Симон Грунау писал, что у Рагнита и Тильзита живут литовцы. В 1572 г. депутаты округов Клайпеда, Тильзит и Рагнит приносили клятву верности немецкому герцогу на литовском языке. В 1578 г. в церквях округов Тильзит, Рагнит, Инстербург, Георгенбург и Саалау зачитывались и расклеивались на дверях официальные постановления на литовском языке (V. Vileišis, 1935, стр. 197). Словом, недостатка в исторических документах, указывающих на то, что литовцы в этих районах были коренным населением, не было.

В начале XX в. появились скептики, утверждавшие, что твердо установившийся в науке взгляд на этнический состав коренного населения Шалавии неправилен и должен быть пересмотрен. К сожалению, это были не новаторы, пролагающие новые пути в науке, не прогрессивные ученые, выступающие на борьбу с обветшалыми и косными взглядами, а реакционе-

ры и фальсификаторы. Не научные интересы были основным стимулом к постановке этого вопроса, а идеи политического реванша. Обо всей этой истории можно было бы и не говорить, если бы отзвуки «шалавского вопроса» не вызвали сочувственных откликов среди некоторых лингвистов стран Прибалтики — учеников Г. Геруллиса и К. Буги.

Первая мировая война, закончившаяся поражением Германии, привела к потере немцами некоторых областей. Среди этих областей, отошедших от Германской империи, находилась Клайпедская (Мемельская) обл., заселенная в большинстве литовцами (жемайтами). Немецкое бюргерство, захваченное националистическими возмездиями и жаждой реванша, болезненно реагировало на отторжение этой области. Волна национализма, использованная позже фашизмом в своих целях, захватила также многих германских ученых. В это именно время появились «новые» теории об этногенезе населения Восточной Пруссии, стремившиеся доказать, будто бы первоначальным населением этой области были не летто-литовцы, а пруссы и шалавы, «отличные от литовцев» по происхождению, быту и языку.

Вначале эти теории были основаны на данных о прусском языке, насколько о нем можно было судить по двум словарям прусского языка (XV—XVI вв.) и трем изданиям переведенного на прусский язык катехизиса (1541—1561 гг.). Язык этих памятников письменности несколько отличается от литовского языка (хотя очень близок к нему).

Один из литовских буржуазных публицистов, Вянцас Вилейшис дал критический разбор языка прусских памятников письменности, и хотя в его работе (V. Vileišis, 1935) довольно явственно выступает националистическая тенденция, приведенные им доводы заслуживают внимания.

«Дошедшие до нас языковые памятники, — писал В. Вилейшис, — вряд ли правильно отражают строение и особенности прусского языка, потому что прусский язык в это время уже умирал и он исчез почти одновременно с появлением в свет третьего издания катехизиса» (V. Vileišis, 1935, стр. 192). Отображенный в прусском катехизисе язык сконструирован неправильно, он игнорирует грамматические правила (в особенности синтаксис), без которых никакой живой язык, конечно, существовать не может. Вследствие этого возникает сомнение, отражает ли указанный языковой памятник цветущий период языка.

«Единственным надежным элементом, — пишет далее В. Вилейшис, — в этих языковых памятниках (и этому элементу можно было бы доверять), был бы его словарный запас. Сторонники теории самостоятельности прусского языка нашли в нем менее ста оригинальных прусских слов, которые отсутствуют в литовском и других языках.... Даже если мы допустим, что сотня прусских «самостоятельных» слов не есть прямое следствие умирания языка или же собственного творчества сочинителей памятника, то и в таком случае общность литовского и прусского языков без заимствованных слов остается гораздо большей, чем их различие. Подобные языки не могут быть названы самостоятельными, а должны рассматриваться лишь как диалекты» (V. Vileišis, 1935, стр. 192). С этим последним утверждением В. Вилейшиса согласиться, однако, нельзя: исследования о диалектах прусского языка (К. Буга) и грамматике прусского языка (И. Эндзелин) показывают, что прусский язык (а не диалект) действительно существовал, но он был одним из родственных друг другу балтийских летто-литовских языков.

Два первых издания катехизиса, как указывает проф. Болен (Bohlen, 1827, стр. 709—723), содержали только десять заповедей, «Credo» и вступительные формы «Sacramento». Население, которому приходилось пользоваться прусским катехизисом, жаловалось, что оно плохо понимает

его «прусский» язык. Через 16 лет после выхода в свет второго издания вышло новое, третье, издание (1561) катехизиса на прусском языке, выполненное немецким пастором из Побетена Абельем Вилем (П. Пакарклис, стр. 28). Перевод был сделан Вилем с помощью крепостного крестьянина-переводчика. Сохранилось письмо Абеля Вили, в котором он жалуется, что помещик заставляет крестьянина-переводчика выполнять большие повинности и что поэтому крестьянин не может уделить достаточного времени переводу катехизиса. Однако не только недостаток времени у переводчика, но и его плохая подготовка сделали перевод недоброкачественным. Поскольку прусской грамматики не существовало, Абель Виль мог придерживаться лишь привычных для него форм построения немецкого языка, что несомненно должно было придать своеобразный оттенок переводу. Переводчики из-за отсутствия подходящих прусских слов вводили вероятно в перевод свои собственные словообразования, составленные из чужих корней. Во всяком случае, катехизис Абеля Вили никак не может служить доказательством того, что язык пруссов не был родственен литовскому языку.

Теодор Лепнер, бывший в конце XVII в. первым пастором немецко-литовской церковной общины в Будветене, где богослужение происходило на немецком и литовском языках, хорошо владел литовским языком и поэтому мог быть авторитетным в этом вопросе; по его мнению, прусский язык следует признать чем-то средним между языком литовским и языком куров. Он утверждал, что литовский язык очень близок к прусскому языку, и ссылался при этом на аналогичное мнение Длугоша и Стрыйковского¹. Кроме того, Лепнер приводит параллельные тексты «Отче наш» на прусском, курском (латышском?) и литовском языках, чтобы показать их близость, и сравнивает эти тексты с переводом на современный ему литовский язык (Т. Lepner, 1744, стр. 100-102).

«Отче наш» по-прусски:

1-я редакция: Thawe nuson kas thu asse andangon swintits wirst tais emmens Pergeis twais laeims. Twaisquaits audasscfin nassemmei key audangon Nusan deimanan geittin dais numons schindainan. Bha attwerpeis noumans nuson auschautins, kay mas atwerpimai nuson auschantnikamans: Bhangwedais mans enperbandam. Sclait is rankeis mans assa waigan. Amen.

2-я редакция: Thawe nouseon kas thou aesse aendengon. Swyntits wirse twais emmens. Pareyse noumans tvvayia rycky. Tvveys quaits audaseysin na semmei kay endengan, nouseon deynanan geityey days noumans Schindeinan. Bhae etvverpeis noumans nuson anschautin kay mes werpymey nouseon anschautin ekamans. Bhae ni vvedeys mans enperbandasnan. Slait is rankeis mans aessevvargan. Emmen.

3-я редакция (по Грунай) — по-курски (или по-латышски?): Nossen Thevves, cur tu es delbes, Schvviz gesger thovves vvarde, penay mynys thovve mystlalstibe, toppes pratres gircad del bezisne tade tymnes sennes vvossinny, dodi monintes an nosse igdenas magse, unde geitkas pamas numas musse nojeyun cademas pamedam nusson pyrtainekans. No vvede numus panam padomam, svvalba di numes nevvusclayne. Jesus Amen!

¹ Мнение Длугоша достаточно определено: он признает пруссов, литовцев и самогитов (жемайтов) родственными племенами по обычаям и языку, но отличающимися говорами; он считает, что все они происходят от одного корня и языка, но указывает, что пруссы пошли другой дорогой, чем литовцы: «...Unius et moris et linguae, cognationisque; Prutheni et Lithuani Samogitaeque, fuisse dinoscuntur... et quamovis gentes ipse in pronuntiatione verborum differunt, quemadmodum Poloni, Bohemi, Rutheni. Nihilominus in multis conveniunt, non unius tamen stirpis et linguae fuisse aestimantur; sed Pruthenis alia fortur fuisse, quam Lituanis et Samogitis origo». (Historia Polonica, t. I, 1. 1, anno 997, 1615, стр. 113—114).

Что касается Стрыйковского, то он в некоторых местах повторяет мнение Длугоша, но в других говорит и от себя. Например излагая сообщения Эразма Стелла о литовских древностях, добавляет про пруссов: «значит, это был литовский народ» и в другом месте: древние пруссы, «которые были с Литвой одного народа» (Kronika polska, litewska, zmońska i wszystkiej rusi Macieja Strzykowskiego, 1846, стр. 43).

«Отче наш» по-литовски: Tėvė musu Kuris esse clangui, te esse szvenc'zamas vvardas tavvo te ared, musumptavya Karalistere nusi dudie tavoo (szvvienta) vvalle, kaip danguiteip in ant'zemes. Duna musu dieniszka, duck mums is sz' ediena, atleysk mums musu kaltes, kajk mes atleid'zium suvviemus kaltemus. Ne duck mus vvest y (pykta) pagundima; Bet gelbek mus nuy pisto. Amen.

Из всех четырех текстов видно, что переводчики ввели в них некоторые латинские слова, так как, очевидно, в прусском, курском и литовском языках не существовало соответствующих понятий. Считать поэтому, что данные тексты полностью отражают характер языков, вряд ли можно; тем не менее, даже в таком несовершенном виде переводы указывают на исключительную близость языков.

Еще больше будет видна эта близость из сравнения наиболее употребительных слов по словарю Симона Грунау. Воспроизводим этот список с параллельным переводом слов на немецкий и русский языки.

П р у с с к и е с л о в а П о - л и т о в с к и П о - н е м е ц к и П о - р у с с к и

Dewus	Diewas	Gott	бог
Angol	angelas	Engel	ангел
maista	miestas	Stadt	город
caimo	kiemas	Dorf	деревня
wunda	wundu	Wasser	вода
pewo	piewas	Bier	пиво
ruggis	ruggai	Korn	рожь
crage	kragas	Kanne	кружка
pauti	paute	Ei	яйцо
docti	duckte	Tochter	дочь
tawe	tiewe	Vater	отец
widia	wiejas	Wind	ветер
galbo	galwas	Haupt	голова
luti	liktis	Licht	свет
grekoy	griekai	Sünde	грех
supana	szupone	Frau	супруга
mutte, muttere	motina	Mutter	мать
schostro	seszu	Schwester	сестра
labbis	lobis	Gut	добро
linno	linnai	Flachs	лен
gnapfen	kannapes	Hanf	конопля
woykello	waikelis	junger Knecht	батрак
lapinna	lepimas	Gebot	заповедь
comatir	kumas	Gevatter	кум
mergus	merga	Magd	служанка
curpe	kurpe	Schuh	башмак
deyn	diena	Tag	день

В начале XX в. Г. Нарбут и, позже, И. Боричевский (1847, стр. 306—307), производя сравнение текстов «Отче наш» на прусском языке (в двух вариантах) с текстами на литовском и латышском языках, пришли к тому же выводу, что и Лепнер: прусский и литовский (а также латышский) языки необычайно близки.

Большинство немецких ученых конца XIX и начала XX столетия считало прусский язык и язык литовский необычайно близкими языками. Можно указать, например, на Пирсона (W. Pierson, 1873, стр. 8-11), Траутмана (R. Trautmann, 1910, стр. VIII), Тетцнера (F. Tetzner, 1902, стр. 28).

Таким образом, данные лингвистики никак не могли подтвердить теорию немецких националистов.

Понимая всю шаткость своей лингвистической позиции, «ученые»-реакционеры вроде П. Карге (P. Karge, 1925) и Гертруды Мортенсен (G. Mortensen, 1927) выдвинули новую «теорию» заселения территории Малой Литвы,

сводившуюся к тому, что литовцы не являются историческими преемниками первобытного населения территории западнее р. Немана. Мортензен утверждала, что этнический состав первоначального населения Восточной Пруссии радикально изменился после завоевания этой территории Тевтонским орденом, ибо значительная часть местного прусского населения была переселена на Земландский полуостров и там растворилась среди немцев, а остальные были истреблены во время войн. Коренное же население принеманской части в нижнем течении реки было, по словам Г. Мортензен (1927), вовсе не литовцами, а шалавами — народностью, более близкой к пруссам. Что касается литовцев, то они будто бы жили только в среднем течении р. Немана, который был их западной границей; между ними и шалавами проходила широкая полоса незаселенной пустоши — девственных лесов, непроходимых болот, совершенно не освоенных человеком земель. В подтверждение этих утверждений Г. Мортензен привела выписанные ею из орденских маршрутов (*Wegeberichte*) сведения о путях сообщения, ведущих из южной и западной частей провинции на восток и север. Из этих маршрутов якобы вытекало, что в центральной части страны не было населения и что в течение XIV и XV вв. для сношения с литовцами, жившими за Неманом, приходилось пользоваться услугами опытных проводников, знавших путь через леса и болота. Начиная с XV в., на эту территорию впервые якобы начали переселяться литовцы, которые, таким образом, являются «новоселами», а не старожилами центральной части страны. Так как Г. Мортензен объявила пруссов совершенно «чуждой» литовцам народностью, а шалавы, по ее мнению, — это те же пруссы, то отсюда вытекало, что литовцы не имеют никаких исторических прав на территорию нижнего течения Немана.

Политическая направленность всей этой псевдонаучной стряпни совершенно очевидна. Часть утверждений Г. Мортензен голословна, другая часть грешит против исторической правды. Поработав над неопубликованными документами Ордена, находившимися в Кенигсбергском архиве, Г. Мортензен составила на основании литовских *Wegeberichte* карту маршрутов XIV—XV вв. по Восточной Пруссии; из карты якобы можно сделать заключение об этнических границах литовцев. Эта карта называется «*Ostgrenze der Wildnis (Westgrenze der Litauer) um 1400*». Не имея в своем распоряжении полностью того материала, на основании которого составлена карта, трудно судить о степени добросовестности ее автора. Тем не менее опубликованные ранее материалы о маршрутах крестоносцев («*Scriptores*», т. II, стр. 662—711) заставляют усомниться в том, насколько точно Г. Мортензен использовала документы. Прежде всего, что собой представляют *Wegeberichte*? По Мортензен, это будто бы невинные географические справочники для каких-то путешественников, передвигавшихся по стране. Но комментарии Т. Гирша («*Scriptores*», т. II, стр. 662—664) давали в свое время иное освещение документам: он утверждал, что найденные в архивах Ордена краткие маршруты по Литве представляли собою шпионские донесения, полученные из различных источников и предназначенные для облегчения передвижения немецких войск по враждебной стране. «Путевые сведения были маршрутами военных походов против литовцев, — пишет Т. Гирш, — в стране которых завоевателям приходилось пробивать себе дорогу» (там же, стр. 662). Сведения эти получались от тех жителей пограничных с литовцами местностей, которые хорошо знали состояние дорог в лежащих по ту сторону границы областях враждебной страны. Бывало и так, что для получения сведений посылались специальные лазутчики, которым поручалось выспросить более или менее подходящим образом данные о расстояниях, о расположенных по дороге селениях, о местах, удобных для разбивки военного лагеря, о местах ночлега, о замеченных

трудностях и мерах для их преодоления. Осведомителями были большей частью проводники из пограничных селений, преимущественно из округов Балга, Бранденбург, Кенигсберг, Рагнит и Мемель, кроме того — литовские перебежчики или пруссы, переселившиеся в качестве колонистов в восточную Литву. Собранные сведения отсылались в Кенигсберг, и здесь по этому материалу составлялись краткие маршруты, которые размножались в нескольких копиях для нужд военного командования («Scriptores», т. II, стр. 663—664).

Таким образом, найденные маршруты были не подлинными донесениями лазутчиков, а чаще всего выдержками из их отчетов. Составители маршрутов не задавались целью дать опись населенных пунктов или географическое размещение населения — их задачи были несравненно уже: как наиболее коротким и удобным путем проникнуть к жизненным центрам восточных литовцев. Маршруты захватывают иногда очень отдаленные пункты, например верховья р. Вилии, верховья р. Немана («Scriptores», т. II, стр. 688—708), так называемую Auxtote (Верхнюю Литву), и имеют ввиду передвижение не отдельных лиц, а целых отрядов. Поэтому в маршрутах подробно указывается наличие или отсутствие переправ, мест для ночлега, возможность получить воду и фураж для лошадей и пищу для людей. Отдельные заимки, мелкие поселения в маршрутах не отмечаются; указываются лишь такие селения, где можно разместить отряд: с точки зрения военной это вполне понятно, и эту особенность маршрутов нужно учесть. Поэтому можно принять, что сведения маршрутов о населении и его географическом размещении неполны, однобоки. Впрочем, и эти сведения расходятся с тем, что сообщает Гертруда Мортензен. Во-первых, из опубликованных маршрутов видно, что по всей стране, через леса и болота, разветвлялись многочисленные дороги и население точно знало расстояния между отдельными пунктами, места переправ и т. д., т. е. оно постоянно пользовалось этими дорогами. Во-вторых, вдоль дорог находились кое-где значительные населенные пункты, дававшие возможность разместить солдат и накормить их («еды для людей и фуража для лошадей достаточно», кратко говорится в некоторых маршрутах). В-третьих, передвижение по этим дорогам было безопасно (для немцев), и, следовательно, где-то там, вдоль маршрутов, находилось враждебное завоевателям литовское население. На карте Г. Мортензен, в определенной части маршрутов, пустоши переходят в заселенное пространство значительно западнее р. Немана. Но пустошь (Wildnis) — это вовсе не пустыня, лишенная населения, как хочет представить Г. Мортензен, а лишь слабо заселенное пространство. «Пустоши, — пишет А. Цвек, — которыми во время господства Ордена была покрыта прусская Литва, вовсе не были лишены всякого населения. Полоса в 20—30 км вдоль границы была вскоре восстановлена (после страшного опустошения, которое произвели крестоносцы. — П. К.), а дальше, в остальных областях, в лесных дебрях можно было отыскать разбросанных небольшими группами охотников, рыбаков и других людей, ищущих пропитания. Луга привлекали людей, так как предлагали сено, на которое был спрос в соседних культурных краях» (А. Zweck, 1898, стр. 133). Эти люди вели напряженную борьбу с лесом и отвоевывали в нем все большие территории для посевов.

Кто же были эти неутомимые борцы с лесом? Это были литовцы.

Ссылки Г. Мортензен на отсутствие вплоть до XV в. литовцев в нижнем течении р. Немана совершенно голословны. Ф. Карп (Karp F. — Beiträge zur ältesten Geschichte des Memellandes) доказал, что на этих территориях издавна имелось компактное и оседлое литовское население. «Шалавы», т. е. жители Шалавии, были литовцами. И если «путешествия» немецких отрядов из Шалавии в занеманские области литовцев были

сопряжены с трудностями, то это объяснялось вовсе не отличием быта жителей Шалавии от быта прочих литовцев, а враждебным отношением не покоренного еще немцами населения к завоевателям. Местные жители сознательно создавали трудности передвижения для оккупантов. У всех прусско-литовских племен существовали укрепленные пункты, которые становились местом сосредоточения окрестного населения в тех случаях, когда ему угрожала опасность неприятельского нашествия. От одного укрепленного пункта к другому пролегали тропы, шедшие через леса, топи и болота. Вдоль троп были расставлены опознавательные знаки, которые убирались при приближении неприятеля, и тогда пройти по этим тропам становилось возможным лишь с помощью проводников. Немцы-завоеватели тщательно собирали все сведения о направлении и состоянии прусско-литовских троп, и само существование «маршрутов» является веским доказательством того, что эти территории были заселены непокоренными литовцами.

Использование секретных троп и бродов составляло одну из характерных особенностей прусско-литовской оборонительной тактики, о чем упоминают немецкие и русские исторические источники. Дусбург при описании сражения крестоносцев с пруссами у р. Сергуны (позже р. Зорге) говорит о прусских «хитростях», имея в виду тайные тропы и броды. Немецкий ученый Конвентц, исследовавший долину этой реки в конце XIX в., обнаружил в прилегающей к реке болотистой местности две старые плотины, заросшие сверху мхом (H. Conwentz, 1897, стр. 37). Плотины были возведены из бревен и тщательно замаскированы. Как указывает Л. Крживицкий (1909, стр. 121—122), плотины эти были сооружены пруссами; крестоносцы не знали о них, так как подобные плотины и тайные тропы нарочно прикрывались сверху мхом или землей в целях маскировки. Л. Крживицкий установил, и даже во многих случаях сам видел, подобные же замаскированные дороги и каменные броды, проложенные по дну рек, во многих местах Жемайтии и восточной Литвы. Вот, например, краткие сведения о подобной дороге у р. Сетувы (в Тельшевском уезде), которая вела через болото между озерами Лукшта и Паршахорно.

Летом 1906 г. Л. Крживицкий посетил Сетуву. Пространство, которое, вероятно, было когда-то громадным озером, заросло травой. «Отъехавши какую-нибудь версту, мы очутились в кустарнике, через который ведет узкая полоса; под травой канавы. Дорога наша делает постоянные повороты, представляя ломаную линию. Одна из составных частей — мостовая через речку, которая струится от одного озера к другому. Глубина около метра, хотя лето сухое... Лет 40 тому назад было так сухо, что Сетува высохла и можно было по ломаной дороге пройти, не замочив ног. В стороне против течения там находится ряд кольев, верхушки которых возвышаются на несколько дюймов над камнями, эти колья держатся еще крепко в земле и сохранились еще хорошо. Но на другой стороне дороги даже в этом исключительном году было столько воды, что высокого роста мужчина не мог достать дна. Дорога через Сетуву вела от пилькалниса в Давшагола до пилькалниса в Барбишках» (Л. Крживицкий, 1909, стр. 121—122). Местные люди называют эту дорогу Кольгринда (Kulgrindis от «kulis» — камень и «grinda» — пол), т. е. каменный пол, или брод. Одна из самых больших и также тщательно замаскированных кольгринд шла через середину Шавельского озера (там же, стр. 123, 125).

Таким образом, уже самое существование «литовских маршрутов» в Шалавии и Надровии опровергает построения Г. Мортензен и приводит объективного исследователя к совершенно иным выводам — к тому, что эти области были заселены западными литовцами.

9. ГЕРМАНСКИЕ ЦЕНЗЫ И ЯЗЫКОВЫЕ КАРТЫ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Первая народная перепись, в которой был поставлен вопрос о национальном составе населения, была произведена в Восточной Пруссии с 1825 по 1837 г. В округах севернее Немана перепись показала 59,1%, говорящих по-литовски, в округах Рагнит, Нидерунг, Лабиау, Пилькален этот процент опускался до 41,9 (в 1837 г.), а в южных округах (Шталлупенен, Инстербург, Гумбиннен, Гольдап и Даркемен) доходил до 14,9.

Таблица 2

Число жителей Восточной Пруссии, говоривших по-литовски

Год	Число жителей, говоривших по-литовски	Источник
1837	140 927	(«Preussische Statistik», вып. 5)
1852	151 243	(Там же)
1858	137 780	(Там же)
1861	139 428	(Там же)
1864	152 000	(Там же, вып. 151)
1867	146 000	(Там же)
1890	117 637	(Там же)
1895	120 698	(Там же)
1900	106 230*	(Там же, вып. 177)
1905	101 334	(Там же, вып. 209)
1910	99 245	(Там же, вып. 231)

В последующие годы переписи отмечали всё меньшие и меньшие цифры, и в 1925 г. показали 74 200 литовцев. Таким образом, если верить официальным германским статистическим данным, в течение последних ста лет число литовцев в Восточной Пруссии сократилось вдвое. Подобные результаты можно сравнить лишь с последствиями моровой язвы 1709—1710 гг.

* Кроме того, 9117—с двойным языком (литовским и немецким).

Данные переписей населения еще не доказывают, что всякий, кто был занесен в переписной бланк в качестве немца, действительно таковым являлся. Тем не менее эти данные указывают на постепенное сокращение этнической базы литовцев в Восточной Пруссии, и этот процесс становился все явственнее и интенсивнее с каждым новым десятилетием. В округах южнее Немана (Рагнит, Нидерунг, Лабиау и Пилькаллен) процент говорящих по-литовски по отношению ко всему населению этих округов снизился в 1858 г. до 39,5, а в 1910 г. дошел уже до 23,2; в округах севернее Немана (Мемель — Клайпеда, Хейдекрug — Шилуте, Тильзит) с 55,3 в 1852 г. спустился до 37,8 в 1910 г., если учитывать сельское и городское население; при исключении же городского населения городов Мемеля и Тильзита — снизился с 62,5 в 1861 г. до 53,0 в 1910 г.

Таблица 3

Процент жителей, говорящих по-литовски, по отношению к общему числу жителей округов Восточной Пруссии

О к р у г	Г о д						
	1852	1858	1861	1890	1900	1905	1910
1. Рагнит, Нидерунг, Лабиау и Пилькаллен	41,3	39,5	38,2	30,1	27,4	26,5	23,2
2. Мемель (Клайпеда), Хейдекрug (Шилуте), Тильзит	55,3	48,7	48,7	43,6	41,3	39,2	37,8
То же, за исключением городов Мемель, Тильзит	—	—	62,5	56,7	—	54,6	53,0

Дальнейшие переписи указывают на еще большее падение этой величины и на постепенное исчезновение литовского языка из всех округов южнее Немана.

Германские переписи населения могли бы быть основным источником для выявления действительного числа литовцев, проживающих в Восточной Пруссии, если бы метод проведения переписей не затруднял использования этого источника в полной мере.

В переписи 1861 г. в основу распределения населения по национальности были положены данные о языке глав семей. Домашнюю прислугу вносили в посемейные списки как членов семьи хозяина. Вследствие этого язык, на котором говорил хозяин, заносился в перепись и как язык прислуги. В действительности же было иначе, ибо прислуга сплошь и рядом говорила на другом языке. В Восточной Пруссии, где в немецких семьях домашней прислужкой были большей частью лица других национальностей (литовцы, поляки и пр.) такая практика проведения переписей приводила к преуменьшению числа литовцев и поляков, к преувеличению числа немцев. То же можно сказать и о тех случаях, когда переписчик имел дело с семьей, происшедшей от смешанного брака.

С 1890 г. стала учитываться национальность каждого отдельного человека, но в инструкциях по переписи само понятие «материнского языка» было так сформулировано, что давало переписчику достаточный простор в определении национальной принадлежности отдельных лиц и сплошь и рядом приводило к искажению данных о тех национальностях, которые не были господствующими.

Если бы даже переписчики были совершенно объективными, то и тогда не были бы исключены ошибки в определении национальности опраши-

ваемого. В действительности же не только переписчики, но и все руководство переписью было далеко не объективно и сама перепись все чаще становилась — по мере роста национализма в Германии — орудием националистической политики. В интересах этой политики было преуменьшение числа лиц, принадлежащих к не-немецкой национальности. В угоду этой политике в переписи вносились такие показатели, которые искажали их результаты и фальсифицировали данные о действительно существовавших численных соотношениях национальных групп.

Были и другие причины, затруднявшие выявление действительного числа литовцев. Эти причины можно отнести к факторам морально-политическим. Среди них основной причиной было то, что литовская национальность была национальностью угнетенной. «Многие литовцы, — пишет В. Вилейшис (V. Vileišis, 1935, стр. 203), — стыдились литовского языка и принимали немецкий язык, как свой материнский». Для литовцев, кроме того, было трудно найти себе работу в качестве служащих правительственных или общественных учреждений, поэтому им приходилось скрывать свою национальность, выдавать себя за немцев. Большую и активную роль в германизации литовского населения играло немецкое духовенство, оказывавшее моральное давление на литовское население и заставлявшее его отказываться от богослужения и конфирмации на литовском языке. Даже при установлении имен новорожденным — что происходило при обязательном участии пастора — немецкие священники предлагали литовцам-родителям давать своим детям немецкие имена. Еще большее значение в германизации населения имела школа. Преподавание в народной школе происходило только на немецком языке, который через школьников вносился в литовскую семью. Совместный же нажим церкви и школы, дополненный впоследствии устранением литовского языка из официальной жизни (суда, правительственных учреждений и т. д.), привел к тому, что с каждым новым поколением всё меньше литовцев по происхождению стало признавать себя литовцами по языку.

Таковы объективные и субъективные причины искажения переписных данных о численном составе литовского населения Восточной Пруссии. Анализ обнаруживает многие из искажений, но далеко не все. Прежде всего бросается в глаза несоответствие численного соотношения полов и возрастов лиц, указавших себя литовцами, с теми же соотношениями у других национальностей. Так, например, в переписи 1900 г. на каждые 1000 мужчин-литовцев приходится 1154 женщин-литовок, между тем как на каждые 1000 мужчин-немцев приходится только 1081 женщина-немка. Нет никаких оснований считать, что число женщин в литовской семье больше, чем в немецкой, следовательно, перед нами неточность, вызывающая преуменьшение общего числа литовцев (в данном случае мужчин).

Та же картина выявляется при сравнении и возрастных групп: численность немецкого юношества превышает (в пропорциональном отношении к другим возрастным группам) численность литовского юношества более чем на 10%. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с преуменьшением — по крайней мере на 10% — общего числа взрослых литовцев.

Наряду с официальной статистикой населения по народным переписям существуют и другие статистические данные, вносящие значительные коррективы в официальные цифры. Это церковная и школьная статистика. В церковных приходах пасторы спрашивают население о желательном языке богослужения и конфирмации детей и полученные данные сводят по приходам. Как правило, эти данные в отношении литовцев всегда процентов на 5—6 выше данных официальных переписей.

Школьная статистика учитывает данные о том, на каком языке говорят учащиеся дома. Правда, эти данные тоже не всегда правильно отражают действительное положение, и родители-литовцы приносили иногда даже коллективные жалобы (в 1892 и 1896 гг.) на то, что их детей в школах записывают немцами. И тем не менее школьная статистика указывает значительно большее число говорящих по-литовски, чем это имеет место в народных переписях. Так, например, по округам южнее Немана литовцев по школьной статистике, как правило, на 3—4% было больше, чем это показывали общие переписи населения.

Чем вызвано постепенное исчезновение целого народа западных литовцев? Это нельзя объяснить ни высокой смертностью, ни низкой рождаемостью, ни массовой эмиграцией. Очевидно, не эти причины вызвали катастрофическое падение численности литовского населения в официальной статистике Восточной Пруссии. Единственной действительной причиной этого явления нужно считать *систематическую германизацию литовского населения* как результат немецкой национальной политики. И это явственно выступает при сравнении данных германской статистики с данными русской статистики, показывающими непрерывный рост литовского населения в соседних с Пруссией областях царской России, заселенных литовцами, где, несмотря на усиленную эмиграцию в США и достаточно тяжелые условия жизни, литовское население в начале XX в. из года в год увеличивало свою численность.

Многочисленные неточности и искажения в германских статистических официальных источниках заставляют искать более доброкачественный материал, чтобы определить действительную численность отдельных национальностей. Тетцнер использовал для этой цели статистические данные церковных приходов и, сравнивая их с цифрами официальной статистики (народная перепись 1890 г.), пришел к выводам, значительно отличающимся от официальных данных. Достаточно указать на итоговые подсчеты Ф. Тетцнера по отдельным округам.

Таблица 4

Численность литовского населения в Восточной Пруссии в 1890 г.

(F. Tetzner, 1902, стр. 30—31)

Округ Восточной Пруссии	Относительная численность литовцев в % к общей численности населения	
	по официальным данным	по подсчетам Ф. Тетцнера
Мемель	43,9	47,4
Хейдекруг	57,7	61,9
Тильзит	47,3	58,1
Рагнит	18,5	27,0
Нидерунг	15,8	19,2
Пилькаллен	9,6	10,0
Лабиау	11,5	30,0
Инстербург	0,8	1,3
Шталлунген	1,6	3,0
Гольдау	—	Выявлены литовские районы (две евангелистские общины)

Метод Ф. Тетцнера развил В. Вилейшис, обработавший статистические данные 1905 г. и сравнивший цифры переписи с данными церковной и школьной статистики.

Заслуга Ф. Тетцнера заключалась не только в том, что он использовал данные церковной статистики, но и в том, что он сопоставил их с данными о богослужении на литовском языке. И оказалось, что районы, охваченные таким богослужением, значительно многочисленнее районов, в которых официальная этническая статистика обнаруживала компактное литовское население.

До конца XVIII в. вся земля севернее р. Прегеля — вплоть до Кенигсберга на западе, а также восточнее рек Дейме и Алле, земли регирунгс-бецирков Гумбиннен (округа Даркемен и Гольдап), пишет Ф. Тетцнер (F. Tetzner, 1902, стр. 29—40), считались областью распространения литовского языка. В 1719 г. южная граница распространения литовского языка пролегла по линии Лабиау — Петерсдорф — Норкиттен — Мульден — Иодлаукен — Тремпен — Даркемен — Жабинен — Гольдап — Дубенингкен. А через 130 лет эта граница пролегла уже по линии Лабиау — Лаукишкен — Плибишкен — Норкиттен — Обелишкен — Иодлаукен — Дидлаукен — Баллетен — Даркемен — Клешевен — Гавайтен — Толминкемен — Дубенингкен.

Обе эти границы устанавливаются по данным церковных приходов, в которых употреблялся при богослужении литовский язык.

По мере продвижения немецкого населения в глубь литовской территории и постепенного онемечивания коренного населения, немецкий язык стал вытеснять литовский из богослужения. Процесс вытеснения происходил обычно так: сначала немецкий язык вводился в некоторых церквях прихода наряду с литовским, на котором совершались службы во всех церквях этого прихода. Потом число церквей с богослужением на литовском языке начинало сокращаться и литовский язык становился одним из языков богослужения, но не единственным. Затем богослужение в большинстве церквей прихода переводилось на немецкий язык, и, наконец, литовский язык вовсе изымался из употребления при богослужении.

В качестве одной из причин исчезновения литовского языка в ряде районов В. Вилейшис указывает на влияние немецкой церкви: «Немецкое богослужение совершалось каждое воскресенье перед литовским богослужением. Немецкое, как богослужение «господское», отличалось большей пышностью. Так как оно посещалось стоящими на равной ноге (с помещиками) немецкими колонистами, то вскоре начали и литовцы подражать им. Кроме того, ожидание литовского богослужения после полудня было очень тягостно». Вследствие этих причин литовские крестьяне постепенно стали отказываться от специального литовского богослужения (V. Vileiŝis, 1935, стр. 201). Это объяснение вряд ли можно признать основательным: чтобы посещать немецкое богослужение, нужно было понимать по-немецки, и основная причина постепенного отказа литовских крестьян от специального богослужения заключалась, конечно, в том, что они стали употреблять немецкий язык.

В начале XIX в. употребление литовского языка в церковной жизни начало быстро сокращаться. Так, по данным того же автора (V. Vileiŝis, 1935, стр. 202), в церковной общине Пиллупенен в 1808 г. было конфирмовано на литовском языке 1753 подростка, а на немецком языке лишь 993; в 1826 г. по-литовски было конфирмовано 1779 человек и по-немецки 1748, а в 1840 г. — по-литовски лишь 1484, а по-немецки — 2407.

По данным Ф. Тетцнера, в конце XIX в. южная граница богослужения на двух языках — немецком и литовском — проходила по линии

Нидден (Курише-Нерунг) — Гильге — Лаукишкен — Мелаукен — Попелькен — Бершкаллен (Инстербург) — Инстербург-ланд — Георгенбург — Ауловенен — Грюнхейде — Пелленинкен — Краупишкен (Рагнит) — Мальвишкен (Пилькаллен) — Куссен — Пилькаллен — Катенау — Варникен — Бильдервейчен — Эйткунен — Шталлуненен — Гериттен — Пилуценен — Мелькемен — Виткемен и Дубенингкен. «Южнее этой границы не совершается ни одного богослужения на литовском языке и для пасторов литовская проблема объявлена несуществующей, но севернее этой линии

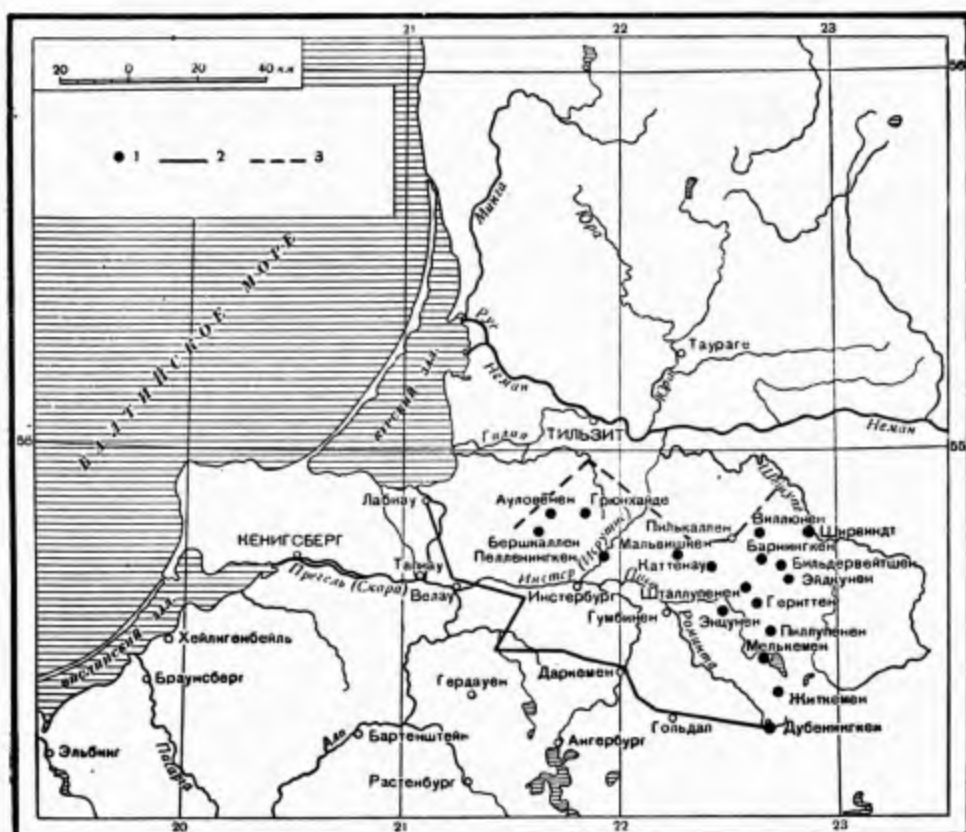

Рис. 38. Южная граница распространения богослужения на литовском языке в Восточной Пруссии в начале XX в.

1 — церковные приходы с двойным (немецким и литовским) языком богослужения; 2 — южная граница богослужения на литовском языке в 1719 г.; 3 — южная граница церковных приходов с еженедельным богослужением на литовском языке и конфирмацией на литовском языке в 1902 г.

богослужение на литовском языке происходит в каждом церковном приходе» (F. Tetzner, 1902, стр. 30).

В пределах отграниченной этой линией с юга литовской языковой территории находилось несколько немецких островков; это были большие города Мемель, Тильзит, Рагнит, окруженные смешанной немецко-литовской этнографической средой.

В пределах литовского языкового района литовское население распадалось на отдельные религиозные группы, среди которых наибольшее значение имели лютеране (евангелисты), католики и баптисты. Реформи-

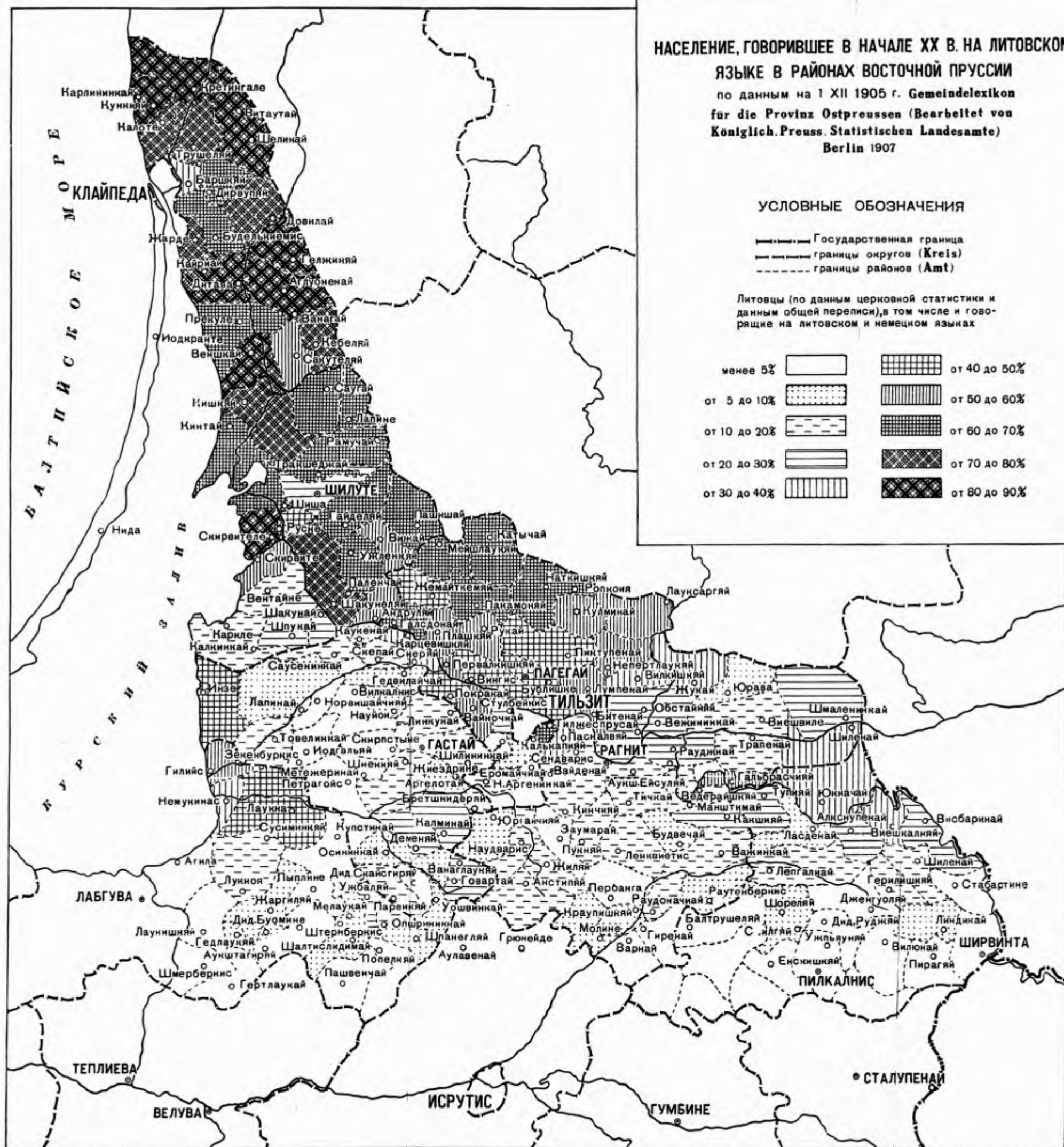
**НАСЕЛЕНИЕ, ГОВОРЯЩЕЕ В НАЧАЛЕ XX В. НА ЛИТОВСКОМ
ЯЗЫКЕ В РАЙОНАХ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ**
по данным на 1 XII 1905 г. *Gemeindelexikon
für die Provinz Ostpreussen* (Bearbeitet von
Königlich-Preuss. Statistischen Landesamte)
Berlin 1907

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

— Государственная граница
— границы округов (Kreis)
- - - границы районов (Amt)

Литовцы (по данным церковной статистики и
данным общей переписи), в том числе и гово-
рящие на литовском и немецком языках

менее 5%			от 40 до 50%
от 5 до 10%			от 50 до 60%
от 10 до 20%			от 60 до 70%
от 20 до 30%			от 70 до 80%
от 30 до 40%			от 80 до 90%

ровавшая апостольская церковь и израэлитская (иудейская) не имели последователей среди литовцев. Из общего числа 78 немецко-литовских церковных общин, лютеранских (евангелистских) было 67, католических 7, баптистских только 4.

В значительной части приходов ежегодные конфирмации в евангелистских общинах совершались не только на немецком, но и на литовском языке, что указывало на плохое знание немецкого языка даже молодым поколением, прошедшим немецкую школу. Южной границей литовской конфирмации Тетцнер указывает линию Инзе — Каукемени — Покракен — Юргайтцен — Лигветен — Будветен — Вишвилль — Шилленингкен.

Еженедельное, по воскресеньям, богослужение на литовском языке наблюдалось гораздо южнее — на всей территории Восточной Пруссии, ограниченной с юга линией Попелькен — Скайспиррен — Юргайтцен — Миллен — Краушишкен — Куссен — Пилькаллен — Жилленен.

На территории южнее этой области литовское богослужение происходило уже значительно реже — иногда только один раз в год. Так, например, в Бершкеллене литовское богослужение бывало один раз в год, в Инстербург-ланде дважды в год, в Грюнхейде двенадцать раз в год, в Пелленингкене дважды, в Мальвишкене четыре раза, Каттенау двенадцать раз, Варнингкене не было вовсе, в Виллонене только летом, а в Ширвидте четыре раза в год, в Эйткунене один раз, Шталлушене четырнадцать раз в год, Гериттене четыре раза, Пиллушене много раз, Энцунене трижды в год, Мелькемене четыре раза, Житкемене только летом и в Дубенингкене четыре раза в год. «Пасторы во многих этих приходах, — отмечает Тетцнер, — не умеют говорить по-литовски и принуждены при ежегодных богослужениях обращаться за помощью к своим говорящим по-литовски коллегам. В трех общинах Георгенбург, Ворниттен и Бильдервейчен (евангелистской) этого не требуется, так как немногочисленные литовцы или посещают литовские богослужения в соседних церковных приходах, или участвуют в немецких богослужениях, так как хорошо понимают по-немецки. Молодое поколение здесь сильно онемечено, и о литовском происхождении отдельных лиц можно узнать лишь по их фамилии» (F. Tetzner, 1902 стр. 31—32).

Как данные Ф. Тетцнера, так и данные В. Вилейшиса, несмотря на то, что между ними существует расстояние во времени почти в два десятилетия, дают согласованные указания о национальном составе населения северной части Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX в. Согласно этим данным, подавляющее большинство населения округов Мемель (Клайпеда), Хейдекруг (Шилуте), Тильзит составляли литовцы. В округах Рагнит, Нидерунг и в западной части округа Лабиау литовское население составляло от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ населения округов. В округе Пилькаллен литовцы составляли менее $\frac{1}{4}$ численности населения, но в отдельных районах и населенных пунктах численно преобладали над другими национальностями. И лишь в округах Инстербург, Шталлушене и Гольдап численность литовцев была незначительной. Однако и там существовали литовские национальные островки, в которых жили литовские компактные группы. На основании этих подсчетов можно было построить карту расселения литовцев по районам.

Существуют подробные этнографические карты Восточной Пруссии или северной части ее: карты Р. Бека (1864 г.), П. Лангханса (1922 г.) и В. Вилейшиса (1935 г.).

Карта Р. Бека составлена на основании переписи населения в 1864 г. Наибольший интерес в этой карте представляет ее средняя часть, из которой видно, что в 60-х годах прошлого столетия южная граница

литовского языка проходила по линии Агилла — Штейндорф — Ежеральшен — Тариупенен — Висденен — Дубенингкен, причем линия эта разрывалась в нескольких местах вклинивавшимися в нее территориями распространения немецкого языка. Севернее же линии Агилла — Бершкален — Куссен — Шилленен и восточнее линии Шталлупенен — Дубенингкен литовский язык был преобладающим. О недостатках переписи 1861 г., учитывавшей не национальное происхождение и даже не национальную принадлежность, а лишь разговорный язык главы семьи (или хозяйства), уже говорилось. При подобной сборке материала перепись несомненно преуменьшила действительное число литовцев. И тем не менее карта Р. Бека выявляет достаточно ярко литовский этнический характер территории южнее Немана, почти вплоть до района Инстербурга.

Вторая карта, которую следует отметить, это карта П. Лангханса. Называется она «Область литовского языка в Восточной Пруссии» и взята из германского научного издания «Dr. A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes Geographische Anstalt. Heft Januar-Februar 1921». Карта составлена в 1921 г. В пояснительной краткой записке к карте автор полемизирует с державами, заставившими Германию, на основании п. 25 и 99 Версальского мирного договора, уступить Клайпедскую (Мемельскую) обл. «иностранной державе», и доказывает, что эта область имеет немецкое большинство среди населения. С такой «установкой» и составлена эта карта — внешне вполне научная, но по существу тенденциозная.

Карта П. Лангханса состоит из двух частей. Первая часть карты имеет подзаголовок «Материнский язык по общинам», вторая часть — «Мемельская область по части 2 пункта 28 Версальского мирного договора». Обе части карты выполнены в разных масштабах, но охватывают одну и ту же область в разных границах: первая карта южной границей имеет 58° сев. широты, вторая захватывает также и более южные районы.

На карте «Материнский язык по общинам» показано распределение населения по признаку материнского языка в *границах общин и крупных землевладений*. Удельный вес литовского населения показан зелеными тонами, немецкого — розовато-красными.

Вторая часть карты выполнена в масштабе 1 : 500 000 и не содержит границ ни общин, ни крупных землевладений. Так же как и на первой карте, области с преобладающим литовским населением окрашены зелеными тонами, области с преобладающим немецким населением — красными тонами. Но в то время как на первой карте даны показатели довольно дробные (40—50%, 30—40%, 20—30%, 10—20% и 0—10%) на второй карте удельный вес национального меньшинства от 10 до 50% показан одним цветом; этот недостаток особенно сказывается в отношении тех областей и районов, в которых литовцы — по данным германской статистики — не имеют абсолютного большинства. Установить, каков удельный вес литовского населения в этих областях, т. е. 11 или 49% (так велик диапазон), на основании расцветки карты нельзя.

При оценке данных карт Лангханса нужно иметь в виду, что выполнены они по признаку материнского языка; следовательно, литовцы, отнесенные к категории «двуязычных», в расчет приняты не были. По переписи 1900 г. таких лиц было по округам: Мемельскому 1064, Лабиау 719, Кенигсбергскому 180, Хейдекруг (Шилуте) 696, Нидерунг 970, г. Тильзит 379, округ Тильзит 768, Рагнит 1179, Пиллкален 828, Шталлупенен 306, Гумбиннен 73, округ Инстербург 242, Гольдап 180.

Многовековой путь германской агрессии привел к постепенному отеснению литовцев на восток. При этом лучшие земли и лесные угодья были экспроприированы у литовцев и заселены немецкими колонистами или отданы в частную собственность немецким помещикам. Литовское на-

селение принуждено было занять худшие территории. На этих территориях оно скучивалось, — показателем этой скученности являлось все возрасставшее малоземелье, в то время как громадные пространства, захваченные немцами, оставались сравнительно слабо заселенными.

Насколько важно учесть эту особенность распределения населения в Восточной Пруссии, показывают разбираемые нами карты.

На первой из карт Лангханса — более подробной — красным цветом обозначены очень небольшие территории. Это прежде всего город Мемель с его окрестностями, заселенный преимущественно немцами. Кроме этого города, красным цветом расцвечено 20 пунктов (Klemenhof, Klausmühlen, Kakoreifen, Mädond, Stanischnen, Warr, Pilwarren, Baubeln, Polompen, Wahlenenthal, Kassigh, Adl. Wischwill и др.) — дворянские имения и населенные пункты с населением менее 100 человек (5 населенных пунктов) и от 100 до 150 человек (15 населенных пунктов). В этих пунктах удельный вес литовского населения составляет 10 и менее процентов. По отношению к общей численности населения области, а также в отношении всей территории, эти красные пятна на карте имеют ничтожное значение (за исключением города Мемеля, конечно).

Около 20 пунктов на карте окрашено розовым цветом. Это населенные пункты, в которых удельный вес литовского населения составляет 10—20%. Территория, покрытая розовой краской, несколько больше, чем территория, раскрашенная красным цветом. Но большую часть розовой территории составляют лесничества, т. е. области, «заселенные» почти исключительно служащими лесничеств и их семьями. К подобным территориям относятся лесничество города Мемеля и крупные лесничества Norkaiten, Dingken, Schmallingken, Jura, Ibenhorst.

Эти пятна — пункты расселения пришлого люда — служащих, администрации, т. е. тех групп населения, численность и состав которых зависят исключительно от факторов политических — от принадлежности территории тому или другому государству (в данном случае — Германии, поскольку это относилось к 1905 г.).

Внутри показанной на карте территории составитель отметил зеленым цветом сравнительно мало очагов, т. е. районы с преобладающим литовским населением. Большинство районов окрашено розовым цветом, обозначающим численность литовского населения от 10 до 50%. Внутри розовой территории находятся несколько пятен, окрашенных красным цветом, т. е. с населением почти исключительно немецким (до 90%). Но при анализе карты выясняется, что красные районы наименее заселены и принадлежат к лесным массивам. Большое красное пятно в западной части области по руслам рек Гильге, Шатейка и Шнекке представляет собою территорию, занятую участками немецких колонистов и владениями одного прусского агрария (громадное имение Раутенбург). Все остальные красные пятна и значительная часть розовых (т. е. с литовским населением до 50%) находились на территории крупнейших лесничеств: Ибенхорст, Шреккенше-Форст, Тавелль-Рингкен, Траппенен, Шовелленер Форст, Ней-Лубенен и пр. На левом берегу Немана на карте помечены два красных пятна — районы городов Тильзита и Рагнита, литовское население которых было немного менее 10%.

Сравнение окраски отдельных районов второй карты с теми же районами первой карты обнаруживает, что значительное число розовых районов второй карты (от 10 до 50% литовского населения) населено 30—50% литовцами. Следовательно, составитель карты не случайно, не для «удобства» установил свои рубрики (от 10 до 50%), а для введения в заблуждение тех, кто должен был пользоваться этой картой. В действительности же удельный вес литовского населения был гораздо более значительным.

Необходимо разоблачить также допущенный составителем карты трюк с окраской территории лесничеств. Все эти территории окрашены красным или розовым цветом, чтобы показать, что они заселены намецким. в большинстве, населением. Но этот фокус — а иначе его назвать нельзя — весьма примитивен. На территории лесничеств как мелких, так и крупных (Oberförsterei) запрещалось проживать посторонним лицам. Количество населения на этих территориях было ничтожно. Так, например, на территории крупного лесничества Юра, площадью в 56 км², расположен был только один населенный пункт с числом жителей в несколько десятков человек. На территории лесничества Ней-Лубенен, площадью в 120 км², — 4 населенных пункта: из них два с населением в несколько десятков человек и два с населением до 100 человек. На территории крупного лесничества Тавелль-Рингкен, площадью 120–130 км², расположены два населенных пункта с населением немного больше 100 человек. На территории лесничества Ибенхорст, площадью в 70 км², находился один населенный пункт с населением в 100 человек. И так во всех лесничествах. Плотность населения на этих территориях составляла 1–2 человека на 1 км², т. е. в 40 раз меньше средней плотности наименее населенных округов области.

Раскроем эти цифры. Населенные пункты на территории крупных лесничеств — это управления лесничеств и хутора, где жили лесники. Никакого другого населения здесь не было. В населенных пунктах жили служащие лесничеств со своими семьями (почти исключительно немцы) с домашней прислугой (литовцы) и некоторым числом рабочих (тоже литовцы). Вот все «население» лесничества. Так как немецкие служащие составляли большинство, вся окраска территории лесничества получила у автора карты «немецкие» цвета.

Примерно тоже происходило с территорией песчаной косы, отделяющей Курский залив от Балтийского моря. Коса эта полупустыня, прибрежную часть ее у Балтийского моря составляют дюны, остальная часть лесиста. На берегу Курского залива находилось три рыбацких поселка, заселенных литовцами и курами, а также курорты Шварцорт и Нидден с немецким населением. На карте Лангханса северная половина косы покрыта розовой краской, обозначающей заселенность косы от 40 до 50% литовцами. В действительности это была литовско-курская этническая территория, так как курортное население нельзя считать населением постоянным; что же касается «немецкой» окраски отдельных частей косы (она окрашена на карте красным цветом, т. е. будто бы заселена немцами на 90%), то эта окраска вызвана, вероятно, тем обстоятельством, что на косе было расположено несколько пограничных постов с немецкими пограничниками. Вот и все «немецкое» население этой территории!

10. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИТОВЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XX В. ПО ДАННЫМ РЕЛИГИОЗНОЙ СТАТИСТИКИ

Статистика евангелистских и католических приходов в Восточной Пруссии, опубликованная в *Gemeindelexikon für die Provinz Ostpreussen* (1907), давала более высокие цифры численности национальных меньшинств, чем германские цenzы, и разрабатывалась достаточно подробно — вплоть до отдельных общин. Эти публикации были пересчитаны В. Вилейшисом по новым административным округам (после присоединения Клайпедской обл. к Литве в 1923 г.) и легли в основу его работы, о которой уже упоминалось. Но, предприняв пересчет статистического материала, В. Вилейшис использовал его лишь суммарно для карты, отразившей районы расселения литовцев и их относительную численность по амтсбециркам. Так как внутри самих амтсбецирков процентное отношение литовского населения к остальному населению в отдельных пунктах было различным, то выведение среднего процента по всему амтсбецирку не могло дать полной картины характера расселения литовцев и немцев. Этот недостаток необходимо было устранить новой группировкой статистического материала, что является основной задачей настоящей главы. Статистические данные взяты по существовавшему в начале XX в. немецкому административному делению, без пересчета; внутри амтсбецирков выделены те населенные пункты, в которых процент литовского населения был более высоким, чем средние нормы по отдельным амтсбециркам.

Для выявления географического размещения и относительной численности литовского населения в Восточной Пруссии в начале XX в. взяты данные религиозной статистики за 1905 г. Итоговые цифры удельного веса литовцев на эту дату по округам Восточной Пруссии были следующими: в округе Мемель литовцы составляли 72,5% (за исключением города Мемеля, в котором они составили лишь 5,5%, если учитывать городскую территорию в границах 1905 г.); в северной части округа Хейдекруг 59,2%; в округе Тильзит 48,9%, причем в северной части округа удельный вес литовцев составлял 54,6% и в остальной части округа (из бывшего округа Рагнит) 27,1%. В этих северных округах Восточной Пруссии литовцы, по данным религиозной статистики, составляли большинство.

В местностях южнее р. Немана, удельный вес литовского населения был ниже. В округе Хейдекруг, в части его южнее Немана, литовское население составляло 26,2%; в округе Тильзит (южнее Немана) 21,6%,

но в округе Рагнит уже только 13,4%; в округе Нидерунг 11,2%, в восточной части округа Лабиау 14,9% и в округе Пилькаллен 8,0%.

В южной части территории — в округе Инстербург, западной части округа Лабиау, в округах Шталлупенен, Даркемен и Гюльдау удельный вес литовцев был незначительным — 1,0% и ниже (табл. 5).

Таблица 5

Удельный вес литовского населения в районах Восточной Пруссии по данным церковной статистики на 1/XII 1905 г.

(Gemeindelexikon, 1907)

Амтсбецирк	Число жителей	В том числе католиков и еван- гелистов		
		Всего	Из них литовцев	% литовцев к общ. числу
Мемельская (Клайпедская) обл.				
Город Memel (Klaipeda)	20 685	19 346	1 071	5,5
Округ Memel				
Kröttingen (Kretingale)	2 140	2 082	1 765	84,8
Kunken-Görge (Kunkiai)	1 635	1 635	1 424	87,1
Wittauten (Vytantai)	1 534	1 531	1 338	87,4
Kollaten (Kalotė)	1 268	1 266	978	77,2
Truschellen (Trušėliai)	1 565	1 563	1 224	78,3
Gross Jagschen (Šelinai)	1 586	1 580	1 333	84,4
Barschken (Barškiai)	1 084	1 064	389	36,6
Klausmühlen (Dirvupiai)	1 154	1 154	759	65,8
Buddelkehmen (Budelkiemis)	1 839	1 838	1 161	63,2
Dawillen (Dovilai)	1 714	1 676	1 218	72,7
Szarde (Žardė)	873	672	523	77,8
Dittauen (Ditava)	2 149	2 130	1 832	86,0
Aglohnien (Agluonėnai)	2 407	2 406	1 947	80,9
Gelisinnen (Gelžiniai)	1 203	1 198	979	81,7
Prökuls (Priekule)	3 012	2 987	1 953	65,4
Wensken (Venskai)	1 447	1 421	1 151	81,0
Sakuten (Sakutėliai)	1 594	1 556	819	52,6
Kebbeln (Kebeliai)	1 243	1 243	966	77,7
Kurisches Nehrung (Kuršių Neringa) . . .	1 719	1 718	527	30,7
Округ Heydekrug (Šilutė)				
Kischken (Kiškiai)	2 102	2 089	1 586	75,9
Saugen (Saugai)	2 330	2 268	1 561	68,8
Lapienen (Lapynė)	2 101	2 031	1 225	60,3
Kinten (Kintai)	2 885	2 869	1 985	69,2
Trakseden (Trakėdžiai)	2 893	2 859	1 765	61,7
Schiesz (Šyša)	883	878	581	66,2
Heydekrug (Šilutė)	4 471	4 325	1 231	28,5
Gaidellen (Gaidėliai)	3 180	3 140	2 064	65,7
Skirvietell (Skirvytele)	1 626	1 623	1 301	80,2
Russ (Rusė)	4 097	3 978	1 855	46,6
Paszieszen (Pašyčiai)	2 986	2 951	1 916	64,9
Schakunellen (Šakunėliai)	2 259	2 239	1 568	70,0

Таблица 5 (продолжение)

Амтебеццар:	Число жителей	В том числе католиков и еван- гелистов		
		Всего	Из них литовцев	% литовцев к общ. числу
Uzslökken (Užlekniiai)	1 902	1 896	1 215	64,1
Wieszen (Vyžiai)	2 901	2 887	1 497	51,8
Skirwieth (Škirvytė)	660	655	341	52,1
Ibenhorst (Ventainė)	112	112	20	17,8
Karkeln (Karkle)	2 567	2 562	451	17,6
Spukken (Spukai)	1 722	1 711	459	26,8
Schakuhnen (Šakunai)	1 591	1 571	459	29,2
Округ Tilsit				
Galsdon-Joneiten (Galsdonai)	1 586	1 566	1 025	65,4
Szamaltkehmen (Žemaitkiemiai)	1 178	1 178	579	49,1
Meischlauken (Meišlaukiai)	1 458	1 451	919	63,3
Koadjuthen (Katyčiai)	3 760	3 729	2 480	66,5
Plaschken (Plaškiai)	2 051	2 030	1 118	50,1
Pakamonen (Pakamoniai)	2 501	1 474	1 607	64,9
Nattkischken (Natkiškiai)	3 704	3 697	2 234	60,4
Winge (Vingis)	1 141	1 130	528	46,7
Rucken (Rukai)	1 998	1 977	1 113	56,3
Piktupönen (Piktupenai)	2 193	2 184	910	41,7
Kullmen (Kulminai)	1 732	1 705	986	57,8
Laugszargen (Lauksargiai)	2 215	2 139	1 096	51,2
Baubeln (Bubliškė)	1 606	1 595	726	45,5
Lumpönen (Lumpenai)	1 599	1 589	812	51,1
Neppertlauken (Nepertlaukiai)	1 163	1 148	681	59,3
Wilischken (Vilkyškiai)	1 547	1 539	580	37,7
Absteinen (Obstainiai)	1 162	1 158	339	29,3
Szugken (Žukai)	1 318	1 312	433	33,0
Weszeningken (Vežininkai)	951	941	281	29,9
Jura (Jurava)	86	86	8	9,3
Wischwill (Viešvile)	2 823	2 783	478	17,2
Schmalleningken (Smalininkia)	2 655	2 552	663	26,0
Округ Tilsit				
Pokraken (Pokrakai)	1 168	1 127	520	46,1
Weynothen (Vainočiai)	1 967	1 941	1 079	55,6
Stolbeck (Stulbeikis)	3 204	3 130	642	20,5
Schilleningken (Šilininkai)	298	298	5	1,7
Kalikappen (Kaikapiai)	2 853	2 768	244	8,8
Tilsit-Preussen (Tilžės Prusai)	1 741	1 674	108	6,4
Neu Argeningken (Nauj. Argininkai)	1 226	1 218	170	13,9
Eromeiten (Eromičiai)	1 390	1 390	155	11,1
Округ Ragnit				
Gopod Ragnit (Ragainės miestas)	4 908	4 815	198	4,1
Althof-Ragnit (Sendvaris)	827	827	112	13,5
Paskallwen (Paskalviai)	813	811	248	30,6
Woydehnen (Vaidenai)	846	839	159	22,5
Ober Eiszeln (Aukšt. Eisuliai)	1 945	1 922	262	13,6

Таблица 5 (продолжение)

Амтебейри	Число жителей	В том числе католиков и евангелистов		
		Всего	Из них литовцев	% литовцев к общ. числу
Neuhof Ragnit (Bitenai)	786	1 786	427	55,6
Raudszen (Raudžiai)	1 715	1 691	427	25,2
Trappönen (Trapenai)	1 539	512	170	11,2
Schillehnen (Šilenai)	954	1 949	364	38,3
Kindschen (Kinčiai)	1 050	1 050	130	12,4
Titschken (Tiškai)	1 646	605	214	13,3
Juckstein (Mankštymai)	958	1 949	170	17,9
Galbrasten (Galbrasčiai)	1 259	1 252	677	54,1
Jurgaitschen (Jurgaičiai)	1 713	1 698	155	9,1
Neuhof (Naudvaris)	1 824	1 784	185	10,4
Sommerau (Zaumarai)	1 637	1 637	463	28,3
Pucknen (Pukniai)	1 312	1 285	193	15,0
Lengwethen (Lenkvietis)	1 604	1 587	173	10,9
Budwethen (Budviečiai)	1 686	1 632	94	5,7
Kackschen (Kakšiai)	1 511	2 396	363	26,0
Anstippen (Anstipiai)	2 018	2 016	208	10,3
Szillen (Žiliai)	2 773	659	318	11,9
Perbängen (Perbangai)	972	1 971	27	2,8
Raudonatschen (Raudonaičiai)	1 148	1 138	124	10,9
Waszeninken (Važininkai)	1 599	1 593	216	13,5
Rautenberg (Rautenberkis)	1 879	1 852	153	8,3
Moulienen (Molynė)	1 640	1 640	83	5,1
Kraupischken (Kraupiskiai)	1 191	1 185	49	4,1
Girrehnen (Girenai)	1 462	1 462	46	2,8
Warnen (Varnai)	1 693	691	71	4,2
Округ Niederung				
Inse (Inse)	1 956	1 941	833	42,9
Lappienen (Lapynai)	3 225	3 194	244	7,6
Sausseninken (Šauseninkai)	1 456	1 426	179	12,5
Kaukehmen (Kaukenai)	3 665	3 602	318	8,8
Perwalkischken (Pervalkiškiai)	43	43	23	53,9
Heinrichsfelde (Andruliai)	880	880	493	56,0
Tawellingken (Tovelninkai)	4 129	4 079	446	10,9
Norwischeiten (Norvišaičiai)	1 369	1 348	8	0,6
Jedwilleiten (Gedvilaičiai)	1 368	1 293	107	8,3
Sköpen (Skepai)	1 395	1 355	237	17,5
Karzewischken (Karceviškiai)	1 251	1 217	380	31,2
Iodgallen (Iodgaliai)	2 895	2 871	124	4,3
Wolfsberg (Vilkainis)	1 676	1 653	20	1,2
Neukirch (Naujoji)	1 993	1 907	115	6,0
Linkuhnen (Linkunai)	1 428	1 268	189	14,9
Skirbst (Skirpstyne)	1 203	1 148	39	3,4
Heinrichswalde (Gastai)	2 793	2 760	73	2,6
Sandfluds (Ziesdrine)	1 896	1 892	304	16,1
Peterswalde (Petragejis)	1 528	1 491	65	4,3
Gr. Friedrichsdorf (Metėžėrynai)	1 958	1 952	93	4,8
Schnecken (Šnekių)	2 031	2 015	242	12,0
Argelothen (Argelotai)	1 331	1 322	126	9,5
Demmenen (Demeniai)	1 031	1 031	46	4,5
Kollmienen (Kolmynai)	2 138	2 109	456	21,6
Brettschneidern (Bretšnyderiai)	917	914	161	17,6
Osseningken (Osininkai)	1 816	1 803	171	9,5
Parwischken (Parviškiai)	1 756	1 747	303	17,3
Gross Skaisgirren (Did Skaitsgiriai)	2 468	2 397	117	4,9
Oschweningken (Uošvininkai)	1 879	1 869	181	9,7
Wannaglauken (Vanaglaukiai)	1 655	1 647	376	22,8

Таблица 5 (продолжение)

Амтсбецирк	Число жителей	В том числе католиков и еван- гелистов		
		Всего	Из них литовцев	% литовцев к общ. числу
Округ Labiau *				
Gilge (Gilijs)	1 722	1 717	956	55,7
Nemonien (Nemunynas)	1 798	1 791	595	33,2
Lauknen (Laukna)	5 344	5 316	2 359	44,4
Pfeil (Luknojai)	1 876	1 867	256	13,7
Kotta (Kupstynai)	290	289	6	2,1
Gross Friedrichsgraben (Agila)	2 202	2 197	1	—
Laukischken (Laukiškiai)	2 230	2 215	43	1,9
Neu Sternberg (Žargiliai)	1 490	1 482	139	9,4
Piplin (Pyplynė)	749	748	36	4,8
Geidlauken (Geidlaukiai)	1 010	1 015	73	7,2
Gross Baum (Did. Buomine)	1 335	1 320	92	6,9
Alt Sternberg (Sternberkis)	1 372	1 360	57	4,2
Mehlauken (Mielaukiai)	2 252	2 181	83	3,8
Uszballen (Užbaliai)	1 132	1 124	128	11,4
Obscherninken (Opšrininkai)	1 018	1 017	108	10,6
Schmerberg (Šmerberkis)	1 247	1 242	12	1,0
Gertlauken (Gertlaukiai)	1 439	1 439	61	4,2
Schaltisschledimmen (Šaltisliūdimai)	1 499	1 472	93	6,3
Spannegeln (Španegliai)	1 489	1 489	94	6,3
Klein Baum (Pašvenciai)	1 709	1 680	12	0,7
Popelken (Popelkiai)	2 251	2 240	47	2,1
Округ Pillkallen				
Gop. Pillkallen (Pilkalnis miestas)	4 290	4 211	28	0,7
Gop. Schirwindt (Širvintos miestas)	1 302	1 199	55	4,6
Tuppen (Tupiai)	1 796	1 734	437	25,2
Iucknaten (Iuknačiai)	2 279	2 267	719	31,7
Lasdehnen (Lazdenai)	2 341	2 338	225	9,6
Alxnuponen (Alksnupėnai)	930	930	241	25,9
Weszkallen (Vieškalniai)	681	681	242	35,5
Wisborienen (Visbarynai)	1 150	1 140	329	29,6
Löbegallen (Liepgaliai)	1 654	1 634	251	15,4
Schmilgen (Smilgiai)	2 022	2 018	123	6,1
Grumbeowkeiten (Dženguoliai)	1 573	1 573	73	4,6
Girrehlschken (Gireliškiai)	1 550	1 542	156	10,1
Schillehnen (Šilėnai)	1 303	1 295	236	18,2
Doristhal (Stabartynė)	965	964	40	4,1
Baltruschellen (Baltrušeliai)	1 496	1 489	54	3,6
Spullen (Spuliai)	2 166	2 166	70	3,2
Henskischken (Enskiškiai)	2 106	2 102	86	4,1
Uszpiaunen (Užpjauniai)	2 529	2 527	45	1,8
Gross Rudszen (Did. Rudžiai)	1 784	1 771	41	2,3
Willuhnen (Willunai)	2 032	2 032	39	1,9
Lindicken (Lindikai)	940	940	49	5,2
Schirwindt (Širvinta)	1 266	1 266	35	2,8
Pieragen (Pyragiai)	1 371	1 371	53	3,9
Stimbern (Stimbriai)	1 113	1 104	—	—
Mallwischeken (Malviškiai)	2 277	2 249	15	0,7
Kussen (Kusai)	1 848	1 837	10	0,5
Warningken (Varninkai)	1 486	1 840	5	0,3

* Без г. Лабиау и 11 амтсбецирков, лежащих на запад от р. Дейме, с 15 841 жителем, среди которых только 40 указали своим материнским языком литовский.

Средние цифры по отдельным районам (амтсбецirkам), из которых состояли округа, выявляют значительные колебания удельного веса литовского населения, но эти средние цифры не дают правильного представления о расселении литовцев, так как в пределах самих районов литовское население было размещено неравномерно.

Для того чтобы выявить эту неравномерность, приводим статистические данные об удельном весе литовцев в отдельных населенных пунктах (по Gemeindelexikon, 1907).

1. В амтсбецirkе Barschken только в населенных пунктах Bachmann (Paupis) с 17,7% литовцев, Althof (Sendvaris) с 1,2%, Klein Tauerlauken (Taulaukeliai) с 1,0% литовцы были в меньшинстве; в Klemmenhof литовцев совсем не было. Во всех остальных населенных пунктах: Barschken (Barskiai) с 66,4% литовцев, Krucken-Görge (Ginduliai) с 86,6%, Petrauschen (Klipštai) с 86,2%, Schaulen (Lankiskiai) с 70,9%, Schlengen-Andres (Slengiai) с 98,1%, Wirkutten (Virkučiai) с 71,4% литовцы составляли большинство.

2. В амтсбецirkе Kurische Nehrung литовцы составляли большинство в Preil (Preila) 95,3% и меньшинство в Schwarzort (Tuodkrante) 33,3%, в пос. Schwarzort 29,7%, в Süderspitze (Korgalis) 34,3% и в пос. Nidden (купро) 4,9%.

3. В амтсбецirkе Heydekrug литовцы составляли большинство в населенных пунктах Rupalwen (Rupkalviai) 80,5%, Schieszigirren (Šyšgiriai) 80,5%, Schlaszen (Šlažai) 81,7%; в остальных населенных пунктах они находились в меньшинстве: Barsduhnen (Barsdunai) 36,6%, Cyntionischken (Cintioniskai) 18,4%, Gross Grabuppen (Grabupiai) 41,0%, Heydekrug Sdl. (Silute) 30,8%, Heydekrug St. (Silute) 14%, Werden (Verdaine) 31,1% и Szibben (Žibai) 13,3%.

4. В амтсбецirkе Russ только в пос. Russ (Rusné) литовцы были в меньшинстве — 21,5%. В остальных населенных пунктах они составляли большинство: Atmath (Atmata) 53,1%, Ioerkrandt (Pelkininkai) 93,0%, Bismarck (Žalgiriai) 67,2%.

5. В амтсбецirkе Szameitskehmen литовцы имели большинство в населенных пунктах: Heydeberg (Ditava) 57,8%, Juschka-Budwethen (Strielai) 67,1%, Schwarreitkehmen (Svaraitkemiai) 70,5%, Jakob-Titzkus (Vaidžėnčiai) 82,4%, Szameitkehmen (Zemaitkiemiai) 54,4%. В остальных населенных пунктах они составляли меньшинство: Kugeleit (Kūgeliai) 37,3%, Ortischken (Ortiškiai) 12,2%, Ostradirwen (Ostradirvai) 47,8%, Juschka-Spötzen (Spiečiai) 32,2%, Mädewald (Usenai) 8,4%.

6. В амтсбецirkе Winge литовцы составляли большинство в населенных пунктах: Lasdehnen (Lasdenai) 53,6%, Nausseden (Nausedai) 80,3%, Cr. Plauschwarren Adlig. (Plaušvarė dv.) 60%, Pellehnen (Pellenai) 91,8%, Snitkatzen (Sutkaičiai) 80,0%. В остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Jägenberg (Jokšai) 11,1%, Milchbude Adlig. (Jovarynė) 1,3%, Gross Plauschwarren (Plaušvarė km.) 35,5%, Kl. Plauschwarren Adlig. (Plaušvarėšiai) 47,0%, Uszpirden (Užpirdžiai) 42,7%, Wittschen (Vyčiai) 13,9%, Winge (Vingis) 12,2%.

7. В амтсбецirkе Piktupönen литовцы составляли большинство в населенном пункте Gudden (Gudai) 54,3%; в остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Bojehnen (Bajenai) 47,1%, Dingken, Oberförsterei (Dinkiai) 10,6%, Powilken (Pavilkiai) 43,4%, Piktupönen (Piktupenai) 36,4%, Wittgirren (Vidgiriai) 28,1%.

8. В амтсбецirkе Baubeln литовцы составляли большинство в населенных пунктах: Pogeegen (Pagegiai) 57,8%, Prussellen (Pruseliai) 80,8%, Schakeningken (Šokai) 61,2%. В остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Benningkeiten (Benkaičiai) 26,7%, Baubeln Adlig. (Bubliške) 6,0%, Kampen Adl. (Kampinė) 45,4%.

9. В амтсбецirkе Willkischken литовцы составляли большинство в насел. пунктах: Kerkutwethen (Kerkutviečiai) — 60,8%. В остальных насел. пунктах они были в меньшинстве: Kallweiten (Kalvaičiai) — 10,1%, Maszurmaten (Mazurmaičiai) — 19,3%, Polompen, (Polumpiai) — 1,9%, Willkischen (Vilkyškiai) — 45,4%.

10. В амтсбецirkе Absteinen наибольший процент литовцев имелся в населенном пункте Jogauden (Jogaudai) — 49,3%. В остальных населенных пунктах литовцы составляли: в Kellerischken (Kelnieriskiai) 37,8%, Absteinen (Obstainiai) 29,2%, Schreitlaugken (Sereiklaukis) 20,2%.

11. В амтсбецirkе Szugken литовцы составляли большинство в населенных пунктах: Krakischken (Krokiškiai) 71,2%, Naujeningken (Užtamsiai) 60%. В остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Adomischken (Adomiskiai) 4,5%, Ausgirren (Aukštgiriai) 44,0%, Lindicken (Lindikai) 8,3%, Schustern (Pagenaičiai) 43,0%, Cr. Szagmanten (Zagmantai) 27,8%, Hoch Szagmanten (Zagmantai, Aukšt.) 15,3%, Klein Szagmanten (Zagmanteliai) 35,7%, Szugken (Zukai) 17,5%.

12. В амтсбецirkе Weszeningken литовцы составляли большинство в на-

селенных пунктах: Motzischken (Mociškiai) 62,1%, Nauszeden, Bäuerlich (Nausedeliai) 59,4%. В остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Nauszeden, Erbfrei (Bališkiai) 7,3%, Heydebruch (Naujiena) 16,9%, Nauszeden, Schöferei (Pagirys) 20,1%, Sokaiten (Sokaičiai) 30,5%, Woidballen (Vaidbalis) 13,8%, Weszeningken (Veženinkai) 24,2%.

13. В амтбецирке Wischwill литовцы составляли большинство в населенном пункте Antgulbinen (Antgulbiniai) 100%. В остальных пунктах они были в меньшинстве: Antupönen (Antupiai) 30,6%, Baltupönen (Baltupenai) 26,8%, Kallwehlen (Kalveliai) 12,4%, Pagulbinen (Pagulbiniai) 27,1%, Wischwill (Viešvilė dv.) 11,2%, Wischwill St. (Viešvilė km.) 8,5%.

14. В амтбецирке Schmalleningken литовцы составляли большинство в населенных пунктах: Antschwenten (Antšvenčiai) 67,6%, Endruschen (Endružiai) 58,2%, Uszballen (Užbaliai) 51,3%. В остальных населенных пунктах они были в меньшинстве: Kassigkehnen (Kasikenai) 7,0%, Abschruten (Obschrutai) 1,7%, Schalleningken Oberförst (Šmalininkai) 12,7%, Augstogallen (Šmalininkai km) 9,8%, Usttilten (Užtilčiai) 13,9%, Wittkehmen (Vitkiemiai) 25,4%.

15. В амтбецирке Karkeln литовцы составляли большинство только в населенном пункте Wirballen (Virbalai) 54,3% и меньшинство в населенных пунктах Pustutten (Pustučiai) 25,6%, Tramischken (Tramišai) 27,0%, Wittken (Vidkiai) 25,0%.

16. В амтбецирке Spucken литовцы составляли большинство только в населенном пункте Labben (Labiai) 75%, и были в меньшинстве в населенных пунктах Ackmenischken (Akmenišiai) 35,9%, Girgsden (Girždai) 46,2%, Nauszeden (Nausedai) 27,7%, Abschrey (Opšriai) 39,1%, Rewellen (Reveliai) 23,4%, Spucken (Spukiai) 20,3% и Titskeln (Tirksliai) 29,0%.

17. В амтбецирке Schakuhnen литовцы составляли большинство в населенных пунктах Luttken (Liutkai) 65,6% и Schneiderende (Šneidrugalė) 54,4% и были в меньшинстве в населенных пунктах Jodischken (Jodiškiai) 49,5%, Schakuhnen (Šakunai) 20,2%, Schillagallen (Šilgaliai) 24,1%, Staldszen (Staldžiai) 31,5%, Wieszeiten (Vyžaičiai) 35,5%.

18. В амтбецирке Pokracken литовцы составляли большинство в населенных пунктах Naudwarischken (Naudvariškiai) 80,8%, Neu Jägerischken (Naujeji Jogeriskiai) 56,7%, Neu Weynothen (Naujeji Vainočiai) 83,6%, Alt Jägerischken (Senieji Jogeriskiai) 57,3% и Urbanteiten (Urbantaičiai) 70,8%; были в меньшинстве в населенных пунктах Kallwen (Kalvena) 30,6%, Kampinnischken (Kampiniškiai) 26,4%, Pokracken (Pakrokiai) 23,5%.

19. В амтбецирке Tilsit-Preussen литовцы в населенном пункте Birjohlen (Birjoliai) составляли 43,7%.

20. В амтбецирке Neu Argeniningken в некоторых населенных пунктах процент литовцев был выше среднего (13,9): в Bublauken (Bublaukiai) 21,3 и в Laukandten (Laukantai) 18,6.

21. В амтбецирке Eromeiten в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (11,1): в Eromeiten (Eromaičiai) 24,7 и в Trakeningken (Trakeninkai) 31,4.

22. В амтбецирке Althof Ragnit в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (13,5): Paszuisuen (Pažuišiai) 36,2, Stepponaten (Steponaičiai) 50,0.

23. В амтбецирке Paskallwen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Willmantienen (Vilmantynai) — 53,1%.

24. В амтбецирке Woydehnen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Pröwoiszen (Prievaišiai) — 54,4%.

25. В амтбецирке Ober Eiszeln в одном населенном пункте процент литовцев был значительно выше среднего (13,6) — Jautelischken (Jauteliškiai) 41,7.

26. В амтбецирке Raudszen в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (25,2): Raudszen (Raydžiai) 44,6, Gross Lenkeningken (Did. Lankininkai) 28,6, Bамbe (Bambenai) 26,1.

27. В амтбецирке Trappönen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Treigirren Lenkeninkehlen (Lenkininkeliai) 58,2%.

28. В амтбецирке Schillehnen в некоторых населенных пунктах процент литовцев был выше среднего (18,3): Alt Lubönen (Sen. Lubenai) 43,9, Schillehnen (Šilenai) 42,1.

29. В амтбецирке Kindschen в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (12,4): Brohnen (Bruoniai) 20,7, Gudgallen (Gudgaliai) 31,4, Wallullen (Valiuliai) 47,1.

30. В амтбецирке Titscken в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (13,3): Pellehnen (Pelenai) 56,5, Liepalothnen (Liepalotai) 29,3.

31. В амтбецирке Juckstein в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (17,9): Neu Krauleidszen (Nau Krauledžiai) 38,0, Wedern (Vedera) 35,3.

32. В амтсбецирке Jurgaitschen в некоторых населенных пунктах процент литовцев значительно выше среднего (9,1): Puppen (Pupai) 33,8, Skeppetschen (Skepečiai) 25,9, Schaulwethen (Šaulvečiai) 26,8, Wersmeninken (Versmininkai) 36,5.

33. В амтсбецирке Neuhoф в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Kluischwethen (Kluisviečiai) 70,6%, а в некоторых других процент литовцев был значительно выше среднего (10,4): Lieparten (Lypartai) 25,2, Oschnagern (Ožnugariai) 21,1, Schacken Jedwillen (Šakiai Gedviliai) 20,7, Schuwillen (Šuviliai) 22,6.

34. В амтсбецирке Sommerau в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Maszwillen (Mažviliai) 64,4%, а в некоторых других процент литовцев был значительно выше среднего (18,3): Bruiszen (Bružiai) 44,1, Jurken (Jurkai) 45,9, Kindschen (Kinčiai) 33,0, Beyken (Paikiai) 46,7.

35. В амтсбецирке Pucknen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Tilsnehlen (Tilžėnėliai) — 53,1%, а в некоторых других процент литовцев был значительно выше среднего (15,0): Alexen (Aleksai) 30,8, Karotschen (Karočiai) 41,7, Petroschken (Petruskai) 34,4.

36. В амтсбецирке Langwethen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство (?): Laskowethen (Laskoviečiai) — 50,0%, а в некоторых других процент литовцев был значительно выше среднего (10,9): Kallohnen (Kalinai) 47,8, Nestonwethen (Nestonviečiai) 26,8, Scharken (Šarkai) 29,0.

37. В амтсбецирке Budwethen в нескольких населенных пунктах процент литовцев значительно выше среднего (5,7): в Jeswethen (Jesvečiai) 14,5 и в Kallwellen (Kalveliai) 19,1.

38. В амтсбецирке Kackschen в двух населенных пунктах литовцы составляли большинство: Gross Puskeppeln (Did. Puskepaliai) 78,9 и Klein Schillehten (Šilėliai) 50,3%.

39. В амтсбецирке Antstippen в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (10,3): Jodszehten (Juodžėmiai) 42,8, Krelschen (Krešiai) 19,0, Pakullen (Pakuliai) 35,7, а в одном пункте литовцы составляли даже большинство: Wilkawischken (Vilkaviskiai) — 60,0%.

40. В амтсбецирке Szillen в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (11,9): Babillen (Babiliai) 45,3, Balanszen (Balandžiai) 20,6, Kropien (Kruopiai) 35,5, Nurnischken (Nurmiškiai) 27,1, Wingeruppen (Vingerupiai) 32,9.

41. В амтсбецирке Raudonatschen только в одном населенном пункте процент литовцев выше среднего (19,0): Lepalothen (Liepalotčiai) — 27,1.

42. В амтсбецирке Waszeninken в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (13,5): Abschruten (Apšrutai) 17,1, Eszerninken (Ežėrninkai) 27,4, Gudszen (Gudžiai) 34,7, Lindicken (Lindikiai) 43,8, Poplienen (Poplunai) 25,6, Skrebben (Skrebai) 34,8, Waszeninken (Važėninkai) 19,2.

43. В амтсбецирке Rautenberg в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (8,3): Kubillehnen (Kubilenai) 15,5, Laugallen (Laukgaliai) 30,3, Neu Moritzlauken (Nauj. Mauriclaukai) 41,8, Alt. Moritzlauken (Sen. Mauriclaukai) 20,0, Alt. Wingeruppen (Sen. Vingerupiai) 35,5.

44. В амтсбецирке Moulienen в нескольких населенных пунктах процент литовцев более значителен, чем в среднем по бецирку (5,1): Dirsen (Diršiai) 11,1, Krauleiden (Krauleidžiai) 13,3, Patilszen (Patilžiai) 17,2, Staggen (Stogai) 19,7.

45. В амтсбецирке Kraupischken в одном населенном пункте процент литовцев был значительно выше, чем средний по бецирку (4,1): Krapuischenkehmen (Kraupiskėnai) 19,4.

46. В амтсбецирке Girrehnen процент литовцев в отдельных населенных пунктах был выше среднего (2,8): Materningken (Matėrninkai) 9,5, Spirginnen (Spirginiai) 10,9, Werchlupönen (Verkslupėniai) 8,8, Tutteln (Tutliai) 7,3.

47. В амтсбецирке Inse в самом крупном населенном пункте Tawe (Tovė) литовцы составляли большинство — 82,6%.

48. В амтсбецирке Lappienen в некоторых населенных пунктах литовцы составляли более высокий процент, чем средний по бецирку (7,6): Degimmen (Digimai) 15,9, Maszrimmen (Mažrimiai) 11,2, Neu Schemeiten (Nauj. Žemaičiai) 17,6, Osznugarn (Ožnugariai) 12,9, Prudimmen, Königlich (Prudimai) 13,0, Raging (Raginga) 10,5, Rogainen (Rogainiai) 40,7, Rucken (Rukai) 32,1.

49. В амтсбецирке Sauszeningken в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (12,5) по бецирку: Achpaltten (Ašpalčiai) 17,1, Klein Aglawischken (Maž.-Algaviskiai) 35,5, Skuldeinen (Skoldainiai) 33,9.

50. В амтсбецирке Kaukehmen в населенном пункте Klokten (Kliokiai) процент литовцев составлял 19,3.

51. В амтсбецирке Tawellingken в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (10,9) по бецирку: Böhkenwiese (Benkiai) 42,9, Klein Friedrichsgraben (Greituška) 14,9, Kastaunen (Kaštaunai) 21,1, Schaugsten (Šaukščiai) 25,7, Tawellingken (Tovėlninkai) 13,7.

52. В амтсбецирке Jedwilleiten в некоторых населенных пунктах процент ли-

товцев был значительно выше среднего (8,3) по бецирку: Jedwilleiten (Gedvilaičiai) 10,7, Motzwethen (Mocvečiai) 11,6, Neu Buttischken (Nauj. Butkiškiai) 41,0, Alt. Buttischken (Sen. Butkiškiai) 18,9, Alt Bagdahnen (Sen. Bagdoniske) 10,0.

53. В амтбецирке Sköpen в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (17,5) по бецирку: Budwethen (Budvečiai) 33,0, Neu Sellen (Nauj. Sėliai) 26,7, Wietzischken (Vyciskiai) 29,9.

54. В амтбецирке Karzewischken в двух населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (31,2) по бецирку: Baltruschkehmen (Baltruškiemis) 42,8, Alt Ginnischken (Sen. Geniske) 43,8.

55. В амтбецирке Linkuhnen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Pokracken (Pakrokiai) — 60%, а во многих других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (14,9) по бецирку: Grietischken (Grietiskiai) 23,9, Linkuhnen (Linkunai) 19,0, Palinkuhnen (Palinkunai) 39,8, Uszkurwe (Užkurve) 34,4.

56. В амтбецирке Sandfluss в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Smaledumen (Smaledumiai) — 52,3, а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (16,1) по бецирку: Baltruscheiten (Baltrušaičiai) 37,6, Dittballen (Didbaliai) 36,1, Norageheen (Noragėliai) 24,4.

57. В амтбецирке Schnecken в лесничестве Schnecken Oberförsterei (Šnekiai, uredija) процент литовцев был значительно выше среднего (12,0) по бецирку и составлял 29,0).

58. В амтбецирке Kellmienen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Gross Ischdaggen (Did. Išdagiai) 77,0%, а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (21,6) по бецирку: Gross Dummern (Did. Dumai) 31,0, Gross Wingsnupönen (Did. Vinksnupėnai) 23,4, Kattenupen (Katinupiai) 36,4, Krauleiden (Krauledžiai) 34,3.

59. В амтбецирке Brettschneidern в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (17,6) по бецирку: Gross Brettschneidern (Did. Bretšnyderiai) 24,3, Kaukweth-Kludszien (Kaukvečiai-Kludžiai) 36,6, Klein Brettschneidern (Maž. Šnydriai) 35,2, Seikwethen (Seikvičiai) 25,9.

60. В амтбецирке Osseningken в населенном пункте Makohnen (Makonai) процент литовцев был значительно выше среднего по бецирку (9,5) и составлял 24,0.

61. В амтбецирке Parwischken в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (17,3) по бецирку: Borstehlichken (Borsteliškiai) 22,2, Endrejen (Endriejai) 35,1, Kischen (Kišai) 30,0, Ossupönen (Osūpenai) 23,5, Wilhelmsheide (Viliaus pieva) 25,3.

62. В амтбецирке Oschweningken в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (9,7) по бецирку: Basznitzkallen (Bažnykalniai) 41,2, Gobienea (Gobynai) 2,1, Wargutschen (Vergučiai) 39,2.

63. В амтбецирке Wannaglauken в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Pareisgirren (Pereisgiriai) 66,3%, Skieslauken (Skyslaukiai) 36,5%, Gross Obscherningken (Tinypriai) 30,7%.

64. В амтбецирке Nemonien в населенном пункте Nemonien (Nemunynas) литовцы составляли большинство — 52%.

65. В амтбецирке Lauken в населенном пункте Timber (Timbra) литовцы составляли большинство — 57,6%.

66. В амтбецирке Turpen в одном населенном пункте Galwoszen (Galvočiai) литовцы составляли большинство — 59,1%, а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (25,2) по бецирку: Hermoneiten (Armonaičiai) 34,3%, Ballupönen (Balupėnai) 45,7, Schacken (Šakiai) 46,1.

67. В амтбецирке Lucknatten в двух населенных пунктах литовцы составляли большинство: Gricklaugken (Griklaukai) 59,6%, Alt Skardupönen (Sen. Skardupėnai) 58,6%, а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (31,7) по бецирку: Lubinehlen (Lubinėliai) 32,9, Neu Skardupönen (Nauj. Skardupėnai) 48,7, Schillenhöhlen (Šilineliai) 37,2, Tulpiningken (Tulpininkai) 44,3, Woitekuten (Vaidekačiai) 44,7%.

68. В амтбецирке Lasdehnen в одном населенном пункте (из четырех) процент литовцев был гораздо выше среднего (9,6) по бецирку: Schilleningken (Šilineliai) 36,2.

69. В амтбецирке Alxnupönen в нескольких населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (25,9) по бецирку: Ambrasgirren (Ambrasgiriai) — 41,4%, Budupönen (Budupėnai) 45,4, Uszbördszen (Ušberžiai) — 39,1%.

70. В амтбецирке Weszkallen в нескольких населенных пунктах литовцы составляли большинство: Gross Darguszen (Dargučiai) 53,7%, Kallnischken (Kalniškiai) 60,0%, Sturmen (Sturmai) 51,9%, Weszkallen (Vieškalniai) 54,5%, а в населенном пункте Klein Darguszen (Dargučėliai) процент литовцев был значительно выше среднего (35,5%) по бецирку и составлял 47,8%.

71. В амтбецирке Wisborienen в нескольких населенных пунктах литовцы составляли большинство: Guttpettern (Gudpetriai) 58,8%, Stumbern (Stumbriai)

50,0%, Uszdrawen (Uždraviai) 100%, а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (28,9) по бецирку: Bardszen (Baršiai) 30,7, Bartkowen (Bartkaviai) 33,3, Dickianten (Dikiantai) 41,4, Serbentes (Serbentai) 44, 8.

72. В амтбецирке Löbegallen в населенном пункте Gross Wermeningken (Did. Vermeninkai) процент литовцев был значительно выше среднего (15,4) по бецирку и составлял 28,6.

73. В амтбецирке Girrehlschken в некоторых населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (10,1) по бецирку: Duden (Dudai) 25,3, Kiauschen (Kiausiai) 18,5, Kischen (Kisai) 20,7, Martingken (Martinkai) 18,5.

74. В амтбецирке Schillehnen в одном населенном пункте литовцы составляли большинство: Heidlaugken (Eidlaukiai) — 75,5), а в нескольких других населенных пунктах процент литовцев был значительно выше среднего (18,2) по бецирку: Brödszen (Briedžiai) 46,7, Gross Wingillen (Did. Vingiliai) 31,1, Inglauden (Iglaukai) 37,6.

Таким образом, согласно церковной статистике, во многих районах Восточной Пруссии западные литовцы составляли в 1905 г. довольно значительную часть населения. Относительная численность литовцев была наиболее высокой в Клайпедском крае, снижалась постепенно в принеманских районах и наиболее низкой была в округах Инстербург и Шталлунген; однако и там существовали отдельные населенные пункты (даже целые сельские общины), в которых литовцы являлись национальным большинством.

Необходимо оговорить, что удельный вес литовского населения значительно выше был в сельских округах, чем в крупных городах. В Мемеле, Тильзите и Инстербурге относительная численность литовского населения была значительно ниже, чем в прилегающих районах. Причину этого следует искать, во-первых, в том, что вплоть до XV в. литовским крестьянам запрещалось селиться в городах и заниматься там ремеслом или торговлей; во-вторых, крупные города Восточной Пруссии имели не только значение промышленных центров, но еще более административных центров, значительная часть населения которых состояла из чиновников и их семей. Так как литовцам всячески затруднялся доступ на государственную службу, в общественные учреждения и торговые предприятия, вполне понятно, как это должно было отразиться на численности литовского населения в крупных городах.

Иное положение создалось в мелких городках и поселках — здесь относительная численность литовского населения мало отличалась от окружающих сельских районов.

Позже литовская прослойка в городском населении Тильзита, Рагнита, Клайпеды значительно изменилась, и если бы политические условия создались другие — изменилась бы еще больше. Это можно показать на примере города Клайпеды (Мемеля).

Город Клайпеда был естественным морским портом не только для Восточной Пруссии, но и для Литвы. До 1910 г. удельный вес литовского населения г. Клайпеды составлял менее 10%.

Таблица 6

Рост литовского населения города Клайпеды (Мемеля)

Год	Общая численность населения	Из них литовцев	В % к общему числу
1837	9034	912	10,1
1861	17490	231	1,3
1890	19282	1022	6,3
1905	20685	1332	6,4
1910	21470	1977	9,2
1912	32500	7000	21,5
1925	35845	10835	30,5

Экономически г. Клайпеда (Мемель) был теснейшим образом связан с Клайпедской обл., населенной преимущественно литовцами. С другими районами и областями Германии экономическая связь этого города была ничтожной. Промышленность г. Клайпеды (главным образом лесопильная) работала на экспорт, перерабатывала привозной лес, который раньше (до первой мировой войны) сплавлялся по Неману из Белоруссии.

В таком же положении находился и Тильзит. Промышленность этого города работала на областной рынок, но город был настолько тесно связан с литовской сельскохозяйственной округой, притом не только в пределах Восточной Пруссии, что с 1921 по 1939 г. существовал между Германией и Литвой даже специальный договор о малом пограничном сообщении, т. е. о свободной торговле между Тильзитом и ближайшими районами Литвы. Литовские крестьяне могли, не выбирая заграничных паспортов, приносить на тильзитский рынок свои сельскохозяйственные продукты и там свободно продавать их. Без этого снабжения литовскими продуктами тильзитскому городскому населению пришлось бы плохо.

Процент литовцев среди городского населения Тильзита не превышал 10. Тильзит в течение очень долгого времени, кроме того, выполнял функции литовского культурного центра. Здесь постоянно издавались литовские книги и газеты, здесь находились литовские культурно-просветительные общества, здесь формировалась литовская интеллигенция.

11. ЗАПАДНОЛИТОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Сравнительное языкознание относит литовский язык, вместе с прусским и латышским языками, к так называемой «балтийской» ветви индоевропейских языков. Известный русский языковед Ф. Ф. Fortunatov (1899, стр. 30) указывал, что в ближайшем языковом родстве с этой ветвью находится ветвь славянская и что, по его мнению, «было время, когда языки славянский и балтийский уже по отделении своем от других индоевропейских языков составляли еще один общий язык, — язык, который может быть назван языком литовско-славянским» (Ф. Ф. Fortunatov, 1899, стр. 35). Впоследствии литовский и славянский языки отдалились друг от друга, но не настолько, чтобы утерялись следы прежней тесной близости, а может быть и единства. Значительно дальше отстоит балтийская ветвь от германской ветви индоевропейских языков, что можно установить как по основному словарному фонду, так и по грамматическому строю сравниваемых языков.

В современном литовском языке, по определению литовского лингвиста И. Круопас, различают два основных наречия: жемайтское и аукштайтское, или верхнее и нижнее. В жемайтском наречии имеются три местных диалекта, которые обозначаются по произношению слога «до» как диалекты «дудининкай», «додининкай» и «дуодининкай». Аукштайтское наречие состоит из четырех диалектов: западного, среднего, восточного и дзукайского. Западный диалект аукштайтского наречия является основой современного литовского литературного языка, но в прошлом литовский литературный язык развивался на основе жемайтского наречия. Диалекты в свою очередь делятся на говоры, которых у литовцев имеется до настоящего времени достаточно много.

Среди западных литовцев, как установил в свое время Ф. Куршат, аукштайтское наречие было распространено только восточнее линии Тильзит — Гумбиннен; в остальных районах Восточной Пруссии литовцы говорили на диалекте, весьма близком к жемайтскому наречию, но отличавшемся от него своим акающим говором.

В древнепрусском языке также существовало сильное *аканье*.

Вот несколько примеров *аканья* в древнепрусском языке (Kurschat, 1876, стр. 56—57):

По-литовски

elksnis	(ольха)
egle	(сосна)
iessmas	(копье)

По-пруски

alskande
addle
aysmis

wiens	(один)	ains
ungurys	(угорь)	angurys
upe	(река)	ape
kakta	(лоб)	balta
diena	(день)	deina
butas	(строение, дом)	botta

По своей лексике и морфологии литовский язык настолько отличается от языка немецкого, что в полосе литовско-немецкой этнической границы не создавалось переходных литовско-немецких говоров. Поэтому определить национальность литовца по его языку в районах распространения немецкого языка не представляло трудности. Выделить литовское население среди немецкого населения можно было также по фамильному имени (личные имена литовцев менее отличались от немецких, поскольку немецкие пасторы приложили немало усилий, чтобы германизировать их), по названиям населенных пунктов, по уменьшительным и ласкательным формам слов, по древним патронимическим обозначениям, утраченным в немецком языке. Так, например, к фамильному имени мужчины, главы семьи, прибавлялось такое окончание: -aitis (на севере, в Клайпедской обл.), -atis — в более южных районах. Имя женщины-матери получало окончания: -aitė (на севере) или -atė (на юге). Фамильные имена взрослых детей имели окончания: -aitukas — сын, -aitikė — дочь; малолетних детей — -aitytė; мужа — ys или -ossius, -ius (Kairys), жены — -aitienė, -iene (Kairiene).

Литовские названия деревень бывают обычно женского рода и оканчиваются на -ai (переделываемое немцами в -en); например:

Argininkai (нем. Argeningken) — на р. Orga
 Pajegiai (нем. Pögegen) — на р. Jege
 Užballiai (нем. Uszballen) — за болотом
 Piktupienai (нем. Piktupönen) — piktas — злой — и upe — река
 Lauksargiai (нем. Lauksargen) — laukas — поле и sargas — сторож
 Krauleidžiai (нем. Krauledszen) — krauleidys — пирульник, пускающий кровь
 Kaukwiečiai (нем. Kaukwethen) — kauku — гном, wieta — местопребывание и т. п.

По этим названиям было, конечно, возможно определить литовскую национальность современного населения или, во всяком случае, этническое его происхождение.

Приводим список населенных пунктов той области в Восточной Пруссии, где в начале XX в. наиболее сохранилось еще литовское население — Клайпедского края. Из этого списка видно, что более 90% названий населенных пунктов было явно литовскими.

Список населенных пунктов Клайпедского края в 1910 г.

Немецкое название	Смысловое значение в литовском языке ¹
Nimmersatt	
Gibbischen Peter	
Deutsch-Gröttingen	
Standschen	
Gross Kurschen	
Hohenflur	
Friedrichsgnade	
Oberhof (Aukštakiemis)	aukštakiemis (верхняя деревня)
Memel (Klaipėda)	klaips (лат. — караван)

¹ При расшивке названий использованы следующие словари: 1) Юшкевич. Литовско-русский словарь, СПб., 1897, II, 1922; 2) F. Kurschat. Wörterbuch der litauischen Sprache, Teil II. Halle a/S, 1883; 3) B. Sereiskis. Lietuviškai rusiškai žodynas. Kaunas 1933; 4) Я. Лоя. Латышско-русский словарь. М., 1946.

Kaufmanns Plantage (Paupis)
Baugskorallen
Gabergischken
Grundheide
Schlengen Andres
Tahlen
Matzischndeck, Matzischken
Tabern Wittko
Girngallen
Kiaken
Althof (Sendvaris)
Schaipen Toms
Klauswaiten
Eglischken
Lankutten
Brusdailinen
Patraiken
Grabben
Jankaiten
Wittihnen
Parten
Walahren
Dargussen
Peskoen
Wittauten (Vytautai)
Daudzin Kiklau
Jagutten
Karkelbeck
Szodiaken Jonel
Gundullen
Packamoren
Plicken
Graumen
Kollaten (Kalote)
Schmilsgutzen
Eglinen
Koralishken
Truschellen
Maczmasuren
Tauerlauken
Wirkutten
Bajor Miézko
Schlappschill
Dinwetten
Mellneraggen
Kruken Gorge (Kunkiai)
Lölen
Gabernischken
Paugen

Daupern
Laugallen
Grimbowischken
Klausmühlen (Dirvupiai)
Jacken
Buddelkehmen
Neuhof
Klein Getishofen
Barschken
Petrauschen (Klipstai)
Schaulen (Lankiškiei)
Schlengen Andres
Schweppeln
Kerndorf
Nauseden Jakob
Dawillen

paupis (место у реки, поречье)

slenkstis (речной порог), sléné (низменное место)
mackas (маленький), mackiškas (малюсенький)
girnkalis (точильщик жерновов)
kiake (галка)
sendvaris (старый двор)
šaipytis (насмехаться, «насмешливый Том»)
klaus (слух)
eglis (можжевельник)
lankute (лужок)
bruzdai (возня)
patrakimas (бешенство), patranka (ухаб)
garbe (почет), garbe (прусс.— городище)
jaunkaitis (молодой человек)
vietinis (местный)
paršas (поросенок)
valanda (медлительность)
dargus (ненастный)
pesėiom (?) (пешком)
vistautis (куриный)
daudzin (латышск.— больше), kikilis (зяблик)
jaun (новый), gusta (гнездо)
karklas (ива, верба), bekelis (бездорожный)
Jonel žodžiais («с прописной буквы»)
gunda (припрыгать)
pakamare (казначей)
plikas (голый, пустынный)
grauže (гравий, щебень)
kolyta (бахвал)
smilguža (шмелиное гнездо)
eglis (можжевельник)
karališkas (королевский)
triušinis (кроличий)
maž-mazurai (маломазурский)
tauras (тур), laukas (поле)
virš (вверху), kute (хлев)
bajor-miškas (лес шляхтича)
šlap-šilas (сырой бор)
dien (дневной), vieta (место)
melnais (лат.— черный), ragana (ведьма)
kunkulus (родник), kankliai (гусли)
lėlės (кандалы)
(окончание -iškas)
paugeti (подростки), paugis (подросток, отросток),
paugzlis (ерш)
dauba (овар)
laukas (поле), galas (конец, предел)
griboviškais (грибной)
dirva (пахня), ure (река)
jaknos (?) (печенка)
budelis (палач), kiemis (деревня)

barštis (щавель)
klypti (косоланить)
lankiškas (луговой)
slenkstis (речной порог)
šveplenti (шепелявить)
kerna (брань)
nausedis (повосел)
dovis (дар, дарение)

Grikshecn	grikai (гречиха)
Galten	vaitas (войт)
Waiten	Gedminas, Gediminus (Гедимин, имя собств.)
Gedminen, Gedmin	snausti (дремать)
Schnautschen	Jurgis (Георгий)
Jurgen	gelizius (кузнец)
Gelisinnen	Rusne (р. Рус)
Russen (Rusnai)	mažvėle (душка)
Maswellen	
Gepschhäken	
Karlberg	geisti (желать)
Geisten	smelys (песок)
Schmelz	žardis (жердь)
Scharde	guba (копна)
Gubbischen Martin	
Talaiken Jakob	
Kalwen	kalvis (кузнец)
Stutte	
Piktassen	piktas (злой)
Kissinen	kišinys (битком набитый), kušis (взятка)
Ketwergen	ketvėrgis (четырёхлетний)
Dumpen	dumplis, dumpris (кузнечный мех)
Schompetern	
Kasparischken	(окончание -iškas)
Labotag	labat (лат.— исправлять)
Grudschaiken	grudas (зерно)
Spengen	spengti (гудеть)
Ziauken	žiauna (пасть, челюсть)
Eddiken	edikas (обжора)
Grabschen	graižtus (ловкий)
Kojellen	kojėlis (ножка)
Paaschken	pa-ašaka (рыбья кость)
Posangen	po (за), Sange (р. Санга)
Posseiten	pašetra (жем.— ярмарочный балаган), pasaitas (перевязь)
Aschpurven	až (из), purvas (грязь)
Schidellen	šydas (холст)
Aglohnen	agluonai (?), agle (ель, ельник)
Kantweinen	
Busten	bustina (местопребывание)
Wowerischke n	voverė (белка)
Rooken	rūkis (лат.— труженик)
Buttken	buta (жилище)
Nibern	nibras (ивановский светлячок)
Dittauen	did (большой), tauta (народ)
Klooschen Bartel	
Kinoschen Bartel	
Schillgallen	šilas (бор), galas (конец)
Wasschen	vaškas (поск)
Schudwagen	žudvagiš (громила)
Darceppeln	
Mooden	modere (лат.— молочница)
Protnischken	protas (умник)
Gress	gretas (быстрый)
Schaggern	žagre (соха)
Wannaggen	vanagas (ястреб)
Dwillen	dvilinkas (двойной)
Schwarzort (Juodkrante)	juodkrantas (черный обрыв)
Klischen	klišas (косоплоский)
Pjaulen	piauti (жать, косить)
Pangessen	
Prökuls	priekule (курск.— priek-kuls — веселый ток; priek-kulis —радостный сноп)
Schilleningken	šilijas (вереск)
Deegeln	degalas (факал)

Paweln	paveldeti (наследовать)
Wabbeln	vabalas (жук)
Augstumal	aukštuma (возвышенность)
Weprei	verpja (пряжа)
Suwehnen	suvienuoti (объединить)
Papallen	rapautas (мозоль), rapalis (бородавка)
Rudihnen	rudinė (сермяга)
Czagate	žagata (сорока)
Didzeln	didžiulis (огромный)
Sakuten (Sakuteliai)	sakute (смолять) sakuteliai (смолокурня)
Parvelk	pervelka (от pervilkti — переодеть)
Preil	
Purvin	purvynė (грязь)
Nidden	nedati (курск. — течь)
Rositten	rogis (?) (свернувшееся молоко)
Suderspitze (Korgalis, Kunzen)	kursgailis (?) (лат. — курский петух)
Blaszen	blauzgai (перхоть), blazgatas (ругань)
Stankischken	stanka (остатки еды)
Sturmen	stur (?) (stur-plis — гузка у птицы)
Windenburg	
Minge	minga (от migti — сплетаться)
Schiswisen	šis (р. Шис), wiese (нем. — луг)
Meschkerage	meške-lagas (медвежий мыс)
Rugeln	rugis (вечерний ветерок), rugys (брюзга)
Traksellen	trakas (поселение на месте, где выжжен лес)
Schissgirren	šis (р. Шис), giriai (лес)
Heidekrug (Silute)	Silute
Schibbahn	šis (р. Шис), banga (волна ?)
Barsduhnen	barzdukas (гном, бородатый карлик)
Grabuppen	graihus (хваткий), ure (река)
Maszen	mažas (малый)
Germalenen	germule, germulene (брюква)
Schillmaiszen	šilas (бор), miuže (лат. — мыза)
Metterkuetten	
Laudeszen	laužas (бурелом)
Mussaten	musėtas (усеянный мухами)
Enaten	iena (оглобля)
Kolleschen	kulijas (молотильщик)
Schusten	šustī (преть)
Kallningken	kalninis (горный)
Gniballen	gnyblia (клещи)
Tumellen	toluma (далекое место)
Gurgaden	gurga (запутанный узел)
Dronczeln	drožejas (резчик)
Tautischken	tautiškas (народный)
Schillwen	šilas (бор)
Paschischen	pa šiša (по р. Шису)
Gritzas	grīste (прядь чесанного льна)
Jugnahten	Игнатов (?)
Bljausden	blauzda (голень)
Maczelln	mažėlis (младший в семье)
Kluohnen	kluonas (гумно)
Wiszen	vyža (лапоть)
Schwarren	švara (чистота)
Willaiken	vilkas (волк), laikas (пора, время) или laukas (поле)
Gaidellen	gaidys (петух)
Schlaßen	slastai (?) (сидки, капкан)
Atmat	atmatos (отбросы)
Pokallken	pakalikas (прихвостень)
Warruß	War-Rusnė
Skierwietel	skierfylys (с.-з. ветер в Курском заливе)
Brionischken (Pelkininkai)	pelkinas (болотистая местность)
Jodenkrandt	juodenkrantas (черный обрыв)
Uszleknen	užlekti (палететь), užlenkti (загнуть)
Zausgallen	sausas (сухой), galas (конец)

Kanterischken
Skirwieth (Skyrvytė)
Anminge
Tattamischken
Jaschtellen
Rydczen
Blausden
Piktaten
Tautischken
Schilmen
Alt Dekinten
Gridzas
Mankuslauken
Czardwitzen
Augstkyken
Laugalten
Akmenischken
Werschmeningken
Koadjuten
Medischkehmen
Juigschen
Peteraten
Endrikahten
Eysden
Mischpettern
Robkohen
Scheszkehmen
Meldigleiken
Kragdehnen
Laugszargen
Kallehnen
Grauczehnen
Jura
Ablenken
Gillanden
Gintschaiten
Gillandenoczen
Barsuhnen
Wittgirren
Zodenen
Nepperlauken
Lopsehn
Bardehn
Uczbitschen
Trakeningken

Birstonischken
Benigkaiten
Gudden
Piktupönen
Mantwillaten
Kullmen-Widutaten
Nattkischken
Schleppen
Joseph Grutschait
Mikut Krauleiden
Timstern
Stumbragerren

Kaszemeken
Uszkamohnen
Schteppok-Redzen
Mollgirren, Molgirren
Metzstubbern
Groß Antlaiten

skyra (наряд), vytis (лоза)
An Minge (нем.)
tat miškas (этот лес)
ištelžti (выплеснуть)
rudis džio (бурая лошадь)
blauzda (голень)
pikteti (озлобляться, становиться злым)
tautiškas (народный)
šilinas (поемный дуг)
dekis (покрывало)
grazdas (гравий)
laukas (поле)
žardis (жердь)
aukštas (высокий), kykas (чепец)
laukas (поле), galas (конец)
akmeniškas (каменистый)
veršinėkas (телятник)
kojutas (снабженный ногами)
medis (дерево), kiemis (деревня)
juiti (загнать)
Peteraitis (?) (фамилия)

eidinė (походка), eismas (ходьба)
miškas (лес)
ropė (репа)
šeškas (хорек), kiemis (деревня)
meldimas (молния)
kregždėnos (веснушки), kregždėtas (рябой)
laukas (поле), žardis (жердь)
kalvė (кузница)
graužena (кукуш)
jūra (море)
obelinkai (яблочный)
gilanga (глубокий проход), galanda (точило)
gintis (защита)
galandau poži (?) (испорч. «точу ножи»)
baršukas (барсук)
vittgiris (середина леса)
žodinis (державный слово), žodis (слово)
neperlaukas (безземельный)
lopšys (колыбель)
barzda (борода), barzdinis (бородатый)
užbirti (просыпать)
trakeninkas (человек, живущий на лесной поляне)
Birštoniškas (бирштонский)
Benigkaitė (фамилия)
gudas (белорус)
piktas (злой), upė (река)
Mantvil (?) (фамилия?)
widutinis (средний)
neat-kiškis (не от зайца)
šlepti (мокнуть)

timstu, timpstu (вытянутый)
stumburė (самка зубра), raginės (налог на рогатый скот)
Kožemjakin (?)
uškamuoti (замучить)
Štėnok (фамилия), redžius (торговец, делен)
molgiriai (глинистая пуща)

Ortischken (Ortiskai)	ortas (старинная монета в 18 медных грошей)
Ostradirwen (Ostradirvai)	osta (устье реки), dirva (бесплодное поле)
Schpuhnen	
Mädewald (Usenai)	
Skerswehn	skersas (поперечный)
Tuttel	tutele (трубка)
Pakampen	pakampė (место в углу)
Plaikischken	plaukikas (пловец)
Plaine	plynas (пустынный)
Schwarreitkehmen	švara (чистота), kiemis (деревня)
Szameitkehmen	žemaitkiemis (деревня жемайтов)
Woitkatten	voitas (войт), voitas kat («там войт»)
Rawohlen	ravalas (проходка)
Uzpelken	už-pelkė (за болотом)
Laitgirren	laitas (ток), girinis (лесной)
Begschen	beigti (кончать), begis (?) (бег, погоня), begus (быстроногий)
Palaiten	palaiža (подлиза)
Schakunellen	šake (вилы), šakuneliai (маленькие вилы, а также «маленькие Шаки»)
Barsdehnen	barzda (борода)
Girreningken	gireninkas (лесничий)
Warrischken	variškas (похожий на медь), воринка (?) (русское слово)
Laitwarren	laitas (ток), varas (край)
Schillgallen	šil (бор), galas (конец)
Pillwarren	pylis (утка), varas (край)
Perwalkischken	per (через), velke (жем.— часть плуга, блесна для ловли рыбы), pervalkas (переволок)
Naussedén	nausedai (выселки)
Lasdehnen	lasdina (место, поросшее орешником)
Annuschen	anukas (внук)
Pellenen	pelenė (очаг), pelensa (полевая мышь), pelenai (пепелище)
Eksterken	
Powilken	Povilas (Павел)
Pogegen	pa Jegiai (по р. Еге)
Tilsit (Tilže)	Tilže
Prussellen	pruseliai (поселок пруссов)
Krakonischken	kraika (помещение для расстилки льна), krake (карась)
Schakeningken (Šokai)	šakeninkas (житель у рукава реки)
Trakeningken	trakeninkas (житель поселка на выжженном участке леса)
Snitkaten	snikti (снегопад)
Jägenberg	
Milchbude Adl.	
Plauschwarren	plautis (насморк), varas (крест)
Uzspirden	užpirdis (грубое слово «вонючка»)
Wittschen	vyti (гнаться, преследовать), višta (курица)
Winge	vingis (поворот, изгиб)
Baubeln	Baubis (древний пастушеский бог)
Kampen (Kampinė)	kampinis (угловой)
Krakischken	krakis (черный дятел)
Watulischkenr	vartai (ворота, дверь)
Maszurmaten	
Kalwaiten	kalvaitis (человек, живущий на холме), kalvotas (холмистый)
Lydnitcken	lydys (щука), lydinys (слиток)
Augsgirren	aukštas (высокий), giria (лес)
Schustern	šusti (преть)
Szagmenten	Zagmont (имя собств.)
Motischen	motyte (?) (матужка)
Naueningken	naujiena (новость)
Szugken	šuklis (рыбак), žukle (рыбная ловля)

Willkischen	vilkiškas (волчий)
Kertutwehten	kertus, kertukas (землеройка), kerte (красный угол), vieta (место)
Polompen	po (после, за), loma (дол, низина)
Bardenen	lopas (заплата)
Uszbitschen	baržda (борода) или barsas (?) (плакса),
Schilenen, Schillenen	dienas (ежедневный)
Absteinen	už (за, позади), bitis (пчела)
Kellerischken	šilenas (маленький бор)
Weszeningken	apstingas (обильный), apstas (изобилие)
Sokaiten	kelryšis (подвязка), keleri (несколько домов)
	vežinėti (ловить раков)
	Sokaite (фамилия) — от šokejas (танцор),
	šokis (пляска)
Woidballen	voitas (войт), bala (болото)
Nauseden	nausedai (выселки)
Baltupönen	paltas (белый), upelis (ручей)
Pagulbinen	pa (по), gulbinas (лебедь)
Wischvill (Viesvile)	višeti (гостить), vilija (святой вечер) (?)
Kallwelen	kalvė (маленькая кузница)
Antuppen	ant (над), ure (река)
Szardelen	žardis (жердь)
Lendgirren	lenas (тихий), giria (лес); lenke (долина), girinis (лесной)
Smalodargen	smala (смола), derga (слякоть)
Schmalleningken	smalaninkas (смолокур)
Wittkehmen	višta (курица), kiemis (деревня); vytis (лоза)
Augstogallen	aukštas (высокий), galas (конец, предел)
Uszballen	už (за), bala (долото)
Abschruten	apstruti (омывать)

Всего 416 населенных пунктов; из них свыше 90% имели названия, смысловое содержание которых может быть понято только при помощи литовского (или латышского) языка.

Германизация коренного литовского населения приводила на первых порах к двуязычию, при котором литовский язык сохранялся в качестве разговорного языка в семье (или в качестве посредствующего звена между старшими и младшими поколениями в семье), а немецкий язык становился основным при сношениях с окружающим миром. На последующих стадиях германизации литовский язык забывался, и единственным признаком литовского происхождения (если этнические признаки исчезали из быта, если исчезали национальная одежда, пища) оставались литовские окончания фамилий и так называемые провинциализмы в немецком языке, представлявшие искаженные литовские слова или литовские уменьшительные и ласкательные окончания немецких слов.

Лингвистические исследования Куршата показывают, что в конце XIX в. южная линия распространения литовского языка была значительно южнее той демаркационной линии, которая устанавливалась на основании переписей населения как этническая граница компактного литовского населения. Куршат считал эту линию проходящей (в последней четверти прошлого столетия) через следующие пункты: Лабиау — р. Дейме — Таппау — р. Прегель до района Велау — район Инстербурга — Гольдап и далее до польской границы (F. Kurschat, 1876, стр. 2).

Ф. Тетцнер утверждал, что указанная Куршатом линия к началу XX в. уже устарела, и намечал — на основании церковной статистики (сведения о церковных евангелистских приходах с двойным немецко-литовским языком богослужения) — лингвистическую границу значительно севернее линии Куршата, а именно: Нидден — Гильге — Лаукишкен —

Мелаукен — Попелькен — Бершкаллен — Инстербург — Георгенбург — Ауловенен — Грюнхейде — Пелленингкен — Краупишкен — Мальвишкен — Куссен — Эйдткунен — Жалупенен — Гериттен — Пиллупенен — Эннунен — Мелькемен — Житкемен — Дубенингкен (F. Tetzner, 1902, стр. 29). Но существуют данные, исходящие из совершенно официальных германских источников, подтверждающие скорее границу Куршата, чем Тетцнера: это опубликованная издательством 10-германской армии карта

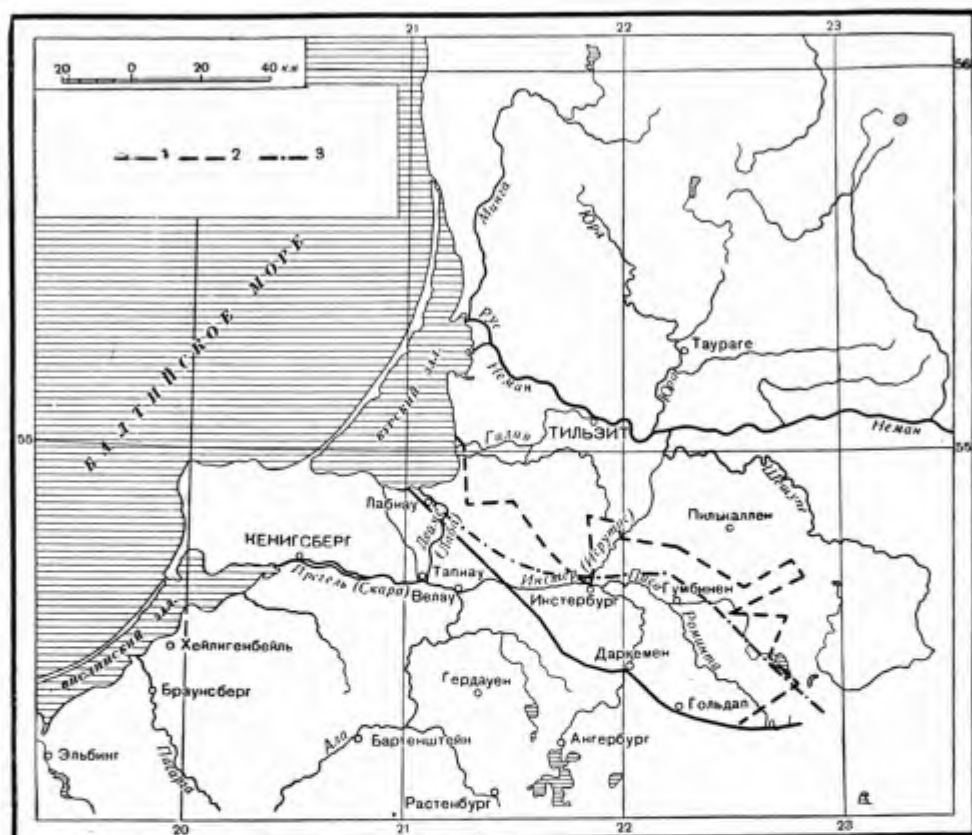

Рис. 40. Южная граница распространения литовского языка в Восточной Пруссии в начале XX в.

————— по Куршату; - - - - - по Тетцнеру; — · — · — по «Litauen Buch».

распространения литовского языка¹. На этой карте, изданной в 1918 г., территория распространения литовского языка показана белым цветом (без раскраски), причем на этой территории в некоторых местах вкраплены значки, указывающие на употребление, одновременно с литовским, немецкого языка. Вся область севернее рукава Немана, Русс и нижнего течения Немана (Клайпедская обл.) отнесена на карте к территории распространения одного литовского языка. К этому же району отнесена и небольшая область по левому берегу Немана — полоса примерно в 30—40 км шириной, тянущаяся с запада на восток до Вишвиля. Территория округов Лабиау, Нидерунг, Тильзит, Рагнит, Шталлупенен, Гумбиннен

¹ Das Litauen Buch, eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee 1918.

и северная часть округа Гольдап отнесены на этой карте к районам с литовско-немецким языком.

Карта 10-й германской армии была предназначена для военно-политических организаций, расположенных на территории Большой Литвы (в то время оккупированной немцами) и Восточной Пруссии. Ее назначением было дать представление о населяющих эти территории народах и тем самым помочь военно-политическим органам вести пропаганду на языке, понятном местному населению. Если авторы этой карты считали территорию Восточной Пруссии относящейся к области распространения литовского языка, у них, вероятно, были для этого достаточные основания; во всяком случае их нельзя заподозрить в том, что они желали расширить пределы распространения литовского языка.

За время, прошедшее с начала XX в. до первой мировой войны, германизация туземного литовского населения Восточной Пруссии значительно продвинула на север линию литовской лингвистической границы; тем не менее эта граница близко подходила к той линии, которая была намечена Куршатам. Карта 10-й армии указывает на сохранение компактного литовского населения (жившего не сплошной массой на всей территории южнее Немана, а группами, разделенными немецким и онемеченным населением) на территории Восточной Пруссии.

Распространение литовского языка (и литовского населения) можно было бы проверить также данными о районах, где литовская периодическая печать имела своих подписчиков. При высокой грамотности литовского населения в начале XX в. сведения эти дали бы возможность довольно широко осветить область расселения литовцев, сохранивших свой родной язык и национальное самосознание. К сожалению, архивы литовских периодических изданий, издававшихся главным образом в Тильзите и закрытых Гитлером в 1939 г., еще не разысканы.

К началу второй мировой войны линия литовской лингвистической границы в Восточной Пруссии продвинулась к северу и, пожалуй, совпадала с руслом нижнего течения р. Немана; т. е. литовский разговорный язык сохранялся в большей или меньшей степени только в пределах Клайпедского края. Это не значит, конечно, что литовцев в более южных районах Восточной Пруссии не существовало; но это значит, что их национальное самосознание было подавлено, они были по существу денационализированы. Процесс этот происходил тем интенсивнее, что западнолитовские кулаки и многоземельные крестьяне, захваченные нацистской пропагандой, делаясь «национал-социалистами», легко отказывались от своей национальности.

12. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАПАДНОЛИТОВСКОГО ЖИЛИЩА, НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ И ОРНАМЕНТА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Западнолитовское население, жившее в Восточной Пруссии, сохраняло в начале XX в. много характерных особенностей своей национальной культуры. Одной из таких отличительных особенностей был своеобразный тип жилого дома и подсобных строений.

Отдельные, сохранившиеся к началу XX в. образцы старолитовского дома и подсобного помещения (клети) были зарисованы и сфотографированы Вирховым, Цвеком, Милертом и Беттихером, причем был воспроизведен как внешний вид дома, так и (у Беттихера) планы расположения помещений. Эти ценнейшие документы дают нам возможность сравнить старолитовский дом в Восточной Пруссии с аналогичным домом в соседних областях.

Приведенный у Тетцнера план западнолитовского дома представляет срубную деревянную постройку, разделенную на три части внутренними перегородками. В средней части дома расположен очаг. По одну сторону среднего помещения находится жилая комната, по другую — комора — кумбурис.

Большой раздельный дом имел такое же расположение помещений, как и малый, но отличался размерами и числом комнат. Через крыльцо входящий попадал в прихожую, продолжением которой была кухня с большой плитой в ней. Прихожая и кухня составляли среднюю часть дома. Направо от средней части располагались комнаты, налево — рабочие и подсобные помещения. Жилая часть состояла из покоя (покайюс) с двумя окнами. В покое имелась печь (иногда связанная общей топкой с кухонной плитой) и стояли большой обеденный стол, стулья, скамьи и кровати старших членов семьи, большой сундук (скрыня). Иногда большая комната делилась на две части перегородкой, не доходившей до потолка, и за перегородкой была расположена комната для гостей. Позади покоя находилась вторая комната, также разделенная перегородкой на две части. В первой половине располагалась спальня (бабске), во второй — печь для выпечки хлеба.

Левая половина в свою очередь делилась на две части. В переднем помещении (прежнике), с окном, проводили досуг и работали члены семьи, но в этом помещении не спали. В заднем находилась молочная (пенене) и хранились продукты (F. Tetzner, 1902, стр. 101—103).

Публицист и этнограф В. Видунас, проведший свое детство в одном из таких домов, дает описание его во второй половине XIX в. (W. Vydu-nas, 1916). Дом был расположен в усадьбе, в которой, кроме жилого дома, находилось еще около двадцати других строений. Видунас указывает, что в Малой Литве в древности не существовало вытянутых вдоль улицы деревень — этот тип застройки появился не ранее XVIII в. Характер

местности, изобиловавшей лесами и болотами, приводил к тому, что жители селились первоначально займками, отвоёванными у леса. В займках-усадьбах, окруженных лесами и необжитыми пространствами кустарников и болот, располагались жилые и подсобные строения, в которых жили большие литовские семьи.

Дом Видунаса был очень старый, сложен из бревен. Вход в дом прикрывался небольшой прихожей, пройдя которую попадали в большое помещение. На противоположной стороне этого помещения находилась другая дверь. Это помещение, пишет Видунас, походило на сени, но назначение его было другим: это была кухня-столовая. Посредине одной из боковых стен находился большой низкий очаг, над которым к стене был приделан щит-навес (дамлакас — дымоход), собирающий дым и направляющий его в трубу. На стенах этого помещения была развешана домашняя утварь, кухонная посуда. Справа и слева от среднего помещения находилось два других, разделенных в свою очередь надвое перегородками. В стенах боковых помещений были окна небольшого размера, обычного для всех старых крестьянских домов (W. Vydu-nas, 1916, стр. 45, 48).

Из этого описания видно, что дом Видунаса был трехраздельным домом.

Этот тип дома развился из более древнего однокамерного дома, который к началу XX в. почти исчез.

Древнейшая и основная часть трехраздельного дома — среднее помещение, где расположен очаг. Именно это помещение носит название «намас». В прежнее время очаг находился не у боковой стены, а посредине помещения, и дым выходил или через отверстие в крыше, прикрытое от ветра и снега плетенкой из ветвей (зародыш будущей трубы), или через специальное дымовое отверстие над входными дверями. И в том и в другом случае помещение являлось курным.

На очаге постоянно горел огонь, и этот очаг являлся центром, вокруг которого собиралась вся большая семья, расселившаяся в усадьбе. Отдельные семьи женатых сыновей располагались в обособленных спальнях помещениях, построенных возле намас.

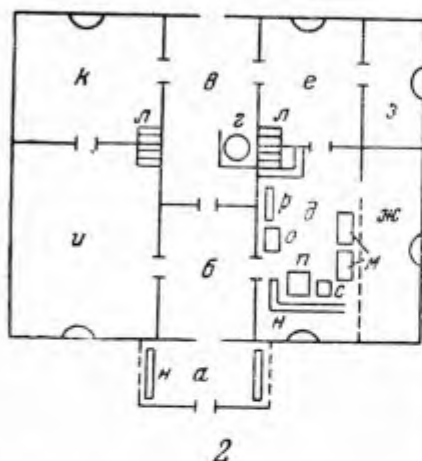
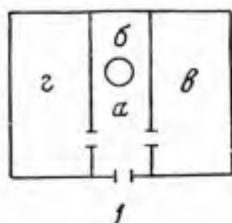

Рис. 41. Планы западнолитовских домов, по Тетцнеру.

1 — план простого литовского дома: а — передняя, б — очаг, в — комната, г — каморка; 2 — план большого подразделения: а — крытое крыльцо, б — передняя, в — кухня, г — очаг, д — жилая комната, е — спальня, жс — комната для гостей, з — комната для выпечки и хранения хлеба, и — малая комната, к — молочная или продуктовая комната, л — печь, м — кровать, н — скамья, о — сундук, п — обеденный стол, р — скамья, с — стул.

По мнению Видунаса, дальнейшее развитие старолитовского дома происходило путем объединения под одной крышей всех жилых и рабочих помещений усадьбы. Так образовался этот дом с его кухней, спальнями, комнатой для гостей, рабочими помещениями.

Среди внутренних помещений дома Видунаса была одна комната, предназначенная для работы женщин; в этой комнате стояла прялка и сохранялась старинная святильня (жибинтас), на которой прежде горела лучина. Жибинтас имела красивую резную железную подставку. По рассказам стариков, эта комната раньше бывала по вечерам наиболее оживленным местом в доме — здесь сидели все домашние, пели за работой песни

Рис. 42. Западнолитовский дом в районе Тильзита.

и рассказывали сказки. В доме Видунаса сохранялась старинная литовская цитра (канклис), употреблявшаяся для аккомпанемента певцами и рассказчиками (W. Vyduenas, 1916, стр. 48—50). Модернизованную канклис, в виде цитры, можно было видеть еще совсем недавно в крестьянских домах почти по всей Восточной Пруссии.

По словам Видунаса, все видные места в комнатах старого дома были разукрашены резьбой и различными рисунками, чем жилища литовцев отличались с давних времен. К сожалению, автор не приводит ни одного образца этой резьбы и рисунков.

Описание Видунаса может служить комментарием к тем снимкам разновидностей старолитовского дома, которые воспроизведены Беттихером: крестьянские дома в Дравэнене и Энскемене, Скирвиете, Гильге и Инзе, рыбацкий дом в Ниддене. Они имеют некоторые внешние отличия, но в то же время все они повторяют с незначительными вариациями один и тот же тип литовского раздельного дома.

Очаг дома виден по зарисовке его в рыбацком доме в Инзе. Подобные очаги в начале XX в. были сравнительно редки — их вытеснила кухонная плита.

На приложенных фотоснимках видны фронтоные украшения литовских домов в Инзе и Скирвиете. Этот же тип фронтоных украшений характерен для другого старолитовского строения — клетки (клетис, или свирне).

Клеть — это двух- или одноэтажное строение с длинной верандой, к которой вело несколько широких ступеней. В клету хранились зерновые и другие продукты, и она же служила спальней взрослых дочерей хозяина усадьбы. Видунас пишет, что, как он помнит, около клетки находился

Рис. 43. План западнолитовского дома в Дравэне.

1 — жилая комната и спальня; 2 — печь; 3 — очаг; 4 — сени; 5, 6 — кладовые.

Рис. 44. План западнолитовского дома в Эскемене.

1, 2, 6 — наборы; 4 — дымоход и очаг; 3 — комната для стариков; 5 — печь; 7 — сени; 8 — жилая комната.

Рис. 45. План западнолитовского дома в Инзе.

1 — свинарник; 2 — кладовая; 3 — закрытое помещение; 4 — жилая комната; 5 — жилая комната с печью; 6 — передняя; 7 — жилая комната; 8, 9 — жилые комнаты; 10 — сени; а — загорода, б — очаг.

садик с цветами. В старолитовских песнях (дайнос) постоянно упоминается, что из такого садика девушки брали цветы (в особенности часто руту), чтобы украшать свои волосы. На веранде клетки в прежнее время девушки выполняли свои домашние работы и здесь же принимали своих возлюбленных — об этом поется во многих песнях. В клету хранилось всё самое ценное для крестьянского двора, поэтому она являлась как бы символом достатка, и в ней концентрировались все надежды крестьянина (W. Vyduņas, 1916, стр. 47). Клеть богато украшалась резьбой, в чем проявлялось значение, которое она имела для благосостояния всех жителей усадьбы. Сохранившиеся в разных местах Восточной Пруссии старые клетки и вновь построенные помещения того же типа являют собою образец чисто народной литовской архитектуры. Детлефсен обращает внимание на своеобразное расположение отдельных помещений в самой клету и утверждает, что в прежнее времена именно клеть была тем помещением, в котором спали супружеские пары. Это утверждение имеет веское основание, ибо

на старых дворах находилось иногда по несколько клетей, и об этом же писал в свое время Лепнер (Т. Lepner, 1744, стр. 71). Фасад клетки, напоминающий беседку, имеет красиво разукрашенный вход, к которому ведет навес кокетливой формы, поддерживаемый легкими деревянными колоннами. Хрупкие резные украшения, красота лошадиных голов, изящные фронтоновые щиты выделяют клеть среди всех остальных строений этого типа (R. Dethlefsen, 1916, стр. 46).

Можно ли указанный тип западнолитовского дома и клетки считать специфическим только для литовцев и применять в качестве этнического определителя, т. е. на основании данных о географическом распространении

Рис. 46. Внешний вид западнолитовского дома в Инзе.

домов такого типа устанавливать границы расселения западных литовцев в Восточной Пруссии? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно предварительно выяснить, в чем собственно заключается этническая специфика западнолитовских домов.

Западнолитовские дома в Восточной Пруссии, насколько можно судить об их типе по ограниченному числу построек, существовавших в приеманских районах в начале XX в., были двух- и трехкамерными. Дома такого типа нельзя считать первичной формой постройки, а лишь результатом длительного развития из однокамерного жилища. На определенной стадии развития жилища двух- и трехкамерные строения имелись у многих европейских народов (в том числе и у славян), поэтому ничего специфически литовского в этом нет. Но в западнолитовских трехкамерных домах имела одна особенность устройства: в просторных сенях, расположенных в центральной части дома, находился очаг. Подобное же устройство имелось в домах Жемайтии, где очаг, употреблявшийся для копчения мяса и рыбы, а также для варки корма скоту и для приготовления пищи летом (К. К. Чербуленас, 1950, стр. 67), занимал значительную часть сеней. В Аукштайтии очаги-копильни встречались в XIX в. редко и только в северной части, бытовали они также в занеманской области Литвы. Далее, подобные сени

с очагом-коптильной существовали в XIX и даже начале XX в. в Курземе и Земгалии, т. е. на латышских территориях, прилегающих с севера к литовской Жемайтии и к Клайпедскому краю. Таким образом, особый тип дома с большими сенями, расположенными в центральной части дома, и очагом-коптильной среди них был весьма распространен в XIX в. (а отчасти и позже) у западных литовцев в Восточной Пруссии, у жемайтов и у западных и южных латышей. Меньшее распространение он имел в северной и занеманской части Литвы и не встречался в восточной части Литвы: там преобладала изба с печью. Такой тип дома можно назвать специфическим западным летто-литовским жилищем XIX в. Развилась эта форма

Рис. 47. Очаг дома в Инзе.

жилья из более примитивной постройки, которая называлась «намас», или (в Жемайтии) «номас» и «нумас», и которая была описана Даукантом (S. Daukantas, 1845), — из продолговатого четырехугольного деревянного сруба без потолка, с тростниковой (или соломенной) крышей, отапливавшегося очагом по-черному (дым выходил через отверстие в крыше или через волоковые оконца в стенах). Особенностью этого жилища было то, что оно имело две двери, расположенные одна против другой, причем эти двери были разной величины. Деление намаса на две части (выделение жилого помещения от помещения для скота и хранения имущества) превращало намас в двухкамерное жилище. К. К. Чербуленас (1950, стр. 63—67) несколько иначе представляет себе историю литовского жилища, чем Даукантас, но и он признает, что деревянный сруб был исходной формой развития. Приведенные выше показания Лепнера и Видунаса добавляют к этому конкретный материал о переходных формах, существовавших в XVIII и XIX вв., поскольку эти авторы были непосредственными очевидцами таких форм в Восточной Пруссии.

У ближайших соседей литовцев с востока и запада — у белорусов, поляков и немцев — дома строились в ином плане. Несколько

напоминало западнолитовскую планировку жилого строения расположение помещений в белорусском доме в западной части б. Виленской, Минской и Гродненской губ. Но в этих местностях проживали, наряду с белорусами, и литовцы, а так как в тех же районах был распространен аналогичный литовскому тип клетки и называлась эта клеть литовским именем «свирне» (у белорусов указанных районов она именовалась «свирон», «свирень», «свирен», «свирино», «свирино», «свирино»), то можно предполагать, что и тип дома, и тип клетки были заимствованы местными жителями у литовцев. По своему внешнему виду свирон б. Гродненской и Виленской губ. отличается от литовской «клетис», или «свирне», только тем, что он более прост по архитектуре, менее изукрашен (А. Харузин, 1907, стр. 106). Тип белорусского жилища в других, более удаленных от литовских территорий, районах не имел ни расположенных в центре жилища проходных сеней, ни очага в них, т. е. сильно отличался от западнолитовского дома. Поэтому сравнительно легко определить восточную границу распространения западнолитовского дома. Труднее сделать это по отношению к клетю.

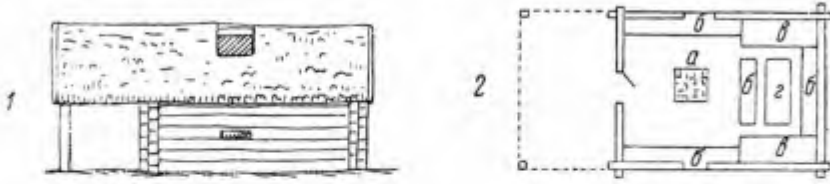
Из двух названий, обозначавших это подсобное строение, использовавшееся в конце XIX — начале XX в. в качестве житницы, кладовой и хранилища наиболее ценного имущества крестьянина, только одно название «свирне» было литовским, второе же, «клетис», имело лишь литовское окончание и являлось, несомненно, русским словом.

Слово «клетис» — клеть — распространено по всей территории, заселенной восточными славянами. Употребление этого слова, пишет Харузин (1907, стр. 293), можно установить с X в.; им называлось в то время жилое помещение. Н. Забелин (1862, стр. 20) считал, что клеть была прототипом избы: «Прообразом древнейшего русского жилища, без всякого сомнения, была клеть, весьма простое строение, уцелевшее даже до настоящего времени. Вначале она ставилась, может быть, с одним только очагом, подле которого согревалась живущая в ней семья; но с того времени, как клеть начали отапливать посредством печи, она стала именоваться истопкой». По свидетельству Лепнера (Т. Lepner, 1744, стр. 71) и преданиям, слышанным Видунасом (W. Vydunas, 1916, стр. 48), клеть у литовцев раньше также была жильем, в котором обитали отдельные семьи, группировавшиеся вокруг центра большой семьи — дома-очага намаса. Это необычайно сближает литовскую клетис (свирне) с русской-клетью и указывает на древние и крепкие этнические нити, связывавшие в прошлом литовцев с восточными славянами.

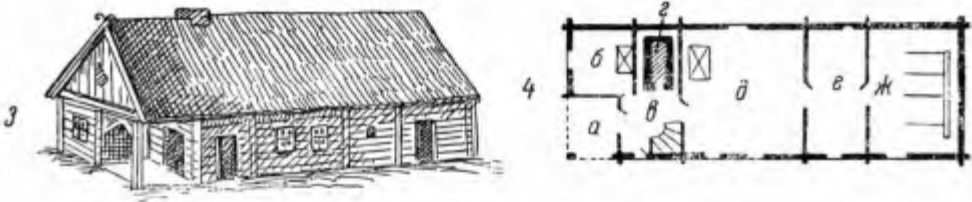
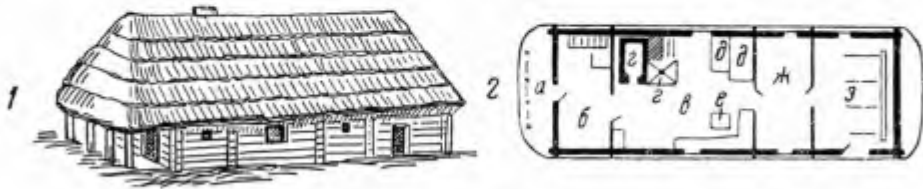
А. Мейтцен (A. Meitzen, 1882, стр. 16) в своей работе о немецком доме в его народных формах считает типичным для всего района северо-восточной Германии и севернее — от Норвегии и Швеции через Померанию, Пруссию и Польшу — северный дом, образцы которого приведены в его работе. Если под «типичным» считать наиболее распространенный тип дома, то в отношении Восточной Пруссии Мейтцен прав: немецкий дом, наиболее распространенный в XIX в. в этой провинции (так называемый «эрмландский» дом), очень сходен с северным типом, т. е. с типом старого дома шведского или норвежского. Но если Мейтцен считал, что наряду с этим типом дома не существовало какого-либо другого, он ошибался: в Восточной Пруссии в это время (XIX в.) имел значительное распространение старолитовский дом, резко отличный от северного дома по расположению помещений и внешнему виду.

Что представлял собою старый скандинавский дом? Образец такого типичного дома — дом около Хересвела (юго-западная Норвегия) — показан в плане на рис. 50. Это двухраздельный дом, основой которого было помещение с очагом. На этом же рисунке показан перестроенный после 1840 г. и расширенный старый дом в Риска (Хетланд), превратившийся

А

Б

В

Рис. 48. Типы жилого дома (по Мейтцену).

А — северный тип: 1 — общий вид; 2 — план: а — очаг, б — лавки с ишинами, в — лавки со шкафом над ними, з — стол; Б — польская и западно-прусская «разновидности» северного типа: 1 — общий вид; 2 — план: а — преддверие, портик, б — сени, в — жилая комната, г — печь, д — помещение для скота (или спальни), е — стол со скамьями, ж — сарай, з — стойло; 3 — общий вид; 4 — план: а — остаток преддверия, б — внешняя комната, в — сени, г — дымоход, д — жилая комната, е — сарай, ж — стойло; В — франконский тип: 1 — общий вид; 2 — план: а — передняя, б — комната, в — комора, г — печь, д — очаг для освещения смолистым деревом, е — хлебная печь, ж — комора, з — стойла.

в трехраздельный. И первый (двухраздельный) и второй (трехраздельный) типы норвежского дома отличаются от старолитовского дома многим. «В старых домах, — говорится в описании этих домов, — основными помещениями были *стова* (жилая комната) и кухня, но, кроме них, было еще несколько маленьких помещений. Они находились в задней части дома, где *крыша опускалась больше вниз* и оставалось место для устройства таких маленьких помещений. Стены этих помещений были в большинстве случаев не из бревен (как у дома), а из досок. Эти помещения употреблялись для разных надобностей. Такие маленькие помещения могли находиться около стовы или напротив нее и назывались *кове* или *свол* ... В прошлом веке

Рис. 49. Тип немецкого «эрмландского» дома (дом немецкого крестьянина в Клеефельде, вид сбоку).

(XIX) в некоторых местах стали употреблять *кове* вместо спален. *Кове* могла иметь земляной пол и связь с кухней, там ставили бочки для соленья мяса, рыбы и т. д. В усадьбе Риска (Хетланд) еще употребляются слова «*мелке-кове*» (молочная) и «*торв-кове*» (склад для торфа)... В Ярен *свол* никогда не была местом для жилья, имела только земляной пол и ход снаружи (иногда со двора, но не соединялась с кухней) ... В других местах подобные помещения называются *клеве* и *скюкке* (хлев)» («*Ord og sed*», 1939, стр. 5—6).

Из этого описания видно, что дома имели спускающуюся с одной стороны крышу (вроде «эрмландского» немецкого дома) и что назначение и устройство помещений было совершенно иным, чем в литовском трехраздельном доме. Во всяком случае в кухне, бывшей одной из основных (а может быть, вначале и единственной) ячеек дома, не могло быть двух входов с противоположной стороны — явление, бывшее отличительной особенностью старого литовского дома.

Таким образом, старолитовский тип дома во многих отношениях отличается от немецкого, близкого к «северному», расположением своих

помещений и внешним видом. Это дает возможность принять старолитовский жилой дом и литовскую клеть в качестве определителей этнического характера территории, на которой они имели распространение.

Таковы теоретические предпосылки установления границ этнографической территории по типу строений; практически же сделать это необычайно трудно, так как на территории Восточной Пруссии работали лишь

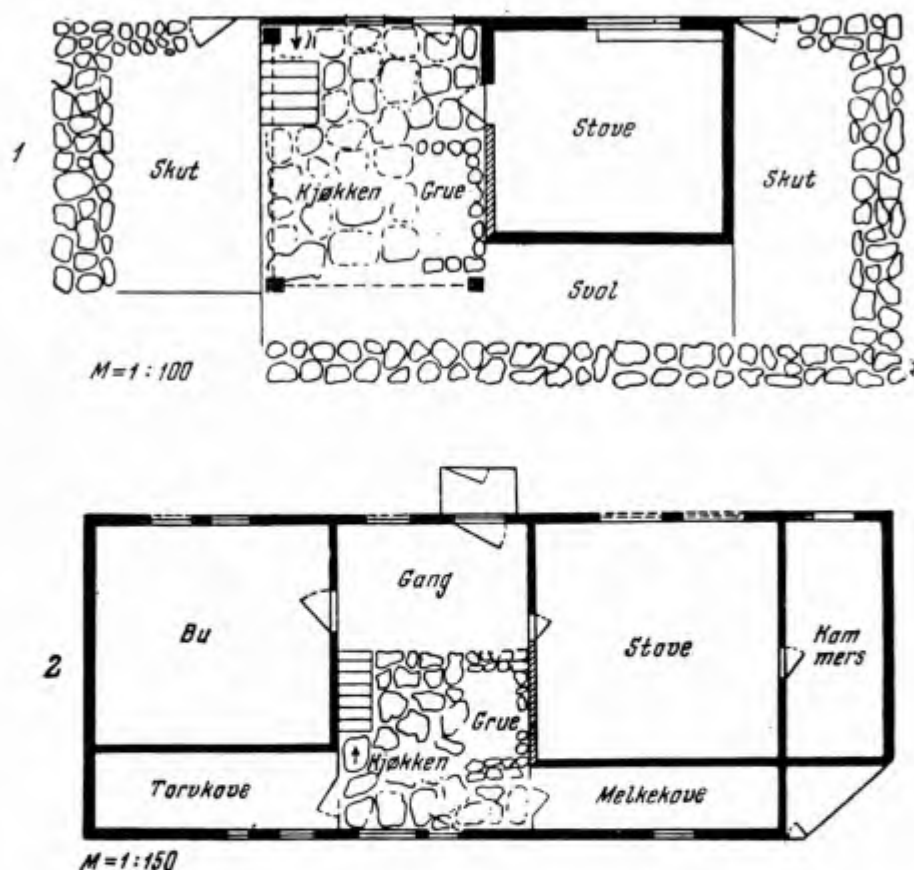

Рис. 50. Планы северных (старонорвежских) домов:
1 — дом около Хересвела (Огня); 2 — дом в Рисна (Хетланд).

немецкие этнографы, которые менее всего занимались поисками доказательств того, что эта территория в этнографическом отношении была издревле литовской. Вот почему даже в сравнительно добросовестной работе Детлефсена (R. Dethlefsen, 1911) далеко не полно учтены места, где обнаружены следы старолитовских строений или где они сохранились. Все же по данным этого автора можно установить, что в начале XX в. литовский дом и клеть имелись в районах западнее р. Дейме и южнее Инстербурга, не говоря уже о более северных и восточных районах.

Фронтоны жилых западнолитовских домов и в особенности клетки украшались раньше деревянной резьбой. В начале XX в. на жилых домах такие украшения встречались довольно редко, поскольку в большинстве районов Восточной Пруссии старолитовский тип жилого дома вытеснялся типом

Рис. 51. Западнолитовская клеть в Павельне.

Рис. 52. Западнолитовская клеть в Бильдервейче.

немецким¹; но на фасадах клетки имелись резные деревянные украшения. Самым распространенным мотивом этих украшений можно считать две лошадиные головы, которые изображались реалистично или стилизованно. Весьма часты также изображения петухов, а петушиные гребни были непременным элементом орнамента.

У Вульфстана говорится о том, что знатные пруссы употребляли кумыс и имели большие табуны лошадей. Изготовление кумыса всегда теснейшим

Рис. 53. Новая клеть в Клайпедской области.

образом связано с охраной кобылиц, запрещением ездить на кобылах (в Средней Азии, например, существует даже поговорка: «Хочешь пить кумыс — не едь на кобылах»). Такие запрещения ведут к почитанию лошади и приписыванию ей особых качеств — покровительницы людей.

¹ Как указывает Фишер, при переселении немецких колонистов в районы, пострадавшие от чумы в начале XVIII в., помещики обязывали новоселов сжигать дома прежних хозяев, т. е. пруссо-литовцев, и возводить новые. Эта мера, проводившаяся достаточно широко и, возможно, имевшая оправдание в том, что она являлась в то время единственно эффективной для борьбы с чумой, привела к массовому уничтожению «очагов заразы», т. е. прежних пруссо-литовских домов. Новые дома строились уже по немецкому образцу — вот в чем причина разрыва строительной традиции в западной и юго-западной частях территории, где в начале XX в. можно было обнаружить сравнительно мало домов литовской постройки.

Рис. 54. «За прялкой» в западнолитовском доме.

Рис. 55. «Починка сети» (у рыбачьего дома в районе Гилиуса).

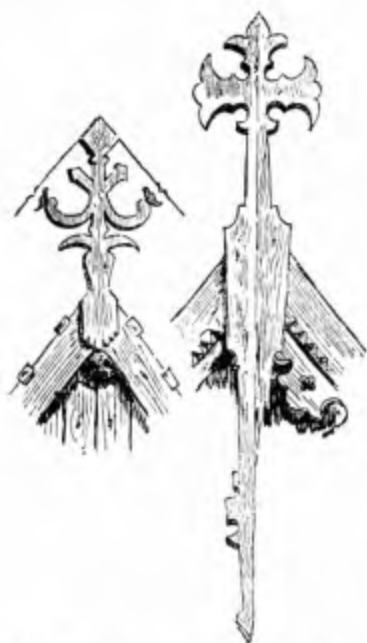

Рис. 56. Фронтонные резные украшения западнолитовского дома в Инзе.

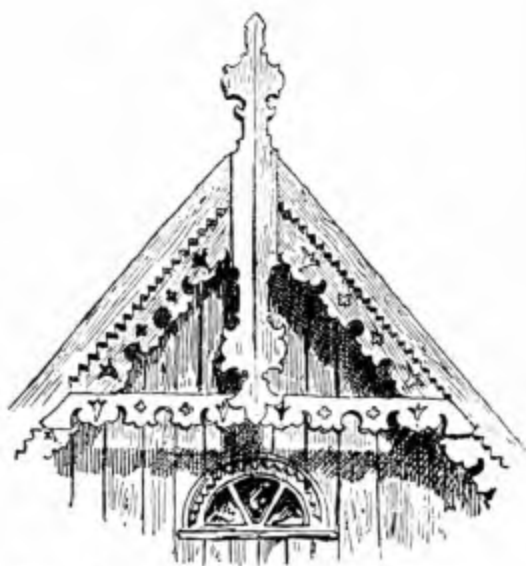

Рис. 58. Фронтонные резные украшения (профилированные) западнолитовского дома в Инзе.

Рис. 57. Убранство комнаты в западнолитовском доме в районе Тильзита.

Рис. 59. Резные коньки на фронтоне литовского дома в Скирвиете.

Можно утверждать, что у всех тех народов, которые пьют кумыс (или пили его в древности), конская голова является символом защиты от злых сил. Ее изображают в виде орнамента на вышивках, помещают на фронтонах домов (в виде деревянной резьбы), водружают у входа во двор или дом на заборах (лошадиные черепа), прибивают подковы («на счастье») у порога. Вполне возможно, что употребление этого символа у западных литовцев являлось пережитком верований, которые были свойственны и древним

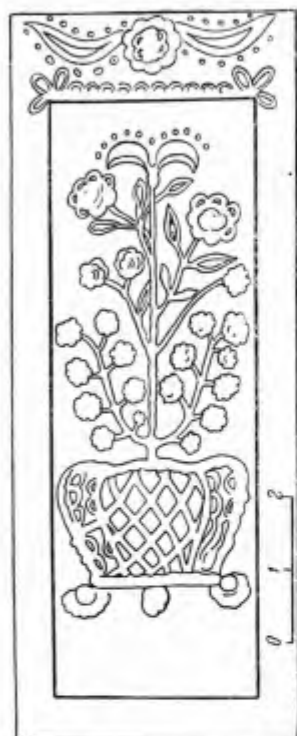

Рис. 60. Западнолитовский орнамент. Шкаф в рыбацком доме в Инзе (боковая стенка).

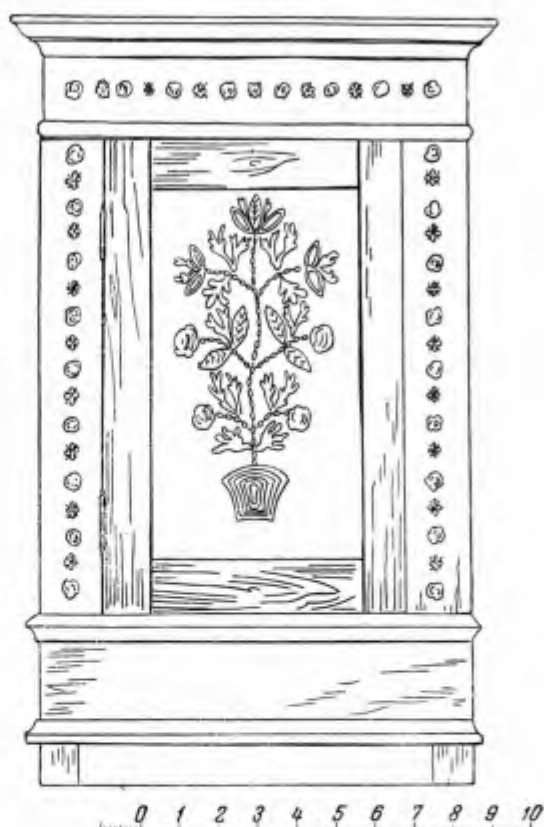

Рис. 61. Западнолитовский орнамент. Шкаф в рыбацком доме в Инзе (дверь шкафа).

пруссам. Во всяком случае наличие подобных резных украшений на фронтонах домов и клеток указывает на прежнее почитание лошади и роднит литовскую символику с восточноевропейской. Можно даже считать это отражением известной общности обычаев древних литовцев и восточных славян.

Петух — вестник наступающего рассвета, символ восхода солнца, охотно изображаемый поэтому на предметах, которые человек берет, пробуждаясь от сна (на полотенцах, посуде), — неперемнная составная часть восточноевропейского и в особенности славянского орнамента. Присутствие его в литовском орнаменте, изображение его на деревянной фронтовой резьбе указывает на общие мотивы народного творчества литовцев и славян. В древнепрусском и древнелитовском культах петух играл также

большую роль в качестве жертвенной птицы, причем в одних случаях употреблялся черный петух, в других — белый.

Одежда западных литовцев, по словам немецких авторов (Цвек, Г. Мортензен, Тетцнер, Миллерт, Детлефсен и др.), почти не сохранилась в Восточной Пруссии к началу XX в. К этому утверждению следует, однако, отнестись с большим недоверием, ибо в Клайпедской обл. (после того, как в 1923 г. она перешла к Литве) оказалась широко распространенной женская литовская народная одежда во всех ее видах.

По словам Видунаса, в начале XX в. у западных литовцев бытовали следующие предметы женского национального одеяния: «маргине», или «юодине» (юбка, праздничное одеяние); «папетис» (женский лиф или блуза) и «юоста» (расшитый пояс). Маргине, или юодине, представляла собою пестротканную юбку¹, которую надевали сверх другой нижней юбки и носили несколько приподнятой складками кверху, чтобы видна была одежда, надетая под ней. В случае траура пестрая маргине заменялась темной юодиной. Папетис шили с воротником, который был покрыт цветными вышивками широкой полосой на плечах и рукавах. В литовском языке, пишет Видунас, очень много слов для обозначения разных типов вышивок, так как литовки очень любят вышивать, особенно гладью (W. Vydunas, 1916, стр. 54—55).

Наряду с ношением этой одежды литовские женщины и девушки долго сохраняли обычай своеобразно причесываться. Замужние женщины носили чепец — кикку, которую в начале XX в. можно было видеть еще во многих местах. Девушки же носили волосы или распущенными, с повязкой на лбу, украшенной венком из цветов — большей частью из руты, или заплетенными в косы, уложенные различным образом на голове (W. Vydunas, 1916, стр. 55). Лепнер в свое время, описывая прическу девушек, обратил внимание на обычай вплетать в косы ярко окрашенные шерстяные ленты и потом связывать концы их на лбу (Т. Lerner, 1744, стр. 66). Этот обычай сохранялся и позже, но вместо шерстяных лент многие стали употреблять шелковые ленты, а в таком виде этот способ украшения потерял свою специфичность, так как шелковые ленты носят девушки множества стран.

В мужской одежде трудно указать остатки старолитовского национального одеяния, — так сильно подверглась она нивелирующему влиянию городской общеевропейской одежды. Тем не менее сохранился повсеместно обычай носить узкие или широкие пояса, длинные концы которых из цветной бахромы свисают на бедре. Такой пояс, называемый по-литовски «юоста», весьма распространенная принадлежность одежды и женщин и мужчин.

Литовские девушки и молодые женщины ткнут эти пояса из цветной шерсти, вкладывая в них все свое искусство. Как говорит Видунас, пояса нередко содержат вытканые на них изречения, пожелания, приветия. Иногда девушка тклет на поясе разные знаки или выражает различные пожелания путем цветного орнамента. Сущность этих, кажущихся постороннему человеку символическими, очертаний и фигур, раскрывается в терминологии. Пояски-юоста играли до последнего времени большую роль в качестве знаков любви. Счастливый влюбленный украшал, пишет Видунас, себя этим даром своей возлюбленной, нося его постоянно или на поясе или вместо галстука на шее (W. Vydunas, 1916, стр. 56). Зимой мужчины и женщины носят вышитые шерстяные перчатки с литовским орнаментом.

¹ По Лепнеру, маргине раньше представляла собою две несшитые полосы шерстяной пестрой ткани.

Это скудное перечисление предметов литовской национальной одежды можно дополнить теми материалами, которые опубликованы в литовском специальном издании о женской одежде: *Sodžiaus Menas* («Lietuvių moterų tautiniai drabužiai»). Публикации касаются, главным образом, Аукштайтии и Жемайтии, но там имеется специальная глава о литовской женской национальной одежде в Клайпедской обл.

Литовский женский национальный костюм, который бытовал еще в начале XX в. в Клайпедской обл., состоял из следующих основных предметов

Рис. 62. Западнолитовская национальная одежда. Обычный костюм небогатых крестьян во второй половине XIX в. (район Тильзита).

одеяния: сорочки, корсажа, пестрой юбки, передника, покрывала и головного убора (чепца или повязки). Кроме того, неизменной частью костюма являлся расшитый пояс, который носили или на талии с опущенными вниз концами, или прикрепляли к головной повязке. По своему типу этот костюм был сходен с тем, который бытует по всей Литве по сей день.

Сорочка (очень короткая, похожая на блузу), употреблявшаяся в Клайпедской обл., *marškiniai*, имела широко вырезанный ворот, собранный сборками, широкие рукава с короткими обшлагами. Рукава и обшлага были украшены богатой вышивкой. В вышивках преобладал растительный орнамент.

Рис. 63. Западнолитовская национальная одежда.
Женская зимняя одежда в XIX в., по Гизевиясу
(район Тильзита).

Рис. 64. Западнолитовская национальная одежда.
Летний костюм литовских девушек в начале XX в.
(район Тильзита).

Пестротканые юбки (в последнее время фабричного производства, из хлопчатобумажной материи, раньше — шерстяные, дмотканые) были широки, собраны у пояса сборками или складками, очень длинны — по щиколотку. Называлась такая юбка *si Jonas*. Она окрашивалась поперечными или клетчатыми яркими цветными полосами — зелеными, красными, синими.

Поверх сорочки надевался корсаж — яркий, цветной (красный или зеленый), иногда пестрый, с плечиками. Назывался такой корсаж *kiklikas*. По словам Видунаса, обычай носить подобные корсажи появился

Рис. 65. Западнолитовская национальная одежда. Старая женщина в праздничном наряде (район Тильзита).

у литовских крестьян Восточной Пруссии лишь в XIX в. и заимствован, вероятно, у немцев. Правда, такой же корсаж бытует и в Литве, но время его появления вряд ли можно относить в далекое прошлое.

Юбка прикрывалась спереди передником *prijuostė* преимущественно белого цвета, расшитым вышивкой, в которой преобладали красный и синий цвета. Иногда передник, так же как и сорочка, расшивался белой гладью, для чего употреблялась крученая льняная нить.

Голова прикрывалась платком — косынкой *skepeta*, белого цвета с вышивкой или из окрашенной ткани с вышивкой. Прежде все эти предметы одеяния делались из льняного полотна, теперь употребляется хлопчатобумажная ткань. Головные платки обычно бывают размером 75 × 75 или 80 × 80 см. Значительно больших размеров головной платок, носимый замужними женщинами, — *moturas*, размером в 100 × 100 см. Его расшивают белой гладью.

Девушки носили белые расшитые повязки или шапочки с нашитыми на них узкими поясками, шириной в 4 см. Иногда употреблялись и более широкие пояски, которые прикреплялись сзади шапочки и свисали вниз.

Рис. 66. Западнолитовская национальная одежда. Сорочка (Клайпедская обл.).

Рис. 67. Западнолитовская национальная одежда. Образцы вышивок на сорочке (Клайпедская обл.).

В этом случае употреблялись пояски шириной в 8—9 см. Пояски богато украшались вышивкой ярких цветов; преобладал красный оттенок.

Покрывало *drobulė*, которое носят сложенным и перекинутым через плечи, белого цвета (большей частью из полотна, хотя в последнее время стали употреблять и более легкие ткани), расшивалось по всей длине

Рис. 68. Западнолитовская национальная одежда. Передник (Клайпедская обл.).

Рис. 69. Западнолитовская национальная одежда. Образцы орнамента на передниках (Клайпедская обл.).

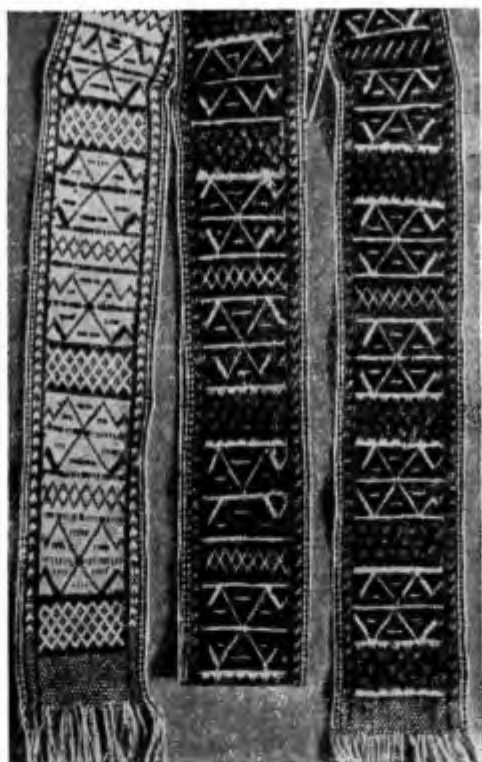

Рис. 70. Западнолитовская национальная одежда. Пояса (Клайпедская обл.).

Рис. 71. Западнолитовская национальная одежда. Юбка (Клайпедская обл.).

Рис. 72. Западнолитовская национальная одежда. Образцы головных косынок (Клайпедская обл.).

Рис. 73. Западнолитовская национальная одежда. Девичьи шапочки (Клайпедская обл.).

Рис. 74. Западнолитовская национальная одежда. Варежки (Клайпедская обл.).

Рис. 75. Западнолитовская национальная одежда. Перчатки (Клайпедская обл.).

вышивкой — цветной (красной) или белой гладью. Длина этого покрывала достигала 200 см, а ширина 70 см. Об этом покрывале Лепнер писал, что сверху своей одежды они носят большой кусок пестроокрашенной материи, которой попросту закутываются или носят ее сложенной и наброшенной на плечи. С тех пор это одеяние, повидимому, превратилось просто в принадлежность парадной одежды и носят его только в сложенном виде.

Расшитые пояса *juostos* употребляются по всей Литве. Они бывают шести различных типов: простые (*beraštes*), отборные (*rinktines*), украшенные (*kaisytines*), переплетенные (*pintines*), тканые (*austines*) и витые (*vytines*). Простые пояса делаются из льняной пряжи, но в Клайпедской обл. употреблялась хлопчатобумажная. Их ткут на станке. Отборные пояса являются самым распространенным типом. Они ткутся двухслойными: нижний слой, одноцветный, большей частью из льняной пряжи; верхний слой — многоцветный, со сложным узором, из шерстяной пряжи. Украшенные пояса ткутся из шерсти; узор на них делается более красивый. Переплетенные плетутся вручную и делаются с цветными полосами, взаимно перекрещивающимися. Употребляются зеленые, красный, белый, синий и желтый цвета. Тканые шерстяные широкие пояса имеют сложный (часто шашечный) орнамент. Витые пояса более узки, оканчиваются кистью, образованной распущенными нитями. Орнамент поясов обычно повторяется на сорочках («*Sodžiaus Menas*», 1939, стр. 27—33).

На приложенных рисунках показан орнамент головных повязок, головных платков, передников, поясов, юбок (сийонай-кеделий) и варежек, а также праздничные одеяния клайпедских девушек и замужних женщин (там же, стр. 162—183).

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 20-х годов XX века национальный состав населения юго-восточной Прибалтики претерпевает дальнейшие изменения, сводящиеся к уменьшению численности западных литовцев и росту численности немцев. Клайпедская область находилась в это время в составе буржуазной Литвы (фактически с 1918 г., формально с 1923 г.), и поэтому сокращения численности литовцев в ней не происходило, наоборот, отмечалось увеличение литовского населения (за счет уменьшения населения немецкого). Но в восточно-прусских областях южнее Немана число литовцев быстро падало. По переписи 1925 г. в Германии проживало 4060 литовцев, из которых только 2251 говорил по-литовски, а остальные 1809 были двуязычны (т. е. пользовались и немецким языком); по переписи 1933 г. оказалось 2237 литовцев, из которых 965 человек говорили по-литовски, а остальные 1272 были двуязычны.

Конечно, достоверность этих цифр германского ценса равна нулю; но то, что в догитлеровскую эпоху было лишь тенденцией (денационализация западных литовцев на территориях южнее Немана), стало вскоре совершившимся фактом. Немногочисленное литовское население, сохранившееся еще в отдельных регирунгсбецирках Восточной Пруссии, в период нацистского режима утерало свое национальное самосознание.

Для того чтобы понять, как это случилось, нужно сказать несколько слов о политической обстановке того времени.

После присоединения Клайпедского края к Литве среди западных литовцев, оставшихся в пределах Германии, создалась тяга к переселению, и в течение 1925—1930 гг. некоторое количество западных литовцев покинуло Германию и осело в городах и крупных поселках Клайпедского края. В общей сложности число переселившихся составляло несколько тысяч. Это были по преимуществу сельскохозяйственные рабочие и безземельные крестьяне. В какую же обстановку они попали в буржуазной Литве? Лесопильная промышленность Клайпеды переживала тяжелый кризис из-за недостатка сырья: в Литве не было лесных массивов для промышленного использования, сплавной же лес, шедший с верховьев Немана, перестал поступать после того, как Виленщина была захвачена Польшей и прекратились всякие политические и торговые сношения между Польшей и Литвой. Можно было получать лес по железной дороге из СССР. Но буржуазная Латвия, через территорию которой проходили железнодорожные пути из СССР в Литву, назначила такие высокие транзитные тарифы, что получение клайпедскими лесопилками советского леса стало возможным лишь в том случае, если лес этот, в виде пиломатериалов, возвращался потом в СССР, т. е. при условии, что Советский Союз брал на себя все

излишние расходы по операции. Панская Польша и буржуазная Латвия создали экономическую блокаду Клайпедскому порту и клайпедской промышленности.

Получить при таких условиях работу в лесопильной промышленности — в общем достаточно мощной по своим производственным возможностям — для переселенцев-литовцев не представлялось возможности. Им оставалось устраиваться у немецких и литовских кулаков в качестве сельскохозяйственных рабочих. Однако и в области сельского хозяйства положение складывалось не лучше — оно переживало кризис и не нуждалось в новых рабочих. Переселенцы оказались безработными.

Кризис сельского хозяйства в Клайпедском крае был вызван общими причинами. Это был период наибольшего развития мирового аграрного кризиса, когда мировой рынок сельскохозяйственных продуктов резко сократился и конкуренция на нем привела к катастрофическому снижению цен. Но клайпедские крестьяне (как немцы, так и литовцы) подпали под влияние этого кризиса уже в то время, когда они находились в составе литовского государства, и по старой памяти считали, что в Германии им был бы обеспечен сбыт сельскохозяйственной продукции, а теперь (в аграрной Литве, имевшей эту продукцию в избытке) им некуда девать ни зерно, ни свиней.

Для клайпедских крестьян оказался почти полностью закрытым и внешний рынок. Дело в том, что направление сельского хозяйства Клайпедского края раньше было приурочено к потребностям внутренних областей Германии и имело зерновой характер; с этим хозяйством было связано свиноводство, спецификой которого было выращивание жирных свиней (свыше 250 кг весом), откармливаемых отходами зерновой продукции. Оторванные от германского государства клайпедские свиноводы утратили рынок для сбыта своей продукции, так как экспорт в европейские страны требовал не жирных, а бэконных свиней (за исключением весьма незначительного экспорта в СССР).

Основным потребителем бэкона в то время была Англия. Производителей бэкона оказалось столько, что между ними возникла ожесточенная конкуренция, использованная английским правительством для внешнеполитических махинаций. Наряду с Данией, три прибалтийские лимитрофа — Литва, Латвия и Эстония — стали добиваться квот (лимитов) для ввоза в Англию бэкона и масла. Взамен этого прибалтийские лимитрофы готовы были предоставить военные базы для нападения на Советский Союз и принять участие в любой антисоветской акции английских твердолобых. Так возникла проанглийская ориентация сметоновского правительства Литвы в области внешней политики и внешней торговли. В результате этой ориентации литовское сельское хозяйство на многие годы было приковано к английскому рынку и принуждено было перестроиться, приспособиться к его нуждам. Это приспособление выразилось в том, что свиноводство — одна из важнейших отраслей хозяйства — изменило свое направление: литовские крестьяне вместо жирных свиней (которых они выращивали прежде) принуждены были разводить бэконных свиней (весом в 85—100 кг), в соответствии с этим должен был измениться способ откорма (отходы зерна были заменены картофелем). На перестройку сельского хозяйства ушло несколько лет, по истечении которых картофель оттеснил на второй план зерновое хозяйство. В результате произошла деградация литовского сельского хозяйства, однобокое его развитие, закрепившее полную зависимость литовской экономики от английского рынка.

Для поощрения перестройки крестьянского хозяйства правительство Сметоны ввело систему экспортных премий, прогрессивно увеличивав-

шихся в зависимости от числа сданных крестьянином свиней на экспорт. Выгоду от прогрессивности премий получали только литовские кулаки, потому что бедняк и одну-то свинью откармливал с большим трудом, где же было ему сдавать на экспорт десятками! Однако демагогическая сторона «поощрений» экспорта для большинства крестьян была непонятна, и потому система экспортных премий считалась среди них большим достижением сметоновского режима.

Клайпедские крестьяне-литовцы оказались лишенными экспортных премий и возможности сбывать свою продукцию за границей, ибо их хозяйство не было перестроено на картофелеводство и производство бакона, и стали разоряться. Ежемесячно десятки крестьянских хозяйств продавались с молотка за долги и неуплату налогов и скупались литовским Укио-банком (частный банк, во главе которого стоял ксендз Вайлокайтис). Затем эти хозяйства переходили в руки литовских кулаков из других районов Литвы. Так как клайпедские литовцы были протестантами, а скупавшие их земли кулаки — католиками, да и правительство Сметоны представляло кулацко-фашистские католические круги, то все беды клайпедских крестьян приобретали вид религиозного гонения на протестантизм. Впрочем, это было не только видимостью — католическая церковь использовала всё свое влияние, чтобы добиться от сметоновского правительства дискриминации клайпедских протестантов. Многочисленные ксендзы, появившиеся в городах и сельских местностях Клайпедского края, держались с местным населением заносчиво и всячески афишировали свою связь с новым чиновничеством, присланным из Литвы. Оттуда между тем прибывали администраторами исключительно католики, а прежние чиновники-протестанты — как немцы, так и клайпедские литовцы — постепенно снимались со своих постов. Нравственный облик новой администрации был невысок (да и откуда могло бы взять фашистско-кулацкое руководство партии таутиников для этой цели морально чистых людей!). В Клайпедский край нахлынули орды наглых, не считавшихся с местным бытовым укладом чиновников, дискредитировавших в глазах протестантского населения католический, изъеденный коррупцией, режим таутиников. Сплотив против себя всех протестантов, кулацко-фашистское правительство Литвы открыло широкий путь для гитлеровской демагогической пропаганды среди клайпедских крестьян.

Своей провокационной политикой по отношению к клайпедским литовцам правительство Сметоны убило также тягу к национальному объединению у тех западных литовцев, которые оставались в южнонеманских районах Восточной Пруссии.

Можно сказать, что именно эта политика облегчила нацистам вовлечение западных литовцев в немецкие политические организации. В идеологическом отношении литовский фашизм, представленный таутиниками (правившая партия Сметоны), ничем не отличался от немецкого национал-социализма; поэтому вхождение западнолитовских националистов-фашистов в немецкие гитлеровские организации означало не смену идеологии, а лишь окончательную утерю ими национального самосознания. Тем самым ускорялось исчезновение в восточно-пруссских районах южнее Немана остатков литовской народности.

В марте 1939 г. Клайпедский край был захвачен гитлеровцами и присоединен к Германии. Вскоре после этого началась вторая мировая война.

В 1940 г. сметоновский кулацко-фашистский режим был свергнут народом, Сметона бежал в нацистскую Германию. В июне 1941 г. одной из первых жертв при нападении Гитлера на Советский Союз стала Советская Литва. Фашистская оккупация Литвы продолжалась более трех лет. Когда

Советская Армия сломила хребет нацистскому зверю и фронт придвинулся к Неману и Шешупе, гитлеровцы стали эвакуировать население из Восточной Пруссии. Вместе с этим населением из районов южнее Немана были немцами переселены внутрь Германии последние, и весьма немногочисленные, остатки литовского населения. По Потсдамскому соглашению Восточная Пруссия была ликвидирована как административно-политическая единица, территория ее отошла к Польше и Советскому Союзу, и государственная граница СССР прошла по линии, разделявшей некогда балтийские племена и западных славян.

С ликвидацией Восточной Пруссии был уничтожен немецкий государственно-политический клин, врезавшийся между Польшей и СССР, уничтожен очаг постоянных провокаций, ликвидирован плацдарм для нападения на советские республики. Клайпедский край, освобожденный Советской Армией в январе 1945 г., был воссоединен с Литовской ССР, и компактное литовское население, сохранившееся в этой древней литовской области несмотря на режим насильственной германизации, существовавший в Восточной Пруссии, окончательно воссоединилось с остальным литовским населением в единую социалистическую литовскую нацию.

Подведем итоги и сделаем некоторые выводы, касающиеся самого метода исследования.

Этнический состав населения юго-восточной Прибалтики изменялся. Древнейшее население, заселившее эту территорию в эпоху позднего палеолита или мезолита, слилось позже (в начале II тысячелетия до н. э.) с переселившимися с юго-востока, возможно из Причерноморья, племенами, язык которых принадлежал к славяно-балтийской группе. Выделение из этой группы самостоятельной балтийской ветви, повидимому, связано с обособлением передвинувшихся в Прибалтику племен от тех братских племен, которые при передвижении из Причерноморья осели в бассейнах Вислы, Буга и правых притоков Днепра. Расселившиеся в Прибалтике племена, смешавшиеся с местным населением, можно называть «балтийцами», или «балтами», если не пользоваться довольно распространенным в литературе термином «летто-литовцы».

Вплоть до вторжения немецких рыцарей в юго-восточную Прибалтику на этой территории никакого другого постоянного и компактного населения, кроме племен балтов, не существовало.

Полулегендарные сведения говорят о расселении в течение первых двух столетий нашей эры в устье Вислы каких-то готских племен. Границы восточного проникновения этих племен не установлены. В конце II в. н. э. эти племена якобы покинули территорию, уступив свое место славянам, придвинувшимся с юго-востока. В связи с этим, археологические находки в устье Вислы, относящиеся к I в. до н. э. и I—II вв. н. э., толкуются некоторыми немецкими учеными как образцы готской культуры. Наиболее добросовестные из немецких буржуазных ученых конца XIX в. (Тишлер и др.) относят, однако, все эти находки к III—IV вв. н. э., когда присутствие готов исключается. Поэтому так называемый «готский вопрос» и «культура устья Вислы» требуют еще своего разрешения и долг советских ученых — внести в эту проблему наибольшую ясность. Анализ топонимических материалов не обнаруживает также следов готов восточнее р. Пасарги, т. е. на территории юго-восточной Прибалтики.

К моменту вторжения немецких рыцарей на территории юго-восточной Прибалтики севернее и восточнее линии Хайлигенбейль — Прейсшиш Холланд — Алленштейн — Раценбург проживало только прусско-литовское население. Южнее и западнее этой линии к нему примыкало

западнотавяноское население, среди которого имелись большие или меньшие вкрапления прусского этнического элемента. Поэтому для того времени прусско-литовскими можно считать лишь территории восточнее и севернее указанной линии.

Накануне вторжения немецких рыцарских банд племени пруссов, судавов, литовцев и жемайтов не сформировались еще в единую литовскую народность. Тем не менее процесс этот подготавливался, так как создавалась культурная общность почти на всей территории расселения племен, а племенные языки, вследствие их родственной близости, не являлись препятствием для взаимопонимания населения. Общность сказывалась и в идеологии племен, в частности, в религиозных представлениях и обрядах. Почти тождественны были формы социального строя: народы стояли на стадии развития начальных форм классового общества и формирования государственной власти. Вторжение завоевателей приостановило этот процесс, подчинив не вполне оформившийся классовый строй коренного населения иноземному господству немецких феодалов.

После вторжения немцев этнический состав населения юго-восточной Прибалтики стал меняться. Немецкая колонизация, сначала направлявшаяся в города, а позже и в сельские местности, создала вклинения в прусско-литовскую этническую территорию. Истребление прусского населения в ряде районов, насильственная денационализация оставшихся привели к исчезновению целого народа — пруссов. К XVII в. прусский язык перестал быть живым разговорным языком населения. Денационализация остальных западных литовцев проходила медленнее; вплоть до XVII в. в центральных, восточных и северных районах Восточной Пруссии большинство населения оставалось литовским. Ввоз немцами 30 тыс. колонистов в начале XVIII в. изменил положение в некоторых районах (например, в районе Гумбиннена), но в остальных районах вплоть до конца XVIII в. жило в сельских местностях преимущественно литовское население. В XIX в. активная колонизаторская деятельность евангелистской (лютеранской) церкви, немецкой школы и принудительные меры немецкой администрации, преследовавшей всё литовское, ускорили денационализацию литовского населения на территории Восточной Пруссии, в результате чего в первых десятилетиях XX в. общая численность западных литовцев оказалась менее 50% численности их в начале XIX в. Большинство западно-литовского населения сконцентрировалось к этому времени в Клайпедском крае.

Недостоверность германской официальной этнической статистики заставляет искать иных методов выявления национального состава населения. Религиозная и школьная статистика вносит некоторые коррективы в данные переписей; тем не менее и эти данные недостаточно полны и достоверны. Сравнение их со сведениями о границах церковных приходов, где употребляли в начале XX в. литовский язык для богослужения, и сопоставление их со сведениями о районах, где конфирмация происходила на литовском языке, — несколько расширяют границы той территории, на которой сохранилось в начале XX в. западнолитовское население. Крайнюю границу распространения западнолитовских диалектов (а следовательно, и расселения западных литовцев) можно установить, с одной стороны, по районам литовского богослужения, а с другой — по некоторым официальным данным (например, по сведениям, исходящим из германских военных учреждений о районах, где слышалась еще литовская речь. Этот крайний южный предел проходил в 1916 г. по линии Лабиау — Инстербург — Даркемен — Гольдап).

В районе севернее этой линии в начале XX в. имели распространение некоторые специфические особенности материальной и духовной культуры

западных литовцев. Особый тип старолитовского дома и подсобного помещения (клет) сохранялся в отдельных районах. Кроме своеобразного расположения внутренних помещений, постройки отличались своим внешним видом, в особенности украшениями (изображениями лошадей и петушков, резным орнаментом, яркой раскраской фасадов, окон, дверей и пр.). Также характерно было для этой территории распространение специфических литовско-литовских надгробий на деревенских кладбищах, с изображением распяленных шкур.

Сохранила литовский национальный облик праздничная одежда женщин, в особенности в Клайпедской обл. Точные границы распространения этих специфических для литовской национальной культуры явлений установить трудно, так как немецкие этнографы не были заинтересованы в показе широкого бытования указанных явлений.

Можно было бы выявить также границы распространения специфических явлений литовской духовной культуры, в особенности богатейшего литовского фольклора (сказок и песен), однако записи ограничиваются приеманскими районами. Сведения о распространении литовской периодической печати в начале XX в. также не могут быть приведены (а они имели бы очень большое значение для показа степени развития литовского национального самосознания), ибо архивы литовских тильзитских издательств пока не обнаружены.

В результате длительного и систематического онемечения коренного западнолитовского населения численность его к началу XX в. оказалась вдвое ниже, чем в середине прошлого столетия. Наиболее сохранила свой этнический литовский облик Клайпедская область; что же касается районов южнее Немана, то в них литовский этнический элемент на рубеже нашего века уже сильно поредел и с каждым новым десятилетием все более ослабевал в численном отношении.

Литовская народность в Восточной Пруссии была обречена немецкими шовинистами на уничтожение, и это произошло бы не только на территории южнее Немана (где ко времени второй мировой войны гитлеровцам удалось почти полностью денационализировать западнолитовское население), но и в Клайпедском крае, если бы Советский Союз, разгромив немецко-фашистские армии, не освободил в 1945 г. Клайпеду от фашистского государственного и национального гнета. Продолжавшееся в течение семи веков национальное угнетение западных литовцев было ликвидировано; отныне они получили возможность свободно жить и развивать свою национальную культуру в социалистическом содружестве советских братских народов.

В числе тех дисциплин, которые были привлечены нами к исследованию этнического прошлого территории юго-восточной Прибалтики, отсутствует антропология. Это не случайный пропуск, а следствие современного состояния этой науки в области изучения народов Прибалтики. Советские антропологи юго-восточной Прибалтикой до сих пор почти не занимались. Из старых же работ можно указать только на краниологические исследования Лиссауэра и небольшие работы Вирхова, касающиеся Восточной Пруссии. Этот материал недостаточен для каких бы то ни было широких обобщений. «Бурную деятельность» проявили в период гитлеризма нацистские антропологи-расисты: они выпустили ряд работ по антропологии Восточной Пруссии, но их «труды» стоят за пределами науки.

Многие вопросы, связанные с ранними периодами этногенеза балтийских народов, не могут быть разрешены до тех пор, пока не будет добыт и научно обработан достаточный антропологический материал.

Возможно, что в этом исследовании недостаточно представлен и лингвистический материал. Но что, кроме работ Нессельмана, Пирсона, Траутмана, Куршата, К. Буги и И. Эндзелина, можно было бы привлечь по этой проблеме? Марксисты не работали в области истории древних балтийских языков. Если в общем отставание советского языкознания от стоящих перед ним задач было связано с распространением вульгаризаторской теории Н. Я. Марра, нашедшей среди языковедов многих последователей, то на сравнительно узком участке балтийской лингвистики это отставание в еще большей степени объяснялось тем, что лингвистические, и в особенности исторические, теории Казимира Буги оставались до недавнего времени неясными для некоторых языковедов стран Советской Прибалтики. Основной причиной этой научной слепоты было то, что эти ученые не владели марксистско-ленинской методологией и потому некритически воспринимали многие буржуазные теории.

Методологические указания И. В. Сталина¹ намечают не только общее направление языковедческих исследований, но и показывают конкретный путь к разрешению многих лингвистических проблем. Нет сомнения, что, следуя этим указаниям, языковеды стран Советской Прибалтики смогут по-новому поставить изучение истории балтийских языков и что в недалеком будущем исследователи этногенеза латто-литовцев будут иметь возможность привлекать для своих работ лингвистический материал, собранный и изученный советскими языковедами на основе марксистской методологии.

Произведенное нами исследование этнического прошлого юго-восточной Прибалтики является *опытом* применения комплексного исторического метода при изучении этнических территорий. Большие или меньшие возможности привлечения материала зависят от состояния тех научных дисциплин, которые изучают отдельные стороны проблемы. Но при всех условиях разрешение поставленной задачи может быть достигнуто только в условиях комплексного исследования. Проблемы этнической истории народов слишком сложны, чтобы их можно было раскрыть на материале одной какой-либо исторической или смежной дисциплины: какую бы территорию ни выбрал исследователь и на каком бы историческом этапе он ни остановился, — чтобы изучить этническую общность населения или его этнический состав, он принужден будет привлечь данные и археологии, и истории, и этнографии, и лингвистики: без этого научное исследование останется незавершенным. К такому выводу пришли уже многие советские ученые, занимающиеся проблемами этногенеза, и, несомненно, придут все те исследователи, которые изучают развитие форм этнической общности у отдельных народов.

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., Госполитиздат, 1938.
 История ВКП(б). Краткий курс. М., 1950.
 Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1939.
 Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.
 Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
 Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей. М., 1935.
 Сталин И. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948.
 Анучин Д. Н. К вопросу о составлении легенды для археологической карты России (по доисторической археологии). М., 1884.
 Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии. «Этнограф. обозрение», СПб., 1889.
 Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда (Древности. Труды Московского археологического общества, т. XIV). М., 1890.
 Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века. «Сов. этнография», 1946, № 1.
 Балтрайтис С. Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. Изд. 2. СПб., 1904.
 Берг Л. С. Бессарабия. П., 1918.
 Берг Л. С. Население Бессарабии. С картой. П., 1923.
 Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М., 1946.
 Богоявленский С. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 года. «Тр. X археологического съезда в Риге в 1896 г.», т. III. М., 1900.
 Боричевский И. Исследование о происхождении, названии и языке литовского народа. «Журн. Мин. народн. просв.», 1847, т. 56, XII, отд. II.
 Бутович В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916.
 Вольтер Э. О результатах этнографической поездки к прусским литовцам летом 1883 г. «Изв. Рус. географич. общества», 1885, т. XXI, вып. 2.
 Вольтер Э. Списки населенных мест Сувалкской губернии, как материал для историко-этнографической географии края. СПб., 1901.
 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Т. I и II. М., изд. ЦСУ СССР, 1928—1929.
 Галкин Н. Н. Этнографическая карта царства Польского. «Зап. Рус. географич. общества по отделению этнографии», т. IV, 1871.
 Гуревич Ф. Д. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. «Краткие сообщения о докладах Института истории материальной культуры АН СССР», 1950, т. XXIII.
 Гуревич Ф. Д. Рагивянский могильник. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», т. XXXVI, 1951.
 Державин Н. С. Славяне в древности. М., [6. г.].
 Дундулене П. В. Земледелие в дофеодалной Литве. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XII, 1950.
 Егоров Д. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1. Материал и метод. М., 1915.
 Егоров Д. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 2. Процесс колонизации. М., 1915.
 Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. СПб., 1884.

- Жюгжда Ю. Западные литовцы. Архив Института этнографии АН СССР, 1944, стр. 59 (*Рукопись*).
- Жюгжда Ю. Судьбы западных литовцев и Кристионас Донелайтис (К. Донелайтис. Времена года. Поэма). М., 1946.
- Забелин И. Домашний быт русских царей, т. I, 1862.
- Закржевский А. Польша. Статистико-этнографический очерк. Киев, 1916.
- Карский Е. К вопросу об этнографической карте белорусского племени. «Изв. Отд. русского языка и словесности Академии Наук», т. VII, кн. 3.
- Карский Е. Белорусы. Т. I. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904.
- Карский Е. Белорусы. Т. II. Язык белорусского племени. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908.
- Карский Е. Этнографическая карта белорусского племени. «Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения России», 2. II., 1917.
- Кеппен П. Об этнографической карте Европейской России. Изд. 2. СПб., 1852.
- Кочубинский А. Территория доисторической Литвы. «Журн. Мин. народн. просв.», 1897, ч. XXXI, № 1, отд. 2.
- Кочубинский А. Частные молдавские учебники для русской школы «Журн. Мин. народн. просв.», 1903, кн. VI.
- Кржиwickий Л. Жмудские пилькальнисы. «Изв. Археологич. комиссии», вып. 29, 1909.
- Куликаускас П. Литовские археологические памятники и задачи их изучения. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XII, 1950.
- Курнатовский Г. Этнографическая Польша. М., 1915 (Славянская б-ка, № 2).
- Лоя Я. Латышско-русский словарь. М., 1946.
- Любавский М. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М., 1915.
- Любавский М. История западных славян. М., 1918.
- Ляцкий З. Значение литовского языка в вопросе о происхождении Руси. «Тр. Виленского отд. Моск. предварит. комитета по устройству IX археологич. съезда». Вильна, 1893.
- Материалы к вопросу об образовании Холмской губернии. Части I и II. Варшава, 1908.
- Мержинский А. Ромово. «Тр. X археологич. съезда в Риге в 1896 г.», Т. I. М., 1899.
- Модестов В. И. Жизнь и сочинения Тацита (Сочинения Корнелия Тацита, т. I). СПб., 1886.
- Моора Х. А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XII, 1950.
- Муромцов П. Опыт составления этнографических карт. Дрезден, 1866.
- Нарбут Г. Урочище Русс. «Северный архив», № 1, 1822.
- Нестеровский П. А. На севере Бессарабии. Путевые очерки. Варшава, 1910.
- Нидерле Л. Обзорение современного славянства. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 2. СПб., 1909.
- Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. Рус. пер. под общ. ред. И. М. Майского. М., 1945.
- Орнамент всех времен и стилей. 100 таблиц с объяснительным текстом Н. Ф. Лоренца. СПб., 1898.
- Пакарклис П. Литовское население в Пруссии. Архив ИЭ АН СССР, д. 46 (*Рукопись*).
- Перцев В. Пруссия до ее завоевания немцами. «Историч. журнал», 1944, № 4.
- Погодин А. Л. Из древнейшей истории литовского племени. В сб. статей по археологии и этнографии. СПб., 1902.
- Потанов Л. П. Этнический состав сагайцев. «Сов. этнография», 1947, № 3.
- Риттих А. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885.
- Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт. «Вопросы географии». Сб. первый. М., 1946.
- Степанов П. Д. К вопросу о земледелии у древней мордвы. «Сов. этнография», 1950, № 3.
- Третьяков П. Н. Восточно-славянские племена. М., 1948.
- Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований. «Изв. Отделения истории и философии АН СССР», 1944, № 6.
- Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. «Сов. этнография», 1946, № 2.
- Удальцов А. Д. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. «Вопросы истории», 1949, № 2.
- Фаминцын А. С. Божества древних славян. Вып. 1. СПб., 1884.

- Флоринский Т. Д. Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства (с 2 этнографич. картами). Киев, 1907.
- Фортуатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1897—1898 гг. на 1-м и 2-м семестрах. М., 1899 (Над. гектографированное).
- Францев В. Обзор важнейших исследований Угорской Руси. «Рус. филол. вестник», XV, Варшава, 1901.
- Францев В. Л. Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним. Варшава, 1909.
- Харузи А. Славянское жилище в Сев.-зап. крае. Вильна, 1907.
- Черняков З. Е. К вопросу о статистике национальностей в современных государствах. «Сов. этнография», 1936, № 6.
- Чербуленас К. К. Развитие литовского народного деревянного зодчества и его основные черты. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XII, 1950.
- Шафарик П. Славянское народописание. Пер. с чешского И. Бодянского. М., 1843.
- Шафарик П. Славянские древности. Пер. с чешского И. Бодянского. Часть историческая. М., 1848. Т. I, кн. 1 и 2; т. II, кн. 1 и 2. Изд. 2-е.
- Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. М., 1948.
- Юшкевич А. Литовско-русский словарь, т. 1—3. СПб., 1897 — П., 1922.
- Явнис К. Интонация звуков литовского языка. «Памятная книжка Ковенской губернии на 1900 г.». Ковно, 1900.
- Васанапиэиус J. Lietuvių kryžiai archaiologijos sviesoje. В сб. «Lietuvių kryžiai». Vilnius, 1912.
- Beckherrn C. Geschichte der Befestigung Königsbergs. «Altpreussische Monatsschrift», Neue Folge, Bd. 5—7. Königsberg, 1890.
- Beckherrn C. Bewaffnung und Ausrüstung der heidnisch-preussischen Krieger. «Altpreussische Monatsschrift», Bd. XXXIII, H. 5—6. Königsberg, 1896.
- Beheim — Schwarzbach M. Friedrich Wilhelms I Colonisationswerk in Littauen, vornemlich die Salzburger Colonie. Königsberg, 1879.
- Bezenberger A. Über die Verbreitung einiger Ortsnamen in Ostpreussen. «Altpreussische Monatsschrift», Bd. XX. Königsberg.
- Bezenberger A. Die litauisch-preussische Grenze. «Altpreussische Monatsschrift», Bd. XIX, H. 7—8. Königsberg, 1882.
- Bezenberger A. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.
- Bezenberger A. Ueber das litauische Haus. «Altpreussische Monatsschrift», Bd. XXIII. Königsberg, 1886.
- Bezenberger A. Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart, 1899.
- Bezenberger A. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.
- Bezenberger. Einige Ostpreussische Hügelgräber. «Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr.», 1892/93.
- Bleil Th. Die Keule der heidnischen Preussen. «Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia», 1884/1885. Königsberg, 1885.
- Boeckh R. Die statistische Bedeutung der Volkssprache als kennzeichen der Nationalität. «Zschr. für Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft», 1866, Bd. IV, H. 3.
- Boeckh R. Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Eine statistische Untersuchung. Berlin, 1869.
- Boggs S. W. International boundaries. A Study of Boundary Functions and Problems. New York, 1940.
- Bohlen. Ueber die Sprache der alten Preussen. (V o i g t J. Geschichte Preussens etc. Bd. I, S. 709—723). 1827.
- Bonk H. Ortsnamen in Altenpreussen. «Altpreussische Monatsschrift», H. 7—8, 1890. Königsberg i/Pr.
- Bonk H. Ortsnamen in Altpreussen. «Altpreussische Monatsschrift», H. 3—4, 1893. Königsberg, i/Pr.
- Böttcher A. Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ost-Preussen. H. I—VIII. Königsberg, 1893—1898.
- Brachelli H. Geographie und Statistik des Königreichs Preussen. Leipzig, 1862.
- Buga K. Lietuvių kalbos žodynas. S. II. Kaunas, 1925.
- Bujak. Bernsteinland und Bernsteinstrassen. «Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr.», 21/VI 1878.
- Bujak. Walberge und Landwehren im nördlichen Teil der Gau Galindien und Sudauen und anliegenden Grenzgebieten. «Sitzungsberichte der Alterthums Prussia. Gesellschaft zu Königsberg i/Pr.», 1879. Königsberg, 1880.
- Conwentz H. Die Moorbrücken im Thal der Sorge auf der Grenze zwischen Ostpreussen und Westpreussen. Danzig, 1897.
- Cvijic J. La péninsule Balkanique. Géographie humaine. Paris. 1908.

- Daukantas S. (Laukis) Budas senowes Letuwių kalnenu ir Žemaitių. Petropile, 1845.
- Dethlefsen R. Bauernhäuser und Holzkirchen in Ostpreussen. Berlin, 1911 (Kapitel: Litauen, S. 17—35).
- Dethlefsen R. Das schöne Ostpreussen. Mit 154 Abb. München, 1916.
- Die drei Catechismen in altpreussischer Sprache. Uhlenbeck. Leiden, 1889.
- Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1900 in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern. H. 1. Die summarischen Ergebnisse der Volkszählung. «Oesterreichische Statistik», Bd. LXIII, H. 1. Wien, 1902.
- Données statistiques sur la structure ethnique de la Marche Julienne. 1946.
- Engel. Die Methoden der Volkszählung. «Zschr. des Königl. Preuss. Statist. Bureaus», 1861 (Separat-Ausdruck).
- Fircks A. Die preussische Bevölkerung nach ihrer Muttersprache und Abstammung. «Zschr. des Königl. Preuss. Statist. Bureaus», Bd. III, 1893.
- Fischer C. L. Das Samländische Bauerndorf, insonderheit das Bauernhaus und das Leben darin. «Altpreussische Monatsschrift», H. 1—2. Königsberg, 1899.
- Friederici W. Über altpreussische Gräber und Bestattungsgebräuche. «Altpreussische Monatsschrift», IX. Königsberg, 1872.
- Gabrys J. Carte ethnographique de l'Europe. 1 : 500 000. Lausanne, 1918.
- Gärte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.
- Gemeindelexicon für die Provinz Ostpreussen. Auf Grund der Materialien der Volkszählung vom 1. December 1905 und anderer amtlichen Quellen, bearbeitet vom Königl. Preussischen statistischen Landesamte, Berlin, 1907.
- Gerullis G. De Prussicis Sambiensium locorum nominibus. Königsberg — Tilsit, 1912.
- Gerullis G. Sprache der Sudawer-Jatwinger (Festschrift zum 70. Geburtstag A. Bezzenbergers), 1921.
- Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin — Leipzig, 1922.
- Gieselbrecht W. Ueber Erzbischof Brun-Bonifacius. «Neueste Preussische Provincial-Blätter», I. Königsberg, 1859.
- Grenwingk G. Zur Archäologie des Balticum und Russland. «Archiv für Anthropologie», Bd. 7. Braunschweig, 1874.
- Hennig A. Das Gräberfeld bei Gerdauen. «Zschr. für Ethnologie», 1879, Bd. 11.
- Historia polonica Joannis Długosi seiv Longini canonici cracovien. In tres tomos digesta. Autoritate a sumptibus Herbulti Dobromirski edit. Dobromili, 1615.
- Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Glogau. Berlin, 1908.
- Húsek J. Národopisná hranice mezi slováky a karpatorusy. Bratislava, 1925.
- Jordanis. De getarum sive gothorum origine et rebus gestis. Recognovit, annotatione critica instruxit et cum varietate lectionis editit Carol. Aug. Closs. Stuttgart, 1861.
- Kallweit E. Die wirtschaftsgeographische Entwicklung Ostpreussens. Königsberg, 1933.
- Karge P. Litauerfrage in Altpreussen in historischer Beleuchtung. Königsberg, 1925.
- Karp F. Beiträge zur ältesten Geschichte des Memellandes und Preussisch Litauens. Klaipeda.
- Kieppert H. Ethnographische Uebersicht des europ. Orients. Berlin, 1876.
- Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej rusi Macieja Strykowskiego, wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewskiego z roku 1582. T. I. Warszawa, 1846.
- Krysiński A. Ludność polska a mniejszości w Polsce w świetle spisów ludności 1921 i 1931 r. «Sprawy narodowościowe», 1932, N 4—5.
- Kurschat Fr. Grammatik der littauischer Sprache. Halle, 1876.
- Kurschat F. Wörterbuch der littauischer Sprache. Teil II. Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a/S., 1883.
- La Marche Julienne. Etude de géographie politique. Publications de l'Institut Adriatique. Sušak, 1945.
- Lepner T. Der Preussche Litauer oder Vorstellung der Namens-Herleitung, Kind-Taufen, Hochzeit, Leibes- und Gemüths-Beschaffenheit, Kleidung, Wohnung, Nahrung und Ackerbau, Speise und Trank, Sprachen, Gottes-Dienst, Begräbnisse und andere dergleichen Sachen der Littauer in Preussen. Kürzlich zusammengetragen von Theodor Lepner (1690). Danzig, 1744.
- Lietuvių kryžiai. Surinko Antanas. Jaroševičius. Vilnius, 1912.
- Lorek-Poppelken. Die Gräberfelder von Popelken und Biothen Kr. Wehlau. «Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr.», 1878, 1880/81. 1883/84. Königsberg, 1878, 1881, 1884.
- Meitzen A. Das deutsche Haus in seinen volkstümlichen Formen. Berlin, 1882

- Mielert F. Ostpreussen nebst Memelgebiet und freien Stadt Danzig. Bielefeld — Leipzig, 1926.
- Mortensen G. Beiträge zu den Nationalitäten und Siedlungsverhältnisse von preuss. Litauern. Berlin, 1927.
- Mortensen H. Siedlungsgeographie des Samlandes. Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde. Stuttgart, 1923.
- Mortensen H. Litauen. Hamburg, 1926.
- Mortensen H. Die litauische Wanderung. Aus den Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1927.
- Müller A. Die preussische Kolonisation in Nordpolen und Litauen (1795—1807). Berlin, 1928.
- Nesselmann G. H. F. Thesaurus linguae prussicae. Der preussische Vocalenvorrath soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist, nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter Localnamen. Berlin, 1873.
- Niederle L. Slovanské starozitnosti. Díl. I, 1902; II—III, 1921—1924. Praga.
- Olck. Die Nationalität in Ostpreussen. «Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr.», 1880—1881. Königsberg, 1881.
- Ord og sed. Redigert av Nils Lid og Svalde Solheim. VI. N 84—86. Oslo, 1939.
- Pakarklis P. Mažoji Lietuva vokiečių mokslo šviesoje. Kaunas, 1935.
- Pakarklis P. Kryžiuočių valstibus santvarkos bruožai. Vilnius — Kaunas, 1948.
- Pierson W. Elektron oder über die Vorfahren, die Verwandtschaft und den Namen der alten Preussen. Berlin, 1869.
- Pierson W. Ueber die Nationalität und die Sprache der alten Preussen. Berlin, 1873.
- Preussische Statistik (Amtliches Quellenwerk Preuss. Staates). H. 5. Die Ergebnisse der Volkszählung und Volksbeschreibung nach den Aufnahmen vom 3. Dezember 1861. Berlin, 1864.
- Preussische Statistik. H. 177. Die endgültigen Ergebnisse der Volkszählung vom 1. Dezember 1900 im Preussischen Staate. Teil III. Die Muttersprache. Berlin, 1902.
- Preussische Statistik. H. 209. То же по переписи. 1. Dezember 1905. Teil III. Berlin, 1908; H. 231, по переписи 1. Dezember 1910, Teil II. Berlin, 1912.
- Question de Memel. Documents diplomatiques. 2 vol. Kaunas, 1923.
- Ratzel F. Anthropogeographie. I, II. 1882. 3 мад.— 1909.
- Schiefferdecker. Kührsche Nehrung in archäologischen Hinsicht. Königsberg, 1873.
- Schiefferdecker. Der Begräbnisplatz bei Stangewalde. «Schriften der phys.-ökonom. Gesellschaft zu Königsberg», XIII, 1878.
- Schlözer A. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771.
- Schulz. Einige Bemerkungen über die Nationalität der Litauer. Königsberg, 1832.
- Scriptores rerum prussicarum oder die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Bd. I, Leipzig, 1861; Bd. II, Leipzig, 1863; Bd. III, Leipzig, 1866.
- Senoji lietuviška knyga. Vilnius, 1947.
- Sereiskis B. Lietuviškai rusiškas žodynas. Kaunas, 1933.
- Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i/Pr. 1878—1883, 1887—1889, 1891—1893, 1895. Königsberg, 1878—1895.
- «Sodžiaus Menas», Lietuvių moterų tautiniai drabužiai, N 7—8. Kaunas, 1939.
- Statistik des Deutschen Reiches. Bd. 451, H. 4. Berlin, 1936.
- Statistines žinios apie Lietuvą ligi karui 1914. Kaunas, 1920.
- Statistisches Jahrbuch für den Preussischen Staat. Berlin, 1904—1910.
- Tacitus Cornelius. Germania. Erklärt von C. Tuecking. Padeborn, 1867.
- Tetzner F. Die Slaven in Deutschland. Braunschweig, 1902.
- Thunmann M. J. Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Berlin, 1772.
- Tischler O. Über die Formen der Gewandnadeln (Fibeln) nach ihrer historischen Bedeutung. München, 1881.
- Tischler O. Steinzeit in Ostpreussen. Königsberg, 1882/83.
- Tischler O. Ostpreussische Grabhügel. «Schriften der phys.-ökonom. Gesellschaft zu Königsberg i/Pr.», I—XXVII Jahrg. 1886; II—XXIX Jahrg. 1888; Königsberg, 1887, 1889.
- Tischler O. Das Gräberfeld bei Oberhof, Kreis Memel. «Schriften der phys.-ökonom. Gesellschaft zu Königsberg i/Pr.», Sitzungsbericht 3/V 1888, Bd. XXIX, 1888. Königsberg, 1889.
- Töppen M. Historisch-comparative Geographie von Preussen. Gotha, 1858.
- Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
- Varsik B. Narodnostna hranica slovensko-magyarska v ostatnih dvoch storociach. Bratislava, 1940.
- Vileišis Vincas. Tautiniai santykiai Maž. Lietuvoje ligi didžiojo karo. Istorijos ir statistikos šviesoje. Kaunas, 1935.

- Virchow R. Die altpreussische Bevölkerung, namentlich Letten und Litauer, sowie deren Häuser. «Zschr. für Ethnologie», Bd. XXIII, 1891.
- Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. I. Die Zeit des Heidentums. Königsberg, 1827.
- Voigt J. Einige Beiträge über altpreussische personen- und geographische Local-Namen. «Preuss. Provinzial Blätter», B. V. Königsberg, 1860.
- Vydunas W. S. Litauen in Vergangenheit und Gegenwart. Tilsit, 1916.
- Vydunas W. S. Sieben Hundert Jahre deutsch-litauischer Beziehungen. Tilsit, 1932.
- Wiberg C. Der Einfluss der klassischen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr. Hamburg, 1867.
- Witte H. Wendische Bevölkerungsreste in Meklenburg. Forschungen zu deutsch Land- und Volkskunde. XVI, H. 1, Stuttgart, 1905.
- Zweck A. Litauen. Eine Landes- und Volkskunde. Stuttgart, 1898.
- Zweck A. Samland, Pregel und Frischingtal. Leipzig, 1902.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие.	3
Введение.	5

I. Этнические рубежи

1. К истории постановки вопроса об этнических рубежах	15
2. Границы этнические и границы естественные	20
3. Влияние, оказываемое на этнические границы степенью близости национальных культур соприкасающихся районов	26
4. Трансформация этнических границ в ходе исторического процесса	35
5. Этнические определители в переписях населения стран зарубежной Европы до второй мировой войны (Национальное самосознание и национальная принадлежность. Родной язык. Язык в быту)	40
6. Этнические определители в переписях и массовых обследованиях населения СССР.	61
7. О методах определения национального состава населения в полосе этнических границ	70
8. Методы картографирования национального состава населения	78
9. Заключение	104

II. Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики

1. О методах исторического изучения этнических территорий	109
2. Археологические источники, касающиеся истории древнейшего населения юго-восточной Прибалтики	112
3. Древнейшие исторические сведения о народах юго-восточной Прибалтики	143
4. Историческая топонимика юго-восточной Прибалтики	160
5. О деревянных надгробиях и некоторых других древних погребальных памятниках на территории юго-восточной Прибалтики	176
6. Этнический состав населения юго-восточной Прибалтики накануне и в эпоху вторжения немецких рыцарей	186
7. Оформление литовской народности среди прусско-литовского населения юго-восточной Прибалтики	193
8. О «шалавах» и западнолитовском населении нижнего течения р. Немана	202
9. Германские цензы и языковые карты как источник сведений о национальном составе населения Восточной Пруссии	209
10. Географическое размещение и численность литовцев в Восточной Пруссии в начале XX в. по данным религиозной статистики	219
11. Западнолитовская лингвистическая граница в Восточной Пруссии в начале XX в.	230
12. Географическое распространение западнолитовского жилища, национальной одежды и орнамента в Восточной Пруссии в начале XX в.	241
13. Заключение	266
Библиография	273

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

•

Редактор издательства *Б. О. Долгих*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

•

РИСО АН СССР № 4683. Т-09826. Издат. № 3166.
Тип. заказ № 1364. Подп. к печ. 30/XI 1951 г.
Формат бум. 70×108. Бум. л. 8,75. Печ. л. 23,97.
+8 вклеек. Уч.-издат. 24.7. Тираж 2000

Цена в пер. 23 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ П О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
102—103	Рис. 12	Составлена Р. Я. Винниковым	Составлена Я. Р. Винниковым
113	18 св.	господства в Германии, на- цизма	господства в Германии на- цизма,
121	21 *	в I—V вв.	в I—IV вв.
169	15 *	Gutenfeed	Gutenfeld
235	25 *		
	во 2 кол.	meške-īagas (медвежий мыс)	meške-ragas (медвежий мыс)
237	11 св.		
	в 1 кол.	Watulischkenr	Wartulischken
238	19 св.	paltas (белый)	baltas (белый)
	во 2 кол.		

П. Н. Кушнер